

**Подписной индекс
по Объединенному каталогу
«Пресса России» (Т. 1) 54242**

СИБИРСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 26

**Томск
2007**

УЧРЕДИТЕЛЬ

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
(факультет психологии)

Главный редактор – Г.В. Залевский

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С.А. Богомаз, Т.Г. Бохан, Э.В. Галажинский, В.Г. Залевский, В.И. Кабрин (зам. главного редактора),
О.М. Краснорядцева, Т.Е. Левицкая, Э.И. Мещерякова, О.И. Муравьева, О.В. Лукьянов,
Г.А. Финогенова (отв. секретарь)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А.Г. Асмолов (Москва), Н.А. Бохан (Томск), Л.И. Вассерман (Санкт-Петербург), Б.А. Вяткин (Пермь),
Л.Д. Демина (Барнаул), Е.Л. Доценко (Тюмень), Г.Е. Дунаевский (Томск), Г.В. Залевский (Томск),
В.П. Зинченко (Москва), В.В. Знаков (Москва), В.И. Кабрин (Томск), А.Д. Карнышев (Иркутск),
В.Е. Клочко (Томск), И.А. Коробейников (Москва), Г. Кунце (Кассель, Германия), В.С. Мухина (Мос-
ква), В.Я. Семке (Томск), С.В. Смирнова (Благовещенск), А.В. Соловьев (Москва), А.Ш. Тхостов
(Москва), К. Павлик (Гамбург, Германия), Э. Хайнекен (Дуйсбург, Германия), П. Шюлер (Марбург,
Германия), Д.В. Ушаков (Москва), Е.П. Федорова (Чита), А.В. Юревич (Москва), М.С. Яницкий
(Кемерово)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ ЗА ВЫПУСК

Г.А. Финогенова

Сибирский психологический журнал
включен в Перечень ведущих журналов и изданий,
выпускаемых в Российской Федерации,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук
по педагогике и психологии.
(Бюллетень Высшей аттестационной комиссии
Министерства образования и науки
Российской Федерации. 2007. № 1)

Адрес редакции: 634050, Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет, факультет психологии
Телефон/факс: (3822) 52-97-10
E-mail: den@psy.tsu.ru

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
СИБИРСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 26

2007 г.

Зарегистрирован Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций – Свидетельство ПИ № 77-12789 от 31 мая 2002 г.
Международным Центром ISSN (Париж) от 4 января 2003 г., печатный вариант – ISSN 1726-7080

СОДЕРЖАНИЕ

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ	6
-----------------------------	---

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

<i>Кабрин В.И.</i> НОЭТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЧЕЛОВЕКА КАК ПЕРСПЕКТИВА АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ	8
<i>Ключко В.Е.</i> СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ: СИСТЕМНЫЙ СМЫСЛ ПАРАДИГМАЛЬНОГО СДВИГА	15
<i>Вяткин Б.А., Федотов А.В.</i> СТИЛЬ БИОЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ ГОЛОВНОГО МОЗГА И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ЭЭГ	22
<i>Бохан Т. Г.</i> ФЕНОМЕН СТРЕССА В КОНТЕКСТЕ ТРАНССПЕКТИВНОГО АНАЛИЗА	27
<i>Лукьянов О.В.</i> ИДЕНТИЧНОСТЬ – ЭЛЕМЕНТ ТРАНСТЕМПОРАЛЬНОГО МИРА И ФРОНТ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ОПЫТА	31
<i>Ральникова И.А.</i> СИСТЕМНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЖИЗНЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ ЛИЧНОСТИ НА ПЕРЕЛОМНЫХ ЭТАПАХ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ	36
<i>Медынцев А. А.</i> ХАРАКТЕРИСТИКИ УСЛОВНОГО НЕГАТИВНОГО ОТКЛОНЕНИЯ ПРИ ПРОИЗВОЛЬНОМ И НЕПРОИЗВОЛЬНОМ И ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИНТЕРВАЛОВ ВРЕМЕНИ В ЗАДАЧЕ ВЫБОРА	44
<i>Кыштымова И.М.</i> ПСИХОСЕМИОТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА: ДИАГНОСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ КАТЕГОРИИ «ВРЕМЯ»	50
<i>Богомаз С.А., Тренькаева Н.А.</i> МОДЕЛЬ ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ ПО ВАРИАНТУ ГИПЕРСОЦИАЛИЗАЦИИ	55
<i>Ткаченко Г.А., Яковлев В.А.</i> ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ЛИЧНОСТИ В КРИЗИСНОЙ СИТУАЦИИ	62

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Залевский Г.В.</i> ФАНАТИЗМ КАК ПРОБЛЕМА ДУХОВНОГО ЗДОРОВЬЯ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА	66
<i>Муравьева О.И.</i> КАТЕГОРИЯ КОММУНИКАЦИИ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ СУЩНОСТИ ЧЕЛОВЕКА	70
<i>Яницкий М.С., Тулбаева Д.Н.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ВКЛЮЧЕННОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЭТНИЧЕСКОЙ ДИАСПОРЫ	77
<i>Залевский В.Г.</i> НОМО ЕСОНОМИСУС: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ	83
<i>Тудупова Т.Ц.</i> ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР В СТРУКТУРЕ НАПРАВЛЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ПОДРОСТКА	88
<i>Селезнева А.В.</i> МОЛОДЕЖЬ В СИТУАЦИИ ТРУДОВОЙ НЕЗАНЯТОСТИ: ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ И ТИПИЧНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В СИТУАЦИИ НЕУДАЧ (НА ПРИМЕРЕ РАБОТАЮЩИХ И ДЛИТЕЛЬНО БЕЗРАБОТНЫХ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ)	93
<i>Воробьева Н.А., Авилов Г.М.</i> ВЛИЯНИЕ РОЛЕВОЙ ИГРОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА РАЗВИТИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ	96
<i>Борисенко Ю.В., Белогай К.Н.</i> СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ ОТЦОВСТВА КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ФЕНОМЕНА	102
<i>Курбацкая Т.Б.</i> СОЦИАЛЬНАЯ РЕКЛАМА: АНАЛИЗ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	108

КЛИНИЧЕСКАЯ (МЕДИЦИНСКАЯ) ПСИХОЛОГИЯ

<i>Вассерман Л.И., Трифонова Е.А.</i> ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ В МЕДИЦИНЕ	112
<i>Кравцова Н.А.</i> ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОКАЗАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ДЕТЯМ И ПОДРОСТКАМ, СТРАДАЮЩИМ ПСИХОСОМАТИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ	120
<i>Богомолов А.М., Портнова А.Г.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЗАЩИТА ЛИЧНОСТИ В ПРОГНОЗЕ ПСИХИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ	126
<i>Жилина Э.В.</i> ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АУДИАЛЬНОГО ОБРАЗА КЛИЕНТА	130
<i>Заборина Л.Г.</i> ИЗУЧЕНИЕ СОСТОЯНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ И ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ПЕРЕЖИВАНИЙ У РОДИТЕЛЕЙ, ВОСПИТЫВАЮЩИХ ДЕТЕЙ-ИНВАЛИДОВ	136
<i>Бурлакова О.П., Логунцева А.Е., Пеняская А.В.</i> СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ У ПСИХИЧЕСКИ БОЛЬНЫХ В СИСТЕМЕ ПСИХОДИАГНОСТИЧЕСКИХ И КОРРЕКЦИОННЫХ МЕРОПРИЯТИЙ	141
<i>Можайкина Л.Б.</i> ИНТЕГРАЦИЯ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО И ОБУЧАЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В РАМКАХ ТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ ДИДАКТИКИ	144

<i>Хломов К.Д., Епиколопов С.Н.</i> ВЛИЯНИЕ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНЫХ И ИНДИВИДУАЛЬНО-ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ НА ТЕЧЕНИЕ БЕРЕМЕННОСТИ У ЖЕНЩИН С УГРОЗОЙ ПРЕРЫВАНИЯ	148
<i>Щелкова О.Ю.</i> ПСИХОДИАГНОСТИКА В СИСТЕМНОМ ИССЛЕДОВАНИИ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОЙ СФЕРЫ ВРАЧЕЙ АНЕСТЕЗИОЛОГОВ-РЕАНИМАТОЛОГОВ (В СВЯЗИ СО СТРЕССОГЕННЫМ ХАРАКТЕРОМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ)	154
<i>Суховершин А.В., Залевский Г.В.</i> КУРОРТНАЯ ПСИХОТЕРАПИЯ: ИСТОРИЯ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ КУРОРТА БЕЛОКУРИХА)	161

ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Красноярцева О.М.</i> ДЕФОРМАЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНО-УСТАНОВОЧНОГО РЕАГИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ КАК ДЕСТРУКТИВНЫЙ ФАКТОР ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ	166
<i>Прозументова Г.Н., Малкова И.Ю.</i> ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТА СОВМЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЕКТИРОВАНИИ	170
<i>Козлова Н.В.</i> РИГИДНОСТЬ КАК ОБЩЕСИСТЕМНОЕ СВОЙСТВО, ОПРЕДЕЛЯЮЩЕЕ ПРЕДПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ОБРАЗ МИРА СТУДЕНТОВ	175
<i>Серый А.В.</i> ТРЕНИНГОВОЕ ОБУЧЕНИЕ В ВУЗЕ КАК УСЛОВИЕ ИНТЕРНАЛИЗАЦИИ СМЫСЛА БУДУЩЕЙ ПРОФЕССИИ	181
<i>Семенова Е.А.</i> ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ЕГО СТАНОВЛЕНИЯ	186

КОНФЕРЕНЦИИ, СИМПОЗИУМЫ, СЕМИНАРЫ

Информация об участии в работе IV Всероссийского съезда Российского психологического общества	191
---	-----

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ СОБЫТИЯ

<i>Логина Н.А.</i> Б.Г. АНАНЬЕВ – ВЫДАЮЩИЙСЯ УЧЕНЫЙ И ЯРКАЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ	193
<i>Кабрин В.И.</i> «Б.Г.» – ЧЕЛОВЕК НОЭТИЧЕСКИЙ	198

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Валерию Ивановичу Кабрину – 60	200
--------------------------------------	-----

ИНФОРМАЦИЯ

Из диссертационных советов	201
Информационное письмо	202
Наши авторы	203
Правила оформления материалов для публикации в «Сибирском психологическом журнале»	207

CONTENTS

ADDRESS TO READERS	6
--------------------------	---

GENERAL PSYCHOLOGY AND PSYCHOLOGY OF THE PERSON

<i>Kabrin V.I.</i> NOETIC POTENTIAL OF MAN AS A PROSPECT OF ANTHROPOLOGICAL PSYCHOLOGY	8
<i>Klochko B.E.</i> MODERN PSYCHOLOGY: A SYSTEM SENSE OF A PARADIGM SHIFT	15
<i>Vjatin B.A., Fedotov A.V.</i> STYLE OF BIOELECTRIC ACTIVITY OF A BRAIN AND ITS REFLECTION IN EEG	22
<i>Bokhan T.G.</i> PHENOMENON OF STRESS IN A CONTEXT OF TRANSPECTIVE ANALYSIS	27
<i>Lukyanov O.V.</i> IDENTITY AS AN ELEMENT OF TRANSTEMPORAL WORLD AND THE FRONT OF EXISTENTIAL EXPERIENCE	31
<i>Ralnikova I. A.</i> SYSTEM TRANSFORMATION OF PERSONALITY'S LIFE PROSPECT CONCEPT AT LIFE JOURNEY	36
<i>Medincev A.A.</i> CONTINGENT NEGATIVE VARIATION DURING CONSCIOUS AND UNCONSCIOUS ESTIMATION OF TIME INTERVALS IN A CHOICE REACTION TIME TASK	44
<i>Kyshtymova I.M.</i> PSYCHOSEMIOTIC ANALYSIS OF THE TEXT: DIAGNOSTIC MEANING OF «TIME» CATEGORY	50
<i>Bogomaz S.A., Trenkaeva N.A.</i> MODEL OF GIPERSOCIALISATION PERSONAL DEVELOPMENT IN YOUTH	55
<i>Tkachenko G.A., Yakovlev V.A.</i> VALUE ORIENTATIONS PERSONALITY IN CRISIS SITUATION	62

SOCIAL PSYCHOLOGY

<i>Zalovsky G.V.</i> FANATISM AS A PROBLEM OF SPIRITUAL HEALTH OF PERSON AND SOCIETY	66
<i>Muravjeva O.I.</i> CATEGORY OF COMMUNICATION IN THE SOLUTION OF HUMAN BEING ESSENCE PROBLEM	70
<i>Yanitsky M.S., Tulbaeva D.N.</i> PSYCHOLOGICAL DETERMINANTS OF THE TAKING PART IN THE ETHNIC ACTIVITY	77
<i>Salevsky V.G.</i> HOMO ECONOMICUS: ANTHROPOLOGICAL CONTEXT OF ECONOMICAL REALITY	83
<i>Tudupova T.</i> ETHNOPSYCHOLOGICAL FACTOR IN THE STRUCTURE OF TEENAGER PURPOSEFULNESS	88
<i>Selezneva A.V.</i> YOUTH UNEMPLOYMENT – PERSONAL CHARACTERISTICS AND TYPICAL BEHAVIOR SITUATIONS	96

<i>Vorobyova N.A., Avilov G.M.</i> FEATURES OF INFLUENCE OF ROLE PLAY GAME ACTIVITY ON THE DEVELOPMENT OF COMMUNICATIVE ABILITIES OF A PERSON	96
<i>Borissenko J.V., Belogai K.N.</i> THE DEVELOPMENT SPECIFICATION OF THE PSYCHOLOGICAL PHENOMENON	102
<i>Kurbatskaya T.B.</i> SOCIAL ADVERTISEMENT: THE ANALYSIS OF PSYCHOLOGICAL SAFETY	108

CLINICAL (MEDICAL) PSYCHOLOGY

<i>Wasserman L.I., Trifonova E.A.</i> METHODOLOGICAL ISSUES IN QUALITY OF LIFE RESEARCH IN MEDICINE	112
<i>Kravtsova N.A.</i> THEORETICO-METHODOLOGICAL ASPECTS OF BRINGING PSYCHOLOGICAL HELP FOR CHILDREN AND TEENAGERS WITH PSYCHOSOMATIC DISORDERS	120
<i>Bogomolov A.M., Portnova A.G.</i> PSYCHOLOGY DEFENSE OF A PERSONALITY IN THE PROGNOSIS ADAPTATION	126
<i>Zilina E.V.</i> PROFESSIONAL FEATURES OF CALLER'S AUDIBLE IMAGE	130
<i>Zaborina L.G.</i> RESEARCH OF MENTAL TENSION STATE AND EMOTIONAL EXPERIENCE CHARACTER OF PARENTS BRINGING UP HANDICAPPED CHILDREN	136
<i>Burlakova O.P., Loguntseva A.E., Penyavskaya A.V.</i> COMPARATIVE ANALYSIS OF C MENTALLY DISEASEDES COPING-STRATEGIES STRUCTURE IN SYSTEM OF PSYCHODIAGNOSTIC AND PSYCHOCORRECTION	141
<i>Mozheikina L.B.</i> INTEGRATION OF UPBRINGING AND LEARNING EFFECT IN CONTENT OF THERAPEUTIC DEDUCTION	144
<i>Khlokov K.D., Enikolopov S.N.</i> INFLUENCE OF PSYCHO-EMOTIONAL AND INDIVIDUAL CHARACTERISTICS ON THE COURSE OF PREGNANCY IN WOMEN WITH THREATENED MISCARRIAGE	148
<i>Shchelkova O.Yu.</i> PSYCHODIAGNOSTICS IN THE SYSTEM RESEARCH OF THE EMOTIONAL-PERSONAL SPHERE OF THE ANAESTHESIOLOGISTS (IN CONNECTION WITH THE STRESS CHARACTER OF THEIR ACTIVITY)	154
<i>Sukhovshin A.V., Zalevsky G.V.</i> THE HISTORY OF FORMATION OF PSYCHOTHERAPY ON BELOKURIKHA'S RESORT	161

PSYCHOLOGY OF EDUCATION

<i>Krasnorjadtseva O.M.</i> DEFORMATION OF PERSONALITY EMOTIONAL-ATTITUDINAL REACTION AS THE DESTRUCTIVE FACTOR OF PROFESSIONAL BEHAVIOR	166
<i>Proshmentova G.N., Malkova I.Y.</i> THE PROBLEM OF COOPERATIVE ACTIVITY SUBJECT IN EDUCATIONAL PROJECTING	170
<i>Kozlova N.V.</i> RIGIDITY AS THE SYSTEM-WIDE PROPERTY, WHICH DETERMINES THE PREPROFESSIONAL IMAGE OF THE STUDENTS WORLD	175
<i>Seriy A.V.</i> TRAINING EDUCATION AS THE CONDITION OF INTERNALIZATION OF MEAN OF FUTURE PROFESSION IN HIGHER EDUCATIONAL ESTABLISHMENT	181
<i>Semenova E.A.</i> PROFESSIONAL CONSCIOUSNESS AND PSYCHOLOGICAL MECHANISMS OF ITS BECOMING	186

CONFERENCES, SIMPHOSIUMS, SEMINARS

Informations on table parting in the VI Congress of Russia Psychological society	191
--	-----

IMPORTANT EVENTS

<i>Loginova N.A.</i> B. ANANIEV – A MAN OF MARK AND A BRIGHT INDIVIDUALITY	193
<i>Kabrin V.I.</i> «B.G.» – PERSON NOETIC	198

THE PEOPLE, CELEBRATING THEIR JUBILEE

Valeriy Ivanovitch Kabrin – 60	200
--------------------------------------	-----

INFORMATION

About the dissertation councils	201
A letter of information	202
Our avtors	203
Rules of registration of materials in SPM	207

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ, ДРУЗЬЯ!

Настоящий выпуск «Сибирского психологического журнала» (№ 26) выходит в преддверии ряда знаменательных событий. Я не имею в виду выборы в Государственную думу России, событие в масштабе целого государства, а события более скромного порядка, но очень важные для психологического сообщества страны, особенно Сибири и города Томска, – 10-летний юбилей факультета психологии Томского государственного университета, который будет отмечаться в дни 2-го Сибирского психологического форума – 30 ноября – 1 декабря 2007 г.

10 лет – это как будто не очень серьезная цифра, но судить, видимо, нужно по тому, что сделано в этот, казалось бы, короткий период жизни факультета. Не буду перечислять все достижения. Отмечу, на мой взгляд, основное:

- консолидация научно-преподавательских сил высшей квалификации – 7 докторов психологических наук, профессоров и 13 кандидатов психологических наук, доцентов плюс 7 докторов и кандидатов медицинских наук, а также 14 докторов и кандидатов педагогических, философских, исторических и биологических наук; более того, в общем числе докторов наук и три члена государственных Академий РФ, так что по этому показателю мы уступаем, пожалуй, лишь ФП МГУ. Следует подчеркнуть, что основной состав этих кадров – ученые, выращенные в Томске, научные достижения которых позволяют говорить о томской психологической школе, что, собственно, признано психологическим сообществом не только Сибири, но и России;

- решение кадрового вопроса на факультете обеспечило прежде всего открытие аспирантуры, докторантуры и, конечно, двух специализированных советов по защите кандидатских и докторских диссертаций по психологическим наукам; всего защищено 35 кандидатских и 6 докторских диссертаций, из них 4 томиками;

- наличие кадров высшей квалификации дало возможность расширить спектр кафедр – всего их 6 (из них 4 психологические) – и специальностей, как психологических, например впервые в Томске начали подготовку клинических психологов, так и непсихологических, но с сильным психологическим основанием – управленцев, пиаровцев и специалистов по работе с молодежью; число студентов выросло от 50 человек первого набора на факультет до 645 сегодня, а если учесть и очно-заочную форму обучения, эта цифра выглядит вполне солидно – 2338 студентов;

- выпуск профессионального «Сибирского психологического журнала», включенного в 2007 г. в ВАКовский перечень ведущих научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты не только кандидатских, но и докторских диссертаций; кстати, за более чем десятилетний период существования журнала в нем было опубликовано свыше 300 статей, авторы которых представляют очень широкую географию – от Дальнего Востока до Санкт-Петербурга и далее до Германии;

- определение факультета представителем УМО университетов по психологическим наукам;

- за десять лет существования факультета его сотрудниками опубликовано свыше 500 статей в изданиях разного уровня, издано 25 монографий, сборников и учебных пособий, в том числе и совместно с учеными Института психологии РАН и др.

Есть и другие достижения, есть и большие перспективы развития факультета. Одним из достижений коллектива факультета можно считать организацию на его базе таких масштабных профессиональных мероприятий, как Сибирские психологические форумы. Прошло 2 года после проведения 1-го Сибирского психологического форума. Итоги его работы положительно оценены региональным и российским психологическим сообществом. Было принято решение сделать такие форумы традиционными и организовывать их каждые два года в промежутке между съездами психологов России, которые проводятся каждые четыре года. Кстати, наш очередной форум проходит после IV съезда психологов России, своими впечатлениями о нем делятся на страницах журнала томищи – активные участники съезда, на котором они были соруководителями ряда симпозиумов, круглых столов, вели мастер-классы, читали вечерние лекции, что явилось признанием их достаточно высокого научного авторитета психологами-коллегами.

2-й Сибирский психологический форум будет посвящен теме «Психологическое исследование: теория, методология и практика». Это одна из актуальнейших проблем современной психологии, особенно если иметь в виду, во-первых, если и не очередной психологический кризис, то «методологическое брожение», в котором преобладают «методологические эмоции» (А.В. Юревич); во-вторых, интенсивное накопление, как говорил поэт, огромного количества «руды» (диссертаций, научных отчетов и пр.) и очень мало «радия», т.е. нового психологического знания; в-третьих, это проблема психологического образования; как показывает опыт подготовки и проведения научных исследований разного уровня – от курсовых работ до диссертационных исследований – методологическое знание представляет собой самое слабое звено в системе психологического образования. Отсюда недостаточная методологическая грамотность психологов-исследователей и трудность осмысления практиками своего опыта, пренебрежение «всякими теориями», а в-четвертых, нарастание разрыва, «схизиса» между наукой и практикой.

Надо сказать, что решение о проведении психологического форума на теоретико-методологическую тему на базе психологического факультета ТГУ было принято еще и потому, что его учеными немало сделано в этом направлении и есть что предложить своим коллегам, разумеется, и не бесспорного, дискуссионного, например: «Транскоммуникативный подход как постнеклассическая методология психологических исследований» (В.И. Кабрин), «Теория психологических систем» (В.Е. Клочко), «Акциональная структурно-уровневая теория фиксированных форм поведения и концепция избыточной устойчивости индивидуальных и групповых систем» (Г.В. Залевский) и многое другое, что нашло отражение и в материалах данного выпуска журнала.

Члены редакционного совета и редколлегия журнала поздравляют сотрудников и студентов факультета психологии ТГУ с юбилеем, желают им дальнейших творческих успехов с сохранением и укреплением всех видов здоровья, а также желают успеха всем участникам 2-го Сибирского психологического форума и Психологического молодежного фестиваля, проведение которого приурочено к этим двум знаменательным событиям в жизни коллектива факультета психологии и всего коллектива Томского государственного университета.

Главный редактор

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

НОЭТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЧЕЛОВЕКА КАК ПЕРСПЕКТИВА АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

В.И. Кабрин (Томск)

Аннотация. Рассматривается проблема самоопределения в профессиональной психологии. Предлагается развитие нередуктивной психологии на основе понятий ноэтической коммуникации, метанойи, ценностно-коммуникативного мира, постметодологической схемы исследований и практик.

Ключевые слова: ноэтическая коммуникация, метанойя, ценностно-коммуникативный мир, постметодология.

До сих пор в профессиональной психологии (академической и практической) слабо рефлексирована иллюзорная дихотомия естественно-научного и гуманитарного знания, в частности «объяснительной» и «описательной» психологии, количественного и качественного анализа душевных явлений. Отсутствие целостного холистического подхода к психологической проблематике усугубляется сохранением медицинского и обывательского предрассудка: несчастную Психею до сих пор считают состоящей из *механизмов*, да еще таинственно замурованной в первом позвонке скелета человека. Научная общественность удивительно благосклонно принимает эту фантастическую гипотезу как постулат, не требуя вещественных доказательств. Даже нерелевантные, но наукообразные методы психологии выглядят внушительнее, чем реальный диалог с реальной непредсказуемой и капризной Психеей. Но именно рефлексия и анализ такого общения приведут к качественно новому проекту эффективной профессиональной психологии. Для этого сначала надо избавиться от основных методологических иллюзий.

Преодоление общенаучной иллюзии. В самой реальности не существует искусственных границ и бессмысленного разрыва естественного и гуманитарного научного знания. Оно едино по своей природе: научная ясность (выяснение и объяснение и т.п.) в любой сфере знания открывается в элементарном и универсальном процессе *идентификации*, или, точнее, *измерении подобного подобным*. В психологии релевантным данному общенаучному принципу является человеческая коммуникация (душевное проявление человека может быть соразмерно или подобно только душевному проявлению другого человека через интуицию, эмпатию, децентрацию, смысловую репрезентацию в процессе их межличностной коммуникации). По сути, это ведет к созданию общей коммуникативной парадигмы профессиональной психологии.

Преодоление традиционной психологической иллюзии. До сих пор источнику душевной жизни безосновательно приписывается *телесное* начало (нейрон-

ное, мозговое, энцефалопатическое и т.п.), несмотря на многократные предостережения признанных западных классиков (не говоря уже о восточных) о существенном и потенциальном несовпадении размерностей и масштабов физического и собственно *психического – времени, пространства, информации, энергии*. Лишь практическая рефлексивная коммуникация позволит постигнуть реальную безграничность душевных трансформаций (временных, пространственных, информационных, энергетических) в целостном психологическом мире и потенциале человека. Поэтому профессиональная психологическая коммуникация становится центральным методом работы с психологическим потенциалом человека.

Когда говорят о взаимодействии экспериментатора и испытуемого, интервьюера и респондента, на самом деле во всех случаях общаются *психолог с «психологом»*. Если быть более точным, то в любой исследовательской экспериментальной практической ситуации профессиональный психолог общается с житейским психологом. Хорошо, если это происходит в едином культуральном метакоммуникативном контексте. Хотя чаще культурно-профессиональные контексты партнеров бывают качественно различны, а как показано в наших предыдущих работах, полноценное общение здесь может базироваться только на транскомуникативных процессах [5, 8]. В то же время очень редко можно встретить комплексный многомерный контроль за коммуникативными переменными в лабораторном, полевом и формирующем экспериментах. Если научиться работать с основными переменными и аспектами исследовательских и тренинговых коммуникативных ситуаций, то можно увидеть перспективу развития коммуникативной методологии в психологической науке [12]. Но этот высокий уровень может быть реализован (если будет реализован) в общении только самих профессиональных психологов.

Сформированные в середине прошлого столетия психолого-антропологические подходы уже требуют полноценного межпрофессионального диалога [10, 11, 14]. Соб-

ственно антропологическая психология как одно из последних направлений гуманитарной науки с неизбежностью требует более развернутых представлений о человеческой метакоммуникации, транскомуникации и ноэтической коммуникации в соответствии с ориентацией на высшие трансцендентные ценности человека [9, 18, 20, 21]. Следовательно, где физики говорят о взаимодействии, а инженеры о механизмах, психологи обязаны не «механически» заимствовать эти конструкты, а углубиться в практику смыслотворческого общения, превращая его в практический инструмент раскрытия и актуализации психологического потенциала человека в различных профессиональных и жизненных контекстах.

Тогда сама собой отпадает необходимость в еще одной искусственной дихотомии – разделении методологии, теории и практики. Методология вне практического контекста – фикция, так же как практика без методологии (излюбленный миф «интуитивных» практических психологов). Естественная душевная гармония содержится в первородном коммуникативном акте рождения самого человека. Поэтому транскомуникабельная «душа-Психея» ищет и иногда находит *гармонию соответствия* духовного, душевного и телесного миров трансцендирующего человека. Универсальная задача профессионального психолога – эффективная поддержка в осуществлении этой гармонии, т.е. в развитии транскомуникабельности психологического потенциала.

Именно в рамках такого подхода обнаруживается достаточно полноценное пространство деятельности профессионального психолога по раскрытию психологического потенциала человека в любых жизненных и профессиональных контекстах. В такой ситуации исчезает неизбежность работы психолога на «чужих профессиональных территориях».

На самом деле у нас уже есть все методологические и даже постметодологические основания осмыслить все основные и наиболее тонкие грани душевной жизни человека, если мы поймем метакоммуникативный и ноэтический планы его существования. Речь идет о глобальном холистическом *духовном* плане существования человека, где его жизненный мир открыто граничит с сокровенным трансцендентным *таинственным*. Видимо, человеческий страх перед этим *сверхъестественным* настолько естествен, что сами профессиональные психологи очень неохотно берутся всерьез разрабатывать эту сферу.

В то же время мы имеем примеры эффективной холистической, трансперсональной, ноэтической психотерапии, существующей в будто бы непересекающихся мирах. Если последовательно применить метакоммуникативную парадигму, можно получить достаточно целостную и динамичную картину всех граней духовно-душевной жизни человека, которую

стоило бы использовать в работе с психологическим потенциалом в разных социокультурных контекстах, оставаясь на суверенной профессиональной территории. Действительно, если под метакоммуникацией принято понимать единое пространство диалога, то высшей ее формой будет диалог с Высшим существом, с которым издревле в культурах связывают высшие духовные ценности – *добро, истину, красоту, тайну*. Специфика этих ценностей в том, что они содержат осязаемый трансцендентный фактор. Метакоммуникацию именно этого уровня можно назвать собственно *ноэтической*. Этот тип коммуникации реализуется, возможно, в самом мощном человеческом духовном движении – *метанойе* [2]. Такое пиковое переживание проявляется обычно в единстве таких граней, как *интуиция, вдохновение, воодушевление, откровение, покаяние, прощение, просветление, благодать*. Креативный заряд такого спектра состояний имеет для человека стратегический долговременный эффект, прочувствованный «каждой клеточкой тела». Холистичность такой духовной жизни переживается здесь вполне естественно.

В свое время мы выделили основные транскомуникативные лучи этого сложного переживания – катарсис, импринтинг, экстаз, инсайт [5, 6]. Имея в виду мгновенность этого процесса (он выглядит как красивый аттрактор или цветок лотоса), его можно назвать *микроноззисом*. Если предполагать также, что одна из центральных характеристик духовного мира – близость или единство мгновенного и вечного, рассмотренное выше состояние метанойи охватывает, по сути, то, что можно назвать *макроноззисом*. Смысл макроноззиса, определяющего смысл жизни человека в целом, задается переживаниями метанойи, которая также может быть конкретизирована с точки зрения вызревания ее стадий, уровней, векторов. В этом контексте проще всего выделяются четыре возрастные стадии:

- *протоноя* – колыбель духа, в которой рождается ребенок, называемая обычно одаренностью;
- *ортоноя* – формирующаяся в процессе жизни традиционная нормативная структура разума (основание разумной жизни);
- *параноя* – интуитивно радостно или мучительно переживаемое призвание, ведущее за границы традиций, норм, стереотипов, открывающее смысл свободы;
- *метаноя* – открываемое высшее предназначение; сопровождается ранее рассмотренными переживаниями и представляет собой главную метаморфозу жизни [5].

Представленные здесь векторы, или лучи, макроноззиса достаточно легко осмысливаются и диагностируются в биографическом анализе как основные вехи или стадии жизни. С ними также ассоциируют-

ся известные концепции возрастной психологии (Э. Эриксон и др.) и соответствующая динамика развития основных душевных процессов и психической организации в целом [3].

Однако здесь хочется подчеркнуть два принципиальных момента. Во-первых, не случайно здесь говорится не просто о стадиях, а о лучах-векторах. С точки зрения холистического подхода целостность духовно-душевной жизни человека существует в их одновременном единстве, т.е. протоной изначально «чревата» метанойей. Прохождение человека через паранойю или достижение метанойи не лишает его протоной (то, что в жизни называется «не душишь в себе ребенка»). Следовательно, можно говорить лишь о динамике смены доминант во всех лучах одновременно (опять всплывает аналогия с хорошим аттрактором, гештальтом, лотосом).

Во-вторых, если мы говорим о фазовом, уровне духовном развитии человека, то траектория его развития в удачном случае должна выглядеть скорее как экспонента. При естественном возрастном увядании организма (низших психических функций) может продолжаться интенсифицироваться духовный рост человека. Это соответствует, в частности, концепции Б.Г. Ананьева о двух контурах регулирования развития человека в онтогенезе – вертикальном и горизонтальном. Под вертикальным контуром регулирования имеется в виду система спинного мозга, управляющая иерархией простейших сенсомоторных функций. Горизонтальный, или билатеральный, контур регулирования развивается на основе формирования межполушарных связей коры головного мозга в связи с развитием высших психических функций. В рамках этой концепции оказывается, что в то время как низшие психические функции по вертикальному контуру регулирования регрессируют уже в достаточно молодом возрасте, высшие психические функции, развиваясь на основе межполушарного взаимодействия, могут развиваться интенсивно довольно долго, все более компенсируя регресс по вертикальному контуру.

Следовательно, в рамках этой концепции на психофизиологическом уровне сделана попытка понять общее психологическое развитие человека как постоянно возрастающее за счет вышеуказанных трансформаций соотношения разных контуров регулирования [1]. Близкие идеи высказаны Ч. Пирсом [15]. Знаменательно, что и Б.Г. Ананьев и Ч. Пирс подтверждают эти гипотезы своей жизнью.

Здесь не ставится задача подробного развертывания рассмотренных моделей микро- и макрооззиса, охватывающих основные нюансы человеческой жизни. Следует лишь подчеркнуть, что представленные процессы микро- и макрооззиса синхронистичны и существуют один через другой. Это позволяет

говорить о целостности и возможной полноте жизни человека в каждый данный момент.

Чтобы перейти от общих представлений о нозитической природе душевной жизни человека к соответствующей обновленной парадигме ее исследований, уместно освободиться от известного «психофизиологического мифа» происхождения души, долго утверждавшегося традиционной психологией.

Психофизиологический миф нескольких столетий о том, что именно мозг рождает образы, мысли, чувства, как печень выделяет желчь, постепенно превратившись в аксиому «материалистической психологии», так и не смог претерпеть ни одну верификацию. Король оказался голым. «Внутри нас» ни в одном органе тела нет никаких образов, мыслей, чувств. Но душевная реальность существует. Тогда как же существует эта реальность? Вот здесь мы и возвращаемся к нозитическому лучу древней мудрости. Истина или что-то близкое к ней – всегда проста. Если мы понимаем, что бесполезно искать наш тонкий мир в наших внутренностях, то почему бы по древнему обычаю не попробовать наоборот? Не образы, эйдосы... внутри нас, а мы внутри эйдосов. Нужна порция скромности, чтобы признать (после хронической мегаломании), что мы не самая совершенная реальность Вселенной; что вокруг нас незримые тонкие оболочки эйдетических сфер. Правда, то, в каких образах мы будем пребывать, зависит от нашего состояния, «настроения души» и т. д. Синхронистичность тонких миров поддерживается симпатией, тропностью, резонансом. Древнейшая профессия актера – быть в образе. Кстати, эту «тонкую мысль» постоянно пытаются донести дети взрослым, сопротивляясь их «правильности». Эйдетическая природа душевной жизни человека, так ярко заявляя себя в искусстве, сновидениях, аутогенной тренировке, медитации, воображении, удивительно трудно ассимилируется академической психологией. Может быть, все дело в дисциплинированном отношении к «узаконенным» методологическим принципам?

В таком контексте можно поставить вопрос и о *постметодологии*. Это понятие может характеризовать новое знание, которое было обозначено как трансперсональное, нозитическое, трансцендентальное, явно ориентированное на преодоление традиционных форм редукционизма, считавшихся неизбежными для науки. В этом плане можно предположить, что феномен транскомуникации, применительно к психологическому научному исследованию, можно обозначить как *транскомуникативный подход в русле постметодологии*. Стоит уточнить, что сама проблема постметодологии связана с поиском преодоления неизбежного редукционизма любых методологий, традиционно реализующихся в методах, призванных поддерживать иллюзию объектива-

ции. В результате укореняется схема традиционной методологии, которая выглядит неизбежной: методология – метод – отражение – объективация.

Вспомним простое забытое: физика оказалась в авангарде наук, научившись «мерить подобное подобным». А психологии пришлось искать изощренное решение такой задачи на основе теорий изоморфизма, чтобы придумать наукообразное *моделирование* психических процессов [4]. Конечно, лучше работать с тестами не просто как с процедурами или технологиями, но как с *моделями* «черного ящика» – души. Это кибернетическая версия.

Однако столь опосредованный маневр «действия в обход» не снимает проблему *аутентичности* и *релевантности* получаемой информации. «Подобное – подобным!» – возвращается к нам сейчас уже как научный укор. Что может быть «подобным» измерителем души? Очевидно, душа другого человека или своя собственная. Как это возможно? Загадочная способность души понимать самую себя и душу другого – это для нас ценнейшая зацепка. Традиционно это давно формулировалось как «рефлексия» и «децентрация». До сих пор научное проникновение в эти процессы было слабым. Посмотрим на это сквозь призму транскommunikативного подхода. Общась, мы действительно выходим за пределы себя, т.е. *транскоммуницируем*, но происходит это эйдетически, ментально, ноэтически. При этом коммуникация и тем более транскоммуникация – это общение душ. Только преодоление конвенциональных трафаретов, в которых закована традиционная коммуникация, приводит нас к более аутентичной экзистенциальной коммуникации и далее – к *транскоммуникации*, которая уже открыта «трансперсональной реальности» [25].

В предыдущих работах мы описали иллюзорность конвенциональной коммуникации, порождающей у человека множество психологических проблем [7].

Здоровье и личностный рост фактически являются результатами транскоммуникабельности тела – души – духа. Повторимся, транскоммуникация – это выход за любые трафареты, нормы, схемы, парадигмы. Выходит, чтобы избавиться от фатальной редукции, необходимо выйти за рамки метода и методологии, снабжающих нас спасительными процедурами и определенными схемами интерпретаций. Получается, что если я описываю свой уникальный опыт (импринтинг) своим вербально-невербальным языком другому или себе, я решаюсь на наименьшую редукцию. В этом смысле транскоммуникация дает нам *непредвзятый уникальный опыт друг о друге и нечто уникальное третье* – наше общее как результат взаимного преодоления барьеров.

Таким образом, мы делаем первые шаги в постметодологию, где сталкиваемся с кардинальным вопросом – как сохранить для *интегральной психологии*

нередуктивный опыт, появляющийся в транскоммуникации [19]. Прежде всего, стоит избавиться от комплекса неполноценности относительно обязательно объективации. Понять или смириться с тем, что «субъективная реальность» может как-то «отражаться» только в «субъективной реальности». А это опять же возможно только в транскommunikативном процессе. Поскольку в отличие от обычной коммуникации, где укрепляются конвенции, нормы, стереотипы, транскоммуникация явно тяготеет к *метафорам*, содержащим переносный смысл, т.е. по-сути *транс-смысл*. Часто именно по метафорам и юмору в живом общении можно уловить моменты перехода в транскommunikативные состояния. Отсюда вытекает переосмысление известного факта, акцентированного в свое время Г. Олпортом, что художественная литература пока лучше описывает живую психологию живого человека, чем научная психология. Эстетика транскоммуникации, в частности психолога и клиента, могла бы стать нередуктивным материалом психологических описаний. Что-то близкое можно наблюдать в свободных описаниях «психологических историй» и И. Ялома [22–24].

При этом остается и *проблема сохранения научности на постметодологическом уровне*. Конечно, соблазнительно с точки зрения простых критериев наукообразия свести душу к «психике», а последнюю к поведению. Что касается естественных наук, прогресс здесь очевиден. Например, если в конце XIX в. мозг ассоциировался с телефонным коммутатором, в XX – с компьютером, то в XXI микробиологи допускают сравнение с микрокомпьютером *отдельного нейрона*. Тогда какое же «Интернет-пространство» могут образовывать миллиарды нейронов с триллионами их потенциальных связей? Таким образом, древняя метафора – человек как микрокосм подобен космосу, уже подтверждается физиологически. Но это только физиологический уровень. С точки зрения холистического ноэтического подхода тело – это «конденсат» и «проводник» более тонких духовных N-мерных свойств универсума, которыми во многом потенциально обладает душа. Однако человек, развивая свое *личностное измерение* и Я-концепцию, не часто осознает безграничность или свободу душевного процесса в отношении основных физических ограничений, на которые неизбежно обречено его тело. Здесь обнаруживаются кардинальные *различия между физической и психической энергиями, информацией, пространствами и временами*.

Трансцендентальный характер этих аспектов душевной жизни, начиная с древних мудрецов, с какой-то неотвратимой регулярностью отмечается мыслителями всех эпох, вплоть до современной трансперсональной психологии. Однако простую емкую систему их анализа мне обнаружить не удалось. В своих последних работах я попытался свес-

ти их в единую схему на основе теории транскоммуникации [5]. Сделаем некоторую конкретизацию, важную для данного раздела.

Так, по *нисходящему лучу* транскоммуникации (катарсис) психическая энергия обнаруживает свою *первичность*, или предшествование физической, телесно-энергетической динамике (идеомоторный акт, аутотренинг и др.).

По *импрессивному лучу* транскоммуникации (импринтинг) обнаруживается латентность, сокровенность, *недостигаемость* душевной информации по сравнению с информацией физической [4, 17]. Не только студентам, но и профессионалам трудно принять простой «коан»: где находится образ, мысль, чувство и т.п.? – нигде не находится! (в системе координат – измерений физического универсума).

По *экспрессивному лучу* транскоммуникации (экстаз) обнаруживается безразмерность или *сверхразмерность* психологического пространства (мотивационного, воображаемого, мысленного...) в отличие от пространства физического.

По *восходящему лучу* транскоммуникации (инсайт) обнаруживается собственно *трансцендентность* психологического времени (взаимной трансформации прошлого, настоящего, будущего и чувство вечности) по сравнению с «измеряемым» физическим временем.

Для получения опытного знания об этих особых психологических степенях свободы мною был разработан специальный *ноэтический практикум*, основанный на трансовых состояниях [5]. Транс – это сквозное базисное корневое свойство души (об этом догадывался З. Фрейд, имея в виду первичное «океаническое чувство» младенца). Однако до сих пор понятие транса не прописано даже хрестоматийно не только в отечественных словарях, но и в относительно новой психологической энциклопедии [16]. В лучшем случае приводится слишком узкая его интерпретация в рамках практики гипноза. (Зато вместо универсального психологического феномена транса во всех психологических словарях присутствует важный «психологический» термин – транквилизатор.) Поэтому радикальную психику ребенка (какая она у самого ребенка) мы до сих пор понимаем слишком по-взрослому, эгоцентрично и поверхностно.

Получается, что методологически ориентированная психология, с трудом проникая в базовые психические процессы (транс), испытывает серьезные затруднения, избегает исследований и наиболее сложных свойств *духовной психологии просветленного человека*. Это я и рассматриваю как прямое следствие «методологизма», заимствованного психологией у слишком «иных» наук. Вот почему, например, ноэтический практикум, в котором участники обнаруживают свойства души, совершенно не соответствующие принято-

му в науке детерминизму, я рассматриваю в качестве *постметодологической практики*. Ибо мне неизвестны другие науки (кроме психологии и теологии), где бы трансцендентальный фактор оказывался более значимым, чем другие. Поразительно, как этот факт чаще всего игнорируется основными психологическими школами, кроме трансперсональной.

Постметодология, сохраняющая научность, – это так или иначе достижение ясности. Иначе оккультизм. Этот критерий, по сути, объединяет все более конкретные требования верификаций классической, неклассической и постнеклассической науки. В постметодологии можно увидеть даже возвращение к зерну научности – подобное познавать подобным. В сфере психологии это реализуется в очень простом, вроде бы давно известном принципе симпатии, тропности, т.е. сознание релевантно познается сознанием; душа – душой; переживание – переживанием (эмпатия).

Таким образом, основные транскоммуникативные лучи, проявляющиеся в «пиковых переживаниях», обнаруживают универсальное стратегическое значение для нередуктивного понимания душевной жизни в целом (между зачатием и смертью) [13]. На этом макроуровне им соответствуют *ноэтические сезоны душевной жизни* (от протоной к метанойе). Такая *схема* (не модель, не структура и т.п.) сезонов жизни человека, в отличие от традиционных моделей «взлета – падения», выглядит как экспоненциальная функция духовного роста, который может набирать скорость вплоть до конца жизни человека. Эта схема уже внутри себя содержит *ориентацию на нередуктивность духовного становления человека* и в этом смысле может стать основой развития соответственно нередуктивных подходов постметодологического плана, в качестве одного из которых я рассмотрел транскоммуникативный подход.

В контексте этого подхода постметодологическая схема исследования выглядит так:

- интуитивное понимание предмета исследования (душевного в ином измерении) на основе синтеза вербально-невербальных и понятийно-метафорических средств в более широком семиозисе;
- непосредственная релевантность теории предмету исследования (аутентичная синтонность теории и предмета);
- создание транскоммуникативной ситуации, непосредственно релевантной теории и предмету;
- инициирование транскоммуникативного процесса, соответствующего ситуации, теории и предмету.

Предполагается, что реализация этой схемы может привести к получению нередуктивного релевантного аутентичного психологического знания.

Такая постметодологическая схема может быть естественно конкретизирована в критериальную модель ценностно-коммуникативного мира как мо-

дель практической работы с макрохарактеристиками психологического потенциала человека. Она может выглядеть следующим образом:

А. *Нозетический уровень* – ценность духовной стресс-транс-формации (преображение, «рождение в духе»):

а) *метанойя* – преображенное, просветленное, благоговейное, вдохновенное принятие жизни и сопричастности универсуму;

б) *паранойя* – освежающая ценность стихии, время экстрима, болезненных преодолений формальных ограниченностей жизни, прорывов в свободное творчество;

с) *ортонойя* – ценность ясности, определенности и правильности сознания, чувств и разума;

д) *протонойя* – ценность чистоты, открытости, первородности, неповторимости впечатлений, образов, чувств.

В. *Уровень транскомуникативных переживаний* – пиковые душевные переживания как ценности:

а) *жажда инсайта* – хотя бы на уровне оргазма или чувства юмора;

б) *возможность экспрессии* – свободное экстенсивное самовыражение вплоть до экстаза;

с) *жажда впечатлений* – возможность импринтинга и острых ощущений;

д) *возможность катарсиса* – очищающий транс.

С. *Уровень коммуникативных ценностей*:

а) ценность *дружбы – любви* (в отношениях);

б) ценность *доверия* в диалогах;

с) ценность *понимания* в беседах;

д) ценность *встреч* в контактах.

Стоит подчеркнуть, что принцип иерархичности ценностей включает их обратную кумулятивность. Верхний уровень ценностей воплощается через остальные более простые, поэтому последние оказываются включенными в ценности более высокого порядка. Такое взаимопроникновение ценностей и образует их многомерную холярхию, противоположенную механистической расчлененности и элементарной дифференциации.

Постметодологическая перспектива исследований предполагает не только бесконечность неповторимых ценностных конфигураций каждого человека, но и аналогичную бесконечность возможностей концептуально-метафорической схематизации представлений об уникальных ценностных мирах людей (групп, культур), одной из которых является рассмотренная здесь схема. Из этого же обстоятельства вытекает и бесконечное разнообразие вариаций постметодологических стратегий исследования, даже если последние вытекают из единой теории, например теории коммуникативных миров и способов их моделирования [5]. Рассмотрим такую перспективу.

Исходным условием здесь является вовлечение респондентов в ситуацию самоанализа своего жиз-

ненного мира. Исследователь актуализирует у них ценность аутокоммуникации и ценность коммуникативного мира.

Основанием активности респондента является не столько «инструкция», сколько индукция свободно-го смыслов творчества:

1) сказать что-то о *проблемах*, темах, интересах, которые обсуждаются с собой и в своем круге общения;

2) сказать что-то о *партнерах*, с которыми обсуждаются указанные проблемы;

3) далее производится невербальное субъективное оценивание *интенсивности* переживаний и общения в обозначенных выше контекстах.

Стандартизировать такой материал не составляет большого труда. Так, уместающийся на одной странице и соотнесенный по всем названным аспектам, он даст множество невербальных показателей [5]. Однако важнее понимать основной ценностный вектор анализа смыслового пространства – времени коммуникативного мира. Он задается на первом этапе самоанализа каким-то определением исходной проблемной ситуации. Предполагается, что таких способов может быть великое множество. Я и мои коллеги применяли данную исследовательскую схему к анализу внутреннего мира личности, коммуникативного мира личности в семье, в компании, учебной группе или организации и т.п. Любое метаценностное основание может ориентировать внимание на различные ценностные субмиры. Так, мы получали специфическую информацию о субмирах студентов и их родителей, предлагая им следующее определение исходной ситуации: «Ради решения каких проблем и ради кого Вы готовы изыскивать и резервировать свои жизненные ресурсы?» Такая ситуация ориентирована на выявление метаценностей и метамотивации. Аналогично исследуются коммуникативные миры образования глазами студентов и преподавателей, где открываются реальные образовательные ценности, и т.д.

В постметодологической перспективе далее мы намерены переадресовать определение основного ценностного вектора коммуникативного мира самому субъекту этого мира, как бы доверить ему «чистый лист» или *дать полную свободу самотрансцендирования*. Этим самым мы получаем *постметодологическое расширение исследовательской ситуации*. Для достижения полной релевантности *ситуации и процесса* исследования в качестве вариантов можно предложить принципы организации «Группы встреч», «Группы экзистенциального опыта», «Практикума нозетического опыта» как собственно исследовательские. В то же время эти же принципы вполне осуществимы в тренинговых практиках, ориентированных на актуализацию и развитие психологического потенциала человека в различных профессиональных, социокультурных и межличностных контекстах.

Литература

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л.: Изд-во ЛГУ, 1969.
2. Бенджамин Г. Основы самопознания, или Введение в эзотерическую психологию. Лондон, 1974.
3. Буркхарт Г. Возьми жизнь свои руки: Работа над собственной биографией. М.: EVIDENTIS, 2001. 248 с.
4. Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. М., 1998.
5. Кабрин В.И. Коммуникативный мир и транскоммунитивный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования. М.: Смысл, 2005. 248 с.
6. Кабрин В.И. Ноэтическое измерение в психологии: новое и вечное // Сибирский психологический журнал. 2000. № 12. С. 23–28.
7. Кабрин В.И. Транскоммунитивная холодинамика психологического универсума личности (стресс-транс-формация) // Вестник Томского университета. Приложение № 2. 2000. С. 34–41.
8. Кабрин В.И. Транскоммунитивация и личностное развитие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992. 256 с.
9. Коммуникативное измерение в психологической антропологии / Под науч. ред. В.И. Кабриной. Томск, 2007. 336 с.
10. Личность, культура, этнос: современная психологическая антропология / Под общ. ред. А.А. Белика. М.: Смысл, 2001. 555 с.
11. Лурье С.В. Психологическая антропология: История, современное состояние, перспективы: Учеб. пособие для вузов. 2-е изд. М.: Академический Проект: Альма Матер, 2005. 624 с.
12. Мазилков В.А. Коммуникативная методология психологической науки: возможный путь интеграции психологического знания // Сибирский психологический журнал. 2006. № 24. С. 65–70.
13. Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики. СПб., 1997.
14. Мацумото Д. Психология и культура. СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2002. 416 с.
15. Пирс Ч. Биология трансцендентного. М., 2006.
16. Психологическая энциклопедия / Под ред. Р. Корсина, А. Ауэрбаха. М., 2003.
17. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М.: Педагогика, 1976.
18. Уайт Дж. Просветление и иудейско-христианская традиция // Что такое просветление? Исследование цели духовного пути. М.: Изд-во трансперсональной психологии, 1996. С. 181–193.
19. Уилбер К. Интегральная психология. М.: Изд-во трансперсональной психологии: Изд-во К. Кравчука, 2004.
20. Уолш Р. Основания духовности: Семь главных практик для пробуждения сердца и ума / Р. Уолш; Пер. с англ. А. Киселева. М.: АСТ, 2004. 381 с.
21. Щутц У. Совершенная ясность: Основы жизненной философии / Пер. с англ. Харьков: Гуманитарный центр, 2004. 276 с.
22. Ялом И. Лечение от любви. Психотерапевтические новеллы. М.: Эксмо, 1994.
23. Ялом И. Мамочка и смысл жизни: Психотерапевтические истории / Пер. с англ. Е. Филиной. М.: Эксмо-Пресс, 2002.
24. Ялом И., Элкин Дж. Хроники исцеления: Психотерапевтические истории / Пер. с англ. С. Артемова. М.: Эксмо, 2005.
25. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991.

NOETIC POTENTIAL OF MAN AS A PROSPECT OF ANTHROPOLOGICAL PSYCHOLOGY

V.I. Kabrin (Tomsk)

Summary. We herein consider the issue of self-determination in professional psychology. The work suggests development of nonreductive psychology on the basis of the notions of noetic communication, metanoia, value-communicative world, post-methodological scheme of research and practice.

Key words: noetic communication, metanoia, value-communicative world, post-methodology.

СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ: СИСТЕМНЫЙ СМЫСЛ ПАРАДИГМАЛЬНОГО СДВИГА

В.Е. Ключко (Томск)

Аннотация. История психологии рассматривается в перспективе ее парадигмальных сдвигов. Опираясь на трансспективный анализ, автор выявляет основания прогрессивного развития психологической науки как открытой самоорганизующейся теоретической системы. Утверждается, что современная психология движется к постнеклассической парадигме, в рамках которой психика и сознание получают новое объяснение.

Ключевые слова: типы научной рациональности, постнеклассическая парадигма, саморазвитие, самоорганизация, теория психологических систем, теория потока, трансспективный анализ, объяснение в психологии.

В недавно вышедшем сборнике научных трудов «Субъект и личность в психологии саморегуляции» я опубликовал статью, в которой отстаивалась идея о том, что психологическая наука находится в состоянии «парадигмального сдвига», суть которого заключается в смене уровня психологического мышления [4]. Наука уже освоила способ мышления, благодаря которому научилась выделять в психологии саморегулирующиеся системы и делать их предметом конкретно-научного исследования. Так, уже сравнительно давно и успешно в психологии решается проблема саморегуляции личности. Суть же парадигмального сдвига заключается в том, что сегодня наука пытается ассимилировать мышление более высокого уровня, признаком которого является различение самоорганизующихся систем и выделение их в качестве предмета психологического исследования. Именно это и вызывает определенное психологическое напряжение внутри психологического сообщества.

Перейти от одной проблемы (самоорганизация личности) к другой (самоорганизация человека) не просто трудно. В процессе такого перехода открывается другое понимание психики, высвечивается ее новая функциональная роль, требуется другой аппарат объяснения, но главная трудность заключается все-таки в том, что для этого требуется мышление другого системного уровня. Более чем двадцатилетний опыт разработки теории самоорганизующихся психологических систем (ТПС) убеждает меня в этом.

Другую психологическую трудность вызывает тот факт, что даже само упоминание о «парадигмальном сдвиге», да еще с указанием направления, в котором он происходит, является своего рода вызовом по отношению к почти общепринятой методологической установке, в силу которой сами ученые предпочитают считать свою науку «принципиально непарадигмальной». Здесь не важно, считает ли ученый свою науку «допарадигмальной», т.е. такой наукой, которая хоть и не имеет актуальных «общепризнанных образцов научной практики», но со временем может к ним выйти, или наукой «принципиально мульти- или полипарадигмальной» [8. С. 77]. Ведь никаких парадигмальных сдвигов в мультипарадигмальной науке быть не может. Все очень просто: одновременно функциони-

рует множество методологических установок, а к ним все добавляются и добавляются новые и столь же «равноправные» установки. Нельзя же появление новой теории или даже научного направления считать парадигмальным сдвигом. Не случайно сторонники парадигмы «пусть цветут все цветы» в качестве аргумента приводят теорию пролиферации П. Фейерабенда. Считать, что появление новых теорий, основанных на собственных, только им присущим «парадигмах», это и есть парадигмальный сдвиг, было бы не совсем верным – кумулятивный эффект налицо, но прогрессивный эффект еще надо выявлять, а это в принципе невозможно сделать без сравнения с другими теориями. Самого же сравнения одной теории с другими теориями парадигма «свободного размножения теорий» не одобряет, ибо оно не отвечает исходному принципу равноправия теорий. Вдруг окажется, что одна теория и в самом деле «фундаментальнее» другой или более корректно укладывается в русло основной тенденции развития науки, тем самым реально обозначая существенные признаки парадигмального сдвига. Впрочем, науку, полагающую себя мультипарадигмальной, несколько не занимают тенденции развития, выводящие в будущее. Она живет днем сегодняшним.

Кроме того, рассчитывать на позитивный эффект сопоставительного анализа двух теорий можно только в том случае, если теории содержат в себе нечто такое, которое вообще позволяет привести их во взаимодействие. И это «нечто» не есть простая «тождественность» (или «общность»), которая действительно выступает одним из необходимых условий взаимодействия. Для взаимодействия важна и другая сторона соответствия: каждая из теорий должна содержать в себе еще и нечто такое, что отсутствует пока в одной из теорий, но наличествует в другой. Только тогда и будет настоящая «взаимность», которая входит в качестве корневого образования в понятие «взаимодействие» и тем отличает его от «действия» или «воздействия». Продуктивное взаимодействие – это взаимодействие обогащающее; оно обладает порождающим эффектом. В этом усматриваю я самоорганизацию науки как открытой системы.

В статье, опубликованной в упомянутом сборнике, Д.А. Леонтьев пишет: «В теоретической психо-

логии разработаны и другие, более развернутые концепции, в которых понятия саморегуляции и самоорганизации, идея их прогрессирующего усложнения в процессе эволюционного развития выступают как основополагающие для понимания процессов функционирования и развития психологической организации человека. К ним в первую очередь относятся теория эволюционного развития М. Чиксентмихайи и теория психологических систем В.Е. Ключко» [6. С. 70]. Со своей стороны замечу, что именно Дмитрий Алексеевич Леонтьев в личной беседе (состоявшейся до написания наших статей) подвел меня к мысли, что обе концепции построены «на схожих основаниях, хотя и в иной логике». Мои работы он знал, но не сомневаюсь, что еще лучше он знал труды Михая Чиксентмихайи, который вместе с Мартином Селигманом заложил (в 1997 г.) основы позитивной психологии. В сентябре 2005 г. Д.Н. Леонтьев, будучи участником первой международной конференции по позитивной психологии, взял у него интервью, в котором меня поразила оценка М. Чиксентмихайи того, что он считает главным в человеке, а именно его убежденность в том, что «человек развивается в направлении *возрастающей сложности*; наша судьба – неуклонно становиться все более уникальными и все более интегрированными с Иным: другими людьми, идеями, ценностями, тем, что вне нас» [11].

Завершая свою последнюю книгу, я писал о том, что «...и науку, и человечество, и человека можно рассматривать как открытые самоорганизующиеся системы, эволюция которых представляет собой *закономерное усложнение* их системной организации» [3. С. 166]. Так в чем же заключается упомянутая «схожесть оснований и различие логик», приведших к созданию ТПС и теории потока? Этот вопрос с некоторых пор стал для меня очень важным. Ответ на него позволил бы на собственном примере убедиться в том, как действуют и проявляют себя объективные тенденции развития психологического познания, которые, по определению Л.С. Выготского, действуют «за спиной отдельных исследователей и теоретиков с силой стальной пружины» [1. С. 124]. Почему два исследователя с разной логикой и идеологией, к тому же разделенные географически, оказываются подчиненными тенденции, которая действует «за их спиной» и даже спустя десятилетия приводит к похожему выводу?

Здесь необходимо вернуться к самым истокам двух теорий. Как теперь я понимаю, было нечто общее в самой начальной стадии их становления. Моей научной проблемой была так называемая «свободная инициация» мышления. Эксперименты, проведенные в 1972–1975 гг. показывали, что в каждом акте взаимодействия человек отражает объект и себя

самого (свое отношение), особым образом представленным в объекте. На каждое изменение состояния человека окружающая его среда, которую сам человек воспринимал как нечто объективное и внеположенное, отвечала изменением ценностно-смысловой структуры, которая, будучи сверхчувственной, самим же человеком и не осознавалась. Но результаты исследований с использованием метода синхронной регистрации КГР и содержательного состава разворачивающейся деятельности, который мы (сотрудники и приверженцы научной школы О.К. Тихомирова) разрабатывали и использовали, показывали, что «объективная среда» приспосабливается к человеку ничуть не меньше, чем он к ней. «Элементы структурируемой ситуации приобретают различный смысл и ценность для субъекта, и эти неформальные компоненты *возникают как результат соотношения имеющегося у субъекта опыта (знаний, способов и т.д.) и конкретной ситуации*» [2. С. 5].

Там, где обнаруживалось соответствие опыта и ситуации, у человека возникает состояние «напряженной возможности». Это особое состояние возникает в том случае, когда человек вдруг открывает в пространстве тривиальной деятельности, задаваемой инструкцией (иногда даже сулящей «награду»), возможность организации творческой (мыслительной) деятельности и организует ее – инициативно, внешне вполне бескорыстно и «апрактично», если иметь в виду упущенные внешние «выгоды».

Интересно, что примерно в это же время (1975 г.) начинает разрабатывать свою теорию потока американский исследователь М. Чиксентмихайи. С 1982 г. поток стал рассматриваться им как «оптимальный опыт», понимаемый как выбор максимально сложных проблем из тех, что преподносит человеку окружающая среда, однако при этом лишь тех задач, которые в достаточной степени *соответствуют имеющимся у субъекта навыкам и умениям и потому могут быть решены* [13]. М. Чиксентмихайи подчеркивает, что опыт потока «...приносит человеку чувство открытия, творческое ощущение переноса его в новую реальность» [14. С. 74]. Мы же, в свою очередь, экспериментально показывали, что эта новая реальность формируется в ходе динамики ценностно-смысловых измерений того, что составляет окружение.

Думается, что обе теории в своем изначальном становлении столкнулись с феноменами, истолкование которых было невозможным в пределах общепринятых на тот момент в психологии объяснительных схем. Мы реально соприкоснулись с процессом *перехода возможности в действительность*, с тем, как этот переход осуществляется в человеке и как в этом процессе самоосуществляется человек, реализуя в нем (и через него) свою трансцендентальную, нормотворческую природу, свою сверхадаптивную (ге-

теростазическую) сущность. И именно потому, что эти феномены невозможно было объяснить в рамках «психологического гомеостаза», который имел в то время практически парадигмальный статус (которого он не лишился и сегодня), эти феномены как бы и отсутствовали для психологии в качестве заслуживающих научного внимания фактов. В лучшем случае они рассматривались как артефакты или болезненные (почти патологические) отклонения. И каждая из зарождающихся теорий уловила только часть из того, что включает в себя сам феномен перехода возможности в действительность.

М. Чиксентмихайи зафиксировал результативную компоненту: человек «сваливается в поток» в том случае, если то, что окружает его, соответствует его возможностям. Меня изначально занимала процессуально-динамическая составляющая этого явления. Как именно это происходит? Какую роль выполняет здесь сам факт соответствия? Как человек проецирует в предметную среду свои возможности, свой опыт, свои текущие состояния, каким образом среда отвечает ему изменением своего состояния?

Для ответов на эти вопросы необходимо было от дискретного понимания психики и сознания перейти в совершенно другую методологию – к представлению о непрерывной природе психического. Вот тогда и понадобился особый анализ процесса становления психологического познания, который я впоследствии назвал транспективным [3]. С его помощью стало понятным, что вместе с понятиями психологического поля (К. Левин), смыслового поля (Л.С. Выготский), транссубъективного пространства (Д.Н. Узнадзе) в психологии уже сравнительно давно вызревает мысль о пространственной непрерывности психического. *Психическое есть то, что обеспечивает дальное действие человека как открытой саморазвивающейся системы.*

Если в физике теория поля достигла и даже переросла уровень теории дискретности, то в психологии до сих пор психика и сознание чаще всего понимаются как замкнутые дискретные образования, имеющие уровневое строение, собственную структуру и даже собственную логику. И неважно где и каким образом локализуются эти образования – под кожей, в мозгу, в пространстве некой «субъективной реальности», в мифических «психических сферах». И сегодня продолжают создаваться целые теоретические системы о самодействующем мозге, о «деятельности сознания» и «психической деятельности», имеющих свои цели (поскольку «действуют»), свои закономерности и даже свою «психологику».

Если же говорить о «перманентном кризисе» в нашей науке, то, на мой взгляд, ощущение кризиса возникает прежде всего оттого, что, оставаясь в пределах дискретной психологии, сами психологи начи-

нают откровенно уставать от необходимости определять психологическую реальность с помощью совершенно беспомощных и аморфных понятий, включая сюда «сферу сознания», «сферу бессознательного», «сферу психического», «эмоционально-волевую сферу» и т.д. Эти понятия приходится использовать, поскольку на них возлагается важная миссия: они создают иллюзию «неподкожности» психического. В противном случае психика уже ничем бы не отличалась от наивно понимаемой души, живущей в теле. С другой стороны, это позволяет говорить о возможности использования в психологии «объективных методов», разработанных в других («развитых») науках, предметы которых ограничены конкретными пространственно-временными континуумами. Как же, есть у нас в науке свои психологические пространства, хотя бы и в виде непонятных в своей локализации «сфер»? О странностях «психологической геометрии» в свое время писал Л.С. Выготский: «Именно потому, что эти понятия адетерминистичны, беспричинны и беспространственны, именно потому, что они построены по типу геометрических абстракций, Павлов отвергает их пригодность для науки: они несоединимы с материальной конструкцией мозга. Именно потому, что они геометричны, мы вслед за Павловым говорим, что они непригодны для реальной науки» [1. С. 401].

Однако давайте сравним. Вот рассуждает А. Эйнштейн: «Вместо того, чтобы думать: «электрическая частица e_1 действует на другую электрическую частицу e_2 через пространство и вызывает появление действующей на последнюю движущей силы», – Фарадей мыслил: «Электрическая частица уже самим своим существованием порождает изменение состояния пространства в своей непосредственной окрестности (электрическое поле)...». А затем восклицает: «Как просто выглядит эта идея теперь, и все же насколько она величественна!» [12. С. 244]. А вот рассуждает Л.С. Выготский: психика «...есть орган отбора, решето, процеживающее мир и изменяющее его так, чтобы можно было действовать. В этом ее положительная роль – не в отражении (отражает и непсихическое; термометр точнее, чем ощущение), а в том, чтобы не всегда верно отражать, т.е. субъективно искажать действительность в пользу организма» [1. С. 347].

Идея Л.С. Выготского, смею думать, не менее величественна, однако и теперь она не выглядит простой. Может быть, поэтому она никак не может прорваться через концептуальные перегородки, выстроенные «дискретной психологией», а может быть, «дискретная психология» никак не может дорасти до этой идеи, чтобы вобрать в себя «свое иное».

Но как же сам Л.С. Выготский вышел к этой идее? Каким образом происходит процесс выхода исследователя за пределы используемого им метода, кон-

струирующего не только предметное пространство, внутри которого движется исследование, но и задающее пространство мысли, диктующее определенные способы объяснения того, что обнаруживается в этом пространстве. По сути дела, это вопросы о тех силах, которые выносят не только конкретного ученого, но и всю науку «поверх барьеров», обеспечивая прогрессивное развитие науки. Следовательно, это и есть вопросы о том, каким образом осуществляется переход возможностей (конкретного ученого, науки как таковой) в действительность.

Механизм движения научной теории к более высокому уровню системного видения психологической реальности в общих чертах можно представить следующим образом. Для развития любых наук характерно то, что они начинают со «статики» и только постепенно переходят к изучению «динамики» феноменов, составляющих объект науки. Уже в этом можно усмотреть некую, в целом вполне объяснимую, закономерность в движении научного познания. Эмпирически выявив феномен (или даже их некоторую «целокупность»), научная мысль скоро убеждается в том, что выделенный в качестве объекта изучения «фрагмент реальности» начинает ускользать от исследования. Ускользать именно в той части, которая касается его сущности, его истинной природы, обусловленной не столько им самим, сколько его принадлежностью к более сложной системе, фрагментом которой он на самом деле является.

Получается, что наука обречена на то, чтобы, сохраняя эмпирически определенный объект изучения, постоянно выходить за его пределы, последовательно и закономерно расширяя предметное поле исследования, теоретически определяя (и переопределяя) его. Выход за пределы устоявшегося предметного поля, которое очертила наука на данной стадии своего движения, становится неизбежным в том случае, когда оно перекрывается проблемным полем. Его возникновение обусловлено ограниченностью объяснительных схем, заявленных методом, определившим содержание и конфигурацию предметного поля. Иными словами, детерминацию, идущую сверху, от самого факта наличия более сложной, но пока неведомой системы, по отношению к которой изучаемая система сама является не более чем подсистемой, отменить нельзя. Именно поэтому проблемное поле науки неизбежно перекрывает, пусть и не сразу, предметное поле. Происходит это потому, что отдельные исследователи, сталкиваясь с эффектами указанной «детерминации сверху», рано или поздно начинают оценивать их уже не как очередные «головоломки», закономерно возникающие в процессе «спокойного» развития науки («снизу вверх», «из прошлого в будущее»), но пытаются обнаружить их истинное происхождение.

Посмотрим на конкретном примере, как сам Л.С. Выготский выходил за пределы «дискретной психологии» к «психологии поля». А.Н. Леонтьев описывает интересный момент, когда внимание Л.С. Выготского (указывается 1930 г.) центрировалось на открывшейся перед ним перспективе конкретно-психологического изучения знаковой структуры сознания. И вдруг произошел «своеобразный переворот, который тоже был не постепенным движением, а действительно движением, включающим в себя события, а не скольжение, медленное и плавное эволюционное изменение». Переворот заключался вот в чем. «Перед Сахаровым была поставлена Львом Семеновичем (Сахаров уже занимался понятиями) задача, типичная для того времени, – исследовать опосредствованную структуру обобщения... А исследование объективно перевернулось: задача-то была не использовать слово для решения поставленных целей; оказалось, что задача, которую решали испытуемые, заключалась в том, чтобы овладеть значением неизвестного им слова, раскрыть значение, – все дело оказалось в этом... Это был переворот, который сделал не субъект исследования, а исследование» [7. С. 113–114].

Итак, образно говоря, исследование «перевернуло» исследователя. Факт, с которым столкнулся Выготский, оказался не из мира «дискретной психики» или столь же дискретной психологии сознания. Это был факт, указывающий на мир человека, на его жизненное пространство, создаваемое с помощью значений. Состоялся выход за пределы гносеологии отражения в онтологию порождения мира человеком: человек видит через призму значений мир, тем самым обеспечивает его инвариантность, устойчивость и возможность действовать, понимая смысл и ценность своих действий. Метод привел к таким результатам, которые привели в движение сам метод. Психика стала обретать свою пространственную, полевую локализацию. Нужен был другой принцип понимания и объяснения, а значит, и другой метод.

Почему же использованная в эксперименте методика Н. Аха не подвела самого создателя методики к такому переходу? У Л.С. Выготского были другие возможности, они и реализовались «здесь и теперь»: известные и даже предсказуемые результаты исследования обрели для ученого другой смысл и ценность. Причем новые смыслы и новые ценности образовались сами – как результат проекции возможностей человека в предметную среду.

Нечто подобное происходило и со мной, когда в 1978 г. была завершена большая серия экспериментов, проводя которые я вовсе не думал о том, что с их помощью происходит «проникновение» в сердцевину самого закрытого процесса – перехода возможности в действительность. Особо сложно было с «мотивообразующими смыслами», которые возникали

как особые сверхчувственные (системные) качества предметов, указывая человеку направления, в которых он может реализовать свои возможности, да еще завязанные на установки по реализации этих смыслов. Становилось понятным, что смысл без тенденции действовать относительно предмета, имеющего смысл, столь же нелеп, как тенденция действовать без смысла. Самое примечательное было в том, что понять происхождение этих смыслов было невозможно, оставаясь в пределах исходной методологии. Это не было проявлением саморегуляции – она подсоединялась позднее, когда оказывалась сформированной познавательная цель.

Необходимо учесть, что к тому времени еще не был опубликован «Исторический смысл психологического кризиса» и, следовательно, недоступной была мысль Л.С. Выготского о психике как субъективном искажении действительности, без которого невозможна избирательность поведения. А проводимое экспериментальное исследование процессов смыслообразования в мыслительной деятельности (как ее внутренних регуляторов) упорно показывало, что нет никакого процесса образования смыслов как того, чем специально занимается мыслящий человек. Трудно было представить, что *смыслы возникают сами*, что здесь мы напрямую столкнулись с продуктами самоорганизации, которые порождались в деятельности, но не самой деятельностью непосредственно. Они не порождались личностью, хотя мы по инерции называли их личностными смыслами. Их невозможно было отделить от своего носителя – предмета, особым (сверхчувственным) качеством которого они являются. Наконец, они не порождались сознанием, поскольку оно само шло за ними – в поле ясного сознания всегда попадало только то, что имело смысл. Эмоции «считывали» смыслы, но презентовали сознанию не сам смысл, а предмет, обладающий смыслом. В принципе, это и был выход к решению проблемы осознания: человек видит в мире то, что соответствует ему в данный момент, но так, как оно есть «в действительности», т.е. без него (эффект присутствия).

Получалось, что не эмоции «лежат на поверхности сознания» (А.Н. Леонтьев), но сознание лежит на поверхности эмоций. И все это невозможно было понять, оставаясь в методологии саморегуляции, но еще труднее было перейти в методологию самоорганизации. Нужен был толчок, который не мог дать экспериментальный материал, но совершенно неожиданно он пришел извне, когда я, вслед за другими «интеллектуалами» того времени, попал на фильм А. Тарковского «Сталкер». Каждый увидел в этом странном фильме свое, меня же поразила одна мысль, высказанная героем фильма. Сталкер: «Это – Зона. Может даже показаться, что она капризна, но в каж-

дый момент она такова, какой мы ее сами сделали... своим состоянием... Все, что здесь происходит, зависит не от Зоны, а от нас...» [10].

Меняющееся состояние человека мгновенно отражается изменением состояния жизненного пространства, перестройкой его ценностно-смысловых измерений. А поскольку смысл всегда завязан на установку, на готовность реализовать определенное поведение по отношению к предмету, имеющему смысл, то ясно происхождение сил, вызывающих движение системы по линии «возможность – новая действительность».

Постепенно сформировалось представление о том, что психика является собой не что иное, как самый мощный, самый изоциренный, самый сложный из известных нам механизмов избирательности, превращающий «мир в себе» в «мир для нас» – многомерное пространство жизни, находясь внутри которого человек может действовать, понимая смысл и ценность своих действий. Становилось понятным, что психика и сознание – это не органы управления, вмонтированные в человека, не аппараты регуляции, подчиняющие человека, не средства ориентации, опирающиеся на присущую им способность к отражению среды. Психика (сознание) – это то, с помощью чего система (человек) оказывается открытой, т.е. способной к избирательному взаимодействию со средой как основанию для превращения ее в многомерный мир человека. Становление такого мира является предпосылкой устойчивого (осмысленного, реалистического, действенного) бытия человека в непрерывно создаваемом им самим жизненным пространстве. В этом усматривался исходный смысл самоорганизации.

Надо просто согласиться с тем, что наука больше уже не может делать вид, что ей удалось примирить эту установку на изучение ставшего с принципом развития, который предполагает переход от ретроспекции к перспективному анализу. Там, где есть обмен со средой, там возникают необратимые изменения, понимаемые как признаки развития, которые проявляются не только в открытой системе, но и в среде, в которую открыта система. Тем самым устанавливается, что дальнейшие взаимодействия будут происходить уже с измененной средой, опыта взаимодействия с которой у системы нет по определению, и тогда возникают вопросы. Например, что же такое «адаптация» и какие проблемы может решить наука в рамках «психологического гомеостаза»? И что есть «опыт» (ставшее), к которому так апеллирует классическая и неклассическая наука?

Параметры порядка система вынуждена порождать сама и производить их всегда заново – такова природа обмена. Ценности и смыслы и есть динамические параметры порядка в психологических системах. Поэтому они выступают как субъективная «раз-

метка» объективной реальности, вырезающая из безразличной «среды» (или столь же безразличного «окружения») то, что *соответствует* человеку здесь и теперь в качестве *необходимого условия жизни*. Взаимодействие, понятое не в гносеологическом, а в онтологическом плане, приводит к идее о связи психики с порождением многомерного мира человека, обретением им ценностно-смысловых измерений, обеспечивающих реальность, предметность и действительность его бытия. Обмен преобразует не только человека, становящегося другим с каждой порцией внешнего, которую он принял в себя, но и внешнее, которое, благодаря взаимодействию, «выходит из себя» и становится субъективным основанием дальнейшего развития системы.

Если же проводить параллель между диалектическим и транспективным анализом, то последнее есть мышление, которое вызрело (вызревает) на базе диалектического мышления и содержит его в себе в снятом виде. Основная установка диалектического анализа – это *развитие*, через которое («в котором») необходимо изучать любое познаваемое явление. Основная установка транспективного анализа – это *становление*, через которое («в котором») необходимо изучать особые объекты – открытые самоорганизующиеся системы. В первом случае источником развития считается *противоречие*, двигателем развития – *борьба* (новых и старых форм, противоположностей и т.д.). Источником становления является *соответствие*, приводящее к взаимодействию, которое сопровождается порождением системных качеств – «параметров порядка», определяющих прогрессивную логику системогенеза.

Новый образ науки вырастает из методологических представлений и установок предыдущих этапов,

из того потенциала движения «вперед и выше», который в них содержится, обеспечивая тем самым преемственность процесса становления психологического познания. Наука – это открытая система, закономерно усложняющаяся в процессе внутренних и внешних взаимодействий. Формой ее существования является становление – закономерное усложнение ее системной организации. История психологии рано или поздно научится выделять места, в которых «здесь и сейчас» идет достаточно мучительный процесс «перерождения научной ткани», где напряжен нерв науки, где объективная тенденция науки реализует себя. Иными словами, анализировать не то, что лежит в пределах весьма условной границы психологического знания, а то, что происходит на границе, где нарождается, становится новое знание.

Прогнозируя, можно сказать, что самое серьезное и трудное будет заключаться в перестройке подходов и методов историко-психологического познания, не рассчитанных на учет «эффекта границы». *Чем сложнее уровень организации системы, тем труднее осуществить перевод мышления на новый уровень системности, но, находясь на нем, гораздо проще генерировать научные объяснения.* В том числе и по поводу тех феноменов, для объяснения которых в рамках простой системы приходилось изобретать горы «психологических эпициклов», которые, оставаясь «пустым» знанием, давят на науку, перегружая ее несущественным, избыточным знанием, повисают в виде гирь, затрудняющих ее закономерное движение «вперед и выше». Эти «псициклы» особенно обильно накапливаются в тех местах, где, используя привычную схему «психологического гомеостаза», ученые тщатся объяснить принципиально гетеростатическую природу человека.

Литература

1. Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч.: В 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 1.
2. Ключко В.Е. Целеобразование и формирование оценок в ходе обнаружения и решения мыслительных задач: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1978.
3. Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). Томск, 2005.
4. Ключко В.Е. От саморегуляции личности к самоорганизации человека: системные основания парадигмального сдвига в научной психологии // Субъект и личность в психологии саморегуляции: Сб. науч. трудов / Под ред. В.И. Моросановой. Москва; Ставрополь: Изд-во ПИ РАО, СевКав ГТУ, 2007. С. 103–119.
5. Краснорядцева О.М. Психологические механизмы возникновения и регуляции мышления в реальной жизнедеятельности: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1997.
6. Леонтьев Д.А. Становление саморегуляции как основа психологического развития: эволюционный аспект // Субъект и личность в психологии саморегуляции: Сб. науч. трудов / Под ред. В. И. Моросановой. Москва; Ставрополь: Изд-во ПИ РАО, СевКав ГТУ, 2007. 431 с.
7. Леонтьев А.Н. Проблема деятельности в истории советской психологии // Вопросы психологии. 1986. № 4. С. 109–120.
8. Смирнов С.Д. Чем грозит психологии отсутствие общепринятого определения ее предмета? // Методология и история психологии. 2006. Т. 1, вып. 1. С. 73–85.
9. Степин В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность. Режим доступа: http://filosof.historic.ru/books/c0026_1.shtml
10. Стругацкий А., Стругацкий Б. Сталкер: (Литературная запись кинофильма, режиссер Андрей Тарковский). Режим доступа: <http://rusf.ru/abs/>
11. Эксклюзивное интервью с Михаем Чиксентмихайи (Д. Леонтьев, сентябрь 2005 г.). Режим доступа: <http://www.positivepsychology.ru/history/interview.htm>

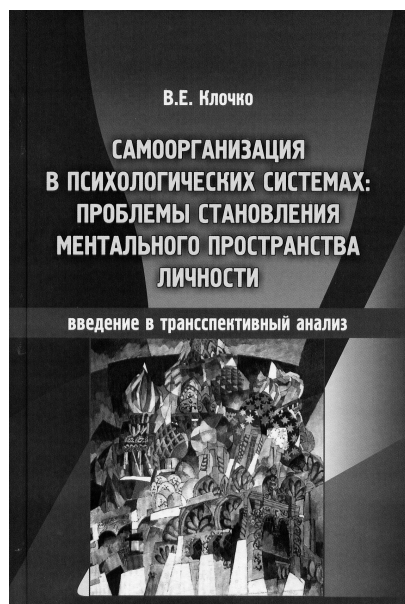
12. Эйнштейн А. Собрание научных трудов. М., 1966. Т. 2.
13. Csikszentmihalyi M. Toward a psychology of optimal experience // Review of Personality and Social Psychology / L. Wheeler (Ed.). Vol. 3. Beverly Hills (CA): Sage, 1982. P. 13–36.
14. Csikszentmihalyi M. Flow: The Psychology of Optimal Experience. N.Y.: Harper and Row, 1990.

MODERN PSYCHOLOGY: A SYSTEM SENSE OF A PARADIGM SHIFT

B.E. Klochko (Tomsk)

Summary. The paper is an attempt at reconsidering the history of psychology from the perspective of a paradigm shift. With the help of the transpective analysis author demonstrates of the reasons of progress in the psychological science as an open self-organizing theoretical system. The transpective analysis is considered as the methodological means knowledge of self-organizing psychological systems. Affirms, that the contemporary psychology moves to a post-non-classical paradigm, within the limits of which the mentality and consciousness receive a new explanation.

Key words: types of scientific rationality; post-non-classical paradigm, self-development, self-organization, theory of psychological system, transpective analysis, explanation in psychology.

Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). – Томск: Томский государственный университет, 2005. – 174 с.

ISBN 5-94621-162-5

Рассматриваются фундаментальные проблемы психологии, которые открываются в результате анализа «парадигмального сдвига», происходящего в науке, вступающей в стадию постнеклассицизма. Поэтому монографию можно оценить как методологическое введение в постнеклассическую психологию, «вхождение» в которую, по мнению автора, подразумевает смену уровня системности профессионально-психологического мышления. Выделяются признаки нового мышления, которое автор и определил понятием «транспективный анализ». В призме транспективного анализа психика человека выступает в необычном ракурсе, а именно как то, что обеспечивает устойчивость человека, понимаемого в качестве открытой системы. Выход за пределы привычного понимания психики как «отражения реальности» требует настолько серьезной перестройки всего образа мира психолога-профессионала, что автор не считает возможным рекомендовать книгу, как это принято, «широкому кругу» коллег. Скорее этой книгой автор возвращает часть своего долга, который накопился у него перед собственными учениками, а также последователями теории психологических систем (ТПС) за 20 лет ее разработки.

СТИЛЬ БИОЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ ГОЛОВНОГО МОЗГА И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ЭЭГ

Б.А. Вяткин, А.В. Федотов (Пермь)

Аннотация. Предложен способ изучения свойств биоэлектрической активности мозга как целостной структуры взаимосвязанных параметров. Вводится понятие стиля биоэлектрической активности (БЭА) мозга. Рассматриваются связи стиля БЭА с различными уровнями интегральной индивидуальности в зависимости от биологического пола человека.

Ключевые слова: стиль биоэлектрической активности, ЭЭГ, интегральная индивидуальность, половые различия.

Постановка проблемы

Разработка проблемы индивидуального стиля (ИС) была и остается одним из главных направлений теоретических и эмпирических исследований, проводимых пермскими психологами в русле теории интегральной индивидуальности (ИИ). На сегодняшний день в этой области накоплен обширный материал, имеющий высокую научную и прикладную ценность и систематизированный в ряде публикаций представителей пермской психологической школы [1, 3, 5, 7].

Интерес к изучению электрической активности мозга обусловлен как теоретически, так и практически. С теоретической стороны такие исследования расширяют представления о нижних (биохимических, физиологических) уровнях интегральной индивидуальности и их взаимосвязях со свойствами вышележащих уровней. С практической стороны они имеют прямое отношение к созданию и применению методик экспресс-диагностики разноуровневых свойств индивидуальности, таких как свойства нервной системы, свойства темперамента, свойства личности.

В основе данной работы лежит положение об индивидуальном характере работы мозга у разных людей. В.С. Мерлин в одной из своих работ подчеркивает, что «индивидуальное, неповторимое своеобразие электрической активности мозга у разных людей в одной и той же ситуации и при действии одних и тех же раздражителей можно характеризовать как индивидуальный стиль электрической активности мозга» [7. С. 170]. Исходя из этого определения можно думать, что в работе мозга присутствуют несколько компонент: случайная, индивидуальная и типичная. Случайная компонента определяется псевдохаотической работой мозга и обусловлена так называемой зоной неопределенности возбуждения нейронов. В то же время зона неопределенности обеспечивает индивидуальное поведение мозга у разных людей в одной и той же ситуации. Типичная компонента определяет, какие группы нейронов, в какой последовательности и каким образом задействуются в работе мозга в той или иной ситуации. В русле современной науки эти типичные компоненты можно определить через разнообразные обобщенные и усредненные биоэлектрические показатели мозга, например те, которые были использованы в этой работе.

На протяжении многих лет ученые пытаются установить взаимосвязь между индивидуальностью и ЭЭГ человека путем определения этих типичных компонент и их сопоставлением со свойствами индивидуальности. Одним из первых это попытался сделать Gastauf (1954) [4], который дал характеристику личности, соответствующую трем типам ЭЭГ. В отечественной психологии большой вклад в раскрытие связи между ЭЭГ и свойствами нервной системы внесли Теплов, Небылицын, Голубева, Русалов и др. [2, 8, 9]. Э.А. Голубева одной из первых сопоставила 16 факторов Кеттелла с показателями ЭЭГ [9]. На современном этапе большая работа по сопоставлению личностных свойств с показателями ЭЭГ ведется А.Н. Лебедевым [6].

В данное время возможно достаточно точное определение свойств нервной системы по характеристикам ЭЭГ [2, 8, 9], но информация о связях ЭЭГ с вышележащими свойствами индивидуальности не столь убедительна. Имеются данные о связях лишь некоторых личностных качеств с параметрами ЭЭГ. Данная работа – это очередной шаг в раскрытии связи между биоэлектрической активностью мозга и индивидуальностью человека. В работе предложен новый подход к рассмотрению ЭЭГ человека: анализ ее не через одиночные показатели, а через комплексные образования, такие как стиль.

Задачами данного исследования является следующее:

1. Выявить стилевые составляющие биоэлектрической активности мозга.
2. Рассмотреть гендерные (половые) различия стилевых составляющих.
3. Определить их взаимосвязь с разноуровневыми свойствами индивидуальности.

Организация исследования и методика

В исследовании приняли участие 85 человек, из них 45 юношей и 40 девушек в возрасте 18–19 лет, студенты 2-го курса физического факультета Пермского государственного педагогического университета. Испытуемые во время записи ЭЭГ находились в положении сидя, в расслабленном состоянии и с закрытыми глазами. Запись электрической активности мозга производилась на 16-канальном приборе

«Сонап» монополярно с наложением электродов по международной системе «10–20». Записи ЭЭГ подвергались компьютерной обработке. В данном исследовании использовалось одно лобное (f3) и одно затылочное (o1) отведение, а также их кросс-спектр (сг). Из каждой записи выделялись 5 основных ритмов: дельта (dl, 0–4 Гц), тета (th, 4–8 Гц), альфа (alf, 8–12 Гц), бета 1 (b1, 12–18 Гц) и бета 2 (b2, 18–30). Для каждого ритма рассчитывались следующие показатели: средняя мощность (P), доминирующая частота (F_{mn}), эффективная полоса спектра (dF), когерентность (G), средняя частота автокорреляционной функции (F_{mean}), коэффициент периодичности (Kp), период затухания автокорреляционной функции (T). В общей сложности фиксировалось 80 показателей.

Диагностика разноуровневых свойств индивидуальности производилась при помощи следующих методик: свойства личности – 16-факторный личностный опросник Кеттелла, психодинамические свойства – ОФДСИ Русалова. В качестве метода статистической обработки данных использовались факторный анализ методом главных компонент с варимакс-вращением факторов, кластерный анализ и Т-критерий.

Результаты исследования и их обсуждение

Для решения первой и второй задач использовалась процедура факторного анализа интеркорреляций показателей биоэлектрической активности мозга. Данная процедура проводилась как на всей выборке, так и отдельно для групп юношей и девушек. Проведенный факторный анализ выделил по 5 факторов. Сопоставление этих факторов с факторами, полученными в ранних исследованиях, показало следующее:

1. Факторы для общей выборки не являются устойчивыми образованиями, т.е. распределение показателей по факторам для различных выборок неодинаково.

2. В то же время факторы для юношей и девушек по отдельности оказались достаточно устойчивыми, а три фактора из пяти практически полностью совпадали. Для дальнейшего рассмотрения и анализа были взяты именно эти факторы (табл. 1).

Как видно из таблицы, фактор 1 у юношей объединил показатели тета-ритма и коэффициент периодичности бета-ритмов, у девушек данный фактор объединяет показатели мощности тета-, альфа- и бета-ритмов. В данном факторе общими являются показатели мощности тета-ритма.

Фактор 2 у юношей включил показатели альфа-ритма и мощность бета-ритма, у девушек в данный фактор вошли показатели тета-ритма.

Фактор 3 у юношей и девушек практически полностью совпадает, за исключением нескольких показателей, но, учитывая меньший вес этих показате-

телей, данный фактор можно считать общим для обоих полов.

Анализ всех факторов позволяет отметить, что основу факторов составляют показатели низкочастотных ритмов, дельта и тета.

Выбранные факторы являются достаточно устойчивыми, поэтому симптомокомплексы, которые они образуют, можно считать стилиобразующими. То есть мы можем говорить о том, что у человека, у которого выражена та или иная группа показателей, проявляется определенный стиль биоэлектрической активности мозга. Обобщая определение стиля биоэлектрической активности В.С. Мерлина и полученную факторную модель, можно дать следующее определение стиля БЭА мозга. **СБЭАМ – это типичное проявление биоэлектрической активности мозга у разных людей в одной и той же ситуации и при действии одних и тех же раздражителей, которое выражается в совместном доминировании или подавлении определенных биоэлектрических параметров мозга.**

Для решения последней задачи была выбрана процедура кластерного анализа по основным показателям, вошедшим в факторы. Были выделены две группы – с высоким уровнем выбранных показателей (группа 1) и низким (группа 2). В дальнейшем у этих групп сравнивались разноуровневые психологические свойства с использованием Т-критерия Стюдента. Полученные группы сравнивались по личностным и психодинамическим показателям, результаты сравнения представлены в табл. 2 и 3.

Девушек, обладающих первым стилем, можно охарактеризовать как общительных, физически активных, смелых и прямолинейных; для второго стиля характерны чувственность, хорошее воображение; для третьего – сдержанность и практичность.

Для обладателей первого стиля у юношей характерны жизнерадостность, беспечность, настроенность на перемены; для представителей второго – робость, низкая общительность, низкая скорость умственных процессов; для третьего – сдержанность.

Как видно из таблиц, все 3 стиля (фактора) связаны с различными психологическими показателями, как у девушек, так и у юношей. При этом стоит обратить внимание на то, что разные стили имеют различное психологическое наполнение. Одни стили достоверно связаны с множеством показателей, другие почти не имеют никаких связей. Принимая это во внимание, а также то, что при кластерном анализе испытуемые попадали не в одну группу, а в несколько, можно предположить, что стили БЭА мозга имеют более сложную структуру. Например, возможна такая структура, когда стиль определяется не одним фактором, а их комбинацией, соответственно психологический портрет стиля будет суммой портретов, описывающих каждый фактор по отдельности.

Т а б л и ц а 1

Факторное отображение показателей биоэлектрической активности мозга

Юноши				Девушки			
Показатели БЭА мозга	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Показатели БЭА мозга	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3
P-f3-th	0,92	0,00	-0,10	P-f3-th	0,80	-0,32	0,07
P-o1-th	0,88	0,11	-0,14	P-o1-th	0,80	-0,38	0,03
P-cr-th	0,85	0,16	-0,14	P-cr-th	0,84	-0,33	0,07
Fmn-f3-th	0,62	0,07	-0,09	P-f3-alf	0,89	0,13	0,07
dF-o1-b1	-0,60	0,35	0,18	P-o1-alf	0,83	0,20	-0,05
Fmn-o1-b2	-0,68	0,23	-0,44	P-cr-alf	0,89	0,21	0,02
Kp-f3-th	0,72	-0,32	0,04	P-f3-b1	0,90	0,21	-0,06
Kp-f3-b1	0,61	-0,15	-0,22	P-o1-b1	0,89	0,27	-0,09
Kp-f3-b2	0,74	-0,19	0,09	P-cr-b1	0,89	0,27	-0,08
Kp-o1-b1	0,76	-0,26	-0,16	Kp-f3-b2	-0,60	-0,37	-0,16
Kp-o1-b2	0,65	-0,34	0,15	dF-f3-th	0,11	0,83	0,18
dF-f3-alf	-0,15	0,67	0,04	dF-o1-th	0,31	0,77	0,05
dF-o1-alf	-0,01	0,72	0,09	dF-cr-th	0,21	0,83	0,17
dF-cr-alf	-0,06	0,84	0,16	Fmean-f3-th	0,21	-0,69	0,21
P-f3-b1	-0,14	0,71	-0,10	Kp-f3-th	-0,17	-0,70	-0,13
P-o1-b1	-0,15	0,74	-0,04	T-f3-th	0,20	-0,79	-0,02
P-cr-b1	-0,15	0,75	-0,05	Kp-o1-th	-0,40	-0,74	-0,07
G-b1	-0,26	0,63	-0,13	T-o1-th	0,09	-0,84	0,01
Kp-o1-alf	0,18	-0,64	-0,17	Kp-o1-b2	-0,47	-0,62	-0,23
Fmn-f3-dl	0,18	-0,21	0,75	P-f3-dl	0,20	0,16	0,64
Fmn-o1-dl	-0,31	0,02	0,78	P-o1-dl	0,16	0,19	0,64
dF-f3-dl	0,19	0,01	0,73	P-cr-dl	0,16	0,20	0,64
dF-o1-dl	-0,30	0,19	0,72	Fmn-f3-dl	-0,09	-0,07	-0,77
dF-cr-dl	-0,22	0,18	0,82	Fmn-o1-dl	0,09	-0,07	-0,74
Kp-f3-dl	-0,25	0,11	-0,78	dF-f3-dl	0,01	-0,01	-0,83
Kp-o1-dl	0,32	-0,18	-0,77	dF-o1-dl	0,14	0,02	-0,85
ДОД, %	15%	12%	9%	dF-cr-dl	0,22	0,10	-0,87
				G-dl	0,33	0,40	0,64
				Kp-f3-dl	0,07	0,06	0,90
				T-f3-dl	-0,14	0,10	-0,69
				Kp-o1-dl	-0,09	0,14	0,83
				ДОД, %	17%	13%	11%

Т а б л и ц а 2

Достоверность различий показателей психологических свойств по Т-критерию Стюдента (девушки)

Показатели	Группа 1	Группа 2	t	p
Стиль 1				
Е (конформность (-) – доминантность (+))	0,71	0,46	4,02	<0,001
Н (робость (-) – смелость (+))	0,75	0,56	2,69	<0,01
І (жесткость (-) – чувствительность (+))	0,42	0,27	2,69	<0,01
N (прямолинейность (-) – дипломатичность (+))	0,52	0,68	2,83	<0,01
Эргичность моторная	0,70	0,51	2,94	<0,01
Пластичность коммуникативная	0,62	0,41	2,87	<0,01
Скорость моторная	0,66	0,50	2,21	<0,05
Стиль 2				
І (жесткость (-) – чувствительность (+))	0,43	0,27	2,92	<0,01
М (практичность (-) – развитость воображения (+))	0,53	0,39	2,47	<0,05
Q1 (консерватизм (-) – радикализм (+))	0,75	0,54	4,11	<0,001
Стиль 3				
F (сдержанность (-) – экспрессивность (+))	0,60	0,72	2,04	<0,05
М (практичность (-) – развитость воображения (+))	0,39	0,54	2,77	<0,01

Т а б л и ц а 3

Достоверность различий психологических свойств по Т-критерию Стюдента (юноши)

Показатели	Группа 1	Группа 2	t	p
Стиль 1				
F (сдержанность (-) – экспрессивность (+))	0,62	0,48	2,15	<0,05
Q1 (консерватизм (-) – радикализм (+))	0,60	0,48	2,67	<0,01
Стиль 2				
С (слабость Я (-) – сила Я (+))	0,57	0,69	-2,03	<0,05
Н (робость (-) – смелость (+))	0,59	0,73	-2,29	<0,05
Эргичность коммуникативная	0,61	0,75	-2,89	<0,01
Скорость интеллектуальная	0,56	0,69	-2,22	<0,05
Стиль 3				
F (сдержанность (-) – экспрессивность (+))	0,51	0,66	-2,22	<0,05

Стоит отметить, что полученные данные о связи биоэлектрических показателей с факторами личности по Кеттеллу частично совпадают с ранее проведенными исследованиями в лаборатории Э.А. Голубевой. В частности, подтверждаются связи мощности тета-ритма с факторами Е (конформность – доминантность), І (жесткость – чувствительность), мощности альфа-ритма с фактором І (жесткость – чувствительность) [2].

Выводы

1. Стиль биоэлектрической активности мозга есть сложное образование, проявляющееся в типичной

электрической активности мозга у разных людей в одной и той же ситуации и при действии одних и тех же раздражителей, которое выражается в совместном доминировании или подавлении определенных биоэлектрических параметров мозга.

2. В структуре стиля биоэлектрической активности находит свое отражение биологический пол.

3. Биологический пол находит отражение в связях стилей БЭА мозга со свойствами личности.

4. Биологический пол отражается в связях стилей БЭА мозга с психодинамическими свойствами индивидуальности.

5. Поставлен вопрос об уточнении структуры стилей БЭА мозга.

В данной работе предложен новый способ изучения свойств БЭА мозга не как отдельных единиц, а как целостной структуры взаимосвязанных параметров – стиля.

Литература

1. Вяткин Б.А. Лекции по психологии интегральной индивидуальности человека. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2000.
2. Голубева Э.А. Способности. Личность. Индивидуальность. Дубна: Феникс+, 2005.
3. Дорфман Л.Я. Метаиндивидуальный мир: методологические и теоретические проблемы. М.: Смысл, 1993. С. 50–57, 79–97.
4. Жирмунская Е.А. Системы описания и классификации электроэнцефалограмм человека. М.: Наука, 1984.
5. Интегральная индивидуальность человека и ее развитие / Под ред. Б.А. Вяткина. М.: Институт психологии РАН, 1999.
6. Лебедев А.Н. Когнитивная психофизиология на рубеже столетий // Психологический журнал. 2002. Т. 23. С. 85–92.
7. Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986.
8. Небылицын В.Д. Проблемы психологии индивидуальности / Под ред. А.В. Брушлинского. Москва; Воронеж: МОДЭК. 2000.
9. Русалов М.В. Биологические основы индивидуально-психологических различий. М.: Наука, 1979.

STYLE OF BIOELECTRIC ACTIVITY OF A BRAIN AND ITS REFLECTION IN EEG

B.A. Vjatkin, A.V. Fedotov (Perm)

Summary. The way of studying the properties of bioelectric activity of the brain as complete structure of the interconnected parameters is offered. The concept style of bioelectric activity of a brain is presented. Interconnection between style BEA and various levels of integrated individuality depending on a biological gender of the person is considered.

Key words: style of bioelectric activity, EEG, integrated individuality, sexual distinctions.

ФЕНОМЕН СТРЕССА В КОНТЕКСТЕ ТРАНССПЕКТИВНОГО АНАЛИЗА

Т.Г. Бохан (Томск)

Аннотация. Рассматривается возможность применения метода транспективного анализа как способа постнеклассического мышления в психологии для анализа становления научных представлений о психологии стресса, понимания его как многомерного и системного явления. На основании транспективного анализа развития представлений о стрессе осуществляется проектирование концептуальных оснований, необходимых для понимания и объяснения феномена в призме постнеклассической парадигмы.

Ключевые слова: стресс, транспективный анализ, постнеклассическое мышление, культурно-исторический подход, тенденции, противоречия, смысл стресса, эмоционально-установочный комплекс, надситуативный синдром, самоорганизация, целостность человека.

Транспективный анализ мы вслед за В.Е. Ключко [1] понимаем как методологически оправданное средство познания, адекватное постнеклассическому мышлению. Основной предмет транспективного анализа – это становление, через которое необходимо изучать открытые самоорганизующиеся системы с присущими им источниками саморазвития, обеспечивающими закономерное усложнение их системной организации. С позиции теории психологических систем к таким системам относится как наука, так и сам человек, выступающий предметом научного познания. Метод транспективного анализа, ориентированный на вскрытие тенденций развития науки, включающих и такие, каковыми являются антропологизация, гуманитаризация, гуманизация, онтологизация психологического познания, позволяет оценить те постепенно идущие преобразования всей проблематики стресса, которые делают психологический анализ действенным в прогностическом плане.

Биологическая модель рассматривала стресс как неспецифическую физиологическую реакцию. Качественное отличие физиологического стресса от психологического подчеркивалось и аргументировалось в работах Р. Лазаруса [2] и других исследователей психологии стресса. В используемом нами транспективном анализе феномена психологического стресса установлено, что на первом системном уровне становления психологической науки изменение содержательного состава этой категории осуществлялось по мере изменения предмета науки. Психологии удалось выйти за пределы замкнутого на себя сознания. Психическое стало исследоваться в различных связях и отношениях – по отношению к деятельности, сознанию, мозгу, субъекту, личности и т.д. Предмет психологии стал превращаться в нечто неуловимое, «расползающееся» по разным микросистемам, в каждой из них открывалась какая-то определенная качественная специфика психического или особая его функция. В такой ситуации науку от полного распада удерживали методологические принципы, исходной базой для которых был гомеостаз – представление об адаптивной функции психики определило дуалистичность принципов детерминизма и в последующем повлияло на формирование представлений о стрессе как «адаптивном синдро-

ме». Имеются данные электронного поиска в психологической периодике: «с 1887 по 1999 год было найдено 70 856 работ о депрессии, 57 800 о тревоге, 8 072 о гневе, 5 701 об удовлетворенности жизнью, 2 958 о счастье и 851 о радости. В целом исследования отрицательных эмоций перевешивали исследования положительных в 14 раз» [3].

Уровень системности науки возрастал по мере выделения нескольких крупных и влиятельных моносистем. Каждая из таких систем выстраивалась на своем объяснительном принципе. В психоаналитической теории проблематика стресса разрабатывалась в соответствии с тем образом человека, который складывался в теории: больной, раздираемый комплексами и сугубо зависимый человек, для которого сама зависимость есть не что иное, как проявление посредничества Я в интрапсихическом конфликте, выступая, помимо всего прочего, выражением сопротивления и защиты. Неважно, возникает ли такая зависимость из недостаточной удовлетворенности или формирования чрезмерных требований в период оральной фазы психосексуального развития или из переживания страха расставания в анальной фазе развития. Все равно это выливается в новую дозу тревожности, связанной с желанием победить соперника и отомстить объекту, принесшему разочарование.

Рядом с образом активно страдающего «человека Фрейда» формировался образ «реактивного человека», создаваемого бихевиоризмом, перенесшим акценты на характер поведения индивида при воздействии неблагоприятных стимулов. В гештальтпсихологии стресс не выйдет из рамок гештальта и будет характеризоваться в терминах инсайта и целостности восприятия. Эти направления стали источниками выделения видов стресса: на уровне личности – фрустрация потребностей, внутриличностный конфликт, кризис; на уровне поведения – дезадаптация, дезадаптивное поведение; на уровне сознания – аффекты, отрицательные эмоции, восприятие угрозы.

Отсюда можно заключить, что закономерности в определении предмета науки заметно сказываются на постановке и решении конкретных исследовательских задач, в качестве которых выступает и стресс. Представленные на этом уровне системности концеп-

ции стресса отличаются преобладанием в них идей изоляционизма, субъективизма, «предметоцентризма». Проблематика стресса рассматривается в отдельных ее элементах (физиологические реакции, аффекты, бессознательное, поведение), исходя из их сущности, и в биологической модели адаптивной природы. Л.С. Выготский считал, что если проблема общего понятия не будет решена, то любой научный факт предстанет перед нами отраженным в трех системах поочередно, принимая три различные формы, «вернее, это будут три различных стороны одного факта, еще вернее, это будут три разных факта» [4. С. 298].

Вторая форма системности, которую стала постепенно реализовывать наука, отразилась в становлении новых представлений о феномене «стресса». Они были связаны с тем, что наука научилась различать простые системы и сложные саморегулирующиеся. Наступала эпоха неклассицизма. Заложенная в идее саморегуляции идея обратной связи позволила увидеть в психологическом стрессе результат взаимодействия личности и среды – состояние, детерминированное когнитивными, личностными и поведенческими параметрами, принимающее форму динамического процесса (см. [2] и др.). Изучение стресса с позиции деятельностного, системно-деятельностного, субъектно-деятельностного, личностно-ситуационного подходов в отечественной психологии позволило увидеть истоки стресса не внутри субъекта, а в деятельности, опосредующей связи личности с миром; изучать феномен стресса как системное явление, представленное взаимодействием основных структурных уровней функционирования индивида и деятельностью, где осознанная, субъектная позиция в выборе стратегий поведения приводит к успешному совладанию со стрессом и свидетельствует о личностном развитии; рассмотреть процесс переживания – совладания с критическими ситуациями как деятельность, связанную с уровнем развития сознания и жизненного мира человека; считать явления стресса фрагментом жизненного пути личности, что в целом отражает тенденцию онтологизации в психологической науке. Однако принцип отражения и адаптивная функция психики продолжали удерживать дихотомию субъективного и объективного в представлениях о психологическом стрессе.

Представителями отечественной и зарубежной психологии стресс стал рассматриваться как онтологический и метапсихологический феномен бытия человека [5–8]. В гуманистической и экзистенциальной психологии [9–13] поставлена проблема смысла напряжения, тревоги в бытии человека для его развития, становления личностной зрелости. В преодолении стресса исследователи обращают внимание на необходимость решения задачи «на смысл», «смыс-

лопорождение», «динамику смыслов», «расширение, раскрытие границ восприимчивости и переживания», «трансценденцию», «личностный рост», «самоактуализацию». Значительное место в проблеме совладания с трудностями отводится ценности творчества как способу «самостроительства» личности, созидания человеком самого себя, воплощения собственных проектов и замыслов [10–19]. И все-таки зарождающаяся позитивная психология отметила один недостаток гуманистической психологии, которого стремится избежать, – не прерывать, в отличие от гуманистической психологии 1960–70-х гг., связи с научной методологией.

Лозунг позитивной психологии был выдвинут совсем недавно – в 1999 г., сразу после того, как президентом Американской психологической ассоциации (АРА) был избран Мартин Селигман. В научном мире это имя связывается, прежде всего, с разработанной им концепцией выученной беспомощности, которой он позже противопоставил концепцию выученного оптимизма. М. Селигман и М. Чиксентмихайи обосновывали необходимость переноса акцента с негативных и проблемных аспектов человеческого существования на позитивные и сильные стороны. В проблеме стресса стал крепнуть интерес к эустрессу, который доселе прятался в нише экзистенциальной психологии, подавленный мощным потоком гораздо более заметного и привлекательного в качестве предмета исследования негативного стресса (дистресса).

Разработка проблемы стресса в рамках неклассического мышления показала, что стресс можно рассматривать на уровне сознания – как то, что имеет для человека смысл; на уровне личности – как то, что может быть связано с угрозой ценностям как высшим личностным образованиям; на уровне деятельности – как трудности реализации жизненных смыслов; на уровне поведения – когда человек перестает понимать смысл и ценность своих действий. Поступающие из сферы психологии стресса данные при попытках их объяснения стали вступать в противоречие с доминирующим принципом психического отражения, полагавшим основным предметом научного изучения психику, ограничивающим не только предметное, но и проблемное поле научных исследований вообще, в том числе и проблематику стресса и стрессоустойчивости. Рассмотрение феномена стресса как многомерного и многокачественного явления требовало другого способа мышления – постнеклассического, отражающего переход психологической науки на третий системный уровень.

Третий системный уровень становления психологической реальности, связанный с интеграцией моносистем (сознание, личность, деятельность, природная и социальная среда) на основе принципа системности, снимающего дихотомию внутреннего и внеш-

него, позволяет представить их взаимодействие и продукты взаимодействия. В постнеклассической трансперспективе стресс открывается как совокупность психологических проявлений, сопровождающих процесс саморазвития человека, в котором раскрывается его сверхадаптивная природа, нормотворческий гетеростатический характер. Стресс – системное явление, результат взаимодействия психологической системы с внесистемным пространством, особенной характеристикой которого является невозможность психологической системы быть открытой – устанавливать соответствие с элементами среды и отбирать те из них, которые отвечают этому соответствию. Стресс теперь можно представить как то, что возникает между человеком и средой, когда оказываются заблокированными механизмы избирательности, благодаря которым система (человек) совершает с ней обмен информацией, энергией, веществом. Возможности (способности, потенции человека) не могут определить то место в окружении человека, в котором они могут превратиться в действительность.

Учитывая, что переход возможностей человека в действительность представлен в процессах самореализации, возникновение стресса теперь можно связать с большим количеством факторов онтологического порядка. Иными словами, вывести всю проблематику стресса из гносеологии отражения в онтологию порождения жизненного мира человека, многомерного пространства его бытия. С позиции культурно-исторического подхода разного рода трудности, возникающие на пути саморазвития человека как способа его существования в качестве открытой системы, вызывают стресс, поскольку они затрагивают саму возможность жизни человека как существа, открытого в мир.

Так как в основе соответствия, как причины взаимодействия, лежит стремление систем удержать свою целостность (что и порождает опознание своего за пределами себя), стресс может рассматриваться как угроза потери целостности психологической системы, способной существовать только в развитии, проходя этапы закономерного усложнения. Эта угроза возникает в ситуации разрыва между образом мира человека и образом его жизни. Стресс, представляя собой системное явление, возникает в системе, порождается системой и проявляется различными вариантами разрешения сложившегося в ней противоречия.

Таким образом, в отстаиваемой нами совокупности теоретико-методологических положений стресс представлен как явление, которое не просто сопровождает процесс выхода человека на новые горизонты собственного развития, но и является условием этого выхода, выступая, с одной стороны, в качестве механизма саморазвития человека, а с другой – проявлением присущей ему самоорганизации, имеющей

культурную обусловленность. Эмоции, сопровождающие стресс, отражают конфликтацию в ценностно-смысловых полях жизненного мира человека, за которыми стоит борьба противоположных тенденций – стремление к стабильности, с одной стороны, и к изменениям – с другой. Эта борьба и выливается в самодвижение системы как основание ее устойчивости. Здесь стресс представляет собой системный феномен, амбивалентный по своей природе: он может переживаться как самодиагностика системы, обнаруживающей новые горизонты развития и обладающей готовностью выхода к ним (модель «эустресса»), и как оценка начинающейся деструкции системы, которая не может удержать свою целостность в силу факторов, блокирующих возможность саморазвития и самореализации (модель «дистресса»). Стресс, таким образом, выступает как не всегда в полной мере осознанный, но всегда необходимый момент удержания целостности системы, ее прогрессивного развития как способа удержания этой целостности.

Поскольку жизнь человека представляет собой процесс постоянного самостановления, развития, идентичность будет подвергаться изменениям, связанным с этим процессом. Человек отрицает себя сегодняшнего ради себя завтрашнего. Следовательно, переживание угрозы потерять целостность является достаточно устойчивым атрибутом жизни суверенной личности.

Понимание этого процесса и его принятие должны позволить человеку относиться к трудным ситуациям не как к проблемам, обусловленным средой и нарушающим его привычное состояние, а как к тому, что имеет смысл для его жизненного становления, для его самореализации, саморазвития. Через стресс человек может различать «точки бифуркации» – принимать решения, как это и подобает суверенной личности. В управлении стрессом возникают задачи:

- понимания своего стресснапряженного состояния, его связи с успешностью самореализации;
- открытия позитивного смысла стресснапряженности для задач самореализации, самостановления;
- понимания собственного состояния «напряженной возможности», когда смыслы подсказывают каналы выхода в реальную жизнедеятельность;
- соотношения смысла с ценностями, в отношении которых переживается угроза невозможности их реализации и поиск и выбор нового смысла;
- воздействия на себя и использования потенциала среды (многомерного мира) для самотрансценденции, преодоления сложившихся установок, форм поведения, образа жизни и выхода на новые ценностно-смысловые параметры и соответствующие им формы поведения.

В этом ракурсе стресс может рассматриваться как «надситуативный», «сверхадаптивный синдром», а его функции определены по отношению к человеку как

существо ищущему, находящему и реализующему возможности выхода на новые параметры собственного развития, к новым сферам самореализации. Психоло-

гический стресс обретает онтологический статус и может рассматриваться как явление, связанное с процессом становления многомерного мира человека.

Литература

1. Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности. Томск: ТГУ, 2006.
2. Лазарус Р. Индивидуальная чувствительность и устойчивость к психологическому стрессу // Психологические факторы на работе и охрана здоровья. Москва; Женева, 1989. С. 121–126.
3. Психология – наука о нарушениях? Сайт позитивной психологии: http://www.positivepsychology.ru/history/leontiev_article.htm
4. Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6 т. М., 1984. Т. 3.
5. Магомед-Эминов М.Ш. Психология уцелевшего // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2005. № 3. С. 3–18.
6. Дорожевец А.Н. Когнитивные механизмы адаптации к кризисным событиям // Журнал практического психолога. 1998. № 4. С. 3–17.
7. Трубицына Л.В. Переживание травмирующего события как проблема психологии личности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2005. 23 с.
8. Шакуров Р.Х. Психология преодоления // Вопросы психологии. 2003. Вып. 4. С. 21–29.
9. Рассказова Е.И. Динамика смысла в процессе совладания с тревогой // Проблема смысла в науках о человеке (к 100-летию В. Франкла): материалы международной конференции / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2005. С. 176–179.
10. Олпорт Г. Становление личности. М.: Смысл, 2002.
11. Мадди С. Смыслообразование в процессе принятия решений // Психол. журнал. 2005. Т. 26, № 6. С. 87–101.
12. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб., 1999.
13. Роджерс К. Становление личности. М., 1994.
14. Селигман М.Э. Как научиться оптимизму. М.: Вече, 1997.
15. Мэй Р. Смысл тревоги. М.: Класс, 2001.
16. Леонтьев Д.А. Личностное в личности: личностный потенциал как основа самодетерминации / Ученые записки кафедры общей психологии МГУ им. М.В. Ломоносова / Под ред. Б.С. Братуся, Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. Вып. 1. С. 56–65.
17. Леонтьев Д.А. Экзистенциальная тревога и как с ней бороться // Московский психотерапевтический журнал. 2003. № 2. С. 18–30.
18. Василюк Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М.: Изд-во МГУ, 1984.
19. Кабрин В.И. Коммуникативный мир и транскоммуникативный потенциал жизни личности. М.: Смысл, 2005. 248 с.

PHENOMENON OF STRESS IN A CONTEXT OF TRANSSPECTIVE ANALYSIS

T.G. Bokhan (Tomsk)

Summary. The opportunity of application of a method of transpective analysis as way of nonclassical thinking in psychology for the analysis of becoming of scientific representations about psychology of stress is considered. On the basis of transpective analysis of a phenomenon of stress designing its conceptual bases on principles of the third system level of becoming of psychological knowledge is carried out.

Key words: stress, transpective analysis, postnonclassical thinking, tendencies, contradictions, the cultural – historical approach, sense of stress, an emotional-adjusting complex, above-situate syndrome, variants of resolution of conflicts, self-organizing, integrity of the person.

ИДЕНТИЧНОСТЬ – ЭЛЕМЕНТ ТРАНСТЕМПОРАЛЬНОГО МИРА И ФРОНТ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ОПЫТА

О.В. Лукьянов (Томск)

Аннотация. Статья посвящена одному из аспектов нового подхода (транстемпорального), разрабатываемого автором, в качестве метода изучения человеческой экзистенции в контексте социальных практик. Рассматривается проблема идентичности как форма переживания человеком конфликта времен, постоянно происходящего или угрожающего живому существу. Решение проблемы идентичности – практическая задача, которую предлагается квалифицировать как фронт экзистенциального опыта.

Ключевые слова: идентичность, экзистенция, темпоральность, конфликт, опыт, смысл жизни.

Для удобства чтения статьи, может быть, полезно уточнить смысл основных категорий. Основные понятия, использующиеся в статье:

Идентичность (самоидентичность) – тождество опыта, переживаемого человеком при осознании своего «я» в отношении времени и многообразия состояний. То есть осознание того, что при всех изменениях, происходящих в физическом, психологическом, социальном, духовном плане, «я» человека продолжает оставаться тем же самым.

Множество времен – термин относится к так называемому экзистенциальному времени, т.е. времени опыта (в противоположность абстрактному времени, которое представляется пустым и измеряемым механистически, например часами). Экзистенциальное время как психологическая категория всегда время для чего-то, поэтому смыслов у времени много. Если говорить о действительности как о сферах выбора, то конкретные, ситуативно обусловленные возможности – это и есть времена, а множество возможностей, соответственно, есть множество времен.

Темпоральность – длительность переживания. Термин, обозначающий время в качестве длительности жизни чего-то. Дополняющим термином для характеристики времени является «транс», обозначающий время как истечение, завершение, переход.

Понимание психологических явлений часто не может быть однозначным настолько, насколько это возможно в отношении явлений естественных, объективных, вещественных. Но однозначность понимания психологических явлений необходима. Для достижения однозначности и ясности выводов при понимании психологических явлений мы склонны представлять их в виде определенного однородного процесса. То есть помещать интересующий нас смысл в некоторую темпоральную однородность и иметь дело со временем как контролируемо изменяющейся переменной.

Но при переходе к смысловым уровням интерпретации, при переходе на онтологический уровень, в свете относительности и дополнительности смыслов существования мы должны признать, что темпоральной однородности предшествуют события, согласовывающие различные возможности хода жизни, потенциалы жизни. События согласования этих потенциалов детерминируются специфическим измерением,

которое в естественных науках называется транстемпоральным. В психологии этот термин пока не имеет широкого распространения, но мы его используем, и думается, что это перепекарно.

Транстемпоральные феномены – это такие формы осознания опыта, которые переживаются в соответствии возможностей настоящего, прошлого и будущего. Так, в транстемпоральной перспективе мы можем видеть три типа осознания опыта будущего (прошлого, настоящего): настоящее будущее (будущее, которое есть в сознании сейчас), прошлое будущее (будущее, которое в сознании было раньше), будущее будущее (будущее, которое еще будет в сознании). При этом в границах каждого типа времени могут быть поняты и описаны различные содержания опыта, обусловленные спецификой социальных практик. Самоидентичность (далее просто идентичность), вероятно, является полем согласования жизненных тенденций, формирующих хронотоп человеческой экзистенции (Мамардашвили, 2005).

Благодаря сложности сформированных в процессе социальной эволюции и эволюции сознания психологических систем человек живет не в одном потоке времени, как просто организованные существа, и не в ограниченном наборе временных потоков, как существа сложно организованные, но все же жестко детерминированные внешними силами, а в неопределенном множестве потоков времен. (Отметим, что человек может уподобляться существам более просто и более сложно организованным. Но это только уподобление, а не становление ими. Так и ученые отдельных специальностей в целях исследований могут уподоблять человека более просто организованным существам.)

Уподобление – один из аспектов идентификации. Идентифицируясь с чем-либо продолжительным и воспроизводимым, мы отдаем себя во власть каналов бытия, подобно тому, как переключаем каналы телевидения. Каждый канал предоставляет определенный опыт, который рефлексруется и поддерживает идентичность личности. Но специфически человеческим является не подобие, а способ согласования возможностей подобия. Согласование различных форм опыта требует особых усилий, так как эти опыты могут быть в конфликтных отношениях.

Время есть не только модус бытия, но модус конфликта времен, конфликта темпоральностей. Этот конфликт является неустрашимым и жизнетворящим. В контексте этого конфликта появляются и развиваются формы жизни. Все специфически человеческие времена представляют собой конституирование конфликта силовых линий различных темпоральностей, причем сложность этих связей в процессе жизни растет. Человек – узел в сети времени. Время человеческой жизнедеятельности – фокус конфликта времен. Связывать различные темпоральные миры в короткоживущие, маргинальные формы своих решений и своей жизнедеятельности – экзистенциальная обязанность человека, эта обязанность усложняется в связи с увеличением возможностей быть собой, и выполнять эту усложняющуюся обязанность человеку позволяет речь. Не сам по себе язык, слово, мышление, сознание или деятельность, а речь, конституирующая неустрашимый конфликт времен.

«Человек получает слова пустыми. Но по мере того как они насыщаются смыслом, они становятся шпорами, уздой, удилами. Появляются жестокие слова, от них плачут. Появляются певучие слова, от них светлеет на сердце» (Сент-Экзюпери, 2003. С. 669).

Конфликт времен неустрашим, но в каждый конкретный период времени человеческой жизни он как-то конституируется, переживается. Человек связывает модусы темпорального конфликта в новую темпоральность, которая не свойственна ему в качестве существа, не является его атрибутом, но определяет его жизненную форму в опыте экзистенциальных решений, его идентичность. Ценность всякой вещи и в ней самой, и в направленности времени жизни на эту вещь. Ценность существует только в определенном темпоральном мире, но является результатом конфликта темпоральностей.

«Вещь, что обошлась дорого, значима для человека, – вещь, на которую потрачено много времени. В затраченном времени – суть бриллианта, год трудов стал слезой величиной в ноготь. Тачка розовых лепестков – каплей духов. Что мне за дело, чьей будет алмазная слеза, капля аромата? Я заранее знаю: на всех не хватит, но знаю и другое – о культуре судят по вещам, которые она произвела, а не по тому, кто владел этими вещами» (Сент-Экзюпери, 2003. С. 668).

Усложняющиеся системы человеческого времени опираются на тенденциональность конфликта темпоральностей, выражаемую в событиях человеческой речи. Человеческий язык перформативен, и человек выражает то, что в этот момент делает. Язык человека поддерживает время жизненного мира, но и тишина, в которой звучит человеческая речь, тоже есть чье-то воплощенное намерение.

«Я заметил, мой восточный сосед внимателен не к событиям в своем царстве, не к устройству и не к уч-

реждениям, не к вещам, а только к перепаду высот. И если ты захочешь узнать мое царство и отправишься сперва к кузнецам, ты увидишь, они куют гвозди, они влюблены в гвозди, речи их – словословие ковке гвоздей. Потом ты пойдешь к лесорубам, увидишь, как валят они деревья, как увлечены рубкой; первый треск мощного ствола для них – праздник, падение дерева-гиганта – радостное торжество. Ты наведишь астрономов, они погружены в наблюдение за звездами, ты постоишь, послушаешь их молчание. Кузнецы, лесорубы, астрономы любовно делают свое дело. И если я спрошу тебя: “Что творится у меня в царстве? Что у нас будет завтра?” – ты ответишь: “Будут ковать гвозди, валить деревья, наблюдать звезды, у тебя, стало быть, будут запасы гвоздей, древесина, звездные карты”. Не видящий дальше собственного носа, ты проглядел строительство корабля. Конечно, никто не сказал тебе: “Завтра мы выйдем в море”. Каждый убежден, что служит своему богу. Язык каждого так ограничен, что ему не воспеть бога богов – корабль. Но корабль щедр, благодаря ему кузнец влюблен в свои гвозди.

Ты видел бы будущее яснее, если бы приподнялся над дробностью мира и ощутил ту жажду морского простора, какую я разбудил в душе моего народа. Тогда ты увидел бы фрегат – он сделан из гвоздей, досок, стволов деревьев, он послушен звездам, он медленно вырастает в тишине, словно кедр, что вытягивает соли и соки из каменистой почвы и окунает их в солнечный свет.

Если бы ты встал повыше, это устремление в будущее стало бы для тебя очевидным. Ты не ошибся бы – повсюду, где только возможно, явлено тяготение к морю. Ничего ведь не сделать и с земным тяготением, – я выпустил из руки камень, он непременно упадет на землю» (Сент-Экзюпери, 2003. С. 670).

Конфликтуют слова, а жизнь формирует целостности все более сложного уровня регулярностей, но в случае недостаточной ответственности человека жизнь формирует бессмысленные целостности или целостности, имеющие тенденции к самоуничтожению. Активность человека в мире, создаваемом его речью, не сводится к собственно речам, а в определенной степени открывает или закрывает человека от темпоральностей более высокого или более низкого порядка, дает и принимает срок.

«Заметка для памяти: не подчинишь работу заранее продуманной идее. Рассудок слеп. А творение совсем не сумма составляющих его частей. Нужно семечко, чтобы возникло тело. Оно будет таким, какого двигающая тебя любовь. Но предвидеть заранее, каким оно будет, невозможно. Однако логики, историки, критики, пользуясь нелепым языком логики, разнимут твоё творение на составляющие и докажут, что одно в нем надо было бы увеличить, а все остальное уменьшить, и с той же логичностью докажут

совершенно противоположное, ведь когда живешь в царстве абстракций, когда кухня и танцевальный зал для тебя только слова, между ними нет особой разницы, ничего не стоит что-то уменьшать, что-то увеличивать. Слова и есть слова. Что бы мы ни говорили о будущем, разговоры наши бессмыслица. Тебя заботит будущее? Строй сегодня. Пробуди страсть, она изменит настоящее, а следом и будущее. Не занимай сегодняшний день завтрашними заботами. Питает тебя настоящее, а если ты отвернешься от него, ты умрешь. Жизнь – это осваивание настоящего, оно сплетено из множества продлевающих нитей, устоявшихся связей, но язык не в силах вместить их и выразить. Равновесие настоящего составлено из тысячи равновесий. И если ты, проводя задуманный эксперимент, нарушишь одно из них, – у слона-великана рассечешь одну узенькую жилку, – слон умрет.

Нет, я не о том, чтобы ты ничего не менял. Ты можешь изменить все. На бесплодной равнине вырастить кедровый лес. Но важно, чтобы ты не конструировал кедров, а сажал семена. И тогда в каждый миг семечко или то, что растет из него, будет в равновесии с настоящим.

С множества точек зрения можно судить об одном и том же. И если с моей вершины я примусь делить людей с точки зрения их права быть сытыми, вряд ли кто-то сочтет мою точку зрения несправедливой. Но если я поднимусь на другую гору и по-иному взгляну на людей, то, полагаю, справедливым мне покажется что-то иное. А мне хотелось бы не позабыть ни об одной из справедливостей. Поэтому я наблюдаю за людьми.

(Справедливость не одна, их бесконечное множество. Я могу распределить моих генералов по возрасту и старейшим воздавать почести и назначать их на все более ответственные посты. Или, наоборот, могу вознаграждать их отдыхом, с годами предоставляя им все больше прав на него и перекладывая ответственность и обязанности на плечи более молодых. Я могу судить обо всем с точки зрения царства. Могу судить с точки зрения частного лица. Могу судить с общечеловеческой точки зрения, ратуя за частное лицо или против него.)

Основа моей армии – иерархия, но стоит мне попытаться определить, что для моей армии справедливо, а что несправедливо, как я попадаю в сеть неразрешимых противоречий. О человеке можно судить по заслугам, по способностям и исходя из соображений высшего блага. Вот я построил лестницу неоспоримых достоинств, но стоило поместить их в другое измерение, как они оказались спорными. И если мне наглядно доказывают, что решения мои чудовищны, я не впадаю в смятение. Я знаю заранее, непременно найдется точка зрения, с которой они поразят именно своей чудовищностью, но я хочу, чтобы новое прижилось к уже существующему,

чтобы оно пустило корни, чтобы истина не была словесной, чтобы в ней была осязаемая для всех весомость» (Сент-Экзюпери, 2003. С. 666).

Известный теоретик в изучении времени Фрейзер называет многообразные конфликты сил, порождающих различные формы напряжения и, соответственно, уровни темпоральностей, экзистенциальным напряжением (Fraser, 1982; Гансвид, 1993). В экзистенциальном напряжении взаимодействуют различные формы овременности мира, что и есть жизнь в качестве модусов бытия. Феноменология переживания динамики экзистенциального напряжения описана философами и психологами экзистенциальной ориентации. Можно упомянуть такие модусы бытия, как «искусство любить» Э. Фромма, «мужество быть» П. Тиллиха, «творчество» Н. Бердяева, «открытость бытию» М. Хайдеггера и др. Но дальше всех в понимании вопросов взаимодействия темпоральностей продвинулись экзистенциалисты диалогической ориентации.

Каким образом человек осваивает времена своего жизненного мира, становясь, сбываясь в темпоральном мире, понял О. Розеншток-Хюсси, создав метод, соединяющий понимание времен личностного, общественного, исторического и теологического опыта (времени человеческого взаимодействия в психологическом, социальном, историческом и религиозном масштабах) (Монастырская, 2001).

Основная идея созданного им «грамматического метода» заключается в видении у человека (социума и культуры) целостности четырех речевых форм, или речевых ориентаций. Розеншток-Хюсси представляет знание как проявление человечности в человеке, формирующееся в потребность присутствовать в лоне четырех ориентаций речи: в повелительно-обращенной (императивной) речи; в субъективной речи; в повествовательной или «траекторной» и, наконец, в объективной, ориентированной на внешний мир. Эти речевые ориентации равноправны и взаимосвязаны в жизни человека и общества в целом, но важно их артикулирование в хронологической последовательности. Грамматический метод Розенштока-Хюсси позволяет видеть темпоральность переходного типа – ту самую короткоживущую форму, которую предположил, но не обнаружил Фрейзер, мир «между» – Mitwelt, выделяемый в экзистенциальном анализе.

Грамматический метод позволяет всякий человеческий опыт, свершение или проблему рассмотреть и понять в четырех направлениях: в направлении императива, дающего толчок событию; в направлении интериоризации познания на субъективной стадии личностного «я»; в направлении социализации и институализации поступка; в направлении относительной завершенности данного явления как части действительности. Но важна хронологическая последовательность артикуляции, восприятия и от-

ветов, т.е. время диалогического присутствия. Нарушенность последовательности и неаутентичность речи создает время неаутентичности жизни. Все болезни человека и общества – это болезни языка. И болезни и выздоровления, таким образом, возникают в особой темпоральности, в длительности модулов артикулирования человеческой речи. Это время и есть время становления человеческого в человеке.

Особая темпоральность, которая понимается нами как время становления и бытия человека и человеческого времени в последовательности четырех направленностей речи, может быть названа транс-темпоральностью – временем перехода от конца существующего к началу возникающего, временем слова, начинающего, продолжающего и завершающего времени человека. В буквальном смысле транс-темпоральность – это переходность времен. На языке естественных наук транс-темпоральность может быть понята как градиент времени, тенденция симфонизации времен.

Жизненные формы транс-темпорального мира – это диссонансы и консонансы взаимодействующего становления темпоральных миров и существ. Транс-темпоральный диссонанс – это дефективный модус бытия. Транс-темпоральный консонанс – эффективный модус.

По мнению Фрейзера, лишь растущее экзистенциальное напряжение может гарантировать существование самоподдерживающихся, открытых, незавершенных процессов. Уменьшение экзистенциального напряжения приводит к хаосу, предшествовавшему конфликту времен, в котором возник актуальный мир. Но в реальности повседневной жизни человека нарастание и уменьшение экзистенциального напряжения – это составляющие социальной ситуации, составляющие ситуации социальных изменений.

Если стремиться к такой форме психологического исследования, которая не будет отчуждением от жизни, то, вероятно, следует признать, что исследование должно симфонизировать тенденции нарастания и уменьшения экзистенциального напряжения, способствуя при этом становлению и утверждению аутентичных форм жизни, т.е. исследование в целом так же должно не уменьшать, а увеличивать рост экзистенциального напряжения, соответствовать главной тенденции живого времени. Значит, онто-ориентированный экзистенциальный анализ может осуществляться в качестве научного исследовательско-

го метода в контексте специфического темпорального мира – транс-темпорального, мира метастабильных состояний, определяющих тенденции переходов времен, градиенты времени, мир, населенный не только существами, обладающими или не обладающими массой, существами с узким или широким горизонтом прошлого и будущего, но существами и состояниями высокой интенсивности интенциональности, метасуществами, принимающими решения.

«Истину рождает несхожее с ней.

Ты удивлен? Но тебя же не удивляет, что вода, которую ты пьешь, хлеб, который ты ешь, преобразуются в сияние глаз, не удивляет, что солнце становится листвою, плодами, семенами. Хотя в семени нет ничего схожего с солнцем и с будущим кедром тоже.

Порожденное не означает подобное.

Сродство в подспудном течении, оно незримо для глаз, для ума, его чувствует душа. Незримое течение я и имею в виду, говоря, что творение сродни Творцу, плод сродни солнцу, поэзия сродни жизни души, человек, которого я из тебя нарабатываю, сродни укладу моего царства.

Сказанное мной важно. Без чуткости к незримому, подспудно ощущаемому течению ты не увидишь в несхожем преемственности, уничтожишь несхожее и лишишься возможности расти дальше. Ты станешь деревом, которое, не узнав в своих плодах солнца, отгородилось от солнца. Книги не могут рассказать о породившем их веющем духе, – ученый, тщательно изучив, как они построены, и построив свою книгу, пустую, никчемную, не найдет для нее читателя: все разбежались» (Сент-Экзюпери, 2003. С. 721).

Конвенционализация представлений о транс-темпоральном мире, обозначение важности модуса открытости бытию, «чуткости к незримому», утверждение регулярностей становления человеческого в природе, человеке, укладе, жизнедеятельности научным психологическим дискурсом позволит опираться на принципы экзистенциального анализа не только в различных отраслях человеческой практики, но и в фундаментальных исследованиях, целью которых является симфонизация человеческих деятельностей, аутентичное преодоление естественной дробности сверхъестественным усилием становления и восстановления целостности.

Это один из немногих видимых сегодня шансов преодоления растущего разрыва между психологической теорией и практикой.

Литература

1. Монастырская И.А. «Грамматический метод» О. Розенштока-Хюсси как методология гуманитарных наук // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. К 80-летию профессора Моисея Самойловича Кагана: Материалы Междунар. науч. конф. 18 мая 2001 г. Санкт-Петербург. Серия «Symposium». СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. Вып. 12. 328 с.

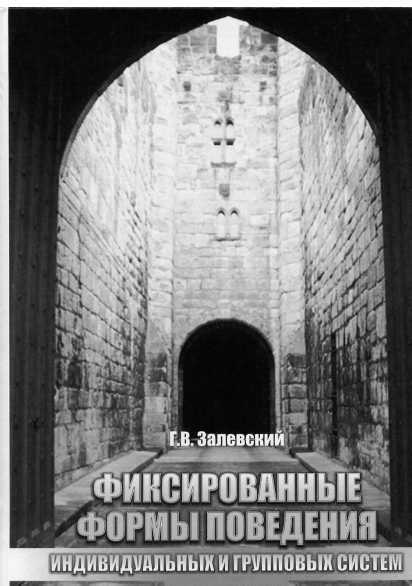
2. Сент-Экзюпери А. де. Южный почтовый. Ночной полет. Планета людей. Военный летчик. Маленький принц. Цитадель: Сб.: Пер. с фр. / А. де Сент-Экзюпери. М.: Пушкинская библиотека, АСТ, 2003. 893 с.
3. Fraser J.T. The Genesis and the Evolution of Time. Brighton, 1982.
4. Гансвид И.Н. Дж.Т. Фрейзер и его теория времени: Доклад на семинаре «Изучение феномена времени» 12.14.1993. Институт исследований природы времени. <http://www.chronos.msu.ru/relectropublications.html>
5. Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. Лекции. 1984–1985 гг. www.mamardashvili.ru/2005

IDENTITY AS AN ELEMENT OF TRANSTEMPORAL WORLD AND THE FRONT OF EXISTENTIAL EXPERIENCE

O.V. Lukyanov (Tomsk)

Summary. This article is about one of aspects of new (transtemporal) methods, the author now works on. The author offers to use transtemporal method as a way to study human existention in the context of social practices. The problem of identity is considered. Identity is a form of man's emotional experience of temporal conflict. This temporal conflict is always in process and threaten all the humans. The solution of the problem of identity is a practical question which the author offers to qualify as a front of existential experience.

Key words: identity, existence, temporality, conflict, experience, the purport of life.

Залевский Г.В. Фиксированные формы поведения индивидуальных и групповых систем (в культуре, образовании, науке, норме и патологии). – Москва; Томск: Томский государственный университет, 2004. – 460 с.

ISBN 5-94621-92-0

В монографии проанализированы и систематизированы отечественные и зарубежные данные, материалы собственных многолетних экспериментально-психологических исследований фиксированных форм поведения на основе системного структурно-уровневого подхода. Дается классификация широкого спектра фиксированных форм поведения – персеверативного, стереотипного и ригидного. В центре экспериментально-психологического анализа находится ригидность–флексibilität в континууме предиспозиционного фактора феноменологии фиксированных форм поведения отдельного человека как индивидуальной системы, семьи, организационных сообществ, школы, этносов как групповых систем.

В последнем разделе монографии аргументируется дифференциально-диагностическое, прогностическое, реабилитационное значение проблемы фиксированных форм поведения для медико-психологической практики, а также практик образовательной, инновационной, научного творчества и межэтнических отношений.

СИСТЕМНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЖИЗНЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ ЛИЧНОСТИ НА ПЕРЕЛОМНЫХ ЭТАПАХ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ

И.А. Ральникова (Барнаул)

Аннотация. Жизненная перспектива рассматривается как многоуровневое системное образование, в структуре целостных представлений о котором можно выделить ряд взаимосвязанных составляющих: ценностно-смысловую, эмоционально-оценочную, организационно-деятельностную, рефлексивную, креативную. В статье отражены результаты серии научных исследований, позволивших выявить и описать особенности трансформаций представлений о жизненной перспективе субъектов, переживающих переломные события жизненного пути.

Ключевые слова: представления о жизненной перспективе, психологическая система, событие, иерархическая структура перспективных представлений, системная трансформация, переломные события жизненного пути.

В последнее время в психологической науке укрепилась позиция системного изучения разнообразных феноменов, явлений и процессов. Результаты современных исследований проблематики жизненной перспективы, выполненных в русле системного подхода Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, Б.Ф. Ломова, К.К. Платонова и др., использующих принципы анализа изучаемых явлений с точки зрения целого, обладающего свойствами, которые невозможно вывести из его фрагментов, специфичностью и многообразием проявлений, их зависимостью от сферы бытия человека, уровня организации, развития, осуществляемой деятельности, обосновывают возможности рассмотрения жизненной перспективы как системного образования, включенного посредством многоуровневых взаимосвязей в систему «человек».

Мы полагаем, что с данных позиций жизненная перспектива личности есть многоуровневая система, существующая в сознании индивида как целостная картина будущего, наполненная связанными между собой планируемыми и ожидаемыми событиями. Однако подобное понимание жизненной перспективы нуждается в обозначении содержания таких ее характеристик, как «целостная картина будущего», «связанность событий между собой». Как известно, одной из базовых характеристик системы является ее целостность. Применяя данную научную идею к исследованию жизненной перспективы, мы посчитали возможным предположить существование ряда взаимосвязанных сторон ее рассмотрения: ценностно-смысловую, эмоционально-оценочную, организационно-деятельностную, рефлексивную, креативную [13, 16, 32]. Межсобытийные связи, задающие основы построения целостной картины будущего, характеризуют совокупность взаимосвязей между жизненными событиями, относящимися не только к модусу будущего, но также к модусам прошлого и настоящего, выстроенным в логике «причина–следствие», «цель–средство». Вместе с тем, рассматривая жизненную перспективу как многоуровневое целостное образование, мы учитывали и ее динамический аспект. По мнению ряда исследователей, жизненная перспектива – это динамичный

образ будущего, а не раз и навсегда выбранная стратегия поведения. Существует мнение, что каждому качественно новому этапу жизненного пути соответствует специфическое содержание перспективы, в которой одни компоненты сохраняют преемственность, а другие – отражают реальные изменения в окружающем мире и в самом человеке. Переход к новым этапам жизненного пути предполагает необходимость коррекции или существенной реконструкции жизненной перспективы с учетом разноуровневых психологических особенностей человека и социальных условий его существования [1, 9, 33].

Многие современные исследования жизненной перспективы как квинтэссенции прошлого опыта, актуальных событий и жизненных ожиданий доказали ведущую роль в управлении временем собственной жизни личностью, показали, что «завтра» – это то, что строится «сегодня. Опорой для планирования будущего личности служат жизненные цели, поставленные адекватно ее способностям, возможностям, системе знаний и опыта, а также намеченные способы их реализации. Спланированная будущая перспектива помогает субъекту направлять усилия в нужное русло, целенаправленно формировать личные достижения, ощущать осмысленность собственных действий и закономерность прохождения жизненных этапов, оценивать значимость принимаемых решений, структурировать время собственной жизни [7, 10, 18].

Сегодня становление и развертывание отношений личности к своим перспективам осложняется специфическими условиями существования российского общества, затрудняющими связь опыта прошлого и ценностей сегодняшнего дня, задающими ощущение зыбкости настоящего, вселяющими тревогу за завтрашний день, а порой депривирующими полноценное развитие личности [23]. Это своеобразные сдерживающие факторы перспективного планирования и управления временем собственной жизни. Особенно уязвимым в таких условиях становится человек, который на своем жизненном пути встречается с переломными событиями, связанными с психотравмирующими стрессовыми ситуациями. Опираясь на

научные взгляды А.А. Кроника и Е.И. Головахи, жизненное событие определяется нами как любая перемена во внешнем и внутреннем мире. В этой связи примерами переломных жизненных событий являются участие в боевых действиях, пребывание в чрезвычайных ситуациях, переживание длительных личностных кризисов, рождение детей с ограниченными возможностями, различного рода аддикции, трудноизлечимые заболевания и др. Многочисленные исследования установили, что такого рода события имеют тенденцию глубоко затрагивать личность, сопровождаются сильными психологическими переживаниями, провоцируют осознание невозможности разрешить трудности и противоречия средствами наличного знания и опыта, а в ряде случаев приводят к изменениям в устоявшейся жизненной опоре в виде системы аттитудов, ценностей, мотивов, целей, стратегий, стилей жизни и др. [3, 20, 23, 30]. По мнению Г.Г. Гореловой, такая опора на переломных этапах жизненного пути не разрушается, более того, она сохраняет свою основную роль стабильного образования, опираясь на которое, человек способен преодолевать неопределенность и справляться с жизненными проблемами [11]. Более того, нами установлено, что под «прессом» жизненных трудностей в ней также могут происходить различного рода трансформации.

Анализируя отечественный контекст изучения жизненной перспективы личности, следует отметить особую роль ее ценностей в планировании будущего как осознанных личностных смыслов, определяющих главные и относительно постоянные отношения человека к основным сферам жизни, к миру, другим людям, к самому себе. Так, К.А. Абульханова-Славская и ряд других исследователей указывают на то, что ценности личности отражают значимость для нее времени жизни, возможностей самореализации на различных этапах жизненного пути [1].

Е.И. Головаха и А.А. Кроник полагают, что жизненная перспектива характеризует способность личности действовать в настоящем в свете предвидения сравнительно отдаленных будущих событий и формируется во взаимосвязи ценностных ориентаций, жизненных целей и планов [9, 10]. Изучение событий позволяет определить дискретную картину будущего, представленного совокупностью последовательных моментов, «точек» на линиях жизни, направленных в будущее. Фактором, обуславливающим движение по этим линиям от события к событию, являются ценностные ориентации личности. Авторы отмечают, что, планируя свое будущее, намечая конкретные события – цели и планы, человек исходит прежде всего из определенной иерархии ценностных ориентаций, представленной в его сознании. Из этого следует, что система ценностных ориентаций лич-

ности составляет содержательную сторону жизненной перспективы.

Рассматривая проблему формирования иерархии ценностных ориентаций личности, Е.И. Головаха формулирует свою точку зрения следующим образом: «...ориентируясь в широком спектре социальных ценностей, индивид выбирает те из них, которые наиболее тесно увязаны с его доминирующими потребностями. Предметы этих потребностей, будучи осознанными личностью, становятся ее ведущими жизненными ценностями. Избирательная направленность на эти ценности отражается в иерархии ценностных ориентаций личности» [9]. Принимая эту точку зрения, мы соглашаемся с автором и в том, что, в отличие от сформированных на должном уровне целей и планов, ценностные ориентации не имеют такой определенности, благодаря чему они выполняют более гибкую регулятивную функцию. Сложившаяся иерархия ценностей определяет порядок предпочтения тех или иных сфер деятельности, направлений жизненного пути, вектор поведения, рассчитанный на период, который заранее трудно установить для непосредственной реализации ожиданий [12, 15, 31].

Сходные идеи на проблему ценностей как элемента жизненной перспективы выдвигает и Б.С. Братусь, рассматривающий в качестве функции ценностных ориентаций личности создание эскиза будущего, той перспективы развития, которая не вытекает прямо из наличной, сегодняшней ситуации. По его мнению, если в анализе человеческой деятельности ограничиться единицами мотивов как предметов потребностей, единицами целей как заранее предвидимых результатов, то будет непонятно, за счет чего человек способен преодолевать сложившиеся ситуации, что ведет его к будущему. Он считает, что ценности личности как осознанные смыслы жизни задают как раз тот первоначальный эскиз будущего, который должен предсуществовать его реальному воплощению [4].

С точки зрения теории психологических систем (В.Е. Ключко) «человек может быть понят как уникальная психологическая система, как хронотоп, т.е. пространственно-временная организация, превращающая «объективную реальность» (мир до человека, без человека) в наполненный цветом и звуками, категоризированный значениями предметный мир (как основание предметного сознания). Этот предметный мир будет далее превращаться в реальность, наполненную смыслами, переживаемую человеком в ее данности ему (здесь и сейчас). По мере обретения миром человека смысловых измерений (и смыслового сознания) он превращается в действительность – расширяющееся, устойчивое (благодаря ценностям координатам) пространство для жизни и развития (как способа сохранения жизни и ее осуществления). Ценностные коорди-

наты мира человека делают его соизмеримым с другими людьми, с самим собой завтрашним, еще не ставшим, еще только возможным, полагающим открывающуюся для него действительность пространством для развития, т.е. жизни» [17. С. 69].

Анализ рассмотренных научных позиций показывает, что система ценностей личности, занимая промежуточное положение между внутренними установками и нормами социальной среды, между мотивационно-потребностной сферой и системой личностных смыслов, ориентирует человека среди объектов природного и социального мира, создавая упорядоченную и осмысленную, имеющую для человека существенное значение картину мира. Таким образом, система ценностей определяет характер отношения ко времени собственной жизни, задает ориентиры оценки событий прошлого, основание для выбора из имеющихся альтернатив целей и средств в настоящем, «вектор» развития личности в будущем, выступает фактором, влияющим на переживание времени.

На этапах жизненного пути, связанных с переломными событиями, система личностных ценностей подвергается трансформациям. Обращение к одной из идей Л.С. Выготского относительно определения понятия психологической системы позволяет предположить характер такой трансформации, связанный с тем, что в процессе развития любой психологической системы не столько изменяются функции, их структура, система их движения, сколько модифицируются отношения, связи функций между собой, возникают новые группировки, которые были неизвестны на предыдущей ступени, т.е. происходит не внутрифункциональное, а межфункциональное изменение [8]. Так, под воздействием переломных событий изменениям будут подвержены иерархия жизненных ценностей, характер взаимосвязи системы ценностей личности и ее составляющих с другими системами в интегральной системе «человек». Соответственно, трансформации ценностной сферы личности не могут не отразиться на планировании перспективы и, вероятнее всего, повлекут за собой взаимосвязанные изменения основных составляющих представлений жизненной перспективы: эмоционально-оценочной, когнитивной, организационно-деятельностной – и ее содержательных характеристик: глубины, реалистичности, дифференцированности, оптимистичности, согласованности, стратегичности и др. [12, 15, 31].

Данное предположение проверялось нами в исследованиях, направленных на изучение особенностей представлений о жизненных перспективах участников локальных войн, взрослых, переживающих личностные кризисы, женщин, страдающих пищевой аддикцией (О.С. Гурова, Е.А. Ипполитова, И.А. Ральникова, И.В. Шмыкова). В рамках проведенных исследо-

ваний были выделены и изучены следующие системные составляющие представлений о жизненных перспективах личности: ценностно-смысловая, эмоционально-оценочная, когнитивная, организационно-деятельностная.

В указанных исследованиях структура представлений о жизненной перспективе определяется нами следующим образом: ценностно-смысловая составляющая есть совокупность ценностных ориентаций личности, лежащих в основе построения планов на будущее. Эмоционально-оценочная – включает разные стороны эмоционального отношения к будущему. Когнитивная – содержит совокупность ожидаемых и планируемых событий. Организационно-деятельностная – отражает тенденции к реализации определенных стилей, стратегий, форм поведения, которые обусловлены спецификой взаимосвязи ценностно-смысловой, эмоционально-оценочной, когнитивной составляющих жизненных перспектив.

В серии эмпирических исследований системной трансформации представлений о жизненной перспективе, проведенных в 2001–2006 гг., приняли участие 476 мужчин и женщин, переживающих психотравмирующие последствия разноплановых событий жизни, а именно участия в локальных войнах, затяжного кризиса среднего возраста, пищевой аддикции. Основными методами исследования выступили метод тестов (использовались следующие диагностические инструменты: опросник А.А. Файзулаева «Здесь и теперь» – «Там и тогда»; модифицированный вариант методики Е.Б. Фанталовой «Соотношение «ценности» и «доступности» различных жизненных сфер»; метод «Оценки пятилетних интервалов» Е.И. Головахи, А.А. Кроника; семантический дифференциал времени О.П. Кузнецова, метод мотивационной индукции Дж. Нюттена, Томский опросник ригидности Г.В. Залевского), метод биографического анализа жизненного пути личности (методика «Линии жизни» А.А. Кроника), метод обработки эмпирических результатов, представленный в форме математического (t-критерий Стьюдента) и статистического (корреляционного и факторного) анализа с использованием компьютерных программ «Statistica», «Stadia».

Анализ полученных результатов позволил определить как общие для всех испытуемых тенденции системной трансформации представлений о жизненной перспективе личности, переживающей переломные события, которые возникают на основе значимых изменений в ценностно-смысловой сфере и отражаются на эмоциональной, когнитивной, организационно-деятельностной составляющих данных представлений и специфике их взаимосвязи, так и частные характеристики.

Результаты сравнения эмпирических данных исследования системы ценностных ориентаций людей,

переживающих последствия переломных событий, и таковыми не являющихся констатируют наличие определенных трансформаций в системе ценностных ориентаций первых. Вместе с тем содержательный характер данных трансформаций отличается у людей, переживающих разные переломные события.

Были выявлены значимые различия в доминировании тех или иных ценностных ориентаций в исследуемых группах испытуемых. Так, например, ведущими для участников локальных войн стали ценности сферы семьи ($10,01 \pm 0,28$), любви ($7,87 \pm 0,39$) и здоровья ($7,12 \pm 0,21$), подчеркивающие актуальную потребность в психологической поддержке и опоре в жизни, удовлетворение которой, вероятно, поможет в процессе реадaptации воевавших к условиям мирной жизни. В противовес этому для группы невоевавших мужчин характерно предпочтение ценностей материального благосостояния ($10,79 \pm 0,25$), семейных ($8,75 \pm 0,11$) и дружеских ($6,64 \pm 0,41$) отношений.

Приоритетными ценностями в группе людей, переживающих кризис, являются «счастливая семейная жизнь» ($10,16 \pm 0,78$), «здоровье» ($8,75 \pm 0,81$), «материальное благополучие» ($6,83 \pm 0,48$). Однако значимые отличия иерархической структуры жизненных ценностей в период кризиса середины жизни касаются лишь повышения важности сфер здоровья ($p=0,99$) и познания ($p=0,98$). Это свидетельствует о высокой сосредоточенности человека, переживающего кризис, на самом себе, переменах в жизни и внутреннем мире, эмоциональном состоянии неудовлетворенности, тревоги, сопровождающих переживание кризиса, что способствовало возникновению опасения по поводу своего физического и психического благополучия, а также о важности познания себя и окружающего мира, духовного развития в целях поиска ответов на волнующие вопросы и ресурсов переживания сложного периода жизни.

Наиболее значимыми ценностями в жизни женщин с пищевой зависимостью, прежде всего, являются «счастливая семейная жизнь» ($15,8 \pm 0,26$), «здоровье» ($13,8 \pm 0,42$) и «любовь» ($13,5 \pm 0,33$). Значимые различия ценностных ориентаций женщин-аддиктов и неаддиктов установлены относительно ценностей в сферах семьи ($p=0,98$), внешней привлекательности ($p=0,98$), карьеры ($p=0,98$). Проблемой любой аддикции являются нарастание изоляции от межличностных контактов, снижение аттракции и аффилиации. В связи с этим семья выступает той крепостью, где женщины получают психологическую, эмоциональную поддержку и помощь. Как показал факторный анализ, особое внимание карьере уделяется в связи с ожиданиями получить удовлетворение от интересной профессиональной деятельности, в отличие от женщин-неаддиктов, чей интерес направлен на приобретение материальных благ. Возможно, та-

кое посвящение себя интересной работе связано с уходом женщин-аддиктов от разрешения психологических проблем, повлекших за собой формирование неадекватного пищевого поведения. Внешняя привлекательность является особо острым вопросом их существования, наполненным ощущением непреодолимой тяги, влиянием чрезмерного употребления пищи на внутреннее самочувствие и внешний вид. Обращает на себя внимание тот факт, что ценность «принятия себя» является полярной ценностям карьеры, отдыха и развлечений. Создается впечатление, что неприятие собственной натуры велико и мало что может повлиять на такое положение дел.

Проведенный сравнительный анализ наглядно показывает наличие трансформаций в системе жизненных ценностей личности, находящейся под влиянием психотравмирующих переломных событий. Несмотря на содержательное разнообразие указанных трансформаций в описанных исследовательских случаях, можно выделить идентичные потребности людей, участвовавших в локальных войнах, тяжело переживающих кризис середины жизни, страдающих пищевыми аддикциями, которые «стоят» за выявленными ценностными ориентациями. Одной из ключевых является потребность в психологическом комфорте, эмоциональной близости, принятии и психологической поддержке со стороны близкого окружения, что является частными проявлениями базовой потребности в безопасности.

Результаты выполненных исследований позволяют нам говорить и о трансформациях, состоящих в наличии выраженной конфликтности в ценностно-смысловой сфере, развертывающейся на основе расхождения значимости жизненных ценностей, возможностей их реализации в будущем и специфики содержания данных трансформаций.

Анализ значимости различий средних показателей соответствия «ценности» и «доступности» в группах воевавших и невоевавших с использованием t-критерия Стьюдента показал, что у участников боевых действий ($24,64 \pm 0,29$) уровень соответствия «ценности» и «доступности» выше ($p=0,99$), чем у контрольной группы ($33,91 \pm 0,25$). В свете результатов, показывающих специфику планирования жизненной перспективы, состоящую в предпочтении простраивания лишь ближайшего будущего, ориентация на ценности, которые наиболее доступны, вызывает опасения. Ориентация на неотдаленное будущее ценным делает только то, что может помочь сегодня и завтра, а остальное время становится закрытым для планирования, что является почвой для последующего развертывания кризисных состояний, связанных с бесперспективностью, внутренним вакуумом, конфликтами значимого и доступного в жизни.

В ситуации острого переживания кризиса середины жизни испытуемые более высоко оценивают воз-

возможность реализации в будущем хороших взаимоотношений с друзьями ($7,41 \pm 0,98$), ($p=0,98$), удовлетворения потребностей в переживании прекрасного в природе и искусстве ($6,66 \pm 0,72$), ($p=0,99$). Однако в отличие от группы людей, которые более или менее благополучно справляются с кризисом, они убеждены в невозможности достижения любви ($3,35 \pm 0,45$), ($p=0,99$), счастья в семейной жизни ($4,83 \pm 0,72$), ($p=0,99$), материального благосостояния ($2,60 \pm 0,96$) ($p=0,97$), а также сохранения здоровья ($3,75 \pm 0,95$), ($p=0,98$).

Дисперсионный анализ показал, что в кризисной ситуации индекс рассогласования «ценность–доступность» ($41,83 \pm 1,49$) выше, чем в ситуации, где переживание кризиса проходит без особых психотравмирующих последствий ($30,23 \pm 0,25$), ($p=0,97$). Эти результаты свидетельствуют о том, что группа испытуемых, переживающих кризис, демонстрирует убежденность в недостижимости желаемого относительно наиболее значимых жизненных сфер и диагностирует выраженность конфликтов в структуре ценностно-смыслового содержания жизненной перспективы. Группа испытуемых, достаточно легко миновавших данный период, демонстрирует оценку высокозначимых жизненных сфер как более доступных для себя в будущем и наличие меньшего числа конфликтов в структуре ценностно-смысловой составляющей жизненной перспективы.

Полученные данные свидетельствуют о низкой осмысленности будущего в ситуации переживания кризиса середины жизни как переломного этапа. Так, предполагая, что в будущем не удастся достичь многого из желаемого, человек рассматривает его как не имеющий особого смысла отрезок жизненного пути. Следовательно, убежденность в невозможности достижения желаемого может выступать фактором, способствующим нарушению процесса целеполагания и затрудняющим планирование предстоящей жизни.

Между группами женщин, страдающих пищевой аддикцией и не имеющих подобной зависимости, выявлены достоверные различия ($p=0,98$) относительно высокой значимости и низкой доступности ценностей в сфере карьеры и отдыха. Различия важности и доступности данных ценностей настолько высоки, что являются полем для развертывания внутреннего конфликта. Вместе с тем внутренний конфликт у всех исследуемых женщин присутствует в сферах семьи, здоровья, материального благополучия, близких эмоциональных отношений. Внутренний вакуум имеет место в сферах отдыха, межличностных контактов, активности, эстетических переживаний. У женщин-аддиктов он также присутствует в сфере внешней привлекательности.

Анализ эмоциональной оценки будущего и событий, его наполняющих, мужчин и женщин, переживающих переломные этапы жизненного пути, выявил сходные тенденции в их отношении к данному

временному модусу. На основе корреляционного и факторного анализа было установлено, что будущее оценивается такими респондентами двояко. С одной стороны, оно представляется неприятным периодом жизни, имея в виду его оценку как тревожащего, нестабильного, пассивного, грустного, с другой – быстротечным: напряженным, стремительным, прерывистым, скачкообразным. Такое описание будущего идет вразрез с представлением о нем людей, не затронутых психотравмирующими событиями. Для них будущее – это прежде всего позитивный период жизни, наполненный оптимизмом, ощущением счастья, активностью, спокойствием. Неудивительно, что при таком видении будущего люди, переживающие переломные этапы жизненного пути, в большинстве случаев ориентированы на настоящее или прошлое, будущему в их картине жизненного пути отводится мало места. Из целостного отрезка жизненного пути под названием «будущее» для исследованных групп респондентов возможно позитивное восприятие только периода ближайшего будущего, где ожидается реализация доступных жизненных целей.

Рассмотрение когнитивного аспекта представлений о жизненной перспективе дает основание говорить о том, что переживания различного рода переломных событий создают определенную направленность перспективного планирования, задают уровень его событийной насыщенности, осмысленности, целостности, глубины, стратегичности и реалистичности. Дисперсионный анализ достоверно показал ($p=0,99$) приоритетную направленность мужчин и женщин на планирование ближней перспективы, охватывающей события ближайшего года. Период же среднеудаленного, а в особенности далекого будущего практически не наполнен событиями, целями и планами. Отраженные здесь средства реализации целей зачастую носят иррациональный характер, желаемое будущее труднодостижимо, наполнено сомнениями, часто связано с различными непреодолимыми препятствиями. В противовес такой стратегии перспективного планирования группы респондентов, не отягощенных серьезными психоэмоциональными последствиями переживания различных жизненных событий, основное внимание в планировании будущего уделяют продумыванию его отдаленных этапов.

Результаты факторного анализа показали наличие тесной взаимосвязи выделенных составляющих представлений о жизненных перспективах в период кризиса середины жизни. При этом содержание эмоционально-оценочной, когнитивной, организационно-деятельностной составляющих определяется спецификой системы ценностных ориентаций личности, переживающей переломные события.

Ценностно-смысловой компонент задает ракурс эмоциональной оценки будущего личностью. Нали-

чие рассогласования значимости ценностей доступности обладания ими (ценность значима, но недоступна или ценность доступна, но незначима) является фактором, определяющим специфику осмысления перспективного плана существования. Так, стало известно, что ориентация на абстрактные жизненные ценности, связанные со сферой познания, природы и искусства, которые не имеют важного значения в жизни и при этом доступны, определяют представления о будущем как незаполненном событиями, «пустом» времени жизни. Ценности свободы и независимости, также являясь доступными и мало значимыми, обуславливают представления о будущем как нестабильном периоде. Ориентация на значимые и недоступные жизненные ценности, которыми, например, для женщин-аддиктов являются счастливая семейная жизнь, реализация потребности в любви, детерминируют оценку будущего как неприятного и рассогласованного времени жизни.

Полученные данные также позволяют ответить на вопрос о ценностных ориентациях, определяющих содержание когнитивной составляющей жизненного планирования. Так, направленность на планирование ближних этапов будущего связана с приоритетом конкретных и доступных ценностей, реализовать которые возможно без особых усилий. Для большинства это ценности, охватывающие область семейных отношений, дружбы и независимости. В качестве препятствий к планированию дальних этапов перспективы выступает кажущаяся нереалистичной возможность реализации значимых жизненных ценностей.

Кроме того, было установлено, что трансформация системы ценностей личности обуславливает специфику взаимосвязи эмоционально-оценочной и когнитивной составляющих жизненной перспективы. Оценка будущего как тяжелого, несчастливого, тревожного, сумбурного связана с тем, что в плане когнитивной составляющей перспектива планируется слабо, она мало насыщена ожидаемыми и планируемыми событиями, характеризуется низкими показателями целеустремленности, рациональности, стратегичности, удовлетворенности и высокой конфликтностью.

Ценностные ориентации, поддаваясь трансформациям и оказывая влияние на специфику эмоциональной оценки будущего, когнитивной составляющей жизненного планирования, являются основанием для формирования определенного стиля поведения. Респонденты, столкнувшиеся с трудно переживаемыми событиями жизни, склонны ориентироваться на выбор гедонистического стиля поведения, направленного на удовлетворение собственных насущных желаний и потребностей. Вместе с тем личность, переживающая последствия переломных событий жизненного пути, демонстрирует тенденцию к проявлению фиксированных – нетворческих форм пове-

дения, использованию привычных, но не всегда подходящих к реальной ситуации поведенческих стратегий, что осложняется трудностями переориентации на новый жизненный стиль, другие пути развития.

Анализ результатов сравнения участников локальных войн и невоевавших мужчин, женщин – пищевых аддиктов и женщин, не страдающих подобными аддикциями, мужчин и женщин, находящихся в затяжном кризисе середины жизни, трудно переживающими его, с теми, кто достаточно благополучен в его прохождении, доказывает наличие системной трансформации представлений о жизненной перспективе на этапах переживания переломных событий. Системная трансформация представлений о жизненной перспективе личности обусловлена изменениями ценностно-смысловой составляющей и охватывает все ее взаимосвязанные компоненты (эмоционально-оценочный, когнитивный, организационно-деятельностный) (рис. 1, 2).

Специфика трансформации ценностно-смысловой стороны перспективных представлений заключается в выраженном конфликте, заключающемся в ориентации на ценности, реализация которых не представляет возможности в противовес тому, когда наряду с существующими конфликтами в пространстве «ценность – доступность» уровень доступности в обладании значимой ценностью намного выше и скорее отражает достижение результата в будущем, нежели отказ от него. Изменение эмоционально-оценочной составляющей представлений отражает двоякое отношение к будущему как к неприятному и быстротечному периоду, которому отводится незначительное место в общей картине жизненного пути. Тогда как эмоциональная сторона формирования представлений о будущем, не задетая трансформациями, раскрывает оценку будущего как позитивного периода, наполненного оптимизмом, активностью, счастьем. Трансформация когнитивного компонента перспективных представлений выражается в слабой насыщенности будущего событиями и целями, сокращением глубины перспективы, ориентацией на планирование ближайших временных отрезков, низкой степенью осмысленности, реалистичности, стратегичности, целеустремленности. Наряду с этим вне влияния трансформаций когнитивная сторона представлений заключается в насыщенности жизненной перспективы разнообразными событиями, ориентации на планирование отдаленных этапов будущего, высокой степени удовлетворенности планами, их осмысленности, стратегичности, реалистичности, целеполагании. Организационно-деятельностная составляющая трансформированных представлений о перспективе выражается в актуализации гедонистического стиля поведения, тенденций использования ранее усвоенных, «застывших» форм и стратегий, зачастую неадекватных ситуации. Вне трансформаций данная составляющая проявляется в выра-

Рис. 1. Структура представлений личности о жизненной перспективе

Рис. 2. Системная трансформация структуры представлений о жизненной перспективе личности, переживающей психотравмирующие переломные события

женной ориентации на активный деятельный стиль поведения, где выбранные формы, стратегии, стили адекватны жизненным ситуациям.

Таким образом, проведенная серия исследований подтверждает возможность рассмотрения жизненной

перспективы как многоуровневого системного образования и наличие трансформаций представлений о ней в связи с переживанием личностью психотравмирующих жизненных событий. Полученные результаты позволяют не только выделить и описать ценност-

но-смысловую, когнитивную, эмоционально-оценочную, организационно-деятельностную составляющие представлений о перспективе, но также рассмотреть их в контексте иерархических взаимосвязей. Так, ценностно-смысловая составляющая, являясь совокупностью ценностных ориентаций личности, лежащих в основе построения планов на будущее, обуславливает

специфику содержания эмоционально-оценочного (эмоциональное отношение к будущему) и когнитивного (совокупность ожидаемых и планируемых событий) уровней представлений о жизненной перспективе. Содержание и характер взаимосвязи предыдущих трех системных уровней определяют поведенческий уровень проявления личности.

Литература

1. Абульханова-Славская К.А. Жизненные перспективы личности // Психология личности и образ жизни. М., 1987. С. 137–145.
2. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л., 1968. 338 с.
3. Анцыферова Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психол. журн. 1994. Т. 15, № 1. С. 3–18.
4. Братусь Б.С. Аномалии личности. М., 1988. 179 с.
5. Бубнова С.С. Ценностные ориентации личности как многомерная нелинейная система // Психол. журн. 1999. № 5. С. 38–44.
6. Вайзер Г.А. Смысл жизни и «двойной кризис» в жизни человека // Психол. журн. 1998. Т. 19, № 5. С. 3–19.
7. Васильев В.Я. Целевая направленность и временная перспектива личности // Психология личности и время: Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научно-теоретической конференции, г. Черновцы, 23–25 апр. 1991 г. Черновцы, 1991. Т. 2. С. 10–13.
8. Выготский Л.С. Собрание сочинений. М., 1981. Т. 1. 458 с.
9. Головаха Е.И. Жизненные перспективы и ценностные ориентации личности // Психология личности в трудах отечественных психологов / Сост. и общ. ред. Л.В. Куликова. СПб.: Питер, 2001. С. 256–269.
10. Головаха Е.И., Кроник А.А. Психологическое время личности. Киев, 1984. 207 с.
11. Горелова Г.Г. Кризис зрелости и проблема профессионально-личностной реадaptации // Проблема гармонизации мироотношения. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 1998. С. 109–113.
12. Гурова О.С. Психологические особенности субъективных представлений о жизненных перспективах участников локальных войн: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Барнаул, 2004. 18 с.
13. Гурова О.С., Ральникова И.А. Проблема изучения жизненных перспектив личности как системного образования на примере исследования представлений о будущем участников локальных войн // Личность: психологические проблемы субъектности. Барнаул, 2005. С. 230–244.
14. Залевский Г.В. Фиксированные формы поведения индивидуальных и групповых систем (в культуре, образовании, науке, норме и патологии). Москва; Томск: Томский государственный университет, 2004. 460 с.
15. Ипполитова Е.А. Особенности представлений о жизненных перспективах личности в период кризиса середины жизни: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Барнаул, 2005. 20 с.
16. Ипполитова Е.А., Ральникова И.А. Особенности представлений о жизненных перспективах личности, переживающей кризис 35–45 лет // Личность: психологические проблемы субъектности. Барнаул, 2005. С. 244–258.
17. Ключко В.Е. Динамика типологических форм системного подхода в психологии и перспективы развития психологической науки // Деп. в ИНИОН АН СССР. № 29171. М., 1987.
18. Кон И.С. Жизненный путь как предмет дисциплинарного исследования // Человек в системе наук. М., 1989. С. 471–483.
19. Ломов Б.Ф. Системность в психологии. Москва; Воронеж, 1996.
20. Люц Ю.А. Психологическое время личности у больных с психосоматическими расстройствами: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1997. 23 с.
21. Муздыбаев К. Переживание времени в период кризисов // Психол. журн. 1999. Т. 21, № 4. С. 5–21.
22. Платонов К.К. Система психологии и теория отражения. М., 1982.
23. Психология личности в условиях социальных изменений: Сб. статей. М., 1993. 103 с.
24. Психология возрастных кризисов / Под ред. К.В. Сельченко. Минск, 2000.
25. Психосоциальная работа с мужчинами – участниками экстремальных событий. Барнаул, 2001.
26. Ральникова И.А. Жизненные перспективы личности: психологический контекст. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 152 с.
27. Резник Т.Е., Резник Ю.М. Жизненные стратегии личности. М., 1995.
28. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1989. Т. 1. С. 293–300.
29. Серый А.В., Яницкий М.С. Ценностно-смысловая сфера личности. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999. 92 с.
30. Тарабрина Н.В., Лазебная Е.О., Зеленова М.Е. и др. Психологические характеристики лиц, переживших военный стресс // Труды Института психологии РАН. М., 1997. С. 254–262.
31. Шмыкова И.В. Ценностная обусловленность психологического времени женщин с пищевой аддикцией: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Барнаул, 2005. 22 с.
32. Шмыкова И.В., Ральникова И.А. Ценностно-смысловая основа переживания психологического времени женщин с пищевой аддикцией // Личность: психологические проблемы субъектности. Барнаул, 2005. С. 258–275.
33. Яницкий М.С. Ценностные ориентации личности как динамическая система. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2000. 204 с.

SYSTEM TRANSFORMATION OF PERSONALITY'S LIFE PROSPECT CONCEPT AT LIFE JOURNEY TURNING-POINT
I.A. Ralnikova (Barnaul)

Summary. Life prospect is viewed upon as multilevel system phenomenon in the structure of holistic approach to which one can single out several interconnected components: axiological-and-semantic, emotional-and-evaluative, organizational-and-activity, reflexive, creative. The article presents the results of a number of researches helping to reveal and describe peculiarities of personality's life prospect concept transformation at life journey turning-point.

Key words: life prospect concept, psychological system, event, hierarchical structure of prospect concepts, system, transformation, life journey turning-point.

ХАРАКТЕРИСТИКИ УСЛОВНОГО НЕГАТИВНОГО ОТКЛОНЕНИЯ ПРИ ПРОИЗВОЛЬНОМ И НЕПРОИЗВОЛЬНОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИНТЕРВАЛОВ ВРЕМЕНИ В ЗАДАЧЕ ВЫБОРА

А.А. Медынцева (Москва)

Аннотация. В процессе выявления различий в активности мозга при произвольном и непроизвольном использовании интервалов времени между двумя событиями в задаче двухальтернативного выбора обнаружено, что произвольная и непроизвольная оценки длительности интервалов времени отражаются в амплитуде УНО.

Ключевые слова: условное негативное отклонение (УНО), ЭЭГ, интервалы времени, оценка времени, произвольное, непроизвольное, задача выбора.

Под «произвольным действием» большинством авторов обычно понимаются существование намерения действовать, цель действия и контроль над его совершением [1, 20].

Время играет важную роль в организации повседневной деятельности человека [6]. Отмечено, что информация о длительности интервалов времени между значимыми событиями вовлечена в организацию как произвольной деятельности [13], так и непроизвольной, например автоматизированных двигательных навыков [12].

В современной литературе существует немало работ, в которых показано, что вовлечение информации о длительности интервалов времени в организацию произвольных и непроизвольных действий отражается в их скоростных характеристиках и характеристиках, связанных с действиями электрических потенциалов мозга [9, 8].

В качестве примера исследований, в которых информация о длительности интервалов времени вовлекается в организацию непроизвольных действий, можно привести работы, где испытуемый должен произвести быстрое отчетное действие в ответ на предъявление императивного сигнала (сигнала-«цели»), который предъявляется через определенный интервал времени после предупреждающего. В такой ситуации испытуемый не ставит перед собой задачи оценить длительность интервала времени между двумя сигналами. Однако длительность интервала все же оказывает влияние на скоростные характеристики ответа [7, 8]. Так, если пусковой сигнал предъявляется через постоянный интервал времени, то время ответа достоверно короче, чем в случае, когда длительность этого интервала меняется случайным образом [9]. Электрическая активность в такой ситуации также меняется. В интервале между предупреждающим и сигналом-«целью» развивается так называемое «условное негативное отклонение» (УНО) [4]. Многочисленные исследования показывают тесную связь между характеристиками УНО и скоростными характеристиками ответа. Например, известна корреляционная связь между амплитудой максимума УНО и временем ответа, который с ростом амплитуды уменьшается [4, 5].

Примером работ, где информация о длительности интервала вовлекается в организацию произвольных действий, могут служить исследования, в которых используется так называемая «парадигма воспроизведения» [9]. В этих работах испытуемым предъявляется эталонный интервал времени, а затем предлагается воспроизвести его длительность с помощью двух последовательных нажатий на клавишу отчета либо выбрать идентичный по длительности интервал из нескольких вариантов, предъявляющихся позже. Произвольность использования информации о длительности интервала времени здесь обусловлена тем, что перед испытуемым стоит цель оценить длительность интервала времени и в соответствии с ним организовать свое поведение. В этих работах была показана зависимость УНО от особенностей выполнения задания испытуемым.

Так, в исследовании Ruchkin et al. [19] участников просили воспроизвести интервал длительностью 900 мс. Было обнаружено, что латенция максимальной амплитуды УНО в вертексе (Cz) положительно коррелирует с той длительностью интервала, которую воспроизводил испытуемый. В работе другой группы авторов [18] испытуемый должен был решить, совпадает ли продолжительность звукового тона с предъявлявшимся ранее эталонным интервалом времени. Было обнаружено наличие положительной корреляции латенции «пика» УНО (момент, когда УНО прекращало расти) над левыми и средними фронтальными областями и длительностью эталонного времени, относительно которого испытуемый оценивал длительность тестирующего звукового тона. Но наиболее интересные данные были получены Mazar et al. [15], где использовались как задача воспроизведения эталонного интервала, так и задача сравнения предъявляемых временных интервалов с эталонным. В задаче сравнения испытуемым предлагалось оценить, являются ли интервалы, следующие за эталонным, более короткими, более длинными или совпадающими по длительности с ним. Оказалось, что амплитуда УНО в отведении FCz положительно коррелировала с тем, как испытуемый оценивал длину интервала. Причем это наблюдалось даже в тех случаях, когда объективная

длительность эталонного и предъявляемого интервалов была одинаковой.

Таким образом, результаты многих исследований показывают, что вовлечение информации о длительности интервалов времени в организацию как произвольных, так и непроизвольных действий отражается в параметрах УНО.

Однако неясным, на наш взгляд, остается вопрос, отражается ли каким-либо образом в параметрах УНО фактор произвольности использования информации о длительности интервала времени. Приведенные выше работы не могут дать ответа, так как в них произвольное и непроизвольное использование длительности интервалов времени осуществлялось в разных экспериментальных парадигмах или при разных условиях. В то же время уяснение этого вопроса позволило бы прояснить психофизиологические механизмы организации произвольного и непроизвольного поведения, связанного с оценкой времени.

Задача нашей работы – выяснить, изменяются ли характеристики УНО в зависимости от того, произвольно или непроизвольно вовлекается в поведение информация о длительности интервала времени.

Для ее решения была разработана экспериментальная модель, в которой испытуемым предъявлялись два сигнала-«цели», которые предъявлялись после общего предупреждающего сигнала с равной вероятностью, но через разные интервалы времени (короткий и длинный).

Испытуемые были разбиты на две группы. Испытуемые группы 1 при предъявлении двух сигналов нажимали на одну и ту же клавишу. О различии между интервалами времени появления сигналов им не сообщалось. Испытуемых группы 2 о различии в интервалах времени информировали и предлагали нажимать на разные клавиши в зависимости от длительности интервала времени между предупреждающим и пусковым сигналами. Таким образом, испытуемые группы 2 использовали информацию о длительности интервалов времени произвольно, в то время как у испытуемых группы 1 информация о длительности интервалов должна была непроизвольно вовлекаться в организацию своего поведения.

Предполагалось, что длительность интервалов будет учитываться в организации не только произвольного, но и непроизвольного поведения. Также ожидалось обнаружение изменений в характеристиках потенциала УНО в обеих ситуациях. Обнаружение и описание различий в характеристиках УНО при произвольном и непроизвольном поведении, связанном с использованием интервалов времени, явились целью нашей работы.

Работ, в которых испытуемые произвольно и непроизвольно оценивали длительность интервала времени при одинаковых условиях, в доступной нам

литературе встречено не было, что обусловило новизну проводимого исследования.

Методика

Испытуемые. В работе приняли участие 30 человек (19 – женского и 11 – мужского пола, все правши) в возрасте от 17 до 28 лет.

Процедура. Испытуемый сидел перед монитором. Указательный палец правой руки испытуемого находился на клавише «1», средний – на клавише «2» клавиатуры компьютера. На экране монитора в случайной последовательности с равной вероятностью предъявлялись два комплексных альтернативных сигнала (АС-7 и АС-9).

Альтернативные сигналы состояли из общего предупреждающего сигнала – белого вертикального столбика на темном экране и сигнала-«цели», также вертикального столбика, но более короткого, нежели предупреждающий сигнал. При появлении сигнала-«цели» испытуемый должен был как можно быстрее нажать клавишу.

АС-7 и АС-9 не отличались друг от друга ничем, кроме интервала задержки между предупреждающим сигналом и появлением сигнала-«цели». Для АС-7 этот интервал составлял 700 мс, а в АС-9 – 950 мс. Всего испытуемые участвовали в трех повторяющихся экспериментальных сериях. В каждой серии альтернативные сигналы предъявлялись 126 раз.

Испытуемые были разделены на две группы. Испытуемым группы 1 (7 женского и 3 мужского пола) о разнице в интервалах задержки АС-7 и АС-9 не сообщалось. Им была дана инструкция при появлении сигнала-«цели» нажимать на одну и ту же клавишу. Испытуемые группы 2 (12 женского и 8 мужского пола) были информированы о разнице в интервалах задержки АС-7 и АС-9, и они должны были быстро нажимать на клавишу «1» или «2» в зависимости от того, какой сигнал был предъявлен. Для каждого испытуемого в каждой экспериментальной серии клавиши для ответов на сигналы выбирались в случайном порядке. В конце исследования испытуемые в обеих группах опрашивались на предмет того, была ли заметна разница в интервалах времени между АС-7 и АС-9. Ответы испытуемых протоколировались.

Регистрация. В ходе эксперимента у испытуемых регистрировали время ответа и ЭЭГ. Время ответа измерялось от момента появления сигнала-«цели» и до момента нажатия клавиши. Для испытуемых из группы 2 велся подсчет числа правильных и ошибочных ответов. ЭЭГ регистрировалось хлорсеребряными электродами, установленными монополярно по системе 10-20 в областях черепа F3, F4, P3, P4, Cz. В качестве индифферентного отведения использовались объединенные электроды, прикрепленные к

мочкам уха. Частота опроса ЭЭГ составляла 250 Гц, полоса пропускания фильтров находилась в диапазоне от 2 до 70 Гц. Для контроля движений глаз регистрировали вертикальную составляющую электроокулограммы.

Анализ результатов. Фрагменты ЭЭГ, связанные с ответами, обрабатывались методом усреднения. Усреднение проводилось отдельно для предъявления разных пусковых сигналов и отдельно для разных отчетных действий, по всей выборке испытуемых от момента предъявления предупреждающего сигнала. Эпоху анализа составлял отрезок ЭЭГ, начинающийся за 400 мс до предупреждающего сигнала и заканчивающийся через 600 мс после предъявления сигнала-«цели». Фрагменты, содержавшие артефакты движений глаз, из анализа исключались. В качестве нулевой линии бралась средняя мгновенных амплитуд ЭЭГ первых 100 мс фрагмента перед моментом предъявления предупреждающего сигнала.

Объектом исследования для нас являлось УНО. Анализировали латентный период (л.п.) пика и амплитуду УНО. Амплитудой компонента считалось значение мгновенной амплитуды (относительно базовой линии) УНО с самым высоким значением по модулю. За л.п. пика компонента принималось значение времени появления мгновенной амплитуды с самым высоким модульным значением.

Для статистической обработки применялись критерии Вилкоксона, критерий Хи квадрат Пирсона, коэффициент корреляции Пирсона, t-критерий Стьюдента для несвязанных выборок и двухфакторный дисперсионный анализ [3]. Все расчеты производились при помощи программы статистической обработки SPSS v.12.0.

Результаты

1. *Время ответа и отчет.* Как показал опрос, проводившийся в конце экспериментальной серии, ни один испытуемый из группы 1 не заметил различий между АС-7 и АС-9.

Однако сравнение с помощью критерия Вилкоксона показало, что время ответа на АС-9 было достоверно короче, чем время ответа на АС-7 ($Z = -8,032$, $p < 0,05$) (см. таблицу).

Испытуемые, включенные в группу 2, в своих отчетах указывали, что разница в интервалах задержки между АС-9 и АС-7 была ими замечена. Сравнение по критерию Вилкоксона, как и для группы 1, показало, что время ответа на АС-9 было достоверно короче, чем время ответа на АС-7 ($Z = -6,283$, $p < 0,05$) (см. таблицу).

2. *Точность дифференцированных ответов у участников группы 2.* Помимо значений времени ответа, у испытуемых группы 2 изучалось соотношение числа правильных и ошибочных ответов.

Общее число верных ответов было больше ошибочных. Для анализа соотношения правильных и ошибочных ответов был использован критерий Хи квадрат Пирсона, при помощи которого полученное распределение правильных и ошибочных ответов сопоставлялось с равномерным распределением. Сравнения проводились отдельно для АС-7 и АС-9. Для обоих сигналов наблюдалось достоверное отличие полученного распределения от случайного.

3. *Сравнение мгновенных амплитуд УНО у двух групп.* Для поиска основных различий в УНО у двух групп нами был использован Т-тест для несвязанных выборок. Сравнению подверглись значения мгновенных амплитуд усредненных потенциалов, связанных с АС-9 на всей протяженности эпохи анализа.

Достоверные отличия были обнаружены в лобных областях (F3, F4) во временном окне от 616 до 820 мс после предупреждающего сигнала. Как видно из рис. 1, этот участок содержит компонент, который можно описать как негативную волну, которая начинает развиваться на фоне УНО из позитивного пика с латенцией около 600–700 мс и угасает к моменту предъявления пускового сигнала (далее в тексте – «поздний компонент УНО»).

4. *Связь позднего компонента УНО со временем ответа.* Для проверки предположения о связи описанного участка УНО с характеристиками поведения был проведен корреляционный анализ амплитуды позднего компонента со значениями медиан времен ответа на АС-9. Для групп 1 и 2 анализ проводился отдельно. В группе 2 была обнаружена достоверная корреляция между медианой времен ответов и амплитудой пика позднего компонента УНО в правой лобной области F4 ($r = -0,26$, $p < 0,05$). В группе 1 такой корреляции не выявлено.

Значения времени ответа у испытуемых в группах 1 и 2

Группа	n медиана min max (max – min)
Группа 1	
АС-7	10 307 101 982 881
АС-9	10 285 112 970 858
Группа 2	
АС-7	20 637 148 4778 4630
АС-9	20 591 115 2965 2850

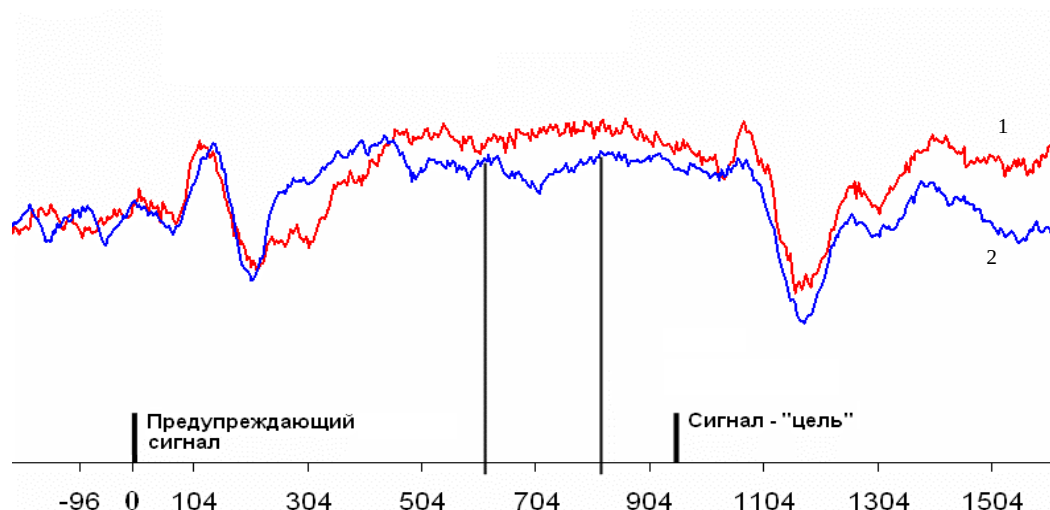

Рис. 1. Вызванные потенциалы на АС-9 у испытуемых группы 1 и группы 2. F3, F4 – общее усреднение. Область достоверных отличий отмечена вертикальными линиями

5. *Связь позднего компонента УНО с точностью дифференцированных ответов.* Помимо анализа связей с количественными характеристиками, был проведен анализ связи характеристик позднего компонента УНО с правильными и ошибочными ответами в группе 2. В качестве зависимой переменной были использованы амплитуда и л.п. пика позднего компонента. Был проведен двухфакторный дисперсионный анализ, где помимо фактора отведения (F3, F4, Cz) был включен фактор правильности отчетного действия (правильный /ошибочный). Амплитуда и л.п. пика позднего компонента были достоверно больше у УНО, связанного с неправильным ответом, чем у УНО, связанного с правильным ОД ($F(5,20) = 51,259, p < 0,05$) (рис. 2).

Обсуждение

Таким образом, проведенное исследование показало:

1. Время ответов испытуемых на сигналы АС-7 и АС-9 как в группе 1, так и в группе 2 достоверно отличались. Как в первой, так и второй группе более короткое время ответа было на сигнал АС-9.
2. Ни один из испытуемых, включенных в группу 1, не заметил разницы между АС-7 и АС-9.
3. Все испытуемые, включенные в группу 2, отмечали различие в интервалах времени между предупреждающим сигналом и сигналом-«целью». Распределение правильных и ошибочных ответов в этой группе достоверно отличалось от случайного и правильных ответов было больше.

Рис. 2. Вызванные потенциалы на АС-9 у испытуемых группы 2 в ситуации верного (1) и ошибочного (2) ответа. F3, F4 – общее усреднение. Область достоверных отличий отмечена вертикальными линиями

4. Сравнение амплитуд УНО у испытуемых в обеих группах показало достоверное отличие во временном окне 616–820 мс в лобных отведениях (F3 и F4).

5. Было показано, что у испытуемых во второй группе амплитуда в этом окне под F4 находится в корреляционной связи с медианами времен реакций ответов. У испытуемых в группе 1 такого не обнаружено.

6. Было показано, что в группе 2 значения амплитуд в окне в лобных отведениях (F3, F4) и вертексе (Cz) достоверно отличаются в ситуациях правильного и ошибочного ответов.

Каким же образом можно объяснить полученные данные?

Очень важным для исследования является то, что обнаруженная разница во временах ответа наблюдалась в группе 1, хотя субъективно ни один из испытуемых в этой группе ее не отметил. Это позволяет с уверенностью утверждать, что у испытуемых группы 1 информация о длительности интервалов времени вовлекалась в организацию поведения произвольно. В то же время испытуемые группы 2 отмечали разницу в интервалах времени и в своем поведении произвольно использовали информацию о длительности интервалов времени. Доказательством тому служит отличное от случайного распределение верных и ошибочных ответов. Эти результаты позволяют утверждать, что в нашей работе мы действительно сопоставляем произвольное и произвольное использование информации о длительности одних и тех же интервалов в одинаковых условиях.

Обнаруженное нами различие во времени ответа на АС-7 и АС-9 в обеих экспериментальных группах, на наш взгляд, может быть связано со снятием неопределенности относительно будущего события. Давно показано, что любому моторному ответу предшествует избирательная активация мозговых структур, связанных с будущим ответом [2], осуществляется подготовка к моторному ответу [10]. Очевидно, что время ответа находится в зависимости от завершенности такой премоторной подготовки. В нашем исследовании испытуемым обеих групп предъявлялись два сигнала. В АС-7 между предупреждающим сигналом и сигналом-«целью» проходило 700 мс, в АС-9 – 950 мс. В случае предъявления АС-9, когда после предупреждающего сигнала проходило 700 мс и пусковой сигнал не появлялся, у испытуемых снималась неопределенность относительно того, когда появится сигнал. В последующие 250 мс происходила подготовка к ответу. Меньшее время ответа на АС-9, которое было нами обнаружено, отражает подготовленность к моторному ответу. Аналогичные результаты были получены и рядом зарубежных авторов. Например, в одной из работ Griffin с коллегами разные типы сигналов предъявлялись через разные интервалы времени. Как и в нашем случае, было

обнаружено, что более короткие значения времен ответов наблюдались при предъявлении сигналов с более длительными интервалами. На основании полученных результатов авторы делают вывод о том, что длительность интервала времени сама по себе «несет информацию о будущем событии» [11].

Как и ожидалось, между группами испытуемых, произвольно и произвольно вовлекающих в свое поведение информацию о длительности интервалов времени, были обнаружены различия в характеристиках условного негативного отклонения. Достоверные отличия были найдены во фронтальных областях. Роль фронтальной активности в ситуациях, где испытуемые должны были произвольно оценить длительность интервала времени, уже показана во многих работах [15, 17, 18]. В процессе сравнения мгновенных амплитуд УНО у испытуемых группы 1 и группы 2 достоверные различия были обнаружены во фронтальных отведениях, на интервале от 616 до 820 мс после предупреждающего сигнала. По нашему мнению, полученный результат полностью согласуется с утверждениями о том, что параметры УНО связаны не только с ожиданием, но и с моторной подготовкой к предстоящему ответу [10, 14, 16, 21]. Переход от ожидания к премоторной подготовке нашел отражение именно на этом участке, потому что здесь, по нашему мнению, у испытуемого «снимается неопределенность» относительно появления будущего сигнала-«цели», к ответу на который надо готовиться.

Особый интерес представляет то, что именно на этом отрезке времени УНО группы 1 и группы 2 различаются. Очевидно, это связано со спецификой перехода от ожидания к подготовке при произвольном и произвольном использовании интервалов времени.

В чем заключается эта специфика? Ответ может быть дан на основании результатов анализа УНО, полученных у испытуемых в группе 2 при верных и ошибочных ответах. Нами было показано, что в этих двух ситуациях амплитуда УНО достоверно отличается. Подобный результат в доступной литературе не встречен.

По нашему мнению, это отличие говорит о том, что у испытуемых группы 2 в параметрах активности мозга нашел отражение не только переход от ожидания к премоторной подготовке, но и параметры результата ожидания. Очевидно, что при произвольном использовании интервалов времени после ожидания происходит оценка результата ожидания (оценка отмеренного времени), на основе которого осуществляется премоторная подготовка к одному из двух альтернативных ответов. Последнее объясняет наличие корреляции между временем ответа и значениями амплитуды позднего компонента УНО в группе 2, которая отсутствовала в группе 1.

Выводы

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы.

1. Произвольное и непроизвольное вовлечение информации о длительности интервалов времени в

поведение отражается в амплитудных характеристиках УНО.

2. В случае произвольного использования временной информации в параметрах УНО находят отражение параметры результата оценки интервала времени.

Литература

1. Лурия А.Р. Основы нейропсихологии. М.: Academia, 2002.
2. Наатанен Р. Внимание и функции мозга. М.: Изд-во МГУ, 1998.
3. Сидоренко Е.В. Методы математической обработки в психологии. СПб.: Речь, 2004.
4. Уолтер Г. Живой мозг. М.: Мир, 1966.
5. Шагас Ч. Вызванные потенциалы мозга в норме и патологии. М.: Мир, 1975.
6. Элькин Д.Г. Восприятие времени. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1962.
7. Brebner J., Welford A.T. Introduction: an historical background sketch // *Reaction Times*. N.Y.: Academic Press, 1980. P. 1–23.
8. Del-Fava F., Ribeiro-do-Valle L.E. Relative contribution of expectancy and immediate arousal to the facilitatory effect of an auditory accessory stimulus // *Brazilian Journal of Medical and Biological Research* 2004. Vol. 37. P. 1161–1174.
9. Elbert T., Ulrich R., Rockstron B., Lutzenberger W. The processing of temporal intervals reflected by CNV-like brain potentials // *Psychophysiology*. 1991. Vol. 28. P. 648–655.
10. Fabiani M., Gratton G., Coles M. Event-related brain potentials Methods, Theory, and Applications // *Handbook of Psychophysiology*. Cambridge University Press, 2000.
11. Griffin I.C., Miniussi C., Norbe A.C. Multiple mechanisms of selective attention: differential modulation of stimulus processing by attention to space or time // *Neuropsychologia*. 2002. Vol. 40. P. 2325–2340.
12. Hikosaka O., Nakamura K., Sakai K., Nakahara H. Central mechanisms of motor skill learning // *Current Opinion in Neurobiology*. 2002. Vol. 12. P. 217–222.
13. Lewis P.A., Miall R.C. Brain activation patterns during measurement of sub- and supra-second intervals // *Neuropsychologia*. 2003. Vol. 41. P. 1583–1592.
14. Macaluso E., Frith C., Driver J. Selective spatial attention in vision and touch: unimodal and multimodal mechanisms revealed by PET // *Journal of Neurophysiology*. 2000. Vol. 83. P. 964–974.
15. Macar F., Vidal F., Casini L. The supplementary motor area in motor and sensory timing: evidence from slow brain potential changes // *Experimental Brain Research*. 1999. Vol. 125. P. 271–280.
16. Macar F., Vitton N. CNV and reaction time task in man: effects of inter-stimulus interval contingencies // *Neuropsychologia*. 1980. Vol. 1. P. 85–90.
17. Pouthas V., Garnero L., Ferrandez A.-M., Renault B. ERPs and PET analysis of time perception: spatial and temporal brain mapping during visual discrimination tasks // *Hum. Brain Mapp*. 2000. Vol. 10. P. 49–60.
18. Pfeuty M., Ragot R., Pouthas V. When time is up: CNV time course differentiates the roles of the hemispheres in the discrimination of short tone durations // *Experimental Brain Research*. 2003 Vol. 151. P. 372–379.
19. Ruchkin D.S., McCalley M.G., Glaser E.M. Event related potentials and time estimation // *Psychophysiology*. 1977. Vol. 14. P. 451–455.
20. Sirigu A., Daprati E., Ciancia S., Giraux P. et al. Altered awareness of voluntary action after damage to the parietal cortex // *Nature Neuroscience*. 2004. Vol. 7. P. 80–84.
21. Wurtz R., Goldberg M., Robinson D. Behavioral modulation of visual responses in the monkey: Stimulus selection for attention and movement // *Frontiers in cognitive neuroscience*. Cambridge MA: MIT Press, 1992.

CONTINGENT NEGATIVE VARIATION DURING CONSCIOUS AND UNCONSCIOUS ESTIMATION OF TIME INTERVALS IN A CHOICE REACTION TIME TASK

A.A. Medincev (Moscow)

Summary. This study aims to investigate brain activity during conscious and unconscious estimation of time intervals in a complex choice reaction time task. We expect that the contingent negative variation (CNV) characteristics will be different in conscious and unconscious time estimation even if experimental paradigm was the same.

It was shown what CNV amplitude dependent on the conscious factor.

Key words: EEG, CNV, contingent negative variation, time, conscious, unconscious, choice reaction time task.

ПСИХОСЕМИОТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА: ДИАГНОСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ КАТЕГОРИИ «ВРЕМЯ»

И.М. Кыштымова (Иркутск)

Аннотация. Рассматривается метод психосемиотического анализа авторского текста. Обосновывается диагностическая значимость категории «время». Приведены результаты анализа школьных сочинений с позиции выраженности временных категорий.

Ключевые слова: психодиагностика, психосемиотический анализ, текст, «время», культура, личность.

Психологическая диагностика является одним из самых сложных разделов психологии. При наличии большого количества самых разнообразных диагностических методов проблема адекватной оценки психологических качеств и состояний человека остается до конца не решенной. Звучит критика в адрес психометрики [4, 14], опросники характеризуются как «наименее надежные способы получения знаний о личности» [5. С. 254], высказываются суждения о малой валидности проективных методик [2]. Причинами относительности получаемых диагностических данных являются, в частности, искусственность ситуации, в которой испытуемые выполняют задания тестов, а также фрагментарность процессов выполнения заданий, их «вырванность» из контекста привычной жизнедеятельности человека. Метод психосемиотического анализа авторского вербального текста позволяет в некоторой степени преодолеть данные недостатки.

Семиотика как наука о свойствах знаковых систем рассматривается во взаимосвязи с психологией со времени ее возникновения. Фердинанд де Соссюр считал, что семиотика является частью психологии: «Точно определить место семиотики – задача психолога» [13. С. 40]. А.А. Леонтьев определяет семиотику как «отрасль психологии, имеющую дело со знаковым по природе и управляемым знаками поведением», как дисциплину, изучающую «роль знаков в функционировании человеческой психики» [9. С. 9].

Семиотический подход предполагает «перенос методов из одной гуманитарной науки в другую» [11. С. 9]. Сближение исследовательских парадигм, интеграция научных подходов психологии и антропологии, лингвистики, литературоведения представляются продуктивными, позволяющими теоретически обосновать, разработать и применить методы диагностики особенностей личности, уникальности субъективного мира человека посредством анализа продуктов его творческой деятельности, к числу которых, прежде всего, можно отнести вербальный текст.

Одной из самых естественных, очевидных форм самовыражения человека является речь. Другое дело, что совсем не очевиден механизм, с помощью которого происходит продуцирование внутреннего содержания человека в объективный языковой продукт. Неясность характера динамики «внутреннего» во «внешнее» обуславливает, в свою очередь, неясность при

определении того, что именно «внутреннее» искать во «внешнем» и какие элементы «внешнего» явятся знаками – указателями «внутреннего». Каким образом анализ речевого творческого продукта (текста) позволит выявить психологические особенности его создателя? Эти нелегкие вопросы стоят перед исследователем, пытающимся выявить закономерности «отражения» в авторском тексте как объективном продукте деятельности субъективности его автора.

Язык, с помощью которого создается авторский текст, согласно представлениям В. Гумбольдта, есть «орган внутреннего бытия, и даже само это бытие, как оно постепенно достигает внутреннего познания и своего обнаружения» [16. С. 54]. Язык есть и орган рождения, и продукт духовности – он «покоится на общей совокупности духовных сил человека» [16. С. 55]. Текст, создаваемый человеком посредством языка, будь то поэтический или прозаический, – отражение человеческой индивидуальности.

Понятие «духовность», используемое как В. Гумбольдтом, так и Г. Шпетом в работах по философии языка, нуждается в уточнении. Наиболее адекватным контексту представляется понимание «духа» как «идеи, смысла и сущности, разума» [16. С. 325] некоей целостности (индивида, народа). Причем, согласно Г.Г. Шпету, «дух» привносит в целое, которому он принадлежит и которое одухотворяет, «порядок и плановость в продуктах и результатах деятельности» [Там же]. Другими словами, одухотворенность подразумевает системность, «дух» наделяет смыслом, упорядочивает, структурирует, гармонизирует. Он – отрицание хаоса, созидание; он – связь сущего, смысл бытия и смысл себя в бытии.

Современные отечественные психологи, активно используя слово «духовность», понимают его нестрого: и как «нравственность», и как «творческий потенциал», и как широту интеллектуальных интересов личности... Во всяком случае, сема «системность», «упорядоченность», акцентированная Г.Г. Шпетом, в этих пониманиях не отражена. При этом именно понимание духовности как смысловой «упорядоченности» позволяет использовать данное слово не просто метафорически, но как психологически значимое рабочее определение в его непосредственной связи с понятиями языка и текста.

Понятие внутренней формы, центральное для философии языка В. Гумбольдта («внутренняя фор-

ма языка») и Г.Г. Шпета («внутренняя форма слова»), тесно связано с их пониманием духа как структурирующей, упорядочивающей субстанции. В духовности проявляется осмысленность людьми мира, объективируется субъективное через реализацию, «овнешнение» в продуктах культуры. Причем эта объективация происходит, очевиднее всего, посредством языка. Язык, таким образом, выполняет функцию организующей, систематизирующей психическое содержание человека основы. Функциональным органом при этом является «внутренняя форма».

Введя понятие «внутренней формы» языка и слова, ученые, по сути (через категорию духовности), обосновали представление о «внутренней форме» психики человека как об «именно внутренней субстанциональной форме, являющейся внутренней формой именно психики, а не внешнепсихического содержания, например материи, мозга и т.д.» [8. С. 46].

Словом выражается смысл, суть; текст есть средство перехода внутреннего во внешнее посредством силы, «оформляющей» изначально неструктурированное или слабо структурированное внешнее – посредством «внутренней формы». Слово – орудие, с помощью которого человек не просто объективирует субъективное, но объективирует его в соответствии с законами культурной формы – делает событием культуры. В этой мысли заложена, в частности, этическая составляющая понимания языка. Язык – то самое внешнее, объективное, что делает внутренний мир человека событием, «овнешняя» его.

Творческий характер языка и речевого акта, отмечавшийся В. Гумбольдтом и А.А. Потебней, проявляется в тексте через его языковые измерения: семантику, синтаксис и прагматику – основные составляющие семиотики. Предметом прагматики является текст в его динамике, дискурс, соотношенный с главным субъектом, с «Эго» творящего текст человека. Текст – связная совокупность высказываний; дискурс – классификации объектов мира и семантические связи между ними, задаваемые текстом, т.е. картина мира, объективированная в тексте. Ее специфика отражает смысловое – «системообразующее» (В. Франкл) содержание личности.

Анализом текста занимается, как известно, психолингвистика. При этом в структуре ее объекта представлены, в частности, «языковые или семиотические средства» (А.А. Леонтьев). Но психолингвистика исследует, прежде всего, строго лингвистические средства отражения психического мира человека в вербальном тексте. При разработке метода психосемиотического анализа текста мы попытались использовать, кроме лингвистических, и литературоведческие категории, что отвечает методу семиотики.

С позиции строгой семиотической системности исследовал речь человека Н.И. Жинкин. Творческая

природа речи, согласно мысли ученого, не противоречит, а, напротив, настоятельно требует рассмотрения ее как открытой семиотической системы.

Исследуя механизм порождения смысла в речи, Н.И. Жинкин задается вопросом о закономерностях, которым подчиняется процесс отбора необходимых речевых единиц для высказывания из нескольких тысяч слов активного словаря человека. Ученый говорит о существовании специального устройства, которое «так суживает объем словаря, что искомая группа слов выплывает из памяти» [7. С. 72]. Такое устройство он называет «смысловым рядом». Смысл понимается семиотически, как «информационный ряд, который ограничивает информацию определенными рамками, в пределах которых начатый ряд может быть продолжен... Так как слова могут быть преобразованы в смысл и наоборот, то смысл – это код» [Там же]. Кодом как строго семиотической категорией Н.И. Жинкин называет и «способ реализации языка» [7. С. 150] в речи. Он понимает человеческий язык как открытую семиотическую систему.

В качестве адекватного психосемиотическому методу объекта исследования могут с полным правом выступать детские сочинения. В тексте детского сочинения выражены его смыслы, его отношение к действительности, но сложность заключается в том, что «отношение ребенка в сочинении нигде прямо может быть не сказано, это обертон, постоянно звучащий в каждой фразе и во всем целом сочинения. Нужно построить такой резонатор, который мог бы уловить колебания этого обертона. Таким резонатором и является схема анализа детского сочинения. Трудности этого метода лежат главным образом в способах качественной обработки материала» [7. С. 172].

Н.И. Жинкин не первым поставил вопрос о возможности диагностики уровня психического развития человека путем анализа созданного им текста, но ему принадлежит первенство в попытке осуществления практического решения этой задачи. Следует заметить, что после трудов Н.И. Жинкина решение проблемы «текстовой» диагностики продвинулось совсем незначительно и до сих пор актуально звучат слова ученого, фиксирующие это «белое пятно» на карте психологии: «Проблема законов строения текста или развития контекста остается совершенно неразработанной в современной науке. Все законы и правила грамматики ограничиваются пределами отдельного предложения. Но мысль обычно не укладывается в одно предложение. Она переходит из предложения в предложение. Между предложениями ставится точка, а что за этой точкой... неведомо» [7. С. 184]. Тем более ситуация «отсутствия» значима для анализа детских сочинений: «Вопрос об анализе ученических сочинений в нашей научной литературе, попросту говоря, не поставлен...» [7. С. 294].

Отмечая значение смысловых образований для реализации процесса создания текста, Н.И. Жинкин тем не менее в практически предложенных схемах анализа сочинений не рассматривает личностные смыслы как возможные диагностические критерии и объекты анализа. Используемые им критерии: отбор слов, распределение в тексте предметных признаков, интонационное выделение предикатов и характер связи предложений – диагностически ограничены. Это понимал и сам ученый: «Наиболее сложным и трудным вопросом при решении поставленной задачи является выбор пути, критериев, исходных позиций для анализа текстов. Этот вопрос остается до сих пор наименее ясным, хотя именно от него и зависит весь успех в решении задачи» [7. С. 187]. Однако обозначенные Н.И. Жинкиным кардинальные методологические вехи на пути разработки схемы диагностического анализа текста являются содержательной основой обоснования его критериев. Так, принципиально важным для нас являются: 1) понимание речи как системы и утверждение о продуктивности семиотического подхода к диагностическому анализу текста; 2) понимание того обстоятельства, что лишь в связном тексте выражаемы смыслы автора, отдельное слово диагностически не информативно, так как имеет значение, но не смысл; 3) убеждение в том, что детское сочинение является полноценным творческим продуктом, в котором нашли отражение психологические особенности его автора, а также в том, что эти особенности могут и должны быть «считаны» в процессе научного анализа.

Задачей психосемиотического анализа текста является, прежде всего, определение выраженности личностного смысла человека как детерминанты творческой деятельности. Определение смысла предполагает, в частности, исследование выраженности временных категорий. Б.С. Братусь дает определение смысла как «субъективно устанавливаемой и личностно переживаемой связи между людьми, предметами и явлениями, окружающими человека в пространстве и времени как текущих, так и бывших и предполагаемых событий» [6. С. 289]. Бытие невозможно вне времени, признаки его субъективизации, маркированные в тексте, – один из значительнейших показателей смысла. Фундаментальные категории бытия и сознания, к числу которых относится и время, выражаются в тексте неодинаково, в разном объеме. Субъективируясь, время при этом и объективируется в разных по структуре и назначению текстах, как их внутренняя форма.

Личностный смысл, являющийся субъективным отражением смысла бытия, проявляется в творческой деятельности человека, отражаясь в созданных им текстах. Трагедия потери смысла бытия выражена в известной метафоре В. Шекспира – «распалась

связь времен». Содержательная связь в сознании человека его личного прошлого, настоящего и будущего является условием его нормального психического функционирования. Этим обусловлено, в частности, выделение временных категорий как диагностически значимых в тематическом апперцептивном тесте (ТАТ) Г. Мюррея. Отсутствие категории «прошлое» в рассказах, составленных испытуемыми, может свидетельствовать о неэффективности использования человеком своего прошлого опыта или его вытеснении. Отсутствие «будущего» маркирует психологические проблемы, связанные с тревогой (чаще всего неосознанной) за перспективы личного или профессионального развития, а также неспособность к планированию собственной жизни.

Представление о важности субъективных представлений человека о времени как объективных показателей его развития развивал С.Л. Рубинштейн: «...то, каким время «кажется» человеку... имеет вполне объективные основания. «Кажимость» – это и есть время, являющееся адекватной формой жизни человека... Субъективно переживаемое время – это... время жизни (поведения) данной системы – человека, вполне объективно отражающее план жизни данного человека» [12. С. 323].

Значение времени для человеческого существования подчеркивал В. Франкл. Используя введенное в научный обиход Э. Штраусом понятие «презентативное существование», ученый отмечает смысловую ограниченность существования человека, обусловленного только настоящим, когда «человеческое поведение... не опирается на прошлое, не направлено на будущее, а скорее соотносится только лишь с внеисторическим чистым настоящим» [14. С. 14].

Введенное в научный лексикон А.А. Ухтомским и получившее развитие в трудах М.М. Бахтина понятие «хронотоп» предполагает «симультанизацию психологического времени – дление, включающее прошлое, настоящее и будущее» [8. С. 88]. Особенности выраженности временной категории в авторском вербальном тексте – показатель «разумения» себя в континууме бытия (которое вневременным быть по определению не может).

Значение архитектурной специфики времени для понимания личности исследовано К.А. Абульхановой. Как в историческом контексте, так и в контексте жизни человека важно, чтобы не «порывалась связь времен», обеспечивающая цельность и осмысленность бытия: «Прошлое «вбирается» личностью в свой настоящий способ жизни и свой «склад»... Оно становится идеальным и экзистенциальным пространством самой личности. Будущее – в отличие от прошлого – это проективное личностное пространство, образованное способностями ее сознания, воображения, мышления, мотивациями достижений и

притязаниями. Сколько жизненных сил, жизненных умений, способностей чувствовать, мыслить и осознавать личность вобрала из всех этапов своего прошлого в свое настоящее «я» и его отношения с миром, сколько проективного, конструктивного времени-пространства она способна охватить как свое будущее и сколь разумен и обоснован этот перспективный охват, масштаб, столь и сильна пружина личностного времени, движущая ее в это будущее» [1. С. 216]. Созидательная энергия личности, продуктивность и значимость ее творческой деятельности, жизненная эффективность, таким образом, связаны со «связующей времена» способностью.

Значимость феномена временной организации психической жизни человека трудно переоценить. Исследования в области психолингвистики показали, что мысль, формирующаяся как речевое высказывание, вначале проявляется в сознании в виде предиката – синтаксической (психологической?) единицы, основным содержанием которой являются категории времени и наклонения. Таким образом, у истоков сознания – возникающее представление о реальной / условной / желаемой действительности и о прошлой / настоящей / будущей форме её представленности.

Связь времен: прошлого, настоящего и будущего, необходимость их слиянности важны для реализации высших – трансцендентных смыслов. М.К. Мамардашвили, комментируя евангельский афоризм «Настанет время, и это – сейчас», говорит о должной нераздельности в сознании человека времен, о том, что личность, смысловой уровень которой достиг высшего уровня развития, соединяет времена в одной точке бытия, и в этом соединении – ответственность перед будущим (воскресением): «Если ты не воскреснешь при жизни в своих чувствах и смыслах прошлых состояний, то никогда не воскреснешь» [10. С. 270].

Проживая каждый настоящий момент своей жизни, в полноте своих потенций осуществляющийся человек проживает этот момент как связь прошлого и будущего. «Миг между прошлым и будущим» – это такое настоящее, которое не утратило связи с прошедшим и еще не наступившим: «...то, что мы можем назвать настоящим наличным... бытием субъекта, детерминировано двумя противоположными способами: от прошлого к настоящему... от будущего к настоящему...» [3. С. 261].

Такую «связь времен» М.А. Холодная рассматривает в связи с интеллектуальной зрелостью человека, признаком которой является способность «осмысливать происходящее одновременно в терминах прошлого (причин) и в терминах будущего (последствий) (в противовес склонности мыслить в терминах «здесь и теперь»)» [15. С. 206].

Категория времени, следовательно, одна из наиболее значимых, определяющих уровень психологичес-

кого функционирования человека. Выявив особенности субъективной временной организации личности, психодиагност сможет с высокой степенью достоверности делать заключение, прежде всего, об уровне смыслового развития человека. Рассматривая личностный смысл как системообразующую основу личности (А.Н. Леонтьев, В. Франкл и др.), можно предположить, что категория «время» будет одним из значимых маркеров уровня личностного развития.

Психосемиотический анализ авторского текста предполагает использование в качестве одного из значимых диагностических критериев временные категории. При этом в зависимости от темы текста их значение может быть различным. Так, наряду со значимостью индивидуального жизненного времени человека, мы учитывали особенности понимания автором «культурно-исторического времени». В отличие от интерпретационной парадигмы ТАТ, психосемиотический анализ текста предполагает выявление осознаваемой (или неосознаваемой) человеком историко-культурной «связи времен». Ведь личность «в поле культуры... чувствует себя наследником прошлого и творцом будущего. Прошлое воспринимается им как его собственное, живущее в нем, действующее его руками, смотрящее его глазами, а будущее как его будущее... за которое он... ответственен и перед собой, и перед современниками, и перед потомками» [3. С. 254]. Речь идет о творческой личности, уровень смыслового развития высок (трансцендентальный, эсхатологический, гуманистический, национально-культурный – в соответствии с разными классификациями).

В процессе проведения эмпирического исследования нами осуществлен психосемиотический анализ 298 сочинений на свободную тему учащихся девятых – одиннадцатых классов из шести общеобразовательных школ Иркутска. Установка на выполнение задания была «мягкой»: «Напишите сочинение о чем вам хочется». Время написания сочинений не ограничивалось, отметка ставилась лишь в том случае, если таково было желание самого школьника.

В качестве одной из диагностических категорий использовался показатель выраженности времени: осмысление событий текста только с позиции «здесь и сейчас» или с позиции значимости настоящего прошлого и будущего. Так как во всех текстах была представлена категория «настоящее», дифференциация показателя «время» приобрела следующий вид:

- 1) настоящее;
- 2) настоящее и будущее;
- 3) настоящее и прошлое;
- 4) прошлое, настоящее и будущее.

Анализ показал, что наиболее частотны тексты с выраженностью лишь настоящего времени (1-я группа) – их число составило 243, что соответствует 81,5%;

полноценная «связь времен»: прошлое, настоящее и будущее (4-я группа) – выявлена в 18 сочинениях (6%); 2-й группе (настоящее и будущее) соответствует 10% работ; 3-й группе (прошлое – настоящее) – 2,5%.

Теоретически обоснованное значение категории времени для полноценного функционирования личности позволяет судить о тревожности полученных данных. Это подтверждается и проведенным корреляционным анализом с показателями выраженности смысловых категорий. В качестве последних использовалась, во-первых, классификация личностного смысла как «фундамента личности» Б.С. Братуся [6], основанная на следующей дифференциации уровней смыслового развития: нулевой уровень – прагматический; первый – эгоцентрический; второй – группоцентрический; третий – гуманистический и четвертый – самый высокий! – духовный, на котором «определяются субъективные отношения человека с беспредельным... устанавливается отношение к конечным вопросам и смыслам жизни» [6. С. 193]. Второй классификационной основой выделения смысловых уровней явилась дифференциация в соответствии с выраженностью обобщенной мировоззренческой позиции: 1 – прагматический; 2 – быто-

вой; 3 – социальный; 4 – национально-культурный; 5 – духовный (трансцендентный).

Для выявления взаимосвязи выраженности временных и смысловых показателей в тексте использовался критерий Н. Краскала-Уоллеса. Обнаружены положительные корреляции между «временем» и обоими «смыслами» статистически значимого уровня. Так, связь смысла (1) с выраженностью временных категорий текста характеризуется следующими значениями: $\chi^2 = 42,180$, $df = 5$, $p = 0,000$. Смысл (2) связан с временем текста на уровне $\chi^2 = 50,388$, $df = 5$, $p = 0,000$. Общий невысокий уровень смыслового развития школьника отразился в характере временных связей текста.

Полученные данные, с одной стороны, позволяют говорить об адекватности использования метода психосемиотического анализа как средства психологической диагностики, о значимости категории «время» для определения смыслового (а следовательно, личностного) уровня развития человека. С другой стороны, результаты исследования не могут не вызывать тревогу и требуют их осмысления с позиции выявления причин и разработки возможных средств коррекции создавшегося положения. Только тогда разорванная «связь времен» получит шанс на восстановление.

Литература

1. Абульханова К.А., Березина Т.Н. Время личности и время жизни. СПб.: Алетейя, 2001.
2. Анастаси А. Психологическое тестирование. СПб.: Питер, 2001.
3. Арсеньев А.С. Философские основания понимания личности. М.: Академия, 2001.
4. Богоявленская Д.Б. Психология творческих способностей. М.: Академия, 2002.
5. Бурлачук Л.Ф. Психодиагностика. СПб.: Питер, 2002.
6. Братусь Б.С. Личностные смыслы по А.Н. Леонтьеву и проблема вертикали сознания // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии: школа А.Н. Леонтьева. М.: Смысл, 1999.
7. Жинкин Н.И. Язык – речь – творчество: избранные труды. М.: Лабиринт, 1998.
8. Зинченко В.П. Мысль и слово Густава Шпета (возвращение из изгнания). М.: Изд-во УПАО, 2000.
9. Леонтьев А.А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии. Москва; Воронеж: МОДЭК, 2001.
10. Мамардашвили М.К. Эстетика мышления. М.: Моск. школа полит. исследований, 2000.
11. Почепцов Г.Г. Русская семиотика. М.: Рефл-бук, 2001.
12. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.
13. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М., 1933.
14. Франкл В. Психотерапия на практике. СПб.: Ювента, 1999.
15. Холодная М.А. Психология интеллекта. СПб.: Питер, 2002.
16. Шпет Г.Г. Психология социального бытия. Москва: Ин-т практ. психологии, Воронеж: НПО МОДЭК, 1996.

PSYCHOSEMIOTIC ANALYSIS OF THE TEXT: DIAGNOSTIC MEANING OF «TIME» CATEGORY
I.M. Kyshtymova (Irkutsk)

Summary. The method of the psycho semeiotic analysis of the author's text is considered in this article. The diagnostic importance of a category «time» is proved. Some results of the analysis of school compositions are given.

Key words: psycho diagnostics, psycho semeiotic analysis, text, «time», culture, person.

МОДЕЛЬ ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ ПО ВАРИАНТУ ГИПЕРСОЦИАЛИЗАЦИИ

С.А. Богомаз, Н.А. Тренькаева (Томск)

Аннотация. Анализируется феномен гиперсоциализации и его значение для личностного развития молодых людей. Представлены основания для разработки модели личностного развития по варианту гиперсоциализации и дано описание этой модели.

Ключевые слова: социальная адаптация, коммуникативный тип, психофизиологический тип, социализация, гиперсоциализация.

Для того чтобы подойти к рассмотрению феномена гиперсоциализации, необходимо определиться с основными понятиями. К ним относятся понятия социализации и социальной адаптации. В литературе можно найти разграничение этих двух во многом сходных процессов. Так, С.И. Розум отмечает, что социализация относится к тем процессам, посредством которых люди научаются эффективно действовать в социальных группах. В процессе онтогенетической социализации, с одной стороны, общество путем социального наследования постоянно сохраняет и воспроизводит себя, а с другой – происходит духовное обогащение отдельного субъекта, развитие его как социального существа. Социализация представляет собой, таким образом, двунаправленный процесс удовлетворения взаимных требований, предъявляемых субъектом и обществом друг к другу: общество возобновляется, если удовлетворяет требованиям индивида, индивид развивается и превращается в личность только при выполнении им требований, предъявляемых обществом.

Социальная адаптация представляет собой процесс, во многом сходный с процессом социализации. В процессе социальной адаптации происходит установление относительно взаимного соответствия между потребностями личности и требованиями социальной среды. Результатом социальной адаптации является достижение состояния социальной адаптированности – относительной гармонии между потребностями и стремлениями личности и требованиями социальной среды. Следует иметь в виду, что адаптация не самоцель для индивида, она выступает в качестве необходимого условия достижения человеком личностно-значимых целей и решения личных задач. Считается, что процесс адаптации запускается при возникновении противоречий между указанными взаимными требованиями [9].

Социализация и социальная адаптация – сходные и взаимосвязанные процессы. Т. Шибутани прямо указывает, что социализация является формой социальной адаптации [14]. В связи с этим онтогенетическую социализацию можно определить как такой процесс взаимодействия индивида и социальной среды, в ходе которого, оказываясь в различных проблемных ситуациях, возникающих в сфере межличностных отношений, индивид приобретает механиз-

мы и нормы социального поведения, установки, черты характера и другие личностные особенности, которые в целом имеют адаптивное значение. Человек социализируется, активно адаптируясь к требованиям социальной среды, а эффективная адаптация во многом определяется успешностью предшествующей социализации. Социализация и социальная адаптация представляют собой длящийся всю жизнь процесс согласования представления о самом себе, своих возможностях, ценностях, целях, планах с представлениями об окружающем человека мире [9].

Термин «гиперсоциализация» можно встретить в социальной психологии и психологии развития. Феномен гиперсоциализации, рассматриваемый в рамках социальной психологии, обозначает повышенное, возможно, болезненное желание быть принятым в какой-либо социальной группе, адаптироваться к ней. В частности, наличие гиперсоциальных установок при взаимодействии с другими людьми можно определить с помощью теста диагностики межличностных отношений (ДМО). Доминирование восьмого октанта в структуре межличностного взаимодействия позволяет говорить об «ответственно-великодушном» типе отношений, который как раз и является одним из критериев гиперсоциальной установки.

В психологии развития феномен гиперсоциализации, как правило, анализируется при характеристике детско-родительских отношений. Например, в исследованиях А.Я. Варга и В.В. Столина гиперсоциализация выделена как один из типов родительского отношения к ребенку. Авторы говорят об авторитарной гиперсоциализации, инициированной требованиями родителей безоговорочного послушания и дисциплины со стороны ребенка. Родитель пристально следит за социальным поведением ребенка и требует от него достижения социального успеха, стараясь во всем навязать ему свою волю. В то же время за проявление своеволия ребенка сурово наказывают.

На наш взгляд, сущность понятия гиперсоциализации не раскрывается в достаточной мере. Она рассматривается как некий статический феномен психической жизни человека, либо как специфический способ взаимодействия взрослого и ребенка, либо как характеристика межличностных отношений.

Мы попытаемся рассмотреть феномен гиперсоциализации шире, как динамическую характеристику

особенностей развития человека. Гиперсоциализацию мы определяем как такой вариант индивидуального развития человека, в котором динамическое равновесие между потребностями и стремлениями личности и требованиями социальной среды смещается в сторону среды. Исходя из такого понимания этого феномена, гиперсоциализацию можно считать специфической формой социальной адаптации или даже отнести к нарушению процесса социальной адаптации. Причем как и социализация, гиперсоциализация – процесс, длящийся всю жизнь. В ходе его идет согласование представлений о самом себе, своих возможностях, ценностях, целях и планах с представлениями об окружающем мире. Иными словами, можно говорить о специфической линии длящегося всю жизнь процесса смыслообразования, психологическим «центром тяжести» которого являются социум и его отношение к индивиду.

Безусловно, ориентация на социальные нормы и ценности – это неотъемлемая составляющая благополучно развивающегося и социализирующегося человека. Более того, социальные нормы пронизывают все сферы и области психической жизни, зачастую оставаясь для него скрытыми, редко осознаваемыми. Социализация с этой точки зрения – это непрерывно длящийся процесс создания в индивидуальной психике общепринятых значений, посредством которых актуализируются общие для всех идеальные образцы. В связи с тем, что нормированию подвергаются все стороны психической деятельности человека, социализацию следует понимать не как некое неопределенное «усвоение» человеком норм и ценностей группы, а как непрерывный процесс формирования у него правил, образцов, эталонов, регламентирующих все аспекты его психической деятельности.

Однако индивид – это не просто система норм, это активный субъект, способный к самоотчету, диалогу с самим собой. С формированием самосознания он в состоянии сопоставлять, анализировать и выбирать предоставляемые ему нормы. Более того, усвоив язык и систему основных норм, он становится в состоянии вырабатывать собственные нормы, служащие регуляторами его собственного поведения. Формирующиеся при этом личностные смыслы становятся личностными нормами. В свою очередь, процесс формирования личностных норм является необходимым условием формирования личностной идентичности, которую можно трактовать как относительно устойчивую систему индивидуальных норм относительно основных мотивов и целей жизнедеятельности, а также ценностных ориентаций, определяющих личностное мировоззрение и самосознание [9].

С нашей точки зрения, в случае гиперсоциализации нарушается естественный процесс формирования личностных смыслов и норм, а следовательно, нару-

шается и формирование идентичности человека. Акцент в ценностно-смысловой сфере человека смещается в сторону доминирования социально значимых и социально одобряемых ценностей. Личностные смыслы, связанные с саморазвитием и проявлением индивидуальности, отходят на второй план или проявляются ровно настолько, чтобы послужить для дальнейшего социального продвижения и одобрения. Иными словами, создаются серьезные предпосылки для формирования диффузной идентичности, которая является признаком личностной незрелости человека и предпосылкой для развития различных девиаций.

Таким образом, одно из пониманий сути феномена гиперсоциализации лежит в ценностно-смысловой сфере. Когда личностно значимые смыслы замещаются социально значимыми смыслами, они становятся уже собственными. Иными словами, интроект, как некритически усвоенная ценность, но при этом помогающая социальной адаптации, воспринимается уже как собственная значимая ценность и встраивается в общую систему смыслов и ценностей, детерминирующих жизнь и поведение человека.

Эмпирические данные, полученные нами, подтверждают вышесказанное. Так, нами были обнаружены факты, свидетельствующие в пользу того, что для лиц, отличающихся гиперсоциальными установками, характерно своеобразие ценностно-смысловой сферы. В частности, для них доминирующей ценностью является собственный престиж, т.е. уважение, признание и одобрение со стороны окружающих.

Данные, полученные с помощью методики И.Г. Сенина «ОТеЦ», свидетельствуют о том, что индивидуальное развитие по варианту гиперсоциализации сопровождается снижением показателей по субшкале «процесс жизни или интерес и эмоциональная насыщенность жизни», т.е. человек чаще испытывает неудовлетворенность своей жизнью в настоящем, не видит в ней смысла.

По субшкале «процесс жизни или интерес и эмоциональная насыщенность жизни» представители группы с наличием гиперсоциальных установок демонстрируют меньшую степень удовлетворенности своей жизнью в настоящем, в меньшей степени воспринимают сам процесс своей жизни как интересный, эмоционально насыщенный и наполненный смыслом.

Данные по субшкале «результативность жизни или удовлетворенность самореализацией» свидетельствуют, что наличие гиперсоциальных установок может влиять не только на ощущение себя в настоящем, но и на оценку прошлого. В частности, обнаружена склонность негативно оценивать пройденный отрезок жизни. Воспринимая процесс адаптации к социуму как естественную и неизбежную часть жизни, человек может остановиться, в силу определенных причин, на этом этапе личностного развития.

Иными словами, оставаться, по сути, внутри «эпохи детства», если обратиться к периодизации развития человека А.В. Петровского. Этот этап, по А.В. Петровскому, характеризуется преобладанием адаптации над индивидуализацией и соответствует становлению социально-типического в человеке.

Гиперсоциальная установка индивидуального развития, согласно нашим представлениям, будет вносить существенный вклад в психологическое своеобразие человека, которое мы можем наблюдать на разных уровнях индивидуальности – личностном, интеллектуальном и коммуникативном.

Психодиагностика молодых людей, отличающихся гиперсоциальной установкой индивидуального развития, позволила нам выявить их личностные особенности. Так, в частности, с помощью методики Кеттелла у них было обнаружено снижение степени доминантности, настойчивости и независимости. Напротив, они склонны проявлять конформность, зависимость, робость, застенчивость, чувство собственной неполноценности и неуверенность в себе. Как следствие, такие люди скромны, доброжелательны, послушны, тактичны, тяготеют к традиционности, а также осторожны и робки. Они руководствуются мнением окружающих, не умеют отстаивать свою точку зрения, следуют за более авторитетными людьми и легко поддаются их влиянию. Безусловно, данные личностные характеристики не являются отрицательными сами по себе, более того, для успешного вхождения в социум необходимо проявлять доброжелательность, тактичность, уметь уступать в тех случаях, когда это необходимо. Но, как нам представляется, эти качества в случае, если они выражены ярко, могут препятствовать проявлению собственной индивидуальности в социуме вследствие чрезмерно высокой ориентации на него.

Также существует взаимосвязь между увеличением коэффициента отклонения между психофизиологическим и коммуникативным типами и снижением таких черт, как оптимистичность, простота и естественность в поведении, снижается легкость в отношении к жизни. С увеличением влияния гиперсоциальной установки индивидуального развития повышаются такие показатели, как тревога за будущее, озабоченность последствиями своих поступков и возможными неудачами и несчастьями. Проявление этих особенностей личности, на наш взгляд, является следствием того, что при сильном различии коммуникативного и психофизиологического типов у человека доминируют устойчивые паттерны взаимодействия с миром, которые являются «чужеродными» для данного человека. Исходя из вышеперечисленных данных, можно говорить о вполне определенном влиянии гиперсоциальной установки индивидуального развития на формирование личности.

Социальные установки, как детерминированную социальным ожиданием готовность индивида действовать в социальной среде определенным образом, мы можем отследить в сфере межличностного взаимодействия, или коммуникативной сфере. Ее особенности нами изучались с помощью теста диагностики межличностных отношений (ДМО).

Как было установлено, наличие гиперсоциальной установки индивидуального развития способствует формированию у молодых людей «покорно-застенчивого» типа межличностных взаимоотношений, который отражает такие личностные характеристики, как пассивность, повышенная склонность к рефлексии, подчиняемость, неудовлетворенность собой, склонность винить себя во всех неудачах, пессимистическая оценка своих перспектив.

Еще одна сфера, в которой были обнаружены психологические эффекты гиперсоциализации, – интеллектуальная. Так, в частности, с помощью интеллектуального краткого отборочного теста (КОТ) было выявлено отрицательное влияние гиперсоциальной установки индивидуального развития в юношеском возрасте на уровень интеллектуальной результативности. Этот факт подтверждается данными по другой возрастной группе – подросткам, где было обнаружено отрицательное влияние гиперсоциализации на эвристичность мышления – одну из составляющих невербального мышления, которая обеспечивает непредвзятость и многогранность подхода к решению проблем (рис. 1) [11].

На основе проведенных психологических исследований нами была разработана модель личностного развития молодых людей по варианту гиперсоциализации (рис. 1). Мы, вслед за Б.Г. Ананьевым, рассматриваем психологические последствия гиперсоциализации в виде психологических эффектов. Б.Г. Ананьев использовал понятие «психологические эффекты социализации» для обозначения изменений в психике человека, являющихся следствием систематического общения и совместной деятельности человека с другими людьми на протяжении всей жизни. Он считал, что социализация охватывает весь жизненный путь человека, и к ее психологическим эффектам относил такие социальные установки, как детерминированную социальным ожиданием готовность индивида действовать в социальной среде определенным образом; ценностные ориентации и интересы; характер личности как целостный эффект социализации; интериоризацию умственных действий [1].

Предлагаемая модель основывается на представлении о социализации как форме социальной адаптации, которая является двунаправленным процессом удовлетворения взаимных требований, предъявляемых субъектом и обществом друг к другу. В нашей модели в результате такого взаимодействия сохраняется ди-

Рис. 1. Модель личностного развития молодых людей по варианту гиперсоциализации

намическое равновесие между интересами молодого человека и интересами социума. Это динамическое равновесие может нарушаться, и если оно смещается в сторону доминирования интересов общества, то, с нашей точки зрения, можно говорить о процессе гиперсоциализации как основной линии онтогенетического развития. Необходимо уточнить, что предлагаемая модель гиперсоциализации имеет отношение к проблеме внутреннего психологического опосредования социальных влияний на субъекта. Практически все исследователи прямо или косвенно признают наличие внутренних детерминант или внутренних психологических условий, опосредующих социальные воздействия на индивида в процессе социализации и социальной адаптации. В отечественной психологии идея о детерминации психических явлений не только внешними, но и внутренними факторами принадлежит С.Л. Рубинштейну, утверждавшему, что психическое как форма отражения действительности, как форма ее субъективного познания представляет собой активный процесс мысленного восстановления объекта. К числу внутренних условий, опосредующих процесс социализации, относятся генетически обусловленные «возрастно-половые» и «индивидуально-типические» характеристики человека.

Мы, в свою очередь, к внутренним условиям гиперсоциализации относим генетически обусловлен-

ные психофизиологические особенности индивида, которые являются основой для эмоционально-динамического паттерна, играющего важную роль в формировании базисных индивидуально-личностных свойств. Структура индивидуально-личностных свойств, которые также относятся к внутренним условиям гиперсоциализации, определяется ведущей тенденцией или несколькими тенденциями, придающими индивидуальную окраску и определенную качественную специфику стилю переживаний, мышления, межличностного поведения и основной направленности и силе мотивации. Более того, формируя характер человека, ведущие тенденции эмоционально-динамического и индивидуально-личностного паттерна в известной мере ограничивают русло, в рамках которого формируются более высокие уровни личностного развития, создавая определенную избирательность и тропизм в отношении тех или иных ценностей, а также возможных вариантов и направлений социальной активности [10].

К внутренним условиям гиперсоциализации мы также относим пластичность психики в детском возрасте и врожденную потребность каждого человека принадлежать к определенной социальной группе. Пластичность детской психики, как повышенная готовность откликаться на внешние воздействия, позволяет ребенку гибко реагировать как на положи-

тельные, так и на отрицательные средовые воздействия, что в конечном итоге способствует его социальной адаптации. Врожденная потребность принадлежать к определенной социальной группе, или «врожденный социальный интерес», по Адлеру, является императивом, одним из основных мотивов, определяющим в целом активность ребенка. Согласно идее Л.С. Выготского, развитие ребенка, преобразование социального в индивидуальное происходит только в результате сотрудничества со взрослыми и сверстниками [7]. По Фромму, формирующаяся личность является результатом взаимодействия социальных влияний и специфических человеческих потребностей, первой из которых он выделял потребность в установлении связи с миром людей. Идеальной реализацией этой потребности является «продуктивная любовь» как стремление помогать, заботиться, принимать участие в ком-то [13].

На основе полученных данных и с учетом известных в психологии фактов можно утверждать, что более склонны к гиперсоциализации те подростки и юноши, у которых сочетаются низкая сила нервных процессов, высокая эмоциональная чувствительность, высокая пластичность психики и выраженная потребность принадлежать к социальной группе.

Внешние условия гиперсоциализации можно разделить на две в равной степени значимые части: микросоциальные (особенности детско-родительских отношений) и макросоциальные (культурные и социально-экономические характеристики общества). Основополагающее влияние родителей на развитие ребенка и формирование его личности является бесспорным и хорошо изученным фактом. В частности, считается, что доминирующий стиль взаимодействия родителей с ребенком может влиять на всю его дальнейшую жизнь, определяя самооценку ребенка и его отношения со старшими и сверстниками, а также отношение к миру людей в целом.

Одним из типов отношения родителей к ребенку может быть авторитарная гиперсоциализация, характеризующаяся требованием от ребенка безоговорочного послушания и дисциплины. Подобные требования микросоциального окружения могут способствовать формированию гиперсоциальной установки как доминирующей движущей силы развития молодого человека.

Как известно, макросоциальные условия влияют на социотипическое поведение человека. В этом поведении он выражает усвоенные в культуре образцы поведения и познания, которые типичны для данной общности и влияние которых на его деятельность актуально им не осознается и не контролируется [2]. Фромм говорит о том, что различные общества и классы внутри общества обладают своим особым социальным характером и на его основании развиваются и приобре-

тают силу определенные идеи... Если взглянуть на социальный характер с точки зрения его функций в социальном процессе, то мы должны будем начать... с утверждения, что, приспосабливаясь к социальным условиям, человек развивает в себе те черты, которые заставляют его желать действовать так, как он должен действовать. Если характер большинства людей данного общества, т.е. социальный характер, приспособлен к объективным задачам, которые индивид должен решать в этом обществе, то человеческая энергия направляется по путям, на которых она становится продуктивной силой, необходимой для функционирования этого общества [11].

В результате определенного взаимодействия внешних и внутренних условий гиперсоциализации, влияющих на развитие ребенка, к юношескому возрасту может произойти отчетливое смещение динамического равновесия между интересами социума и интересами молодого человека в сторону социума. Предлагаемая модель (см. рис. 1) разрабатывалась именно для юношеского возраста как «арены», на которой разворачиваются психологические эффекты гиперсоциальной установки индивидуального развития. Этот возраст связан с формированием активной жизненной позиции, самоопределением, осознанием собственной значимости. Все это неотъемлемо от формирования мировоззрения как системы взглядов на мир в целом, представлений об общих принципах и основах бытия как жизненной философии человека, суммы и итога его знаний [8]. Понимание же сути феномена гиперсоциализации, как было показано выше, лежит в ценностно-смысловой сфере. Поэтому вполне закономерно ожидать, что именно в этом возрастном периоде можно наиболее отчетливо наблюдать психологические эффекты гиперсоциализации.

Следствием возникновения гиперсоциальной установки индивидуального развития в предлагаемой модели, с точки зрения типологического подхода является существенное изменение типологической принадлежности молодого человека: от биологически обусловленного психофизиологического типа к социально обусловленному коммуникативному. Диагностическим критерием принадлежности человека к одному из психофизиологических типов служит индивидуальный набор показателей функциональной асимметрии. Этот набор отражает специализацию полушарий мозга и связан с типичными способами восприятия и переработки информации, а также с основными способами организации активности человека [3, 4].

Формирование психофизиологического типа, по нашему мнению, происходит благодаря «системному обобщению», первоначально генетически заданной системе индивидуально-биологических свойств (с изначальной метаиерархией потребностей, метапланом и метаспособом действий), которая, вклю-

чаясь в самые различные виды деятельности, постепенно трансформируется. Трансформируясь, она образует независимо от содержания самой деятельности обобщенную, качественно новую индивидуально-устойчивую систему инвариантных свойств, но уже не биологических, а психобиологических. Типу, формирующемуся в результате этого процесса, свойствен устойчивый набор личностных черт [3, 4], и мы называем его «базовым», так как он является производным от первоначально генетически заданной системы индивидуально-биологических свойств человека.

Тем не менее зачастую человек оказывается в таких средовых условиях, когда процесс развертывания генетически обусловленных программ психического развития затруднен. Человеку приходится в большей степени адаптироваться в соответствии со средой, а не трансформировать ее в соответствии со своими целями. В этом случае человек может приобретать иной устойчивый набор личностных черт и поведенческих особенностей, что можно обозначить как изменение типологической принадлежности. Мы считаем, что коммуникативный тип формируется как результат взаимодействия человека с социальной средой, т.е. в процессе его социализации.

Мы предполагаем, что специализация полушарий мозга человека может детерминировать его врожденную систему когнитивных ориентаций (установок), выступающую в качестве механизма неосознаваемой регуляции поведения и формирующую предрасположенность субъекта к специфическим формам активности. Как следствие человек избирательно по принципу соответствия может легко и прочно ассимилировать те социальные ценности, которые в какой-то мере совпадают с его врожденными установками. Напротив, в случае несоответствия усвоение человеком социальных ценностей может быть поверхностным и нестойким. Очевидно, что в этом случае нестойкой окажется и его мотивация (проблема расхождения декларируемых и реальных ценностей), а определяемое ею поведение будет характеризоваться изменчивостью и низкой степенью предсказуемости [3, 4].

Следует заметить, что решение проблемы существования врожденных когнитивных ориентаций требует надежных подходов к выявлению специализации полушарий мозга человека.

С точки зрения психологии личности следствием формирования гиперсоциальной установки индивидуального развития в предлагаемой модели является некоторая деформация структуры личности, про-

являющаяся в самосознании, деятельности, общении и ценностно-смысловой сфере. Заметим, что полученные нами данные о личностных особенностях гиперсоциализированных молодых людей находятся в рамках нормативного развития и отражают один из вариантов индивидуального развития. Наличие гиперсоциальной установки не является признаком дизонтогенеза, более того, молодые люди, у которых эта установка присутствует, могут характеризоваться высоким уровнем социальной адаптации. Но вместе с тем у них появляется такая особенность, как чувство неприятия других людей.

Получается, что достижение ими определенного уровня социальной адаптации оборачивается формированием негативного отношения к окружающим людям, что следует расценивать как негативное психологическое явление. Оно способно, по нашему мнению, вызвав нарушение психологического взаимодействия между развивающейся личностью и окружающими людьми, спровоцировать некоторую дефицитарность этой личности, несмотря на формальное достижение молодым человеком нормативного уровня социальной адаптации. Мы можем даже предполагать, что неприятие других может не проявляться в повседневной жизни, оказываясь скрытой чертой личности. Тем не менее ее наличие опасно порождением в будущей жизни целого комплекса проблем межличностного характера.

Сформированная гиперсоциальная установка, являясь по сути лишь вариантом нормативного развития, может существенно затруднять, с нашей точки зрения, переход молодых людей на следующий этап социализации – активное, творческое преобразование среды. Современному же человеку требуется творчески преобразовывать почти каждую жизненную ситуацию, самостоятельно принимать решения и нести за них ответственность. Мы можем с высокой долей уверенности предполагать, что такой образ бытия может быть просто труднодоступен для молодых людей с гиперсоциальной установкой развития. И не потому, что ценности самореализации, самоактуализации чужды им, а потому, что у них может не хватать личностного ресурса для выхода на более «продвинутый» уровень развития. Переживание невозможности выхода на уровень личностного самоопределения может, как мы думаем, породить негативное отношение к себе и окружающим, усугубляя фрустрацию в проблемных жизненных ситуациях и образуя своеобразный «порочный круг», выйти за пределы которого довольно сложно.

Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект №05-06-06014а).

Литература

1. Ананьев Б.Г. О психологических эффектах социализации // Учен. зап. ЛГУ. 1971. Вып. 9. С. 144–150. (Человек и общество).
2. Асмолов А.Г. Психология личности: Принципы общепсихологического анализа. М.: Смысл, 2001. 416 с.
3. Богомаз С.А. Психологические типы К. Юнга, психофизиологические типы и интERTипные отношения. Томск, 2000. 71 с.
4. Богомаз С.А. К проблеме статистической верификации концепции интERTипных отношений // Личность и общество: Актуальные проблемы современной психологии. Кострома, 2000. С. 48–49.
5. Богомаз С.А., Тренькаева Н.А. Проблема смыслов сквозь призму типологического подхода // 2-я Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: Материалы сообщений / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004. С. 97–99.
6. Богомаз С.А., Тренькаева Н.А. Психофизиологические основания типологии Юнга и представление о психофизиологических и коммуникативных типах // Вестник интегративной психологии. Ярославль, 2005. С. 67–69.
7. Выготский Л.С. Проблема сознания // Собрание сочинений. М., 1982. Т. 1. 312 с.
8. Кулагина И.Ю., Коллюцкий В.Н. Возрастная психология // Полный жизненный цикл развития человека. М., 2001. 463 с.
9. Розум С.И. Психология социализации и социальной адаптации человека. СПб., 2006. 362 с.
10. Собчик Л.Н. Методы психологической диагностики. М., 1990. 48 с.
11. Тренькаева Н.А., Богомаз С.А. Выявление и оценка психологических эффектов социализации при формировании коммуникативного типа у лиц разного возраста // Менталитет и коммуникативная среда в транзитном обществе: Сб. статей / Под ред. В.И. Кабрина, О.И. Муравьевой. Томск: Томский государственный университет, 2004. С. 244–253.
12. Фромм Э. Характер и социальные процессы // Психология личности. М., 1982. С. 49–51.
13. Фромм Э. Иметь или быть. М., 1990. 168 с.
14. Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969. 236 с.

MODEL OF GIPERSOCIALISATION PERSONAL DEVELOPMENT IN YOUTH

S.A. Bogomaz, N.A. Trenkaeva (Tomsk)

Summary. It was revealed empirically, that the displacement of dynamic balance between interests of the individual and society in the part of domination of public interests, derivates a line of specific psychological features of personal development, which it is possible to name as psychological effects of hypersocialization. On the basis of the revealed psychological effects the model of personal development in youthful age on variant of hypersocialization is offered.

Key words: socially-psychological adaptation, communicative type, psychophysiological type, socialization, hypersocialization.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ЛИЧНОСТИ В КРИЗИСНОЙ СИТУАЦИИ

Г.А. Ткаченко, В.А. Яковлев (Москва)

Аннотация. В последние годы возрос интерес к исследованиям личности в кризисной ситуации – ситуации онкологического заболевания. Эта форма соматической патологии в значительной степени способна изменить сформировавшиеся до болезни ценностные ориентации. В статье описывается динамика изменения ценностных ориентаций у больных раком молочной железы.

Ключевые слова: личность, кризисная ситуация, рак молочной железы, ценностные ориентации.

Проблема выживания, преодоления кризисных ситуаций и сохранения при этом основных жизненных ценностей стала одной из центральных в психологии личности [2, 5–9]. Система ценностных ориентаций определяет содержательную сторону направленности личности и составляет основу ее отношений к окружающему миру, к другим людям, к себе самому, основу мировоззрения и ядро мотивационной жизненной активности, основу жизненной концепции и «философию жизни».

Важнейшим предметом изучения личности в кризисной ситуации являются ценностные ориентации.

Онкологические заболевания, особенно злокачественное новообразование молочной железы, бесспорно, относятся к числу кризисных ситуаций. Последнее заболевание выступает для психической деятельности в двух аспектах. С одной стороны, диагноз, по мнению многих пациентов, традиционно относится к группе неизлечимых и превращает один лишь факт заболеваемости в серьезную психическую травму. С другой стороны, необходимость подвергнуться оперативному вмешательству с не всегда точно предсказуемыми последствиями, утрата женственности, красоты и как следствие – изменение отношений с людьми вызывают тяжелейший стресс у женщины любого возраста.

Многие авторы говорят о «психологическом кризисе» больных после оперативного лечения рака молочной железы, который характеризуется тревогой, чувством безнадежности, неопределенности, пессимистической оценкой будущего. Все это способно вызвать перестройку всей иерархии ценностно-потребностной сферы, приводит к изменению качества жизни этой категории лиц, выраженной социальной дезадаптации личности [1, 3, 4].

Исследование факторов, способных уменьшить эти проявления, может быть полезным для разработки индивидуальной программы психологической коррекции этой категории лиц. В этой связи исследование изменений ценностных ориентаций у пациенток, страдающих раком молочной железы (РМЖ), представляется весьма актуальным.

Цель исследования – изучить особенности ценностных ориентаций женщин, страдающих раком молочной железы.

Материал и методы исследования. Проведено обследование 115 женщин в возрасте от 21 до 45 лет с

верифицированным диагнозом РМЖ, которые прошли лечение (хирургическое, химиотерапевтическое и/или лучевое) и наблюдались после завершения лечения в РОНЦ им. Н.Н. Блохина РАМН с 2003 по 2006 г.

Образование больных не ниже среднего, что свидетельствует об адекватном восприятии больными материалов тестов.

Для сравнения показателей, отражающих ценностные ориентации женщин, была сформирована контрольная группа, в которую вошли 50 женщин, не имеющих в анамнезе онкологических и психиатрических заболеваний, а также не предъявляющих жалоб на состояние здоровья на момент обследования. Обследуемые были сопоставимы по возрасту, уровню образования, социальному положению.

Изучение специфики ценностно-потребностной сферы больных раком молочной железы осуществлялось с помощью методики М. Рокича. Методика основана на прямом ранжировании списка ценностей. М. Рокич выделяет два класса ценностей: терминальные, представляющие собой убеждения в том, что какая-то конечная цель индивидуального существования стоит того, чтобы к ней стремиться, и инструментальные – убеждения в том, что какой-то образ действий или свойство личности является предпочтительным в любой ситуации.

После получения индивидуальных результатов были подсчитаны средние показатели рангов по каждой ценности для всех групп, что позволило выявить иерархию терминальных и инструментальных ценностей. При этом ценности, получившие наименьшую количественную выраженность, являлись наиболее значимыми для этой группы испытуемых, поскольку при индивидуальном ранжировании самым важным ценностям присваивались наименьшие числовые значения.

Обследование проводилось в два этапа: при поступлении и в отдаленном периоде (через 12–18 месяцев после завершения лечения).

Результаты исследования и их обсуждение

На основе полученных данных можно отчетливо описать специфику ценностно-потребностной сферы женщин, страдающих раком молочной железы, и здоровых женщин.

При поступлении в группу больных и в контрольной группе ведущими ценностями являются об-

щечеловеческие ценности личного счастья: здоровье, счастливая семейная жизнь, любовь (1 и 1; 4,1 и 5,2; 5,4 и 7,1 соответственно).

Высший уровень иерархии занимает ценность «здоровье» в обеих группах. Значимых различий в частоте выбора данной ценности между основной и контрольной группами нет. Вероятно, эта ценность значима для всех женщин независимо от состояния здоровья и является устойчивой характеристикой ценностно-потребностной сферы личности.

Наряду со здоровьем высоким статусом во всех группах обладает ценность «счастливая семейная жизнь». При этом по t-критерию Стьюдента выявлены значимые различия по степени важности данной ценности между группами ($p < 0,05$). Более значимой она является для женщин, страдающих раком молочной железы, что, по всей видимости, связано со страхом калечащей операции, потерей женственности и привлекательности и как следствие – ухудшением семейных отношений. Высокий уровень ценности «любовь» в группе больных женщин по сравнению с контрольной группой тому подтверждение.

Проведенное исследование выявило тенденцию, в соответствии с которой женщинами всех групп придается невысокое значение ценностям индивидуальной самореализации: свобода, творчество, развитие, познание – 16 и 14,9; 17,2 и 16,8; 16,2 и 16,1; 15,2 и 15,7. По-видимому, это связано с особенностью роли женщины в обществе, ее видением смысла жизни не в самосовершенствовании, карьерном росте, а в реализации своей главной миссии – быть матерью, хранительницей домашнего очага. Сочетание лидирующей позиции «счастливая семейная жизнь» с низкой оценкой значимости вышеуказанных ценностей соответствует традиционной модели женского поведения. Невысокий уровень ценности «общественное признание» – ценности социальной успешности также тому подтверждение (14,2 и 9,6).

Ценность «уверенность в себе» располагается в первой трети иерархической лестницы обеих групп: 7,0 и 7,2 соответственно и не обнаруживает достоверных различий между обозначенными категориями опрошенных.

Одной из отличительных особенностей ценностно-потребностной сферы больных женщин является высокая значимость ценностей социального взаимодействия: «наличие хороших и верных друзей» – 7,4 и 12,6 в контрольной группе. Это может быть связано с потребностью больного человека в поддержке со стороны близких людей.

Подводя итог первой части теста М. Рокича, в целом можно сказать, что, несмотря на различия в абсолютных значениях показателей некоторых ценностей, по большей части терминальных ценностей, значимых различий между ценностными ориентаци-

ями здоровых женщин и тех, кому только что был установлен диагноз РМЖ, не установлено.

Анализ результатов второй части теста, демонстрирующих иерархию инструментальных ценностей, показал, что на первом месте у всех женщин «ответственность»: 5,3 в группе больных женщин и 6,5 в контрольной группе, причем достоверно более значима для больных РМЖ ($p < 0,05$). На втором месте в обеих группах находится ценность «образованность»: 6 и 6,6 соответственно, что несколько противоречит терминальным ценностям, где ценности индивидуальной самореализации имели низкие показатели. Скорее всего, это связано с тем, что около 70% пациенток имеют высшее образование. Вполне ожидаемый результат был получен относительно ценностей «воспитанность»: 6,5 и 7,8; «чуткость»: 7,1 и 12,9, которые как более значимые указываются женщинами, страдающими раком молочной железы, что достоверно отличает их от здоровых женщин ($p < 0,05$).

Здоровые женщины ставят «аккуратность» на третье место, а больные женщины на четвертое, достоверных отличий не получено (6,8 и 6,9 соответственно). Это свидетельствует о присущих большинству женщин таких чертах характера, как чистоплотность, дисциплинированность, аккуратность.

Анализ ценности «терпимость» обнаружил различия между группами: для здоровых женщин характерен более высокий статус данной ценности, чем для больных (9,8 и 8,0 соответственно).

Соответствующие результаты были получены по личностным опросникам, в частности по методике многопрофильного исследования личности (ММПІ), где почти у трети больных РМЖ встречается тревожно-ригидный тип личности, для которых характерны агрессивные тенденции, эмоциональная ригидность. Достоверные различия между здоровыми и больными женщинами получены по ценности «самоконтроль» ($p < 0,05$). Более высокий статус данной ценности характерен для здоровых женщин – 8,4, а в группе больных – 12,2. Можно предположить, что это также связано с личностными особенностями больных РМЖ.

Различия обнаружены и по ценности «жизнерадостность». Для больных РМЖ характерен более низкий уровень данной ценности: 12,9, при этом у здоровых женщин 9,1. Здоровые женщины достоверно выше определяют ценность «исполнительность», нежели больные женщины: 8,5 и 11,6 соответственно. По всей видимости, это обусловлено актуальным состоянием женщин: на основании результатов по методике ММПІ у большинства больных отмечают высокий уровень тревоги, депрессивное состояние и подавленность.

Достоверные различия между группами отсутствуют по ценностям «рационализм»: 12,4 и 12,6; «независимость»: 12,6 и 11,5; «твердая воля»: 13,5 и

13,2; «непримиримость к недостаткам в себе и других»: 15,7 и 15,9; «высокие запросы»: 14,5 и 14,9; «смелость»: 13,2 и 13,4; «эффективность в делах»: 10,4 и 8,8. Это позволяет предположить, что данные ценности менее свойственны как здоровым, так и больным женщинам.

Обобщая результаты второй части теста, можно отметить, что в целом инструментальные ценности согласуются со свойственной женской модели поведения. При этом инструментальные ценности в большей степени, чем терминальные, зависят от личностных особенностей женщины.

В отдаленном периоде терминальные ценности женщин, перенесших РМЖ, существенно меняются по сравнению с этапом начала заболевания (рис. 1).

Высший уровень иерархии по-прежнему занимает «здоровье», однако сравнение с этапом поступления и отдаленным периодом по t-критерию Стьюдента показало, что хотя «здоровье» занимает высший уровень в обеих группах, существуют различия в абсолютных значениях показателей: 1 и 1,2 соответственно. Более выраженная значимость обсуждаемой ценности для женщин, перенесших онкологическое заболевание, и указание на существование обеспокоенности здоровьем, его отсутствием у ряда женщин этой группы могут свидетельствовать о достаточно конфликтном восприятии ими рассматриваемого параметра. Особенно амбивалентное отношение к здоровью отмечается у женщин с тревожно-депрессивным типом личности: отношение себя к здоровым людям и при этом низкая самооценка своего здоровья.

Высоким статусом у женщин, перенесших онкологическое заболевание, обладают духовные ценности: «продуктивная жизнь», «активная деятельная жизнь», «развитие», «уверенность в себе», «любовь», «счастливая семейная жизнь», «наличие верных друзей», что достоверно отличает их как от этапа поступления (см. рис. 1), так и от здоровых женщин. Интересен факт, что ценность «счастливая семейная жизнь», которая занимает второй уровень иерархии ценностей и у здоровых женщин, и у женщин в момент заболевания, спускается на шестую позицию у женщин, перенесших рак молочной железы, хотя достоверных различий в оценке этой ценности не получено. С нашей точки зрения, это связано с благоприятной атмосферой в семье, что согласуется с результатами анкетирования. Эмоциональные отношения с членами семьи, их поддержка являются важнейшим фактором выздоровления. Страх разрыва семейных отношений, испытываемый на этапе поступления, в отдаленном периоде сменяется уверенностью в близких людях.

Ценность «любовь» становится более значимой: сравнение группы больных на момент поступления и в отдаленном периоде по t-критерию Стьюдента показало, что существуют различия в абсолютных значениях показателей этой ценности. Женщины, перенесшие РМЖ, оценивают «любовь» гораздо выше, чем женщины, которым только что поставили диагноз (см. рис. 1).

По-прежнему все женщины придают невысокое значение ценностям индивидуальной самореализации (свобода, творчество, познание), ставя их на последнее

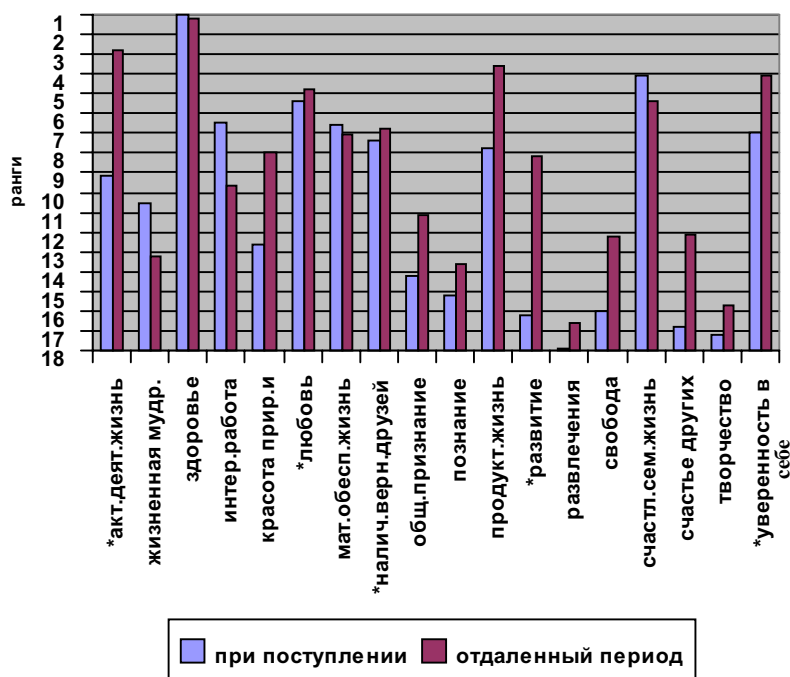

Рис. 1. Распределение терминальных ценностей у женщин при поступлении и в отдаленном периоде (* – достоверные отличия при $p < 0,05$)

место в иерархии ценностей. Но отмечаются достоверные различия по важности этих ценностей между этапом поступления и отдаленным периодом (см. рис. 1).

В группе здоровых женщин в большей степени выражена тенденция ориентации на материальные ценности, что подтверждается более высокой оценкой по сравнению с больными женщинами таких жизненных ценностей, как «материально обеспеченная жизнь», «развлечения», и меньшей значимостью альтруистической ценности «счастье других», чем они достоверно отличаются друг от друга (5,3 и 7,1; 14,4 и 16,6; 14,7 и 12,1 соответственно).

Полученные данные дают основание считать, что онкологическое заболевание приводит к переоценке жизненных ценностей, изменениям мироощущения, духовному росту личности.

Изучение инструментальных ценностей в отдаленном периоде у женщин после лечения рака молочной железы обнаруживает еще большую ориентацию на ценности социального взаимодействия: «терпимость», «чуткость», «честность», «ответственность» (на этапе поступления и в отдаленном периоде: терпимость: 9,8 и 4,1; чуткость: 7,1 и 5,4; честность: 8,2 и 6,5; ответственность: 5,3 и 6,6).

При этом теряется актуальность таких качеств, как «аккуратность», «образованность», «эффективность в делах», «исполнительность», которые были достоверно выше в иерархии ценностей на этапе начала лечения и в контрольной группе ($p < 0,05$).

Практически не меняются средние показатели рангов ценностей: «независимость», «непримиримость к недостаткам в себе и других», «высокие запросы», оставаясь на последних позициях общей иерархии ценностей всех женщин¹.

На основании этого можно отметить, что в отдаленном периоде в большей степени происходят изменения тех ценностей, которые до болезни были весьма значимыми, и в меньшей степени происходят изменения тех ценностей, которые являлись менее значимыми до болезни.

Выводы. Изучение системы ценностей личности больных раком молочной железы показало их значительную перестройку в отдаленном периоде и выявило специфические закономерности изменений ценностных ориентаций личности в кризисной ситуации – ситуации онкологического заболевания. В большей степени подвержены изменению терминальные ценности, чем инструментальные. Существенно перестраивается высший уровень иерархии ценностей – жизненные цели личности. При этом ценности, которые отмечались больными как менее значимые («независимость», «непримиримость к недостаткам в себе и других», «высокие запросы»), практически не изменяются.

Полученные данные могут быть использованы психологами для разработки индивидуальной программы оказания психологической помощи этой категории больных.

Примечание

¹ Иерархия инструментальных ценностей в контрольной группе, при поступлении и в отдаленном периоде: «аккуратность»: 6,9; 6,8 и 12,1 соответственно; «образованность»: 6,6; 6,0 и 13,1 соответственно; «эффективность в делах»: 8,8; 10,4 и 15,6 соответственно; «исполнительность»: 8,5; 11,6 и 15,9 соответственно; «независимость»: 11,5; 12,6 и 11 соответственно; «непримиримость к недостаткам в себе и других»: 15,9; 15,7 и 17,8 соответственно; «высокие запросы»: 14,9; 14,5 и 17,2 соответственно.

Литература

1. Асеев А.В., Васютков В.Я., Мурашева Э.М. Психологические изменения у женщин, больных раком молочной железы // Маммология. 1994. № 3. С. 14–16.
2. Асмолов А.Г. Психология личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. 416 с.
3. Блинов Н.Н., Чулкова В.А. Роль психоонкологии в лечении онкологических больных // Вопросы онкологии. 1996. Т. 42, № 5. С. 86–89.
4. Демин Е.В., Чулкова В.А. «Путь к выздоровлению» – международная программа улучшения качества жизни больных раком молочной железы и опыт ее применения в России // Маммология. 1995. № 2. С. 4–12.
5. Лурья Р.А. Внутренняя картина болезни и ятрогенные заболевания. М.: Медицина, 1977. 112 с.
6. Маслоу А.Г. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999. 478 с.
7. Роджерс К.Р. Клиентоцентрированная терапия. Москва: Рефлбук; Киев: Ваклер, 1997. 318 с.
8. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
9. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 344 с.

VALUE ORIENTATIONS PERSONALITY IN CRISIS SITUATION

G.A. Tkachenko, V.A. Yakovlev (Moscow)

Summary. During last years a great interest has increased in researches of personality behavior in crisis situation – situation of oncological disease. In such conditions of hard disease the value orientations that has been formed before is destroying. The article is comprehensively describing the dynamics of human changes and value orientations of breast cancer patients.

Key words: personality, crisis situation, breast cancer, value orientations.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ФАНАТИЗМ КАК ПРОБЛЕМА ДУХОВНОГО ЗДОРОВЬЯ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА

Сообщение 1. *Психоисторическая характеристика*

Г.В. Залевский (Томск)

Аннотация. Аргументируется актуальность, приводится ряд определений понятия «фанатизм» и дается его психоисторическая характеристика.

Ключевые слова: фанатизм, духовное здоровье, деформация, личность, общество.

Ни одна человеческая страсть не приносит столько несчастья, оставаясь одновременно столь загадочной, как фанатизм.

Петер Концен

Приходится, к сожалению, констатировать, что на переходе между тысячелетиями Россию, как и другие страны планеты, поражают волны моральных эпидемий, национальных и религиозных конфликтов, информационных и психологических, страхов, убийств людей только за то, что они – иные, иначе мыслящие, инакововерующие, инакоживущие, принадлежащие к другой нации, религии, партии или стране. Все это свидетельствует о растущем духовном нездоровье человеческих сообществ и немалого числа их членов, характеризующемся обесцениванием прежде всего человеческой жизни, а затем и многих производных от нее ценностей. Нередко на место ценностей в силу разных причин, о которых мы будем говорить ниже, разумеется делая акцент на причинах психологических, заступают псевдоценности. И это происходит в контексте все нарастающего разрыва, или «схизиса», между цивилизацией и культурой. Цивилизация все более вымывает ценности, составляющие содержание и суть культуры, постепенно заступает на место культуры, т.е. из средства человеческой жизнедеятельности, целью которой является сохранение и развитие культуры и формирование человека культуры, цивилизация становится целью, скорее самоцелью [3, 4].

Отмечаемая тенденция – не порождение двадцатого или двадцать первого века, она была замечена уже в эпоху Возрождения и в последующие эпохи гуманизма, Просвещения. «История человечества, – пишет П. Концен, автор одной из серьезных работ по фанатизму последних лет, – это также история ее фанатизма и радикальных верований всех оттенков, которые в свое время натворили столько несчастья, сколько все негодяи и подлецы, вместе взятые» [11. С. 9]. Просто в последние столетия темпы цивилизации настолько возросли, разрыв между цивилизацией

и культурой настолько увеличился, а технические возможности настолько стали богаче (это вам не времена яда и кинжала или меча), что значительно обострились противоречия не только между ними в конкретных человеческих сообществах, но и между сообществами. Сегодня из комбинации фундаментлистского духа и оружия массового уничтожения растет новый сценарий угрозы апокалиптического размера. Еще в 1930 г. З. Фрейд [16. С. 506] пророчески говорил о том, что надо иметь в виду, что «люди в овладении силами природы зашли так далеко, что с их помощью им легко уничтожить друг друга до последнего человека. Они об этом знают, отсюда значительная часть их сегодняшнего беспокойства, их несчастья, их состояния страха». В настоящее время дискутируется вопрос о том, каких войн мы уже являемся свидетелями – между цивилизациями, между культурами, между цивилизацией и культурой (варварами и неварварами), между Востоком и Западом, Севером и Югом [11, 23, 25–27].

Подозрение, что в основе межличностных, межгрупповых конфликтов и конфликтов между социальными сообществами во все времена лежит деформация или деструкция – нарушение структуры, обесценивание, дистрибуция, извращение вплоть до патологизации – ценностной системы (системы ценностных норм, ценностных установок, ценностных позиций, ценностных ориентаций), одной из крайних форм которой является фанатизм (бытовой, религиозный, этнический, политический и др.), высказано в целом ряде исследований [1, 2, 5–22, 24, 29, 30, 33, 35]. Поэтому справедливо мнение об актуальности основательного научного изучения феномена фанатизма и его профилактики сегодня более, чем когда-либо раньше. Фанатизм, скорее всего, связан со всеми сторонами человеческой природы, здоровыми и

аномальными, сознательными и бессознательными, рациональными и иррациональными. Он может оставаться закапсулированным, но может вспыхнуть и разгореться, захватывая отдельных людей, группы людей и массы. Когда мы говорим о фанатизме, то в едином с ним контексте должны присутствовать ценности, убеждения, видения, которые переживаются со столь аномальной односторонностью, порой отстаиваются со столь смертельной последовательностью, так что столкновение с окружением оказывается как бы запрограммированным [11. С. 9–11].

Следует согласиться с мнением Концена [11. С. 17], что, наверное, лучше всего рассмотрение взаимной игры внутренних страстей и внешней общественно-исторической реальности, одним из страшных вариантов которой, несомненно, является фанатизм, возможно в рамках психоистории.

Впервые понятие фанатизма в обиход ввел Ж. Босюэ (1627–1704), католический епископ, бывший одним из главных идеологов французского абсолютизма, для которого фанатиками были протестанты, поскольку они полагали, что все их «мечтания» вдохновлены Богом, а не парижские буржуа, которые в 1572 г., в ночь на 24 августа, в день празднования апостола Варфоломея, по словам Вольтера, «со всех ног бросились убивать, перерезать горла, выбрасывать из окон и рубить на куски своих сограждан только за то, что они не ходили к мессе» [36].

Принципиально иное определение фанатизму дает во Французской энциклопедии 1777 г. М. Делейр: «Это введенное в действие суеверие или плод незнания, примитивной души, иррационального или, вернее, предрационального сознания, которое родилось в лесах среди ночной темноты и панических страхов и воздвигло первые языческие храмы» (цит. по [5. С. 23]).

У римских авторов латинское слово *fanatici* употреблялось применительно исключительно к жрецам, практиковавшим экстатические культы, в которых боги являли себя через экстаз этих жрецов. Определение фанатизма, ставшее классическим, дает Вольтер в «Философском словаре» (1764), считая, что того, кому свойственны экстазы и видения, кто принимает свои сны за нечто реальное и плоды своего воображения за пророчества, можно назвать энтузиастом, но тот, кто поддерживает свое безумие, убивая, фанатик. Суть фанатизма, по Вольтеру, состоит в том, что фанатик, отстаивая свою позицию, готов казнить и убивать, при этом он всегда и исключительно опирается на силу, наиболее отвратительным примером чего он считает Варфоломеевскую ночь. Вольтер пишет и о фанатиках с холодной кровью, это «судьи, которые выносят смертные приговоры тем, кто думает иначе, чем они». По Вольтеру, фанатизм – это тот «плод незнания и примитивной души»,

который «меньше возбуждается книгами, а больше собраниями и публичными выступлениями, т.е. толпой». Фанатизм всегда мрачен и жесток, это одновременно суеверие, лихорадка, бешенство и злоба. Эта оценка перекликается с греческой этимологией слова «фанатизм» – *thanatikos* – смертоносный. Фанатику всегда свойственно пренебрежительное отношение к жизни, как к чужой, так и к своей собственной. Примером тому могут быть террористы, направившие пассажирские самолеты на здания Всемирного торгового центра в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г., или террористы, захватившие школу в Беслане, театральный центр на Дубровке в Москве и т.д. К сожалению, случаи подобного рода множатся. При этом фанатик как бы пытается замещать Бога, который, с его точки зрения, медлит, а потому он начинает действовать вместо Бога.

Н. Бердяев еще в 1937 г. подчеркнул, что нетерпимый фанатик совершает насилие, отлучает, сажает в тюрьмы и казнит. Но по сути слабый, а не сильный, он подавлен страхом, а его сознание страшно сужено, он меньше верит в Бога, чем терпимый. Коммунисты, фашисты, фанатики ортодоксального православия, католичества или протестантизма ни с какими идеями не спорят, отбрасывают противника в противоположный лагерь, на который наставляют пулеметы. Фанатик, как правило, не столько осознает, сколько лишь ощущает слабость своей позиции, но при этом мобилизует все свои силы именно на беспощадную защиту исповедуемой истины.

В то же время, наверное, правильной является мысль о том, что не следует всех «фанатиков рядить в безумцы» [1], что не «все фанатики – психопаты» [5], хотя Курт Шнайдер [34] их к таковым относит. Трудно «нормальными масштабами оценить убийства без угрызания совести, но все же следует признать, что фанатическое – не есть изначально болезненное» [11. С. 49].

Фанатизм выходит на авансцену истории в эпохи, во-первых, упадка живой веры и кризиса религиозного мирозерцания, во-вторых, в моменты смены духовных ориентиров, когда большинство верующих, в том числе и за пределами религиозной веры, крайне слабо представляют, во что они верят или должны верить, и наконец, в те периоды, когда в жизни общества вообще начинает преобладать новое. Становится понятным, почему фанатизм стал «тенью Возрождения». Бурное развитие национальных языков и литературы, изобразительного искусства, быстрое распространение книгопечатания и последовавшие за этим великие географические открытия и революция в области классической науки изменили мир до неузнаваемости, что спровоцировало кризис в области религиозного мировоззрения. Запылали костры инквизиции, началась борьба Саванаролы с культурой.

Вспышки фанатизма приводят к весьма серьезным последствиям, поскольку он обладает огромной деструктивной силой, разрушающей общество, «разрывает все связи в обществе» [36].

Двадцатый, да и начавшийся век двадцать первый во многом оказываются похожими на эпоху Возрождения. Вряд ли стоит в данном случае перечислять все то, что принесла цивилизация, но все это до неузнаваемости изменило мир вокруг нас. Человек, исповедующий традиционные ценности, зачастую не готов осмыслить все, что происходит вокруг него, нередко попадает в ловушку предрассудков и фанатизма («фанатических предрассудков»). Это, как правило, сопровождается уже упомянутой выше деструкцией общечеловеческих ценностей, когда следование идеологии, догме, предрассудку, оказывается ценнее человеческой жизни.

В толковом словаре Владимира Даля фанатизм также определяется как изуверство, грубое упорное суеверие, замест веры; преследование инакомыслящих именем веры. Фанатизм, скорее, является «побочным» продуктом развития религиозного сознания в переломные эпохи, фанатизм – это, скорее, «извращенное дитя религии» [36].

Конечно, бедность, обнищание, унижительное подавление и т.д. играют огромную роль при возникновении человеческого фанатизма. Но было бы

ошибочным рассматривать фанатических личностей лишь в качестве марионеток в руках властных констелляций и господствующих интересов. Не только приказ Гитлера является причиной Холокоста. Самое последнее решение по Холокосту вышло из психики конкретного человека [11. С. 18]. Влечение к экстремальному/крайностям, к расщеплению и проекции исходит из глубины человеческой психики, а потому следует попытаться осветить внутриспсихические корни фанатизма, в то же время помня, что все формы человеческого фанатизма развиваются принципиально в процессах взаимодействия. С одной стороны, индивидуальные страхи и переживания вносят дестабилизацию и репрессивность в общественный климат, а с другой – социальные кризисы обостряют индивидуальную идентичную неуверенность, подогревают готовность к тяжелым аффектам и предубежденностям, питающим фанатизм [11. С. 27], а затем и терроризм. В этой связи уместно сослаться на мнение А.Ш. Тхостова и К.Г. Сурнова (2007. С. 27–28), которые наряду с выделением социальных, экономических и религиозных корней терроризма считают «важным обосновать выделение специфической психологической составляющей этой проблемы». Но эта тема станет предметом рассмотрения во втором нашем сообщении.

Литература

1. Асмолов А.Г. Психология обыкновенного фанатизма // Межкультурный диалог: Исследования и практика / Под ред. Г.У. Солдатовой, Т.Ю. Прокофьевой, Т.А. Лютой. М.: Центр СМИ МГУ им. М.В. Ломоносова, 2004. С. 6–14.
2. Бердяев Н.А. Русские записки // Человек. 1937/1997. № 9.
3. Залевский Г.В. Теория субъекта и фиксированные формы поведения // Психологический журнал. 2003. Т. 24, № 3. С. 32–36.
4. Залевский Г.В. Фиксированные формы поведения индивидуальных и групповых систем (в культуре, образовании, науке, в норме и патологии). Москва: Смысл; Томск: ТГУ, 2004.
5. Чистяков Г.П. Психология религиозного фанатизма // Межкультурный диалог: Исследования и практика / Под ред. Г.У. Солдатовой, Т.Ю. Прокофьевой, Т.А. Лютой. М.: Центр СМИ МГУ им. М.В. Ломоносова, 2004. С. 22–31.
6. Adorno T.W. Studien zum autoritären Charakter. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1973.
7. Auchter T. et al. (Hrsg.) Der 11. September. Psychoanalytische, psychosoziale und psychohistorische Analysen von Terror und Trauma. Giessen: Psychosocial-Verlag, 2003.
8. Bolterauer L. Der Fanatismus. Eine Tiefenpsychologische Studie // Psyche. 1975. № 56. S. 699–719.
9. Bolterauer L. Die Macht der Begeisterung. Fanatismus und Enthusiasmus in tiefenpsychologischer Sicht. Tübingen: Edition discord, 1989.
10. Bullock A. Hitler und Stalin. Berlin: Siedler Godmann-Verlag, 1991.
11. Conzen P. Fanatismus. Stuttgart: Kohlhammer, 2005.
12. De Boer W. Terrorismus: Der «Wahn» der Gesunden // Schwind (Hrsg.), Ursachen des Terrorismus in Bundesrepublik Deutschlands. Berlin, New York: De Gruyter, 1978. S. 122–153.
13. Elias N. Über den Prozess der Zivilisation. Soziogenetische und psychogenetische Untersuchungen. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1976.
14. Federn E. Versuch einer Psychologie des Terrors // Psychosocial. (1989) Jahrgang. Vol. 12, h. 37. S. 53–73.
15. Flöttmann H.B. Zur Psychologie der Gewalt. Über den Ursprung von Fanatismus, Faschismus und Terrorismus // TW Neurologie Psychiatrie. 1991. Vol. 5. S. 377–388.
16. Freud S. Das Unbehagen der Kultur // GW. 1930. Vol. 14. S. 419–506.
17. Fromm E. Anatomie der menschlichen Destruktivität. Stuttgart: Europ. Verlagsanstalt, 1974.
18. Grabner-Haider A. et al. (Hrsg.) Fanatismus und Massenwahn. Graz/Wien: Leykam-Verlag, 1987.
19. Heine P. Terror in Allahs Namen. Extremistische Kräfte im Islam. Freiburg: Herder, 2001.
20. Hoffer E. Der Fanatiker. Reinbeck: Rowohlt-TB-Verlag, 1965.
21. Hoffmann B. Terrorismus. Der unerklärte Krieg. Frankfurt a. M.: Fischer, 1999.
22. Hole G. Fanatismus. Der Drang zum Extrem und seine psychische Wurzeln. Freiburg: Herder, 1995.
23. Huntington S.P. Kampf der Kulturen. Wien; München, 1996.
24. Klöpfer M., Lindner R. (Hrsg.) Destruktivität: Wurzeln und Geschichte. Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 2001.
25. Lanquer W. Krieg dem Westen. Terrorismus im 21. Jahrhundert. München: Propylän, 2003.
26. Lewis B. Die Wut der arabischen Welt. Frankfurt a. M.: Campus, 2003.

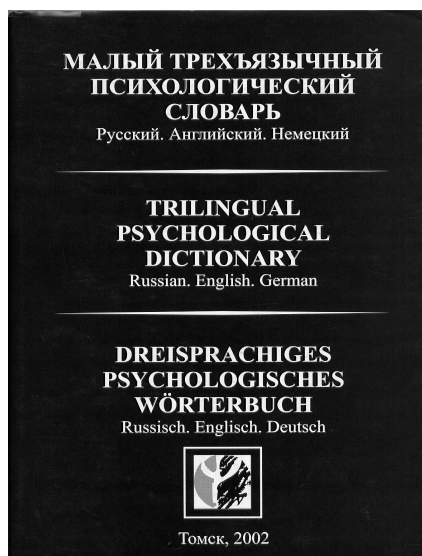
27. Meyer T. Fundamentalismus. Aufstand gegen der Moderne. Hamburg: Rowohlt-TB-Verlag, 1989.
28. Mitscherlich A. Zur Psychologie des Vorurteils // Vorurteil / Hrsg. von Anita Karsten. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchhandlung, 1978. S. 270–285.
29. Reuter C. Mein Leben ist eine Waffe. Selbstmordattentäter. Psychogramm eines Phänomens. München: Bertelsmann-Verlag, 2002.
30. Rokeach M. Beliefs, Attitudes and Values. San Francisco: Jossey-Bass Publishers, 1969.
31. Rudin J. Fanatismus. Eine psychologische Analyse. Olten und Freiburg: Walter-Verlag, 1975.
32. Schldör B. Soziale Werte und Werthaltungen. Opladen: Leske+Budrich, 1993.
33. Schmidbauer W. Alles oder nichts. Über die Destuktivität von Idealen. Hamburg: Reinbeck-Verlag, 1980.
34. Schneider K. Klinische Psychopathologie. 10 Aufl. Stuttgart: Thieme, 1973.
35. Speamann R. Fanatisch-Fanatismus // Historisches Wörterbuch der Philosophie. Bd. 2. Basel; Stuttgart: Verlag Schwabe, 1972. S. 904–908.
36. Voltaire F.M. Le fanatisme on Mahomet le Propete. Amsterdam, 1743.

FANATISM AS A PROBLEM OF SPIRITUAL HEALTH OF PERSON AND SOCIETY

G.V. Zalevsky (Tomsk)

Summary. In the article is arguemented the problem of fanaticism are gathered some definitions of some conceptions of fanaticism and is given its psycho-historical characteristics.

Key words: fanaticism, spiritual health, deformation, person, society.

Малый трехязычный психологический словарь: русский, английский, немецкий / Сост. Г.В. Залевский, Е.И. Залевская, В.Г. Залевский. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. – 380 с.

ISBN 5-7511-1492-2

Для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов и для всех тех, кто так или иначе связан с чтением и переводом психологической литературы.

КАТЕГОРИЯ КОММУНИКАЦИИ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ СУЩНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

О.И. Муравьева (Томск)

Аннотация. Обосновывается представление о трех составляющих сущности человека: «природа человека» (наличное), «смысл, или идея человека» (должное), «пути реализации смысла человека» (возможное). Подробно анализируя последнюю составляющую, автор утверждает, что в качестве конкретного психологического процесса, в рамках которого происходит реализация смысла человека (становление человека), выступает процесс коммуникации.

Ключевые слова: сущность, сущность человека, природа человека, смысл человека, коммуникация, транскомуникация.

1. Проблема сущности человека в психологии и философии

В соответствии с традицией дифференциации научного знания сама категория «сущность», так же как и проблема сущности человека, ставилась в рамках философии, но не психологии. Однако психологи, не формулируя ее как специальную проблему, тем не менее не могли обойти ее стороной. Это выражалось в поисках тех психологических свойств, структур, динамических особенностей, которые отражают специфику человека. Попытки построить психологию «с человеческим лицом» привели к возникновению не только большого количества частных концепций, моделей и теорий, но и целого ряда глобальных психологических школ и направлений (культурно-историческая психология Л.С. Выготского, гуманистическая психология, экзистенциальная психология, субъектно-деятельностный подход С.Л. Рубинштейна и др.). Можно наблюдать, что научный поиск и современных исследователей-психологов, как зарубежных, так и российских, идет все в том же направлении: нахождение, определение и изучение «человеческого в человеке».

Фактически речь идет о выделении существенных именно для человека (в отличие от вещей и других живых существ) психологических особенностей, свойств, структур, т.е. сущностных человеческих атрибутов. Таким образом, можно констатировать, что, с одной стороны, в научной психологии уже к концу прошлого столетия реально, в соответствии с логикой исследований, назрела проблема определения того, что же собой представляет сущность человека. С другой стороны, необходимость придания психологической легитимности категории «сущность человека» требует и формальной логики. В.И. Слободчиков буквально «математически» обосновывает это: «...даже если согласиться, что человеческая психика – это свойство человека, то по самой логике рассуждения следует: понять это свойство (выразить его в понятиях), можно лишь имея хотя бы минимальное представление о сущности того, свойством чего оно является. Иными словами, психология должна иметь (или строить) собственное представление о сущности человека, дабы мочь что-то сказать о его свойствах...» [12. С. 63].

Важно также отметить, что и среди философов растет понимание того, что центральная проблема современной философии – это прежде всего проблема человека в самом широком смысле. Это значит, что философия призвана не только изучать эту проблему как «свою», но и разрабатывать именно те философские категории, которые имеют прикладное значение для других наук о человеке, в том числе и психологии. Безусловно, к таким категориям относится и такая «древняя» философская категория, как «сущность». Г.Л. Тульчинский пишет: «Вопрос о природе, методах и способах фиксации и выражения сущности как целостного единства существенных (необходимых) свойств предмета в настоящее время приобретает не только философски методологическое, но и непосредственно прикладное значение. Так, развитие эмпирических исследований в социологии, лингвистике, психологии, этнографии, антропологии и других науках выявило недостаточность традиционного классификационного анализа явлений, нейтрального к существенности свойств, берущихся в качестве оснований классификации. Испытывается острая потребность в обосновании процедур не раздельного и последовательного рассмотрения свойств, а выделения единого комплекса свойств, существенных для данного предмета познания» [13. С. 114]. В классической философии сущность (лат. *haecceitas* – этовость) определяется как «совокупность существенных свойств и качеств вещи, субстанциональное ядро самостоятельного сущего» [9. С. 1008], т.е. имеет место быть субстанционалистское понимание сущности как первоначала, как того, что существует «само по себе».

Если же обратиться теперь к представлениям современных психологов о первооснове, первоначале сущности человека, то здесь можно встретить противоречащие друг другу идеи. Так, А.Б. Орлов, ставя вопрос о том, что в человеке является подлинным субъектом, в качестве определения этого подлинного субъекта привлекает категорию сущности. «Для обозначения данного субъекта как трансперсональной (т.е. за- и внеличной и, следовательно, за- и внесоциальной) психической реальности мы, вслед за Г.И. Гурджиевым и его последователями, используем термин «сущность» («essence»)» [10. С. 14]. Причем автор настаивает на предельно высоком понимании сущ-

ности. «Если главная характеристика личности – ее атрибутивность, то главная «особенность» сущности – отсутствие каких-либо атрибутов. Сущность – источник всех и всяких атрибутов» [10. С. 14].

Другое понимание первоосновы человека формулирует Б.С. Братусь. «Вертикаль души раздираема и подвижна непримиримым в этой жизни до конца противоречием. В философии оно нередко означает как родовидовое, как противоречие между безграничностью, безмасштабностью, трансцендентностью человека как представителя рода человеческого и одновременно его явной ограниченностью, хрупкостью, конечностью как конкретного индивида... Эти два разнонаправленных вектора – к бесконечному, вечному, горнему и конечному, ограниченному, дольному – по-разному преломляются, вмещаются в человека в зависимости от его наличной духовно-психологической структуры» [1. С. 45].

Внимательное рассмотрение приведенных выше идей позволяет увидеть не только противоречия между ними, но и внутреннюю противоречивость каждого из них. Если следовать логике А.Б. Орлова о том, что сущность есть «источник всех и всяких атрибутов», то нельзя не согласиться с тем, что именно сущность является источником как «высокого, духовного» в человеке, так и «низкого, телесного». Человек есть и то и другое одновременно. Но тогда как же быть с другим утверждением автора о том, что сущность есть «источник силы и мудрости»? Здесь наблюдается явное логическое противоречие. Подобное же логическое противоречие можно усмотреть и в идеях Б.С. Братуся. Если человек «отчасти божество, отчасти животное; отчасти бесконечен, отчасти конечен», то откуда берется «необходимость находить все новые, более высокие формы единства с природой, своими близкими и самим собой»?

Чтобы разрешить эти противоречия, надо вновь обратиться к философии. Думается, что прежде всего необходимо преодолеть субстанционалистское понимание «сущности» и одновременно ввести разделение понятий «сущность» и «природа» человека. С точки зрения субстанциалистского подхода к человеку, стремящегося найти неизменную основу его существования, «сущность человека» и «природа человека» – однопорядковые понятия. Однако если использовать другие подходы, то различие между этими понятиями станет очевидным. «Природа человека» – это та ситуация, в которой находится каждый человек, это его «стартовые условия», это уникальное в своей противоречивости единство разнонаправленных векторов развития, потенциальных возможностей и ограничений.

В понятии природы человека отсутствует нормативность, оно характеризует человека с точки зрения «сущего». Но тогда что понимать под понятием

«сущность человека»? Ответ на этот вопрос мы можем найти в постмодернистских течениях второй половины XX в. с их идеями о плюрализме, незаданности, открытости, «равновесии многообразия в единстве», а также в «абсолютной мифологии» А.Ф. Лосева. В этих философских системах понятие сущности или вытесняется такой категорией, как «смысл», или же определяется при помощи нее. Так, А.Ф. Лосев пишет: «Под сущностью мы понимаем смысл, значение, ответ на вопрос «Что это такое?»». Если нам нужна, напр., сущность дома, то она будет заключаться в том, что это есть сооружение, предназначенное для защиты человека от атмосферных явлений. Если нам нужна сущность сапога, то она есть кожа, обработанная так, чтобы служить человеку для защиты ног от холода и ушибов и т.д. Сущность эту можно назвать и смыслом, значением, идеей» [8. С. 464]. И далее: «Сущность есть такое бытие, которое всегда что-нибудь требует о нем признать, в то время как чистое бытие ничего не требует, а кто-то посторонний (напр., я, мы, вы) усматривает то, что ему необходимо для его определения. Сущность есть выраженное требование у бытия признавать его таким, а не другим. Поэтому чистое бытие как бы гаснет перед чистой сущностью; мы на него уже не обращаем внимания, так как всецело заняты именно сущностью» [8. С. 465].

Из приведенных выше цитат ясно усматривается, что в философской категории «сущность» выделяются уже не только онтологические, но и теле- и аксиологические аспекты. Эта идея получает свое продолжение и развитие в представлениях современных философов. Так, Г.Л. Тульчинский утверждает следующее: «Познание предмета связано с раскрытием его объективных свойств, его сущности... Именно раскрытие сущности предмета определяет осознание его «сделанности» как центрального момента познания и осмысления. Только следуя логике этой сущности, человеческое сознание способно к формированию идеи – наиболее зрелой и развитой формы осмысления, в которой соединяются в едином интегральном синтезе знание, представление об идеальном (нормативном) образце и программа его реализации. С развиваемой точки зрения идея сущности предстает как синтез знания истины, должного и возможного» [13. С. 129]. Прилагая эту формулу к понятию «сущность человека», можно сформулировать следующее представление: идея сущности человека есть синтез трех компонентов: 1) природы человека; 2) смысла, идеи, «замысла» человека; 3) путей реализации этого замысла.

Содержание первых двух составляющих достаточно подробно исследовано в психологии. Л. Хьелл и Д. Зиглер [17] отмечают, что любая более или менее целостная модель или теория психологии человека всегда исходила из имплицитных или эксплицитных

представлений автора о природе человека. Несмотря на то, что эти представления сильно отличались друг от друга, в них можно усмотреть, по крайней мере, один общий момент: практически все теории строились исходя из тезиса о противоречивости человека, имманентной внутренней конфликтности его развития и существования. В истории психологии это выражалось в дихотомиях бессознательное – сознательное, природное – социальное, натуральное – культурное, телесное – духовное и т.д.

Что же касается второй составляющей, которая обозначена семантическим рядом «смысл», «идея», «значение», «замысел» человека, то на начальном этапе развития психологии эта проблема разрабатывалась в контексте проблемы достижения психического здоровья (психоанализ) как преодоления изначальной иррациональности человека. Возникшая в середине XX в. гуманистическая психология, уходящая корнями в европейскую экзистенциальную философию, положила начало новому, неклассическому, представлению о глубинной сущности человека как существа активного, творческого, свободного и ответственного. Отмечая непреходящий вклад в науку достижений тех «психологий», которые были созданы в рамках гуманистического, экзистенциального, трансперсонального подходов, многие современные исследователи [1, 21 и др.] видят их некоторую методологическую ущербность, выразившуюся в абсолютизации развиваемых идей¹ и одностороннем, пусть даже и «высоком», взгляде на человека. Эта односторонность, с одной стороны, привела к явным противоречиям внутри самих теорий, с другой – выразилась в несоответствии основных положений большому количеству эмпирических фактов, поставляемых клиническими исследованиями. Эти методологические просчеты обусловили упрощение проблемы соотношения природы и сущности человека, поставив между этими понятиями знак равенства. Однако, несмотря ни на что, в качестве безусловно позитивного теоретического вклада этих теорий можно назвать разработку содержательных представлений о «должном» в человеке, об «идее» человека и смысле человеческого существования.

В отечественной психологии это же направление исследований было реализовано С.Л. Рубинштейном, который существенно дополняет вышеприведенную характеристику, введя параметр «отношение к человеку» и тем самым снимая налет эгоцентризма и индивидуализма в понимании человека западными психологами. «...Первейшее из первых условий жизни человека – это другой человек. Отношение к другому человеку, к людям составляет ткань человеческой жизни,

ее сердцевину. «Сердце» человека все соткано из его человеческих отношений к другим людям; то, чего оно стоит, целиком определяется тем, к каким человеческим отношениям человек стремится, какие отношения к людям, к другому человеку он способен устанавливать [11. С. 262–263]. Таким образом, «сущность человека» как понятие из мира должного – это притягательный образ «сверхчеловека», это образ Божий, который может и должен стать ценностным ориентиром человека, свободно совершающего свой жизненный выбор. Такое понимание сущности человека привело к тому, что проблема существования человека и в философии, и в психологии решалась в логике и диалектике выбора человеком вектора, направления своего существования в модусах сохранения (гомеостазис) и развития (транзистазис). Эти представления стали доминирующими в психологии начиная со второй половины прошлого века и реализуются в многочисленных и разнообразных теоретических концепциях и эмпирических исследованиях отечественных и западных психологов.

Очень коротко изложив сложившиеся в психологии взгляды на «природу» и «смысл» человека, перейдем к анализу третьей составляющей «сущности» человека, а именно *путей* реализации, воплощения «смысла», «идеи» человека. Думается, что именно эта составляющая должна стать и, более того, уже становится основным предметом исследований современного постнеклассического этапа развития психологии [1, 3, 4, 21]. Современная психология приходит к пониманию того, что именно коммуникативные процессы (коммуникация, общение, взаимодействие) являются теми психологическими детерминантами, которые проявляют, реализуют, осуществляют сущность человека в процессе жизни. Несмотря на то, что само понятие коммуникации традиционно принадлежало области социальной психологии, «общие» психологи не могли обойтись без этого процесса при объяснении самых различных общепсихологических явлений: коммуникативные процессы явно или неявно «присутствовали» практически во всех общепсихологических концепциях под самыми различными именами: социальность, общественные отношения, совместная деятельность и т.п. (в отечественной психологии); забота, внешний контроль, обусловленное внимание и т.д. (в западной психологии). В результате этого к концу XX столетия необходимость введения понятия коммуникации в тезаурус общей психологии становится уже полностью осознанной. Так, в 1984 г. Б.Ф. Ломов пишет: «Представляя собой существенную сторону реальной жизнедеятельности субъекта, общение выступает поэтому и в роли важнейшей детерминанты всей

¹ Подобного рода абсолютизация, доведение до предела той или иной точки зрения – неотъемлемый этап развития научной мысли. Пожалуй, самым ярким таким случаем в истории психологии является научная судьба классического психоанализа, так же как и самого его автора.

системы психического, ее структуры, динамики и развития» [6. С. 248].

Постмодернистские подходы в западной психологии, такие как «социальный конструктивизм», критическая социальная психология, также предельно заостряют роль и значение общения не только для социальных процессов, но и для индивидуально-психологических. К. Герген [21] утверждает, что в психологии произошла «вторая революция» (первой была когнитивная). Суть этой революции, по его мнению, заключается в преобразовании тезиса Р. Декарта: «*Cogito ergo sum*» («Я мыслю, следовательно, существую») в «*Communicamus ergo sum*» («Мы общаемся, следовательно, я существую»).

Констатация и утверждение в психологии положения о центральном значении коммуникации привели к созданию и оформлению теоретических концепций, в которых таким понятиям, как общение, взаимодействие, коммуникация, придается системообразующее значение [3, 4]. Одним из таких наиболее разработанных и теоретически оформленных подходов является коммуникативный подход В.И. Кабрина [2, 3]. В его основе лежат два принципиальных теоретических положения:

1. Понятия «коммуникация», «коммуникативность», «коммуникабельность» значительно расширены по сравнению с теми же понятиями в традиционной западной и отечественной психологии. Так, под коммуникацией автор понимает «универсальный информационно-энергетический смысло-творческий процесс» [3. С. 31]. «Коммуникативность как интегральная характеристика личности имеет значительно большую глубину и радиус действия, нежели принято думать: в нее может включаться генетический опыт прошлых поколений и жизней, ключ к которому в обычных условиях чаще всего недоступен» [3. С. 8]. «Важно, что в феномене и понятии коммуникации главное – это передача информации, имеющей жизненный смысл» [3. С. 7].

2. Вводится понятие транскомуникации, под которой понимается «возможность человека общаться с более сложными и менее сложными системами, чем он сам, как обратимые переходы и новые синтезы между разными видами, формами, уровнями и мирами человеческой коммуникации», как процесс, в котором возможна интеграция многообразных и разноуровневых отношений человека: я – другой – группа – общество – современная действительность – традиция – культура. «Транскомуникация – это процесс общения между инаковыми и разнопорядковыми субъектами в интра- и интерперсональных планах; это сверхдинамичный смыслообразующий процесс гармонизации разноуровневых миров человека, открывающий в нем смысловое единство микро- и макрокосмоса» [2. С. 54].

Подводя итог проведенному анализу содержания и соотношения понятий «природа человека», «сущность человека», «путь реализации сущности человека», можно сделать следующие выводы:

1. *Природа* человека двоякая: он одновременно и представитель вида («животное», биологическое начало), и представитель рода (человеческое, «божественное» начало) человек.

2. Эта противоречивость природы человека порождает два основных возможных *модуса существования* человека: модус сохранения (в рамках которого реализуется «животное» начало) и модус развития (в рамках которого реализуется собственно человеческое начало).

3. *Сущностным* (должным) модусом признается модус развития. «Эволюция человека основывается на том факте, что он утратил свой первоначальный дом – природу – и что он никогда не сможет вернуться в него, никогда не сможет снова стать животным. Для него существует только один путь: полностью выйти из своего природного дома, найти новый дом – тот, который он создает, очеловечивая мир и становясь сам настоящим человеком» [15. С. 11].

4. Реализация, осуществление того или иного начала человека происходит в процессах *коммуникации* человека с Миром. Можно предположить, что коммуникация человека в модусе сохранения и в модусе развития имеет существенные различия.

5. Основное противоречие существования человека является принципиально непреодолимым в течение человеческой жизни, что, в свою очередь, порождает бесконечную сложность и противоречивость реального коммуникативного процесса человека.

2. Коммуникация и транскомуникация

Логическое развитие двух последних выводов, сформулированных выше, требует конкретизации тех типов и характерных особенностей коммуникации, в которых реализуются два основных модуса существования человека – модус сохранения и модус развития. Основные различия двух типов коммуникации впервые были сформулированы в диалогических концепциях экзистенциальной философии. Как бы ни называли мыслители тот способ взаимодействия, который единственный дает возможность осуществления подлинного себя, – диалог (М.М. Бахтин), «Я–Ты» отношения (М. Бубер), глубинное общение (Г.С. Батищев), любовь (А. Швейцер, Э. Фромм, В. Франкл), все они говорят об одном и том же:

1. Эти отношения по своей природе противоположны вещным, объектным отношениям. «Логической противоположностью любви является ненависть или, иначе говоря, Эросу противостоит Фобос (страх); психологически это, однако, означает волю

к власти. Где господствует любовь, там отсутствует воля к власти, и где преобладает власть, там отсутствует любовь. Одно есть тень другого» [20. С. 59].

2. В этих отношениях главным является не только признание, но и утверждение «инаковости» другого. «Все его могущество заключается в бытии другим... Положив дружость другого как тайну... я не полагаю ее как свободу, тождественную моей и находящуюся в борьбе с ней; я полагаю не иного существующего, противостоящего мне, но дружость» [5. С. 83].

3. Необходимым результатом таких отношений является обогащение двух сущностей моментом события, встречи, достижение подлинности своего существования. «Во взаимном отказе от любви, во взаимоотношениях, основанных на принципе «дать – взять», собственная личность каждого замыкается сама в себе. Импульс любви прорывается к тому слою существа, в котором каждый отдельный человек уже представляет больше не «тип», а самого себя, несравнимого, незаменимого и обладающего всеми достоинствами своей неповторимости. Это достоинство есть достоинство ангелов, в отношении которых схоластика утверждала, что они не представляют вид; скорее существует один экземпляр каждого вида» [14. С. 256].

Эти философские идеи о двух типах коммуникации, являющихся онтологическим основанием, конституирующим человека в его нисходящем (сохраняющем) и восходящем (развивающем) модусах существования, получили развитие и конкретизацию в многочисленных психологических исследованиях. Так, в психологию вводятся понятия субъект-объектного и субъект-субъектного общения [16], исследуются наиболее общие психологические признаки этих двух типов коммуникации, разрабатываются представления о тех формах коммуникации, коммуникативных стратегиях и приемах, в которых реализуется тот или иной тип общения.

Излагая теоретические представления в области психологии коммуникации, пока нигде и никто не упоминал и не использовал понятие транскомуникации, хотя именно эта категория, как уже говорилось выше, является центральной объяснительной категорией в коммуникативном подходе. Возникает вопрос, что объясняет это понятие и почему именно на нынешнем этапе развития психологии возникла необходимость его введения в научный контекст? Собственно, именно этот вопрос, а точнее, поиск ответа на него и является главной задачей проводимого на этих страницах исследования.

Как это всегда бывает в науке, необходимость введения любой новой категории или понятия обуславливается двумя встречными движениями: с одной стороны, накапливаются эмпирические факты, не укладывающиеся в «старые» научные модели, с другой стороны, становятся явными, актуализируются

те теоретические идеи и гипотезы, которые уже были сформулированы, но еще не нашли воплощения в конкретных исследованиях. Каковы же эти факты и идеи? При рассмотрении проблемы существования человека в гносеологических рамках диалектики «выбора» между нисходящим (сохраняющим) и восходящим (развивающим) модусами, а значит, и двух основных типов коммуникации (субъект-объектной и субъект-субъектной) и соответствующих им видов и форм общения как отдельных, самостоятельных и независимых друг от друга понятие транскомуникации оказывается излишним. Однако уже самими исследователями, работающими в логике этой дуальности, отмечается, что выделенные типы и формы коммуникации, виды коммуникативных стратегий и коммуникативных позиций являются скорее абстракциями, идеальными моделями, хотя и необходимыми для осуществления научного анализа и проведения исследований, но тем не менее предельно упрощающими реальный процесс коммуникации. Использование какой-либо одной, пусть даже и очень «хорошей, продуктивной и развивающей» коммуникативной стратегии невозможно не только в течение длительного периода общения с разными партнерами, но даже в достаточно кратковременных коммуникативных ситуациях с одним и тем же партнером.

Тезисно обозначив данные, которые не укладываются в существующую в психологии дихотомическую модель коммуникации, обратимся теперь к тем теоретическим представлениям, которые открывают возможность новых, уже обозначенных, но еще недостаточно изученных аспектов психологии человеческого существования. К этим представлениям, прежде всего, следует отнести положение о принципиальной невозможности преодолеть в течение человеческой жизни базовое противоречие, заложенное в самой природе человека, а значит, имманентное жизни, бытию. Э. Фромм формулирует это противоречие как альтернативу между регрессом и прогрессом, между возвращением к животному существованию и переходом к существованию человеческому. «Мы никогда не свободны от двух конфликтующих тенденций: первой – пробуждения из тьмы, от животной формы к более человеческой форме существования, от рабства к свободе; второй – возвращения к тьме, природе, к определенности и безопасности» [15. С. 15].

Альберт Швейцер находит еще один фактор, который детерминирует противоречивость самого существования человека – это неизбежность «жизни» рядом, вместе с «другой жизнью». В своей «Этике благоговения перед жизнью» он выдвигает следующий центральный для своей концепции тезис: «Я есть жизнь, которая хочет жить, я есть жизнь среди жизни, которая хочет жить» [19. С. 251]. Эта неизбежность порождает противоречие между внутренним побуждением к

самоотречению ради другой жизни и необходимостью самоутверждения. «В тысячах форм моя жизнь вступает в конфликт с другими жизнями. Необходимость уничтожить жизнь или наносить вред ей живет также и во мне... Чтобы сохранить свою жизнь я должен огрaдить себя от других жизней, которые могут нанести мне вред» [19. С. 263]. Несмотря на то, что «этическим человек становится благодаря стремлению сохранять и развивать жизнь, одновременно сопротивляясь необходимости уничтожения жизни», каждый из нас ежедневно, ежечасно, ежеминутно стоит перед сложнейшим выбором – «в какой степени он может остаться этическим и в какой степени он может подчиниться необходимости уничтожения или нанесения вреда жизни и в какой мере, следовательно, он может взять за все это вину на себя» [19. С. 263].

Каждый человек вправе решать, насколько он может следовать этому. Все зависит от личного чувства ответственности перед судьбой других жизней, но в чувстве ответственности заложено чувство вины, совести. Главное, пишет А. Швейцер, «услышать этот конфликт чувства самоотречения и необходимости самоутверждения. Тогда человек будет жить в согласии с истиной. Чистой совести у истинно мыслящего человека быть не может, чистая совесть есть изобретение дьявола» [18. С. 274].

Таким образом, если для Э. Фромма главной проблемой существования человека является проблема выбора, то А. Швейцер уже смещает акцент с проблемы выбора (хотя не отрицает ее), на проблему осознания человеком самого конфликта своего существования. Движение философской мысли в этом направлении привело к созданию «новой диалектики», выраженной в «абсолютной мифологии» А.Ф. Лосева. Если предыдущие концепции философской (как, впрочем, и психологической) мысли в понимании человека исходили из двойственности материального и духовного, субъекта и объекта, то А.Ф. Лосев исходит из уже осуществленного единства, неразрывной связи идеи и вещи, человека и мира, которая воплощается в понятии «жизнь». Только на этом пути, как он считает, можно решать вопросы свободы и необходимости, существующего и должного, вечного и преходящего. Именно в этом изначальном единстве заключено напряжение самой жизни реально живущего человека, драматизм человеческого существования: «...противоречие есть жизнь и жизнь есть противоречие, ждущее синтеза» [7. С. 239, 241]. Если прошлая философия ставила человека в противоречивую ситуацию и заставляла его мучительно выбирать «или – или», то диалектика А.Ф. Лосева помогает человеку не выбирать, но – жить в противоречиях. И если прошлая психология решала традиционные вопросы импульсов, механизмов и направленности развития, то новая психология должна ответить на вопрос о том, каковы те пси-

хологические процессы, которые обеспечивают и реализуют эту уникальную способность человека – способность жить в противоречиях.

Одной из немногих теоретических концепций в психологии, не только ставящих этот вопрос, но и пытающихся его решить, является коммуникативный подход В.И. Кабрина [2, 3]. Переводя принцип противоречивости человека и его существования как имманентного свойства на психологический уровень анализа, в этом подходе постулируется принципиальная инаковость не только человека и мира, человека и другого, но и инаковость, разнонаправленность внутренних психологических образований: мотивационных, структурных, ментальных, смысловых, ценностных. А раз это так, то именно коммуникация (внешняя и внутренняя), понимаемая как обмен жизненно значимой информацией между инаковыми и разнопорядковыми субъектами, является способом существования человека в этом мире, а коммуникабельность, как способность осуществлять этот обмен, – базовой психологической характеристикой человека.

Коммуникабельность выражается в открытости, аутентичности и конгруэнтности, т.е., с одной стороны, в способности к подлинному предъявлению себя миру и самому себе, с другой стороны, в открытости для восприятия «жизненно значимой информации», постоянно витающей в мире, но часто не отражаемой и не осознаваемой человеком. Именно поэтому коммуникабельность является основой и центрального для личности человека транскоммunikативного процесса, главным результатом которого является открытие, порождение новых смыслов и интеграция и гармонизация на этой основе «разноуровневых миров человека».

Как утверждает В.И. Кабрин [2], настоящее, действительное существование человека транскоммunikативно по своей природе и «переживается (но редко осознается) в ежесекундных трансценденциях за пределы» определенностей и фиксированностей (означающих окончательность выбора). Ведь «сама жизнь – это такой транзитный процесс, в котором фиксация (дистанции, темы, позиции, роли, знака, отношения) равносильна паузе». Жизнь – это всегда процесс «развития и пере-живания многообразного информационного транзита и трансформации, метаморфоз и трансмутаций событий...» [2. С. 54]. Транскоммunikация поэтому всегда неоднозначный, незаданный, сверхдинамичный, творческий и саморазвивающийся процесс, главной функцией которого является функция трансцендирования и интеграции человека на новом уровне как во внешнем, так и во внутреннем, психологическом, его мире. Эмпирическим признаком транскоммunikации является уникальное единство или соотношение взаимности и избирательности. Именно это двойное противоречие делает коммуникацию самораз-

вивающимся и развивающим процессом. «Постоянное смыслообразование, смыслотворчество как процесс разрешения двойного противоречия жизни непрерывно «вы-

талкивает» коммуникативный процесс из его прежнего русла на непредсказуемый часто поиск нового русла, нового модуса общения со средой» [2. С. 51].

Литература

1. Братусь Б.С. Российская психология на перепутье // Начала христианской психологии / Под ред. Б.С. Братуся, В.Л. Воейкова, С.Л. Воробьева и др. М.: Наука, 1995. 340 с.
2. Кабрин В.И. Коммуникативный мир и транскомуникативный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования. М.: Смысл, 2005. 248 с.
3. Кабрин В.И. Транскомуникация и личностное развитие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992. 256 с.
4. Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). Томск: Томский государственный университет, 2005. 174 с.
5. Левинас Э. Избранное: тотальность и бесконечное. СПб.: Университетская книга, 2000. 415 с.
6. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 444 с.
7. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991. 524 с.
8. Лосев А.Ф. Миф – Число – Сущность. М.: Мысль, 1994. 919 с.
9. Новейший философский словарь: 3-е изд., испр. Минск: Книжный дом, 2003. 1280 с.
10. Орлов А.Б. Личность и сущность: внешнее и внутреннее Я человека // Вопросы психологии. 1995. № 2. С. 5–19.
11. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 328 с.
12. Слободчиков В.И. Психология человека только начинает складываться // Психология и этика: опыт построения дискуссии. Самара: Бахрах, 1999. С. 62–67.
13. Тульчинский Г.Л. О существенном // Мысль: Философия в преддверии XXI столетия: Сб. статей. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997. С. 114–139.
14. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 366 с.
15. Фромм Э. Человеческая ситуация. М.: Смысл, 1995. 126 с.
16. Хараш А.У. Личность в общении // Общение и оптимизация совместной деятельности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. С. 30–41.
17. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб.: Питер Пресс, 1997. 608 с.
18. Швейцер А. Я защищал то, во что верил... // Человек. 2000. № 1. С. 109–122.
19. Швейцер А. Культура и этика. М.: Прогресс, 1973. 343 с.
20. Юнг К. Сознание и бессознательное. СПб.; М.: Университетская книга, 1997. 538 с.
21. Gergen K. Realities and relationships. Soundings in social construction. Harvard: University Press, 1994.

CATEGORY OF COMMUNICATION IN THE SOLUTION OF HUMAN BEING ESSENCE PROBLEM

O.I. Muravjeva (Tomsk)

Summary. There is a problem of human being essence analyzed in the work. Overcoming the substantialist approach to the understanding of the category of «essence», the author postulates and proves the idea of three parts of human being essence: «human nature» (an available part), «sense or idea of human being» (a due part), «ways of human being sense realization» (a possible part). Analyzing the last part in detail, the author asserts, that human being sense realization (human being formation) takes place within the context of such concrete psychological process as the process of communication.

Key words: essence, human being essence, human being nature, human being sense, communication, transcommunication.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ВКЛЮЧЕННОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЭТНИЧЕСКОЙ ДИАСПОРЫ

М.С. Яницкий, Д.Н. Тулбаева (Кемерово)

Аннотация. На примере татарской диаспоры экспериментально доказывается влияние на включенность в деятельность этнической диаспоры ряда психологических факторов: реализованной позитивной этнической идентичности; выраженной потребности в этнической принадлежности; доминирования ценностей социальной, коллективной направленности.

Ключевые слова: этническая диаспора, этническая идентичность, этноаффилиативные мотивы, ценностные ориентации.

Современное общество характеризуется усиливающимся взаимодействием этнических культур. С одной стороны, широкая диффузия культур способствует обогащению личности за счет расширения ее социокультурного пространства, с другой – интенсивное взаимодействие неравных по величине этносов нередко приводит к кризису традиционной культуры недоминирующей этнической общности, утрате этнической идентичности ее представителями и, как следствие, внутриличностным конфликтам. Результаты проведенных ранее исследований [4, 5] показали, что у членов этнических меньшинств, подвергшихся ассимиляции, наблюдается целый комплекс специфических психологических проблем. Основной из них является кризис социальной идентичности, вызванный нарушением идентичности этнической и проявляющийся потерей целостности Я-концепции и связей с какой бы то ни было культурой. Указанные проблемы определяют актуальность изучения условий, способствующих сохранению этнической идентичности тех национальных групп, которые проживают в условиях иной культурной среды.

Одним из наиболее эффективных средств поддержания позитивной этнической идентичности национальных меньшинств является деятельность этнических организаций. Участие в деятельности таких организаций способствует успешному самоопределению в социальной реальности и поиску новой непротиворечивой социальной идентичности, а главное, обретению позитивной этнической идентичности и, следовательно, сохранению личного психологического благополучия. Однако далеко не все представители, точнее сказать, меньшая часть этнических групп, которые живут в иной этнической среде, участвуют в деятельности национально-культурных организаций. В этой связи особый интерес представляет исследование психологических факторов, обуславливающих реализацию этнической идентичности национальных меньшинств, а именно включенность в деятельность диаспоры.

Социальные и психологические характеристики диаспоры, а также ее влияние на межэтнические отношения рассматривались рядом отечественных исследователей [2, 3, 8, 9]. Термин «диаспора» при этом используется как в широком, так и в узком значении. В первом случае под диаспорой понимается ус-

тойчивая совокупность людей единого этнического происхождения, живущая в иноэтническом окружении за пределами своей исторической родины и имеющая социальные институты для развития и функционирования данной общности [8]. В узком же смысле диаспора понимается как особая форма организации деятельности национальных меньшинств по сохранению своей самобытности – как национально-культурная организация. Далее в этой статье термин «диаспора» будет употребляться в узком, институциональном значении, как синоним понятия «национально-культурная (этническая) организация».

В настоящее время в отечественной научной литературе преимущественно используется понятие «национально-культурные организации», которое может иметь неоднозначное понимание. Это связано с тем, что прилагательное «национальный» может выступать синонимом как слова «государственный», так и слова «этнический». Поэтому термин «этнические организации» более точно отражает сущность образований, которые создаются этническими меньшинствами в России. Этническая организация – это объединение, форма проявления национально-культурного самоопределения граждан, относящих себя к определенным этническим общностям, на основе их добровольной самоорганизации в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры [7]. Главной целью этнических организаций обычно являются популяризация культуры этнической группы, восстановление ее утраченных элементов, обеспечение возможностей для общения представителей этнической общности, а также диалог с органами власти по социальным и политическим вопросам.

На участие в деятельности диаспоры влияет целый комплекс взаимосвязанных факторов, как объективных (отражающих внешние по отношению к личности обстоятельства – например экономическая, социально-политическая ситуация в обществе), так и субъективных (собственно характеристики личности – социально-демографические и психологические). Среди социально-демографических факторов наиболее часто выделяют пол, возраст, уровень образования и, особенно, конфессиональную принадлежность. Менее изучен вопрос о влиянии психологических факторов.

Анализ этнопсихологической литературы позволяет предположить, что включенность в деятельность диаспоры определяет комплекс причин.

Одним из основных факторов, определяющих участие в деятельности диаспоры, является позитивная этническая идентичность, которая выражается в предпочтении собственных этнокультурных ценностей, а также в стремлении к сохранению целостности и уникальности своей этнической общности в условиях поликультурного общества [10]. Исследования подтверждают, что индивиды с позитивной этнической идентичностью более активно реагируют на этносоциальные проблемы и более склонны для их решения объединяться в группы по этническому признаку. С другой стороны, членство в диаспоре оказывает влияние на укрепление позитивной этнической идентичности, а также на активное проявление ее поведенческого компонента.

Еще один важный фактор – наличие актуальной потребности в этнической принадлежности в мотивационной сфере личности. Как показано в исследовании Г.У. Солдатовой, этноаффилиативные мотивы (мотивы привязанности) в наибольшей степени выражены среди членов национальных движений [6].

Кроме перечисленных факторов, определенное влияние на членство в диаспоре могут оказывать и другие личностные особенности, например аллоцентрический тип личности. Г. Триандис описывает два противоположных типа личности: аллоцентрический тип, который нуждается в присоединении к группе и поддержке с ее стороны, предпочитая групповые цели индивидуальным, и идеоцентрический тип, который характеризуется стремлением к относительной независимости и самостоятельности действий, преобладанием личных целей и ценностей над групповыми. Было установлено, что среди членов национальных движений преобладают аллоцентрики [6].

На возможность участия индивида в деятельности диаспоры может влиять также направленность как ведущая характеристика личности, «доминирующее отношение» ее к окружающему миру, к другим людям, к себе самой. Направленность проявляется в таких формах, как стремления, интересы, склонности, убеждения и идеалы, мировоззрение личности. Содержательная сторона направленности выражается в системе ценностных ориентаций личности, составляющей ядро мотивации жизненной активности человека. Мы полагаем, что наличие коллективистских, альтруистических ценностей, ценностей принятия других в системе ценностных ориентаций может определить вовлеченность личности в деятельность этнической организации.

Настоящее исследование основывается на предположении, что включенность в деятельность диаспоры детерминирована рядом психологических фак-

торов. Наиболее значимыми из них нам представляются особенности этнической идентичности личности – ее сформированность, четкость и позитивная направленность, а также наличие в ее структуре, помимо осознания принадлежности к своей этнической группе, актуализированного поведенческого компонента; наличие в мотивационной сфере личности выраженной потребности в этнической принадлежности – этноаффилиативных мотивов; особенности ценностной сферы личности – преобладание ценностей социальной, коллективной направленности.

Выдвинутое нами предположение было подвергнуто экспериментальной проверке на примере татарского этнического меньшинства. В нашем исследовании приняли участие этнические татары, постоянно проживающие за пределами Татарстана, в возрасте от 21 до 66 лет: экспериментальная группа – татары, активно участвующие в деятельности этнической диаспоры – татарского национально-культурного центра «Дуслык» г. Кемерово (40 человек); контрольная – татары, проживающие в г. Кемерово, но не принимающие участия в деятельности этнических организаций (45 человек).

В соответствии с целью исследования нами были использованы следующие методики: анкета для изучения особенностей этнического самосознания татар, разработанная Отделом этнологии Института истории Академии наук Республики Татарстан; методическая разработка Г.У. Солдатовой и С.В. Рыжовой «Этническая аффилиация», основанная на теоретической модели Г. Триандиса [6]; методика Ш. Шварца для изучения системы ценностей личности [1].

Анализ ответов на вопросы анкеты позволил обнаружить существенные особенности этнической идентичности исследуемых контрольной и экспериментальной групп. Так, на вопрос «К какой национальности вы себя относите?» все респонденты и экспериментальной, и контрольной групп дали ответ «татарин/татарка». Однако на вопрос «Есть ли другая национальность, к которой Вы себя относите? Если есть, то какая?» 40% респондентов из контрольной группы ответили «да» и назвали себя русскими. Среди татар, принимающих участие в деятельности диаспоры, аналогичный ответ дал только один человек. Это свидетельствует о том, что для подавляющего большинства членов диаспоры характерна устойчивая моноэтническая идентичность, совпадающая с официальной этнической принадлежностью. С другой стороны, значительная часть татар, не принимающих участия в деятельности национально-культурных организаций, обладают биэтнической идентичностью, т.е. считают себя представителями двух народов (татары и русские). Таким образом, можно сделать вывод, что между членством в диаспоре и типом этнической идентичности (моно- или биэтническая идентичность) существует

взаимосвязь. Люди с «четкой» моноэтнической идентичностью более предрасположены к вступлению в национальные организации, а участие в деятельности таких организаций влияет на трансформацию этнического самосознания в сторону позитивной моноэтничности.

Мы проанализировали также тенденцию к трансформации этнической идентичности в сторону позитивной гиперидентичности (этноцентризм). Респондентам предлагалось выразить свое согласие либо несогласие с представленными суждениями, которые являются индикаторами этноцентрических тенденций. Как следует из полученных нами данных, в целом этноцентрическая направленность не характерна для большинства членов как экспериментальной, так и контрольной групп. Однако две трети членов экспериментальной группы согласны с суждением, что «для защиты своего народа хороши любые средства», тогда как среди членов контрольной группы с этим не согласны 98%. В то же время лишь 30% включенных в деятельность диаспоры серьезно относятся к межнациональным проблемам, в контрольной же группе – 67%. На основании этих данных можно сделать вывод, что у членов диаспоры потенциально более выражены тенденции к акцентированию значимости этнической идентичности, однако в настоящее время они не принимают крайних форм.

Значительно разошлись мнения представителей экспериментальной и контрольной групп относительно социальных агентов, влияющих на формирование, развитие и трансформацию этнической идентичности. Респонденты обеих групп признают, что сильное влияние на их национальные чувства и представления, т.е. на когнитивный и эмоциональный компоненты этнической идентичности, оказывают родители и семья. Однако подавляющее большинство представителей диаспоры, наряду с влиянием семьи, указывают также на влияние татарской общины (94% против 2% в контрольной группе). Следовательно, эта социальная группа является для них референтной, т.е. нормы и ценности диаспоры значимы для ее членов. Различия обнаружены также относительно оценки воздействия национальных средств массовой информации – 57% в экспериментальной и 19% в контрольной группе. Очевидно, это объясняется тем, что люди, состоящие в этнических организациях, имеют свободный доступ к национальным газетам и журналам, а также имеют возможность просмотра татарских телевизионных передач.

Далее нами анализировались отдельные эмпирические индикаторы этнического самосознания: представления об этноинтегрирующих признаках, об общности черт представителей этноса; приверженность национальной религии; владение родным языком; ориентация на национальную культуру.

Вопрос «Что роднит Вас с людьми Вашей национальности?» касался осознания личностью этноинтегрирующих признаков, т.е. того, что объединяет респондента с людьми своей национальности. Наиболее существенные различия между экспериментальной и контрольной группами были обнаружены по таким признакам, как «традиции и обычаи» (78 и 42% соответственно), «черты характера и психология» (59 и 11%), «родная земля и природа» (36 и 19%), «культура» (50 и 39%). Это обусловлено тем, что сама деятельность этнических организаций направлена на поддержание обычаев, традиций родного народа, а также на популяризацию национальной культуры, соответственно, для членов диаспоры эти факторы этнического самоопределения являются наиболее значимыми. Различия по признаку «черты характера и психология» могут свидетельствовать о более глубоком осознании членами диаспоры собственной этничности, этническом самоопределении не только на основании внешних, культурно-обусловленных признаков, но и внутренних личностных факторов.

Одним из важнейших этноинтегрирующих признаков является религия, которой придерживается большинство представителей этноса. Результаты показывают, что больше половины членов диаспоры не только исповедуют ислам, но и соблюдают религиозные обычаи и обряды – 62 против 20% в контрольной группе. Среди татар, не участвующих в деятельности диаспоры, ситуация противоположная – 56% считают себя верующими, но не соблюдают религиозных обрядов, тогда как в экспериментальной группе таких лишь 19%. Процент неверующих в обеих группах различается незначительно (19 в экспериментальной и 24 в контрольной группе). Таким образом, диаспора реализует одну из своих основных функций – осуществление религиозной деятельности и конфессиональная принадлежность, а также ориентация человека на соблюдение внешних атрибутов веры выступают в качестве одного из факторов, определяющих участие в деятельности диаспоры.

На осознание себя членом какой-либо этнической группы огромное влияние оказывают знание и использование в быту родного языка. Относительно владения татарским языком нами были получены следующие данные: свободно говорят на татарском языке 74% членов диаспоры и 38% исследуемых контрольной группы; понимают, но не говорят – 25 и 40 % соответственно; вообще не говорят – 2,5 и 22%. Среди членов диаспоры дома говорят на татарском и русском языках 57%, только на русском – 25%, только на татарском – 18%. В контрольной группе только на русском языке дома говорят 72%, на русском и татарском – 28%, только на татарском языке – 0%. То есть большинство членов диаспоры не только знают татарский язык, но и активно используют его для общения в своей семье,

тогда как большинство не входящих в диаспору не говорят на нем при общении с членами семьи. Это доказывает наличие актуализированного поведенческого компонента в структуре этнической идентичности членов диаспоры.

Члены диаспоры также более ориентированы на поддержание и сохранение национальной культуры: соблюдают обычаи своего народа и справляют национальные праздники 100% членов диаспоры и только 38% исследуемых контрольной группы.

Таким образом, члены диаспоры обладают более сформированной и четкой позитивной этнической идентичностью с ярко выраженным поведенческим компонентом, который определяет не только осознание и эмоциональное отношение, но и проявление себя как члена определенного этноса. Это свидетельствует о том, что реализованная этническая идентичность является одной из психологических детерминант участия в деятельности диаспоры.

Далее мы анализировали этноаффилиативные мотивы, потребность в этнической принадлежности, уровень ориентации на внутригрупповые нормы и ценности с помощью методической разработки «Этническая аффилиация». Был проведен сравнительный анализ выраженности этноаффилиативных и антиэтноаффилиативных тенденций в контрольной и экспериментальной группах. Различия по обеим шкалам оказались статистически значимыми (табл. 1).

В контрольной группе потребность в этнической принадлежности относительно слабо выражена. Представители этой группы в большей степени ориентированы на личные ценности, потребности и интересы, а не на групповые и не склонны придерживаться «устаревших народных обычаев и традиционного образа жизни». Для большинства членов диаспоры потребность в этнической принадлежности, напротив, очень актуальна. Это проявляется в желании общаться с представителями своей этнической группы, в интересе к своему народу, в стремлении поддерживать обычаи и традиции, культуру и религию своего этноса.

Как свидетельствуют приведенные результаты исследования, у членов диаспоры выражены этноаффилиативные тенденции, которые проявляются в потребности в принадлежности к этнической группе, взаимозависимости, эмоциональной близости,

групповых достижениях и кооперации. У татар, не участвующих в деятельности диаспоры, по сравнению с представителями общины, в большей степени проявляются антиэтноаффилиативные тенденции – это тенденции давать приоритет личным интересам, ценить независимость, эмоциональную обособленность, личные достижения и соревнование. Следовательно, высокий уровень потребности в этнической принадлежности (этноаффилиативных мотивов) выступает в качестве побудительного мотива участия в деятельности этнической диаспоры.

Обусловленность участия в деятельности диаспоры особенностями ценностной сферы исследовалась с помощью опросника Ш. Шварца. Полученные результаты свидетельствуют, что в экспериментальной группе на уровне нормативных идеалов наиболее значимыми являются ценности «традиции», «универсализм», «доброта» (табл. 2).

Традиции как ведущий принцип жизни человека проявляются в ориентации личности на принятие и уважение обычаев и идей, существующих в культуре или социальной группе, а также следовании им. Для членов диаспоры наиболее значимы такие ценности, как подчинение правилам, исполнительность, вежливость, смирение, благочестие (следование религиозной вере и убеждениям), принятие своей участи, самодисциплина (умеренность в поведении и желаниях). Эти данные согласуются с ответами респондентов на вопросы анкеты, согласно которым поддержание культуры своего этноса, следование нормам и обычаям, принятым в собственной культуре, – это основная цель участия в деятельности этнических организаций для большинства их членов.

Особенностью членов диаспоры является также ориентация на ценности универсализма – понимание, терпимость, защиту благополучия всех людей и природы. Для них характерны широта взглядов, стремление к социальной справедливости, равенству. Эти особенности способствуют установлению благоприятных контактов с представителями других культур и социальных групп. Для членов диаспоры актуальны и потребности в позитивном взаимодействии, обеспечении благополучия близких людей. Для них значимы такие ценности, как честность, милосердие, лояльность, ответственность, дружба и зрелая любовь (ценностный тип «доброта»).

Таблица 1

Результаты по методике «Этническая аффилиация» в исследуемых группах

Шкала	Группы		t	p
	экспериментальная	контрольная		
Этноаффилиативные тенденции	3,78	1,08	3,03	<0,01
Антиэтноаффилиативные тенденции	-1,46	0,69	-2,47	<0,02

Результаты по тесту Ш. Шварца

Тип ценностей	Шкала	Группы		t	p
		экспериментальная	контрольная		
Нормативные идеалы	Конформизм	3,84	3,35	1,11	–
	Традиции	4,41	3,33	2,72	<0,01
	Доброта	4,16	3,94	0,59	–
	Универсализм	4,23	3,49	2,09	<0,05
	Самостоятельность	3,40	3,93	–1,84	–
	Стимуляция	3,07	3,60	–1,32	–
	Гедонизм	1,91	3,21	–2,30	<0,05
	Достижения	3,65	4,29	–1,93	–
	Власть	3,10	2,75	0,72	–
	Безопасность	4,02	4,37	–1,38	–
Индивидуальные приоритеты	Конформизм	2,68	2,07	2,35	<0,05
	Традиции	2,34	1,32	3,57	<0,01
	Доброта	2,32	2,35	–0,08	–
	Универсализм	2,69	2,24	1,56	–
	Самостоятельность	2,32	2,61	–0,80	–
	Стимуляция	1,50	1,58	–0,25	–
	Гедонизм	0,67	1,84	–2,87	<0,01
	Достижения	1,49	2,34	–2,02	<0,05
	Власть	1,14	1,59	–1,46	–
	Безопасность	2,93	2,63	1,19	–

Все описанные выше ценности, безусловно, являются важнейшими для этнической диаспоры как социальной группы и находят отражение в ее целях и деятельности. Поэтому люди, изначально ориентированные на данные типы ценностей, могут найти поддержку и реализовать их, участвуя в деятельности этнических организаций.

Наименее значимыми среди респондентов экспериментальной группы на уровне нормативных идеалов оказались следующие ценности: гедонизм, власть и стимуляция. Это обусловлено тем, что существует некоторая оппозиция между сохранением собственных независимых взглядов и действий индивида и сохранением традиций, защитой стабильности и неизменности общества, а также между ориентацией на универсальность и социальное равенство с преследованием собственных целей и стремлением к доминированию.

На уровне индивидуальных приоритетов, которые чаще всего более изменчивы по сравнению с нормативными идеалами и проявляются в социальном поведении человека, в экспериментальной группе в наибольшей степени проявляются следующие ценности: безопасность, универсализм, конформизм. В поведении конформизм проявляется в соблюдении правил и норм, принятых в группе, а также в сдер-

живании действий, которые не соответствуют социальным ожиданиям. Отвергаемые ценности на данном уровне – гедонизм, стимуляция и власть.

В контрольной группе на уровне нормативных идеалов предпочитаемыми оказались следующие типы ценностей: безопасность, достижения, доброта. В качестве убеждений и жизненных принципов для представителей этой группы важны ценности личной безопасности, безопасности семьи и нации, социального порядка, взаимопомощи и поддержки. Также актуальны такие ценности, как личный успех, способности, интеллигентность, честность, компетентность, соответствие стандартам и получение социального одобрения. Наименее значимые ценности на уровне жизненных принципов для представителей этой группы – власть, гедонизм и традиции.

На уровне индивидуальных приоритетов в контрольной группе доминирующими являются ценности: безопасность, самостоятельность, доброта. Ценностный тип «самостоятельность» (ценности: творческий потенциал, свобода, независимость, самоуважение, любопытство, самостоятельность) реализуется в независимости мышления, в творческой и исследовательской деятельности. Отвергаемые на уровне поведения ценности – традиции, власть, стимуляция.

Как видно из табл. 2, существует несовпадение в значимости некоторых ценностей на нормативном и индивидуальном уровнях в обеих исследуемых группах. Однако это вполне объяснимо. Например, конформизм как индивидуальный стандарт поведения члена диаспоры отражает на внешнем инструментальном уровне ценности традиций и, соответственно, имеет на уровне индивидуальных приоритетов более высокую значимость. С другой стороны, доминирование ценности «безопасность» на уровне социального поведения, скорее всего, является следствием фрустрации потребности в физической, социальной и экономической безопасности, обусловленной объективными условиями современного российского общества. Об этом также свидетельствует наибольшая значимость данной ценности и для респондентов контрольной группы.

Таким образом, для членов диаспоры более значимы коллективные ценности (конформизм, традиции, доброта, универсализм), которые имеют отношение к удовлетворению потребностей, связанных с существованием во внешнем мире, к вынесению собственных интересов за пределы личностного мира, отказу от эгоистических интересов. Для представителей контрольной группы характерен приоритет индивидуальных ценностей (достижения, самостоятельность, стимуляция), которые выражаются в преследовании собственных целей и в стремлении к независимости. Соответственно, особенности структуры ценностей личности, а именно ориентация на коллективные ценности, выступают в качестве фак-

тора, обуславливающего участие в деятельности диаспоры.

Итак, результаты проведенного нами исследования показали наличие различий в особенностях этнической самоидентификации и ценностно-мотивационной сферы между теми представителями национальных меньшинств, которые участвуют и не принимают участия в деятельности этнической диаспоры. На основании описанных выше результатов эмпирического исследования можно сделать заключение о том, что включенность в деятельность диаспоры детерминруется рядом психологических факторов. Среди них наиболее важными являются реализованная положительная этническая идентичность, которая характеризуется четким и устойчивым пониманием своих этнических особенностей, привязанностью к этнической культуре и этнической общности; актуальность потребности в этнической принадлежности, выраженность этноаффилиативных мотивов в мотивационно-потребностной сфере личности; доминирование в ценностной структуре личности ценностей коллективного типа (в терминологии Ш. Шварца) – ценностей традиций, конформизма, универсализма и доброты. Данная работа открывает новые перспективы для изучения условий сохранения позитивной этнической идентичности представителей национальных меньшинств, а также демонстрирует необходимость дальнейшего поиска оптимального пути выхода из кризиса этнической идентичности как на уровне личности, так и ее социально-психологических особенностей.

Литература

1. Карандашев В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб.: Речь, 2004. 70 с.
2. Лаллука С. Диаспора: Теоретический и прикладной аспекты // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 91–97.
3. Лебедева Н.М. Русская диаспора: диалог цивилизаций и кризис социальной идентичности // Психологический журнал. 1996. № 4. С. 32–42.
4. Левкович В.П. Социально-психологические аспекты проблемы этнического сознания // Социальная психология и общественная практика. М., 1985. С. 138–153.
5. Семке В.Я. Очерки этнопсихологии и этнопсихотерапии. Томск: Томский университет, 1999. 158 с.
6. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. 389 с.
7. Тавадов Г.Т. Этнология: Словарь-справочник. М., 1998. 687 с.
8. Тощенко Ж.Т. Диаспора как объект социологического исследования // Социологические исследования. 1996. № 12. С. 33–42.
9. Трофимова Е.Л. Влияние диаспор на развитие межэтнических отношений // Сибирский психологический журнал. 2005. № 21. С. 50–54.
10. Файзуллин Ф.С. Грани этнической идентификации // Социологические исследования. 1997. № 8. С. 40–47.

PSYCHOLOGICAL DETERMINANTS OF THE TAKING PART IN THE ETHNIC DIASPORAS ACTIVITY

M.S. Yanitsky, D.N. Tulbaeva (Kemerovo)

Summary. In the article by example of the Tatar diasporas the influence of some psychological factors – realized positive ethnic identity, expressed necessity in ethnic belonging, predomination of values of social, collective trend – has been proved experimentally.

Key words: ethnic diasporas; ethnic identity; ethnic affiliative motives; value orientations.

НОМО ECONOMICUS: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В.Г. Залевский (Томск)

Аннотация. Представлен общетеоретический взгляд на экономическое поведение, введено понятие фиксированных форм экономического поведения (ФФЭП) и обозначены основные критерии фиксированности, осуществлена попытка предварительной классификации форм экономического поведения и базовых экономических категорий, сущность и природа ФФЭП анализируется с позиции существующих сегодня объяснительных моделей фиксированных форм поведения.

Ключевые слова: экономическое поведение, фиксированные формы экономического поведения, экономические категории, ригидность–флексibilität, объяснительные модели.

Мой бедный отец беден не потому, что он столько зарабатывает (а зарабатывает он немало), а потому, что он так думает и действует.

Р.Т. Кийосава. «Богатый papa, бедный papa»

Развитие цивилизации, начиная с того момента, когда человек понял выгоду от обладания материальными ресурсами, движется в контексте обретения и преумножения собственности [17]. Также несомненным фактом является то обстоятельство, что способы и формы обращения с экономическими реалиями и, в самом широком смысле, виды экономического поведения индивидуальных и групповых систем связаны с необходимостью постоянной борьбы за существование, выживание и обретение власти над другими людьми через богатство, обладание материальными и денежными ресурсами. Эти обстоятельства позволяют говорить о персонификации не только homo ferrus и homo sapiens, но и homo economicus как особой форме человеческого бытия.

Человек, влияя на окружающие его пространства, стремится расширить и укрепить их границы, и прежде всего это происходит в сегодняшней реальности через экономические категории, которые выступают, в той или иной степени «напряженности», референтными критериями благополучия и удовлетворенности жизнью, счастья [1], социальной и личностной успешности.

Однако стоит отметить, что культурная, социальная, экономическая среда обитания личности – на уровне индивидуальной или групповой системы – характеризовались и характеризуются высокой степенью подвижности и изменчивости, что требует от индивида высокого уровня развития адаптационных ресурсов, креативности и флексibility [10]. Иными словами, вне зависимости от степени глобальности экономического пространства, в котором живет человек, нам нужно вести речь о своеобразной «фатальной переходности» экономической жизни личности, под которой мы понимаем необходимость тотального приспособления индивида к изменяющимся условиям жизнедеятельности на макроуровне – государство, этнос; мезоуровне – региональное экономическое сообщество, организация, предприятие; микроуровне – семья, личность.

Анализ экономического поведения отдельных людей или их сообществ с неизбежностью приводит к необходимости использовать понятие «фиксированные формы экономического поведения», под которыми мы понимаем акты поведения индивидуальных или групповых систем, повторяющиеся и/или продолжающиеся в ситуациях экономической реальности, объективно требующих их прекращения и/или изменения [14–16]. Например, трудовоголизма, «феномен Плюшкина» или «гэмблинг» – поведение игрока в казино, который надеется на «последний счастливый случай» и проигрывает все.

Массовое проявление фиксированных форм поведения, в том числе и экономического поведения, имело место в нашем обществе во время так называемой перестройки. Немалое число наших граждан, особенно представителей старшего поколения, испытывают и сегодня большие трудности адаптации к новым социально-экономическим условиям жизни, трудности расставания с привычками, стереотипами, которые упорно проявляются помимо воли людей, а некоторые вполне сознательно за них держатся и никак не хотят с ними расставаться, демонстрируя вновь и вновь фиксированные формы поведения, в том числе и экономического.

Прежде чем определить, в чем состоит суть фиксированных форм экономического поведения, обратимся к экономическому поведению как таковому. Большинство из имеющихся сегодня определений экономической психологии объединяются вокруг понятия «экономическое поведение», под которым «подразумевают разные внешне проявляющиеся формы активности индивидуального и группового субъекта по отношению к различным экономическим объектам» [9]. Вряд ли можно считать такое определение экономического поведения (как и вообще поведения) удовлетворительным, тем более исчерпывающим, поскольку оно отрывает «внешнее» от «внутреннего» – экономическое поведение от экономического сознания (и экономического бессознатель-

ного). В этой же работе А.Л. Журавлев и соавторы уточняют свое понимание их отношения: во-первых, экономическое сознание хотя прямо и не определяет, но во многом регулирует экономическое поведение; во-вторых, именно через включенность в экономическое поведение и через его результаты экономическое сознание корректируется, изменяется, формируется и т.п. Более того, одним из методологических принципов экономической психологии они считают: «принцип диалектического единства (а не тождества) сознания и поведения экономических субъектов предполагает возможность не только сходства, согласованности, но и различий, противоречий между экономическим сознанием и поведением...» [9, С. 59]. Близко к этой позиции и мнение А.Д. Карнышева и Т.Д. Бурменко, которые считают, что «экономическое сознание детерминирует экономическое поведение» [18].

Мы тоже склонны рассматривать их отношения как отношения единства, что, например, очень ярко демонстрируют такие феномены сознания и поведения, в том числе и экономического, как социальные установки, традиции, привычки, стереотипы, становящиеся в определенных условиях фиксированными формами поведения.

Следует согласиться также с мнением, что рассматривать и интегрировать феномены психики (сознания) и поведения (деятельности) экономических субъектов в их взаимосвязи и взаимной обусловленности позволяет категория субъекта [9, 12].

В специальной литературе большое число упоминаний о разных видах экономического поведения, ориентированных главным образом на сферы экономической жизни: «В наиболее общем виде экономическая или хозяйственная жизнедеятельность определяется экономистами и социологами как система социальных процессов производства, обмена, распределения и потребления материальных и духовных благ, а также тех связей и отношений, в которые вступают субъекты хозяйственной деятельности» [9]. В качестве же субъектов хозяйствования в экономике традиционно рассматриваются и отдельные индивиды, и малые группы (семья, фирма), и большие социальные общности (организация, этнос, государство). Предлагается структурировать направления и задачи экономической психологии по ряду оснований, в том числе «по видам экономического поведения (производственное, потребительское, предпринимательское, сберегающее и т.д.)» и типам «субъектов экономической активности (индивид, малые и большие общности людей)». К другим видам экономического поведения относят «денежное поведение» [3], экономическое поведение в сфере рекламы, маркетинга и торговли. Более того, А.Л. Журавлев и др. считают, что «предметом экономической психоло-

гии являются психологические закономерности экономического поведения и взаимодействия индивидуальных и групповых субъектов, взаимосвязь и взаимное влияние экономических и психологических явлений» [9]. В этом случае вопрос ставится так: в какой степени и каким образом человеческая психика, поведение и взаимодействие между людьми определяются экономическими факторами?

Несомненно, что особенно актуальной проблема фиксированных форм экономического поведения предстает в условиях радикальных социально-экономических изменений (революций, перестроек, реформ и т.п.). В то же время, как справедливо отмечают А.Л. Журавлев и др. [9], как в западной, так и в отечественной социальной психологии до последнего времени практически отсутствовали эмпирические исследования, специально посвященные анализу динамики социально-психологических феноменов в условиях радикальных социально-экономических изменений, которые затрагивали бы такие базисные экономические отношения, как изменение форм собственности». Следует отметить в качестве исключения исследования, выполненные под руководством А.Л. Журавлева [5–8] и А.Д. Карнышева [17–19], а также докторскую диссертацию В.П. Позняка [21].

Наиболее близкими к идее фиксированных форм экономического поведения являются исследования стереотипов экономического сознания и поведения. В этой связи А.Д. Карнышев и Т.Д. Бурменко [18] пишут, что «социальные установки, позиции, идеи, верования как конкретные проявления мировоззрения нередко принимают для личности характер стереотипных суждений – относительно устойчивых схематичных образов социальных реалий (индивида, группы и групповых отношений, происходящих в обществе событий и т.д.), функционирующих в конкретных больших и малых группах (в данном случае в конкретном этносе)». Здесь же они справедливо отмечают, что стереотипы могут касаться различных сторон действительности, что они жизненно необходимы, поскольку облегчают усвоение многих реалий окружающего мира, способствуют систематизации и классификации знаний и памяти человека, соответствуют стремлению человека экономить жизненную энергию и т.д. Деление же ими стереотипов вообще и экономических в частности на позитивные и негативные нам представляется условным, поскольку любой стереотип, независимо от знака, как системное явление, нередко в силу разных причин, о которых речь пойдет ниже, проявляется в фиксированных формах экономического поведения в виде неадаптивных традиций, вредных привычек, предрассудков, «финансового мышления бедняка» (Кийосаки и Лектер), «выученной беспомощности» (Селлингмен) и т.д. Иначе говоря, с нашей точки зрения,

стереотипы экономического поведения, являясь потенциальными фиксированными формами поведения, при определенных условиях и под воздействием определенных экономических факторов могут трансформироваться в фиксированные формы поведения. А.Д. Карнышев с соавторами связывают это с тем, что хотя «стереотипы в некоторой степени могут модифицироваться и трансформироваться в зависимости от экономических, социальных и политических изменений, процесс этот происходит крайне медленно, хотя на первый взгляд – быстро» [18].

Мы допускаем, что объяснение такой трансформации, хотя и не исчерпывающее, могут дать предложенные Г.В. Залевским [12,13] объяснительные модели фиксированных форм поведения вообще – от линейных до системных – природы ФФП, их сущности и роли в жизнедеятельности людей, а именно: нейродинамической, энергетической, филогенетической, личностно-средовой, диспозиционной, стрессогенной, патогенетической, психодинамической, научения (бихевиоральной и когнитивной), акционально-структурно-уровневой и системной.

В данной статье мы остановимся чуть подробнее лишь на некоторых из них.

Энергетическая модель ФФП, которая встречается уже в работах В.М. Бехтерева, исходит из общего принципа экономии энергии. Ссылки на принцип экономии имеют место и в работах грузинской школы психологии установки Д.Н. Узнадзе. Установка, получившая соответствующую объективным обстоятельствам организацию и возможности, включает в себя готовые, приобретенные опытом схемы и, соблюдая принцип экономии, обеспечивает удовлетворение потребности. Но, как известно, фиксированная установка, соблюдая тот же принцип экономии, не приводит к удовлетворению потребности. А.А. Ухтомский, разработавший учение о доминанте, очень ярко демонстрирует примерами из науки, как принцип экономии, заложенный в самой сути доминанты, хорошо работающий в условиях стереотипных, привычных, обуславливает фиксированные формы поведения в условиях новых, «не совпадающих с доминантой». «Я считаю своим долгом, – писал А.А. Ухтомский, – говорить о том, что многие доктрины и теории в своих выводах и исканиях заранее предопределены тем, что установлены **на покой и на наименьшее действие с самого начала** (выделено мною. – В.З.); действительность заранее усекается ради прекрасных глаз теории» [25].

ФФП как «нарушение личностно-средовой взаимосвязи». Эта объяснительная модель восходит к русскому физиологу и психологу И.М. Сеченову, который более 100 лет назад писал следующее: «Всегда и везде жизнь складывается из кооперации двух факторов – определенной, но изменяющейся организации и воз-

действий извне. Притом все равно, смотреть ли на жизнь со стороны ее конечной цели – сохранения индивидуума, как на нечто развивающееся, потому что и сохранение в каждый отдельный момент существования достигается путем непрерывных превращений. ...Последнее вытекает из того факта, что во всех организмах сохранение целостности тела и жизни достигается не неподвижностью раз сформированного, а постоянным частичным разрушением и восстановлением элементов тела» [24]. Из высказывания Сеченова, а также из концепций, выдвинутых значительно позже Бернаром («о постоянстве внутренней среды»), Кэнноном («о гомеостазисе»), Павловым («об уравнивании») проводится мысль, во-первых, о гармонии внутренних состояний и внешних воздействий, во-вторых, о том, что эта гармония обеспечивается лишь в том случае, если жизнедеятельность и поведение человека детерминированы внешним постоянно изменяющимся воздействием среды. В случае фиксированных форм поведения имеют место нарушения этой гармонии вследствие того, что поведение детерминировано только внутренним состоянием без учета объективных требований внешней ситуации. Особенно ослабляется и даже полностью исчезает детерминация психической деятельности и поведения человека внешним миром, по мнению целого ряда авторов, при нервно-психических расстройствах. Так, еще В. Гризингер писал, что «существенный процесс сумасшествия, составляющий действительно болезненное состояние, заключается главным образом в том, что известное настроение, чувства, волнения, суждения, решения возникают **изнутри** вследствие болезни душевного органа, тогда как в здоровом состоянии наши волнения, решения вызываются только достаточными **внешними побуждениями** (выделено мною. – В.З.) и потому находятся в некоторой связи с внешним миром» [2]. «Стереотипии – это полностью отделившиеся от общей ситуации виды поведения и... не соответствующие какому-либо объекту окружения. Психически больной человек утратил контакт с миром; он ушел в себя; он не может переживать реальность – физическую или человеческую – такой, как она есть, а только такой, какой ее формируют его собственные внутренние процессы. Он либо не реагирует на внешний мир, либо если реагирует, то не в его понятиях, а только в понятиях своих собственных процессов мышления и чувств» [27].

Иначе говоря, при психических расстройствах «опыт оказывается сведенным к чисто субъективному» (Рей), свидетельством чего, на мой взгляд, и являются фиксированные формы поведения. Близки этой схеме попытки объяснения ФФП через «нарушение механизма обратной связи» (П.К. Анохин, А.Р. Лурия) и «потерю, выхолащивание значения и

смысла» («Lehrlaufreaktionen») – Баж, Лоренц; «laps of meaning» – Якубовиц, Лемберг).

Диспозиционная модель ФФП. Как известно, в основу диспозиционного направления в изучении личности положена идея о том, что «личность – это то, что лежит за конкретными поступками внутри самого индивидуума», что «черта личности является движущим или, по крайней мере, определяющим элементом поведения» [26]. В целом ряде исследований показано, что определяющим личностным элементом фиксированных форм поведения является психическая ригидность. Cattell [29] даже выделил особый ее вид – «диспозиционную ригидность». И в исследованиях Г.В. Залевского [13] также была выявлена связь между местом личности на континууме ригидность–флексibility и характеристиками интенсивности и экстенсивности фиксированных форм поведения. Более того, различная пространственная представленность психической ригидности в личности – парциально, тотально и в качестве типобразующей черты – позволила выделить «ригидный тип личности» и его варианты («астенический», «стенический»).

Стрессогенная модель ФФП. Психологи разных направлений отмечают, что причиной фиксированных форм поведения могут быть связанные с тревогой, страхом, фрустрацией, шоком напряжения (стрессы, точнее дистрессы), вызванные сильно и кратко либо слабо и длительно действующими стрессорами. Последние оказываются теми особыми причинами, под влиянием которых привычное, известное так бережно и упорно охраняется, что к новому, к изменениям проявляется недоброжелательность [20]. Некоторые исследователи считают возможным рассматривать психическую ригидность в качестве состояния и выступающим в этом качестве диспозиционным фактором фиксированных форм поведения. По мнению Wolpert [31], «этот синдром может быть вызван у любого индивида». В исследованиях Г.В. Залевского [13] экспериментальным путем также были выявлены связи между действием стрессоров и ФФП (наряду с trait-rigidity и state-rigidity), проявляющиеся в отдельности или в синергетической связи, что особенно часто отмечается при нервно-психической патологии.

Бихевиорально-когнитивная модель ФФП. Сторонники этого подхода [12] придерживаются того мнения, что фиксированные формы поведения (философия должествования и иррациональные мысли, неадекватные когнитивные схемы и ошибочные суждения, неадекватные установки, плохие и вредные привычки, страхи и депрессии, выученная беспомощность и т.п.) есть результат «неправильного научения/воспитания», в том числе и социального, хотя конкретные механизмы этого научения могут быть самыми разными (Вольпе, Лазарус, Бандура, Эллис, Бек, Селигмен и др.).

Акциональная структурно-уровневая модель ФФП. Идеи данного подхода к ФФП восходят прежде всего к трудам П. Жане [4] и М.С. Роговина [22].

Основными составляющими предлагаемой концепции [13] являются положения: а) о структурно-уровневой организации личности и поведения (деятельности, действия или акции – от action), в котором личность, проявляясь, «становится действительной» (Гегель); б) пространственной (структурно-уровневой) ригидизации личности, обуславливающей особенности проявления фиксированных форм поведения; в) нарушении, в случае фиксированных форм поведения, отношений внутри структуры такого поведения – между высшим акциональным уровнем цели и низшим акциональным уровнем средств. Возможны два варианта таких нарушений: когда фиксированной является средство (средства) и когда фиксированной является цель действия (поведения). В первом случае неадекватное средство (как материальное, так и идеальное) сливается/срашивается с целью, делая акцию неадаптивной, а личность функционирующей на более низком акциональном уровне. Во втором – неадекватная цель становится самоцелью, срашиваясь со средством, делает акцию тоже неадекватной, а личность функционирующей также на более низком акциональном уровне.

Системная модель ФФП (концепция избыточной устойчивости систем). Фиксированные формы поведения могут проявляться как на уровне индивида, личности, т.е. индивидуальных систем, так и на уровне микро- и макрогрупп людей (семья, производственные и общественные организации, этнос, общество и государство в целом), т.е. на уровне групповых систем. Их влияние наблюдается в разных сферах жизнедеятельности человека: в образовании (закрытость образовательных систем, трудности инновационных процессов), науке (неоправданное отстаивание своих идей и «излюбленных» теорий, а также нередко неприятие идей, предложенных коллегами или «другими» школами), культуре (устаревшие традиции, этноцентризм, проявляющийся нередко в ригидных этнических стереотипах и предубеждениях), что особенно заметно в межкультурных отношениях [13]. Определяя любую систему как «комплекс элементов, находящихся во взаимодействии», еще L. von Bertalanffy [28] различал «открытые» и «закрытые» системы.

Интересна в обсуждаемом контексте и его мысль о том, что «необходимым условием устойчивости органических систем является постоянное обновление их элементов». Можно предположить, что в «закрытых системах», не только органических, но и социальных, скорее всего, отсутствует это «постоянное обновление элементов» как внутри них, так и во взаимодействии с другими системами. Это происходит, на наш взгляд, потому, что любая система, стремясь

к устойчивости, в силу нарушения, прежде всего, обратной связи «проскакивает» оптимально необходимую меру устойчивости и устремляется к гиперустойчивости (становится избыточно устойчивой), иначе говоря, ригидизируется (коснеет, застывает), становится закрытой, о чем свидетельствуют нарастание числа фиксированных форм поведения и рост их интенсивности [15]. Это, видимо, имел в виду и Rokeach [30], когда писал об «открытом и закрытом сознании» («the open and closed mind»). Это относится и к групповой системе, что демонстрируют такие малые группы, как, например, определенный тип семей, религиозные секты, мафиозные образования и даже большие социальные группы – целые государства, например известные в истории диктаторские и тоталитарные режимы. В. Сатир [23] совершенно справедливо считала, основываясь на своем богатом

опыте психотерапевтической работы с семьей, что в закрытой системе люди не могут процветать. В лучшем случае они могут только существовать, но людям нужно значительно больше.

Разумеется, описанные нами объяснительные схемы фиксированных форм поведения не исключают, а, скорее, дополняют друг друга, находясь в структурно-уровневых отношениях, свидетельствуя, что в конечном итоге стремление любой системы к избыточной устойчивости мультидетерминировано.

В завершение мы хотим подчеркнуть еще раз актуальность проблемы фиксированных форм экономического поведения, особенно для сегодняшней России, где остро стоят вопросы экономико-психологической адаптации населения к рынку, богатству и бедности, инфляции, безработицы и т.д., а также вопросы прогноза экономических изменений.

Литература

1. Аргайл М. Психология счастья. СПб.: Питер, 2006. 197 с.
2. Гризингер В. Душевные болезни. СПб., 1881.
3. Дейнека О.С. Динамика макроэкономического образа денег в обыденном сознании // Психологический журнал. 2002. Т. 23, № 2. С. 36–46.
4. Жане П. Неврозы и фиксированные идеи. СПб., 1903.
5. Журавлев А.Л. Динамика социально-экономических явлений в изменяющемся обществе. М., 1996.
6. Журавлев А.Л. Социально-психологическая динамика в изменяющихся экономических условиях // Психологический журнал. 1998. Т. 19, № 3. С. 3–16.
7. Журавлев А.Л. Социальная психология экономического поведения. М., 1999.
8. Журавлев А.Л. Психология коллективного субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А.В. Брушлинского. М.: ИП РАН, 2002. С. 51–81.
9. Журавлев А.Л., Позняков В.П. Экономическая психология: теоретические проблемы и направления эмпирических исследований // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2004. Т. 1, № 3. С. 46–64.
10. Залевский В.Г. Флексибельность как интраличностный ресурс социальной адаптации // Сибирский психологический журнал. 1998. Вып. 7. С. 99–102.
11. Залевский Г.В. Основы современной бихевиорально-когнитивной психотерапии и консультирования. Томск: ТГУ, 2006.
12. Залевский Г.В. Теория субъекта и фиксированные формы поведения // Психологический журнал. 2003. Т. 24, № 3. С. 32–36.
13. Залевский Г.В. Фиксированные формы поведения индивидуальных и групповых систем (в культуре, образовании, науке, норме и патологии). Москва; Томск, 2004.
14. Залевский В.Г., Залевский Г.В. Фиксированные формы экономического поведения // Экономическая психология: актуальные теоретические и прикладные проблемы. Материалы VI науч.-практ. конф. Иркутск, 2005. С. 187–192.
15. Залевский Г.В., Залевский В.Г. Фиксированные формы поведения в контексте концепции избыточной устойчивости индивидуальных и групповых систем // Вестник Томского государственного университета. № 286. Сер. Психология.
16. Залевский Г.В., Залевский В.Г. К проблеме фиксированных форм экономического поведения // Материалы IV Всероссийского съезда Российского психологического общества. Ростов н/Д, 2007. Т. 2. С. 20–21.
17. Карнышев А.Д., Бурменко Т.Д. Психология собственности. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2002. 174 с.
18. Карнышев А.Д., Бурменко Т.Д. Собственность: психолого-экономический анализ. Иркутск, 2003.
19. Карнышев А.Д., Бурменко Т.Д. Экономическая психология собственности. Иркутск, 2005.
20. Левитов Н.Д. Психология характера. М., 1969.
21. Позняков В.П. Психологические отношения субъектов в условиях изменения форм собственности: Дис. ... д-ра психол. наук. М., 2002.
22. Роговин М.С. Структурно-уровневые теории в психологии: методологические основы. Ярославль: ЯрГУ, 1981.
23. Сатир В. Как строить себя и свою семью. М., 1992.
24. Сеченов И.М. Избранные произведения. М., 1959.
25. Ухтомский А.А. Письма // Пути в незнание. М., 1973. С. 371–435.
26. Allport G.W. The nature of prejudice. Cambridge: Addison-Wesley, 1954.
27. Bash K. Lehrbuch der allgemeinen Psychopathologie. Stuttgart, 1955.
28. Bertalanffy L. von. General System Theory. N.Y.: Braziller, 1968.
29. Cattell R. Personality and Social Psychology. San Diego, 1964.
30. Rokeach M. The open and closed mind. N.Y., 1960.
31. Wolpert E. A new view of rigidity // J. of abnorm (soc) Psychol. 1955. Vol. 51.

HOMO ECONOMICUS: ANTHROPOLOGICAL CONTEXT OF ECONOMICAL REALITY
V.G. Salevsky (Tomsk)

Summary. Presented theoretical look on the economical behavior, introduced the concept «fixed forms of economical behavior», was tried to give the classification of fixed forms of economical behavior, basically economical categories and some explaining models of FFB.

Key words: economical behavior, fixed forms of economical behavior, economical categories, rigidity-flexibility, models of FFB.

ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР В СТРУКТУРЕ НАПРАВЛЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ПОДРОСТКА

Т.Ц. Тудупова (Улан-Удэ)

Аннотация. Рассматриваются этнопсихологическая природа, внутренний психологический состав и структура направленности личности как важная теоретическая, экспериментальная и прикладная задача. Показано влияние этнопсихологического фактора на особенности направленности личности современного подростка.

Ключевые слова: направленность личности, этнопсихологический фактор, подростковый возраст, этнически однородные и этнически смешанные группы.

Обращение к этнопсихологическим феноменам обусловлено, прежде всего, реалиями современной жизни, в которой этнический фактор продолжает приобретать все большую остроту и значимость. Проблема сближения наций, воспитания взаимного уважения, доброжелательности, терпимости и взаимопомощи сегодня актуальна как никогда прежде. В этих условиях возрастает роль воспитания у подрастающего поколения определенной направленности личности, которая существенно обуславливает поведение человека.

Термин «направленность личности» в различных концепциях несет неодинаковую смысловую нагрузку и неоднозначно понимается исследователями. Большинство отечественных психологов разных поколений (С.Л. Рубинштейн, Л.И. Божович, В.Н. Мясищев, В.Э. Чудновский и др.) понимают под направленностью существенную личностную характеристику, определяющую психологический облик человека как общественного существа.

В последние годы проблеме изучения направленности личности уделяется значительно меньше внимания, что, возможно, связано с изменившейся социальной ситуацией и критикой коллективизма и коллективистической направленности, которые ранее считались одним из основных нравственных ориентиров становления личности. Между тем проблема направленности личности отнюдь не потеряла своей актуальности и нуждается в дальнейшей углубленной разработке.

В отечественной психологии в рамках представлений о том или ином содержании направленности преимущественно разрабатывалась классификация направленности, основанная на представлении о том, что человек в своей жизни реализует три самых важных типа отношений к объективной действительности – к обществу, к труду, к себе.

При знакомстве с зарубежной литературой по психологии личности [10–12, 14, 15] психологического понятия, аналогичного по смыслу термину «направленность личности» в указанном понимании, не обнаруживается. Частично его можно соотнести с понятием «аттитюд» (от фр. *attitud* – поза, положение). В отечественной психологической литературе оно рассматривается в основном как «социальная установка».

Разрабатываемые в зарубежной психологии понятия самоактуализации, самореализации, самооценки и самоидентификации могут быть включены в проблему изучения направленности личности, исследуемой со стороны характеристик субъективной активности, субъективно значимых, ценностно-смысловых содержаний.

Анализируя исследования, посвященные проблеме направленности личности, следует отметить, что, употребляя это понятие, исследователи имеют в виду ведущую характеристику личности, определяющую специфику ее проявлений в жизни в целом (в деятельности, поведении, характере отношений данной личности к себе и к миру); направленность есть характеристика избирательной активности поведения человека как существа социально детерминированного, с одной стороны, и проявляющего собственную активность (внутренне детерминированного) – с другой. Направленность как ведущая характеристика личности обладает побудительной силой, позволяющей ей реализовать избирательное поведение. В этом отношении понятие направленности личности близко соприкасается с понятием установки. Последняя также есть проявление избирательной активности человека. На наш взгляд, установка – понятие более узкое, более конкретное, в ней более отчетливо выражен момент избирательности. Установка, по-видимому, более тесно связана с реальной деятельностью, поступками человека. Кроме того, в установке более значимо выступает прочность выработки определенной избирательной активности, которая вследствие этого может проявляться и на неосознаваемом уровне.

Направленность личности – более широкое понятие, она может проявляться в реальных поступках человека, но в некоторых случаях находится в потенциальном, «дремлющем» состоянии, и нужен определенный толчок, чтобы подлинная личностная направленность проявилась в реальном поведении. Согласно имеющимся литературным данным, направленность личности может проявляться как на осознаваемом, так и на бессознательном уровне.

По-видимому, направленность личности включает в себя систему установок, которые дополняют, усиливают, а может быть, и противоречат друг дру-

гу, и направленность личности в этом случае является результатом взаимодействия разнонаправленных «установочных механизмов». Очевидно, в этой сложной диалектике направленности личности существенное место занимают этнические установки.

Поскольку направленность имеет иерархическое строение, ее формирование и характер существенно зависят от основного мотива, занимающего господствующее положение в этой иерархии (направленность на себя, на других людей, деловая направленность). По-видимому, в определенных условиях господствующее положение в мотивационной иерархии занимает и этнопсихологический фактор, что может существенно сказаться на процессе формирования личности. При этом учитывается, что развитие этносов представляет собой сложную динамическую систему, регулируемую множеством факторов: социальных, биологических, исторических, религиозных, психологических. Эти факторы проявляются в повседневной активности этнических групп и отдельных личностей, преломляясь через психическое своеобразие субъектов деятельности. Отношения этнических групп и отдельных этнофоров отражаются на уровне иерархизированной системы ведущих мотивов. Можно предположить, что абсолютизация роли этнопсихологического фактора в структуре направленности личности может негативно влиять на проявления личности, приводить к националистическим ориентациям.

Исходя из понимания направленности как системы доминирующих мотивов, чаще всего выделяют следующие виды направленности: просоциальную, сугубо личную и деловую. Остановимся на характеристике указанных видов направленности.

Просоциальная направленность обнаруживается в стремлении действовать в интересах других людей, своего коллектива (группы) или общества в целом, действовать вместе с другими. В этом плане просоциальная направленность близка к понятиям альтруистической направленности, хотя и не совпадает с последней. Проблема альтруизма имеет обширную литературу в философском, социологическом, социально-психологическом плане. В советской литературе существовала традиция противопоставлять буржуазный альтруизм, с одной стороны, и социалистический коллективизм – с другой. Следует отметить, что как в науке, так и в практической жизни проблема альтруизма в течение длительного времени недооценивалась. Противопоставление альтруизма и коллективистических взаимоотношений подчас приводило к односторонней трактовке коллективизма как подчинения личности интересам большинства. Понимание коллективизма утрачивало гуманистический, альтруистический аспекты. Между тем, как считает В.Э. Чудновский, «гуманистическая направленность является неотъемлемым элементом подлинной

коллективности, более того, проявлением ее сущности. Отсутствие или утрата такой направленности искажает самую суть коллективизма» [7. С. 87].

Неправомерным обобщением является утверждение о том, что альтруистический поступок непременно связан с ущербом для личности. В литературе есть данные о том, что направленность человека на реализацию интересов других людей создает предпосылки оптимального формирования его собственной личности [7].

В последнее время понятие «коллективизм» подвергалось острой критике: «...утверждается, что коллективистское воспитание... ведет к нивелировке личности, конформному поведению, получил распространение термин «коллективизм толпы», выдвигается идея о том, что коллективизм основывается на мифологизированных представлениях, которые могут служить почвой для оживления националистических, шовинистических тенденций» [8. С. 9].

Признавая, что коллективизм скомпрометирован практикой нашей жизни, необходимо иметь в виду аспекты коллективизма, совершенно по-разному характеризующие содержание данного понятия: коллективизм, символизирующий определенную социальную формацию, основанную на обобществлении собственности; коллективизм, способствующий распространению конформизма и нивелировке личности; коллективизм, который обогащает людей опытом товарищеского сотрудничества и совместных переживаний.

Сугубо личная направленность обнаруживается в стремлении к эгоистическому самоутверждению, престижу, собственной выгоде, благополучию, иногда в нежелании считаться с общепринятыми требованиями и т.д.

Деловая направленность проявляется в стремлении к выполнению заданий, к достижению поставленных целей и задач, в непосредственном увлечении процессом деятельности и т.д.

Попытаемся рассмотреть влияние этнопсихологического фактора на формирование одной из основных характеристик личности – ее направленности.

Употребляя понятие «этнопсихологический фактор», имеют в виду влияние на психическое развитие и становление личности этнических особенностей данного национального образования, которое выступает в особенностях этнического самосознания, этнических чувств, этнических стереотипов и установок.

Своеобразный возрастной фон, на котором происходит формирование личности подростка, обуславливает его большую «чувствительность» к этническим проблемам. Подросток фактически впервые серьезно сталкивается с ними и должен включить их в систему своих взглядов и формирующихся убеждений. В этом одна из трудностей воспитания подростка, на которую, к сожалению, не обращается достаточного внимания.

Необходимо отметить, что внутреннее стремление подростка поскорее стать взрослым может быть использовано и с негативной стороны. Стремление подростков к кажущейся романтике взрослой жизни было использовано в гитлеровской Германии с целью формирования у них фашистской идеологии, расистских взглядов. Это актуально и в современных условиях наблюдаемого роста подросткового экстремизма.

Поскольку опыт проведения опросов показывает трудность выделения репрезентативной выборки представителей той или иной нерусской национальности в пределах России, мы сочли целесообразным осуществлять исследование бурятских подростков как из классов с этнически смешанным составом учащихся, так и из этнически однородных классов национальных школ. В основном исследовании приняли участие подростки 8–9-х классов (всего 405 человек), проживающие в Республике Бурятия. Все респонденты учащиеся старшего подросткового возраста (средний возраст – 15 лет). Это связано с тем, что согласно литературным данным направленность личности достаточно отчетливо проявляется лишь в старшем подростковом возрасте.

Кроме семьи, сильным транслятором этнической культуры является национальная школа. Национальная школа призвана осуществлять общее образование и воспитание учащихся на родном языке и с учетом этнических традиций. Накопленные веками духовные ценности традиционной культуры являются одной из основ, на которой строится содержание образования в национальной школе. Именно здесь происходит приобретение и усвоение растущим человеком системы ценностей этносоциума, приобщение к национальным обычаям, обрядам, верованиям народа, характерным для этноса видам труда, стереотипам поведения.

Задачей нашего исследования явилось изучение особенностей личностной направленности подростков, которые могут проявиться в особой, индивидуальной для каждого школьника иерархии мотивов.

Исследование направленности личности современных подростков было построено на основе выявления сугубо личных, просоциальных и деловых мотивов в структуре направленности исходя из содержания модифицированной методики В. Смекалы и М. Кучеры [5].

Результаты свидетельствуют, что у многих исследованных подростков был выявлен сугубо личный вид направленности. Однако их число колеблется в зависимости от этнической принадлежности, но при этом всегда остается достаточно высоким (больше всего респондентов с сугубо личной направленностью в выборке русских подростков – 48%, несколько меньше у бурят из этнически смешанных классов – 39% и меньше всего у бурятских подростков из этнически однородных классов национальных школ – 27%).

Статистически значимые различия выявлены в сугубо личной направленности между русскими подростками и бурятами из классов с этнически однородным составом.

Что касается различия между бурятскими подростками из классов с этнически смешанным составом учащихся и русскими респондентами, то полученная величина недостаточна для утверждения о статистической достоверности этого различия, хотя тенденция к выраженности сугубо личной направленности у бурятских подростков из этнически смешанных классов проявляется достаточно отчетливо.

Высокий показатель данных о преобладании лиц с сугубо личной направленностью в какой-то мере отражает естественный процесс личностного развития: в младшем школьном возрасте ребенок в большей мере ориентируется на общество, коллектив, и на первое место по значимости выступают кооперативные отношения, в подростковом возрасте особый интерес начинает вызывать собственная личность.

В старшем подростковом возрасте ведущим становится процесс индивидуализации, при котором особую значимость приобретает она сама, анализ ее внутренних процессов и состояний, соответствующих черт характера, чувств, желаний и т.д. Общество, другие люди интересуют подростка во многом опосредствованно, через собственные интересы и потребности.

Вместе с тем полученные данные, по-видимому, отражают и сдвиги, произошедшие за последние полтора десятилетия: можно полагать, что всплеск индивидуализма подростков, вернее, ярко выраженного их стремления к индивидуализации, к созданию и утверждению своего «Я», в определенной мере обусловлен произошедшими изменениями в общественной жизни нашей страны, которые принесли с собой смену ценностных ориентаций для одних и потерю нравственных ориентиров для других. Думается, что изменения в общественной жизни существенно повлияли на психологический облик молодежи – более значимыми стали прагматические и эгоистические ценности.

Формирование потребительского или производительного способов самореализации личности существенно связано с установкой подростка относительно материальных ценностей, установки во многом определяют эгоизм или альтруизм, творчество или потребительство в поведении, тенденции к сотрудничеству, диалогу во взаимоотношениях или к авторитарному доминированию.

По-видимому, в нестабильной социальной, экономической, политической, психологической обстановке, в ходе смены типов духовной культуры, в изменившейся нравственной атмосфере произошли примитивизация сознания подростков, потеря растущими людьми чувства ответственности, всплеск эгоизма. Имеет значение и тот факт, что, как уже отмечалось,

во многом потерял свою привлекательность в качестве личностной ценности коллективизм. Задачей советской школы было формирование общественной направленности личности, основу которой составлял коллективизм. Однако последний понимался упрощенно – прежде всего как подчинение интересов и стремлений личности интересам и целям коллектива.

Нельзя не отметить, что увлечение в советском прошлом формально-коллективистическим воспитанием в настоящее время сменилось другой крайностью – абсолютизацией индивидуализма, появление которого обосновывается необходимостью развития у людей личной заинтересованности в труде и частной инициативы. Между тем необходимо не противопоставлять эти «полюса», а сочетать и гармонизировать их в контексте современных общественно-экономических обстоятельств.

Самый высокий показатель представленности просоциальной направленности выявлен у подростков из классов с этнически однородным составом (45%), далее идут подростки-буряты из этнически смешанных классов (30%) и русские подростки (29%). Отчетливая выраженность просоциальной направленности у бурятских подростков из классов с этнически однородным составом объясняется, на наш взгляд, с одной стороны, тем, что мы имеем дело с «остаточными» явлениями предыдущего возрастного периода, когда ведущую роль играл процесс социализации, при котором главное значение имело все внешнее: окружающий мир, люди, совместная деятельность. Как отмечено в психологической литературе, ребенок в младшем подростковом возрасте с готовностью откликается на все виды совместной деятельности, с большим желанием подростки в этом возрасте помогают друг другу, ориентированы на интересы коллектива. С другой стороны, это можно объяснить тем, что для этнического поведения бурят более характерно принятие определенного стандарта, мнения, существующего в этнической группе.

Существенно и то, что специфика проживания коренных народов Сибири способствовала выработке таких общечеловеческих ценностей, как взаимопомощь, товарищество, трудолюбие, без которых человек в тяжелых природно-климатических условиях, при изолированности и отдаленности от других просто не выжил бы. В народе всегда высоко ценились дружба и товарищество, которые принимались как признак нравственности, а индивидуализм осуждался.

Таким образом, высокая представленность просоциальной направленности у бурятских подростков из этнически однородных классов обусловлена, в частности, влиянием некоторых черт национального характера, представляющих собой порождение определенных условий жизни и древних традиций «общинного коллективизма», родовой взаимопомощи и дру-

гих стандартов поведения бурятского этноса. Вместе с тем на проявлениях просоциальной направленности личности в данном случае, по-видимому, сказывается и недостаточная сформированность процессов индивидуализации и личностного самоопределения.

Значимые различия в просоциальной направленности выявлены и между двумя бурятскими выборками – подростками из этнически смешанных классов и подростками из классов с этнически однородным составом. Эти данные позволяют предположить, что влияние русскоязычной этнической среды на бурятских подростков, учащихся из классов с этнически смешанным составом, в процессе совместной деятельности оказывается более сильным, чем фактор их этнической принадлежности. В отличие от учащихся национальных школ, подростки-буряты из классов с этнически смешанным составом менее подвержены влиянию на их поведение и становление личности этнической общности (специальных моментов образа жизни, национальной культуры и быта, национальных обычаев и традиций).

Что касается деловой направленности, то в нашем исследовании существенных различий в зависимости от этнической принадлежности не обнаружено. Из таблицы видно, что у русских подростков и у бурятских подростков из этнически смешанных классов деловая направленность занимает второе место, но значительного отрыва от просоциальной направленности не выявлено. Поскольку деловой мотив в направленности личности отражает интенсивность, с которой человек выполняет задания, заинтересованность выполнять свою работу как можно лучше, можно полагать, что человек с деловой направленностью будет охотно сотрудничать с коллективом, если это повысит продуктивность его работы. В группе он будет стремиться отстаивать свое мнение, которое считает правильным и полезным для выполнения задания.

Однако полученные нами данные, в отличие от ранее проведенных исследований направленности личности подростков конца 80-х гг., показывают, что современные подростки отдают предпочтение индивидуальному труду перед коллективным. У них преобладают мотивы, направленные на самовыражение, самооценку в труде, на стремление участвовать в нем для собственного развития и самосовершенствования, для завоевания определенной позиции по отношению к товарищам, утверждению своего «Я». Подростки 80-х гг. имели меньше самостоятельности и больше «зависели» от общества. Так, школа пыталась повлиять на учебные интересы, подростковый клуб (секция) – на интерес к профессии, комсомольская и пионерская организации – на общественно-политические интересы и т.д. Произошедшие в нашей стране изменения, на наш взгляд, существенно повлияли и на структуру деловой направленности личности. У совре-

менного подростка в структуре деловой направленности деловой мотив в большей мере сочетается с личными интересами. По-видимому, в современных условиях озабоченность семьи материальным благополучием сказывается и на проявлениях делового мотива. Проведенное исследование показывает, что подростковый возраст сенситивен формированию таких видов направленности, как сугубо личная и просоциальная.

Результаты исследования позволяют скорректировать традиционное для отечественной психологии категорическое разделение направленности личности на просоциальную (позитивную) и сугубо личную (негативную). Проведенный анализ показал, что последняя включает в себя тенденцию к индивидуализации – формированию интереса к собственной личности, своим потребностям и интересам, что является естественным процессом для старшего подросткового возраста.

Просоциальная (коллективистическая) направленность личности не является однозначной и во многом обусловлена влиянием черт национального характера («общинный коллективизм», родовая взаимопомощь, стандарты поведения определенной этнической группы), а также «остаточными» явлениями предыдущего возрастного периода (недостаточная сформированность интереса к собственной личности).

Целесообразно более дифференцированно характеризовать деловую направленность: а) деловая направленность, включающая в себя мотивы реализации интересов коллектива; б) деловая направленность, в которой отчетливо выступает связь делового мотива с личными интересами.

Получены данные о значительных изменениях в психологическом облике подростка (по сравнению

с исследованиями 80-х гг.). Для современных подростков разных этнических групп характерны «всплеск» индивидуализма, прагматизма, повышение «удельного веса» сугубо личной направленности. Произошли изменения в структуре деловой направленности, в которой стали более отчетливо выступать личные мотивы.

Результаты исследования показали, что этнические ориентации могут иметь больший или меньший «удельный вес», а в некоторых случаях – занимать доминирующее положение в системе направленности личности.

Исследование показало также, что национальная школа является мощным транслятором национальной культуры, существенно влияет на процесс этнической идентификации и на формирование направленности личности в целом. Этническая идентичность более выражена в этнически однородных классах: этнические ориентации этих подростков более глубоко проникают в механизм формирования направленности личности, они более остро воспринимают национальные аспекты окружающей среды. Для этнически смешанных групп характерны более низкий уровень этнической идентичности, некоторая маргинальность, двойственность, неустойчивость этнических ценностей.

Таким образом, полученные данные подтверждают предположение о существенном влиянии этнопсихологического фактора на становление направленности личности современного подростка. В зависимости от условий среды этнопсихологический фактор может занимать различное место в структуре направленности личности.

Литература

1. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М.: Изд-во АПН, 1968.
2. Левитов Н.Д. Направленность личности подростка: Учеб. пособие для пед. ин-тов. 3-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1964.
3. Мясищев В.Н. Психология отношений. М., 1995.
4. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: В 2 т. М., 1989. Т. 1.
5. Тудупова Т.Ц. Этнопсихология направленности личности современного подростка. Улан-Удэ, 2002.
6. Фельдштейн Д.И. Психологические особенности формирования готовности подростков к общественно полезному труду. М., 1986.
7. Чудновский В.Э. Нравственная устойчивость личности. М.: Педагогика, 1981.
8. Чудновский В.Э. Смысл жизни: проблема относительной эмансипированности от «внешнего» и «внутреннего» // Психологический журнал. 1995. Т. 16, № 2. С. 15–25.
9. Ядов В.А. Методология и процедура социологических исследований. Тарту: Изд-во Тарт. гос. ун-та, 1968.
10. Altruism and Helping Behavior / Ed by J. Macanlay, L. Berkowits. N.Y.; L., 1970.
11. Erikson E. Children and society. 1950. № 4. 72 p.
12. Erikson E. The life Cycle Completed. N.Y., 1982. 232 p.
13. Maslow A. Motivation and Personality. N.Y., 1954. 382 p.
14. Rogers C.R. Some observations on the organion of personality // Amer. Psychol. 1947. Vol. 2. P. 358–368.
15. Rogers C.R. On Becoming a Person. A therapists's view of Psychoterapy. Boston, 1961.

ETHNOPSYCHOLOGICAL FACTOR IN THE STRUCTURE OF CONTEMPORARY TEENAGER PERSONALITY PURPOSEFULNESS

T. Tudupova (Ulan-Ude)

Summary. The author considers ethnopsychological nature, inner psychological content and the structure of a personality's purposefulness as an important theoretical, experimental and applied task. The article shows the influence of the logical factor on the peculiarities of a contemporary teenager's purposefulness structure. The ethnopsychological factor depends on the conditions of surroundings, thus, it may take different positions in the structure of purposefulness.

Key words: personality's purposefulness, ethnopsychological factor, teenager, ethnically homogeneous and mixed groups.

МОЛОДЕЖЬ В СИТУАЦИИ ТРУДОВОЙ НЕЗАНЯТОСТИ: ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ И ТИПИЧНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В СИТУАЦИИ НЕУДАЧ (НА ПРИМЕРЕ РАБОТАЮЩИХ И ДЛИТЕЛЬНО БЕЗРАБОТНЫХ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ)

А.В. Селезнева (Иркутск)

Аннотация. Описываются результаты исследования личностных особенностей и типичных реакций в ситуациях неудач одной из слабозащищенных категорий населения – молодежи. Дается сравнительный анализ поведения длительно безработных молодых людей и их стабильно работающих сверстников.

Ключевые слова: молодежь, безработица, поиск работы, личностные особенности, типичные реакции в ситуации неудач.

Реформирование экономики и развитие рыночных отношений в России выдвинули безработицу в число наиболее важных социальных проблем. Различные слои населения имеют неравные конкурентные возможности. Одной из самых уязвимых групп населения на рынке труда в нашей стране является молодежь. По своей остроте проблемы молодежной безработицы стоят на одном из первых мест среди проблем, связанных с безработицей и занятостью. Так, например, по данным Госкомстата Российской Федерации, численность безработных в возрасте от 16 до 29 лет (в процентах) составляет: в 2000 г. – 38,9; в 2001 г. – 39,1; в 2002 г. – 39,6; в 2003 г. – 41,7; в 2004 г. – 40,4; в 2005 г. – 41,4 от общей численности безработных граждан [2].

Среди основных причин, препятствующих трудоустройству молодежи на рынке труда, можно назвать отсутствие опыта работы, неконкурентоспособность полученной профессии, отсутствие профессиональных знаний, невысокую деловую активность, отсутствие навыков самопрезентации, наличие малолетних детей, место проживания.

Выходящая на современный рынок труда молодежь не только не имеет профессионального опыта, но и опыта поиска работы, поэтому малейшие неудачи и промахи при общении с потенциальным работодателем, которые неизбежны, воспринимаются ими очень болезненно и часто способствуют снижению самооценки и мотивации к поиску работы, особенно когда он затягивается. Мы остановились на изучении особенностей личности молодых людей (длительно находящихся в ситуации трудовой незанятости и стабильно работающих) и их типичных реакций на ситуации неудач, для этого использовали методику фрустрационного теста Розенцвейга [3] и 16-факторный личностный опросник Кеттелла [1]. Всего было обследовано 136 молодых людей в возрасте от 16 до 30 лет с периодом безработицы от 1 до 8 месяцев. Полученные результаты, представленные в табл. 1, 2 и на рис. 1, позволяют четко увидеть черты сходства и различия, присущие работающей и безработной молодежи.

Так, для обеих категорий характерны (А) эмоциональность, общительность, но при этом безработной молодежи присуща (Q2) направленность на группу,

зависимость от нее, стремление к расширению контактов с людьми, низкая самооценка, тогда как работающая молодежь отличается (Q2) самостоятельностью, самодостаточностью, высокой самооценкой, независимостью, невысокой инициативой в установлении контактов. Но они часто не способны (С) контролировать свои эмоциональные импульсы, в отличие от безработных, для которых характерны эмоциональная устойчивость, спокойствие. Также безработные демонстрируют (Н) тягу к риску, смелость, нечувствительность к угрозе, для них характерны (L) доверчивость, (N) наивность, мечтательность, прямолинейность, что свидетельствует об отсутствии социальной ловкости (в ситуации поиска работы это снижает их шансы), в отличие от работающих людей гораздо более осторожны, проницательны. Отличаются также показатели (О) спокойствия и тревожности. Работающие молодые люди гораздо более тревожны и беспокойны, для них также характерны (Q4) высокая напряженность, неспособность сидеть без дела даже в обстановке, благоприятной для отдыха, в то время как безработным присущи (Q4) расслабленность, отсутствие сильных побуждений и желаний, стремление к переменам и достижениям, удовлетворенность любым положением дел.

Показатели фрустрационного теста Розенцвейга также различны для работающей и безработной молодежи: отчетливо видна разница в выраженности направленности реакции. Так, для работающей молодежи характерно преобладание импунитивных реакций с фиксацией на разрешении ситуации (см. табл. 2).

Импунитивное направление реакции характеризует степень адекватности, с которой человек оценивает возникшие неприятности, то внимание, которое он им уделяет. Показатели импунитивной реакции работающих молодых людей свидетельствуют о том, что они не уделяют достаточного внимания происходящему вокруг них, возникшие осложнения долго не замечаются, серьезность возникших неприятностей недооценивается. В результате ситуация может развиваться так, что потребуются значительные усилия для ее последующего исправления. Такое поведение иногда интерпретируется как толе-

Таблица 1

Факторный личностный опросник Р. Кеттелла

Фактор	Показатель	Стены (среднее) безработные	q	Стены (среднее) работающие	q
A	Замкнутость – общительность	7,06	1,87	6,78	3,77
B	Низкий интеллект – высокий интеллект	5,50	2,82	5,21	2,40
C	Эмоциональная нестабильность – эмоциональная стабильность	6,50	2,75	4,57	2,85
E	Покорность – доминирование	6,80	2,59	6,05	2,72
F	Невозмутимость – импульсивность	5,96	2,83	5,47	2,94
G	Корыстный – совестливый	6,03	3,13	5,42	2,70
H	Робость – смелость	8,03	3,48	6,05	3,06
I	Жесткость – мягкосердечность	5,3	1,99	6,10	3,33
L	Доверчивость – подозрительность	5,13	2,61	6,52	2,86
M	Практичность – мечтательность	4,00	3,60	4,57	3,33
N	Наивность – проницательность	3,96	3,78	5,15	3,17
O	Спокойствие – тревожность	4,90	4,61	7,84	2,75
Q1	Консерватизм – радикализм	6,03	3,38	6,31	3,35
Q2	Зависимость от группы – самостоятельность	3,10	2,68	5,63	2,39
Q3	Низкое самомнение – высокое самомнение	4,70	4,36	6,68	2,59
Q4	Низкая напряженность – высокая напряженность	3,76	3,19	6,84	2,41

Примечание. q – среднее квадратическое отклонение.

Таблица 2

Работающая / безработная молодежь

Направление реакции	Тип реакции					Стандарт
	O-D («с фиксацией на препятствии»)	E-D («с фиксацией на самозащите»)	N-P («с фиксацией на удовлетворении потребности»)	Сумма	%	
E (Экстрапунитивные)	4,6/1,8	2,3/2,87	2,13/1,72	8,63/6,39	36,35/26,96	43,4
I (Интропунитивные)	0,13/0,45	3,03/3,59	3,36/5,09	6,22/9,13	24,53/38,52	26,1
M (Импунитивные)	2,8/0,75	2,73/2,56	3,13/4,87	8,66/8,18	39,12/34,50	30,5
Сумма	7,23/3	8,1/9,02	8,6/11,68	23,93/23,7	100	
%	30,13/12,65	33,74/38,05	36,1/49,28	100		
Стандарт	28,8	36,3	34,9			

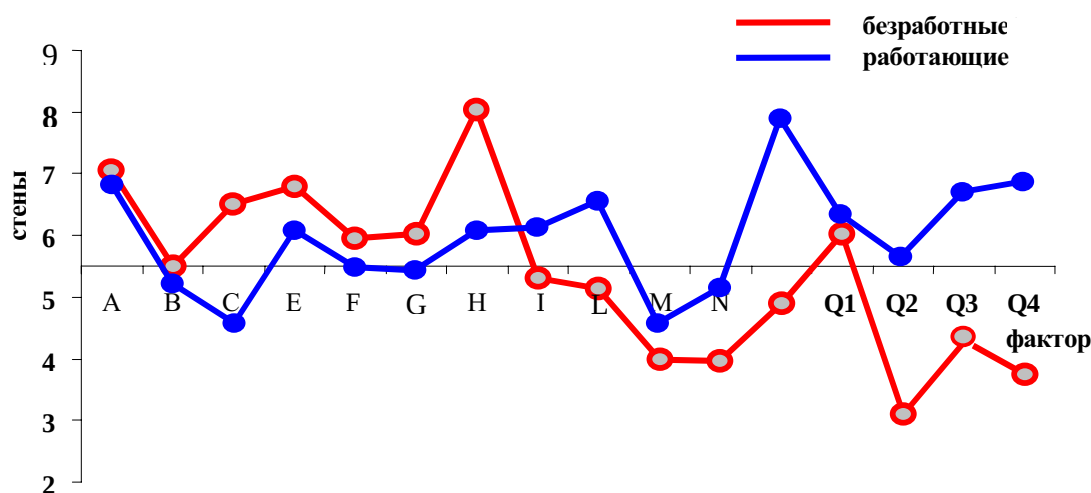

Рис. 1

рантность (устойчивость) к фрустрациям. Действительно, субъективно это проявляется как нечувстви-

тельность к неприятностям, когда человек не углубляется в переживания, считает все происходящее ме-

лочами жизни, на которые не стоит обращать внимания, иногда проявляет ригидность в стрессе, как бы «застывает» в ситуации и долго не предпринимает ничего, чтобы как-то повлиять на происходящие события. В том, что случилось, они не видят своей вины, считают, что никто не может предусмотреть возникших проблем. Но при этом преобладающий тип реакции свидетельствует об ориентации на рациональное разрешение проблем, о том, что когда все-таки происходит осознание сложности возникшей ситуации, они стараются вести себя конструктивно. Ищут рациональные решения возникших проблем, пытаются воздействовать на события и направить их в более приемлемое русло, стремятся внести определенные коррективы в происходящее, достичь необходимых компромиссов, изменить ситуацию к лучшему.

Сильное «Я» обеспечивает им высокую стрессоустойчивость. В стрессовых ситуациях они могут демонстрировать различные варианты поведения, начиная от «невнимания» к проблемам и заканчивая рациональным подходом и адекватному их разрешению. Но в любом случае они не будут принимать возникшие неприятности близко к сердцу.

В отличие от работающей молодежи, молодежь, длительное время находящаяся в безуспешных поисках работы, реагирует на стрессовые ситуации несколько по-другому. Для нее характерны интропунитивные реакции с фиксацией на разрешение ситуации.

Выраженность интропунитивного направления реакций характеризует чувство вины, которое человек испытывает, и ответственность, которую он на себя возлагает при столкновении с неприятными ситуациями. В нашем случае безработные уверены, что они сами являются причиной всех своих неудач и неприятностей. Они могут считать себя виноватыми, несмотря на то, что не имели никакого отношения к случившемуся и никак не могли повлиять на произошедшие события. Неприятности вызывают у них глубокие переживания, которые могут быть незаметны для окружающих. Они стараются как-то исправить ситуацию, оказать помощь тем, кто пострадал вместе с ними. Часто такие внутренние пере-

живания и излишние самообвинения при неспособности как-то повлиять на события могут стать причиной депрессивных состояний и невротических расстройств. При столкновении с неприятностями они могут уходить в себя, не обращать внимания на то, что происходит вокруг, начинают меньше общаться, могут продолжать действовать так, как будто ничего не произошло. Пытаясь найти выход из положения, они не прибегают к помощи окружающих, действуют в одиночку, недооценивают преимущества совместных решений и действий, у них отсутствует стремление к сотрудничеству.

При этом выраженный тип реакции свидетельствует об установке на позитивное преобразование стрессовых ситуаций, на поиск компромиссов, рациональных решений возникших проблем. В стрессовых ситуациях они пытаются конструктивно вести себя, но чаще придерживаются выжидательной тактики. Они хотят, чтобы все изменилось к лучшему, и готовы для этого какое-то время терпеливо сносить свалившиеся на них неприятности, надеясь на то, что вот-вот все разрешится само собой. Они склонны оттягивать, отодвигать момент выбора решения в надежде на то, что через некоторое время, может быть, и выбрать ничего не придется. Если принимать решение все же приходится, они предпочитают полагаться на заключения и рекомендации внешних, незаинтересованных консультантов. Данная тактика может использоваться ими и не вполне осознанно.

Как видим, как личностные особенности, так и типичные реакции безработных и работающих молодых людей на неудачи различны. Это свидетельствует о том, что определенный набор личностных особенностей, присущих безработной молодежи, таких как низкая самооценка, пассивность, зависимость от группы, преобладание интропунитивных реакций в ситуации неудач, снижает возможность успешного самостоятельного трудоустройства и превращает поиск работы в значимую психологическую проблему.

Поэтому особенно важным является оказание им своевременной психологической помощи и использование всех возможных ресурсов для преодоления ситуации незанятости.

Литература

1. Рукавишников А.В., Соколова М.В. Факторный личностный опросник Р. Кеттелла: Метод. руководство. СПб.: ГП ИМАТОН, 1995.
2. Численность безработных: Основные показатели [Электронный ресурс]: Федеральная служба Государственной статистики. М.: 2007. // http://www.gks.ru/free_doc/2007/b07_11/06-08.htm
3. Ясюкова Л.А. Фрустрационный тест С. Розенцвейга: Метод. руководство. СПб.: ГП ИМАТОН, 2001.

YOUTH UNEMPLOYMENT – PERSONAL CHARACTERISTICS AND TYPICAL BEHAVIOR IN FAILURE SITUATIONS
A.V. Selezneva (Tomsk)

Summary. In this article, the author summons the results of a research hold on investigating personal characteristics of the youth, one of a hardly supported group of our society, and their typical responds on a failure. The author also provides a comparative analysis between the young people being unemployed for a long time and their working contemporaries.

Key words: youth, unemployment, job search, personal characteristics, typical responds on a failure.

ВЛИЯНИЕ РОЛЕВОЙ ИГРОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА РАЗВИТИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ

Н.А. Воробьева, Г.М. Авилов (Кемерово)

Аннотация. Предлагаются авторская модель описания ролевой игры как вида деятельности и модель структурных компонентов коммуникативных способностей личности. Анализируется проблема влияния ролевой игровой деятельности на развитие коммуникативных способностей личности.

Ключевые слова: коммуникативные способности, структурные компоненты коммуникативных способностей, ролевая игровая деятельность, ролевые игры, коммуникативные способности, реализующие ролевую игровую деятельность.

В последнее десятилетие все большую популярность приобретает неинспирированная деятельность молодежи, которую можно обозначить как «ролевое движение». Наиболее активными его участниками являются лица от 17 до 27 лет, которые организуют ролевые игры по историческим, фэнтезийным, сказочным и фантастическим сюжетам с различной степенью двигательной активности, продолжительностью и количеством играющих для развлечения, отдыха, совместного времяпрепровождения и развития. Участников движения мы будем называть «ролевики». В зависимости от преобладающих сюжетов, способов игрового моделирования в ролевом движении выделяются отдельные его разновидности, например «реконструкторы» (стремящиеся к точному воспроизведению исторических событий, духа и быта той или иной эпохи), «толкиенисты» (создающие ролевые игры по мотивам произведений Р.Р. Толкина) и т.д. [6, 7].

Занятия ролевыми играми с психологической точки зрения являются видом деятельности человека, влияющим на личность и ее поведение. Данный вид деятельности мы будем называть ролевой игровой деятельностью. Описание деятельности предполагает описание ее операциональной, технической и содержательной стороны, а также психологических особенностей человека, вовлеченного в эту деятельность. Остановимся подробнее на операциональной и содержательной сторонах данной деятельности.

Для психологического анализа ролевой игровой деятельности мы выделили следующие основные характеристики операциональной стороны ролевой игры: 1) формы самоорганизации «ролевики»; 2) организационные условия проведения ролевой игры; 3) временные характеристики ролевой игры: продолжительность и периодичность; 4) распространенность ролевых игр и социально-демографические характеристики «ролевики»; 5) внешние проявления субкультуры «ролевики» (атрибутика, сленг и т.п.).

Прежде чем приступить к описанию ролевой игры как деятельности, отметим, что ролевые игры разделяются на три основных вида: настольные, павильонные и полигонные [14, 15]. В мире ролевое движение существует уже давно, но, насколько нам известно, в основном в форме настольных ролевых

игр. По имеющимся у нас данным, только в США сторонники настольных ролевых игр насчитывают около 6 миллионов активных игроков, в Германии – более 300 тысяч [16]. В отличие от стран Запада, в России большее распространение имеют полигонные ролевые игры.

В *настольных* ролевых играх качества персонажа – быстрота, сила, ум, ловкость, харизма (набор различен в разных системах моделирования игрового мира) – разыгрываются перед началом игры броском костей, по строгим правилам; то же со снаряжением, оружием, одеждой. Ведущий намечает примерный ход событий, остальное остается открытым. В ролевых играх не бывает выигравших или проигравших – есть история, которая может разворачиваться бесконечно, от одной встречи к другой, в течение нескольких месяцев и даже лет.

К *павильонным* ролевым играм относятся игры, которые проводятся в помещении. В них также возможно моделирование значительных по протяженности территорий и процессов. Желательно наличие реквизита и соответствующего снаряжения. Для этих игр необходимо присутствие ведущих, регулирующих ход игры. Подготовка участников зависит от уровня сложности данной игры. Возможно включение элементов настольных игр. Финансовые затраты увеличиваются из-за необходимости реквизита, снаряжения и костюмов. Кроме того, для проведения игры необходимо помещение, поэтому к затратам добавляется его аренда.

Полигонные ролевые игры, или игры на местности, наиболее сложны по техническим требованиям. Часто они проводятся в течение нескольких дней и требуют решения транспортных и бытовых проблем. Как правило, для проведения ролевой игры на местности необходимы элементы реквизита, костюмы для участников, игровое и туристическое снаряжение. Для проведения масштабных ролевых игр необходимо присутствие подготовленных игротехников и административной группы, которые заранее готовятся к проведению мероприятия и курируют подготовку участников. С точки зрения финансовых затрат это также самые «весомые» игры. Требуются средства на костюмы, реквизит, решение транспортной проблемы, обеспечение всех прибывающих на игру питанием и т.д.

На основании наблюдения и проведенных интервью можно составить обобщенный социально-демографический портрет «ролевика». Это молодой человек от 17 до 27 лет, студент, абитуриент или аспирант, ко многим можно применить прилагательное «бывший». Соответственно, образование высшее или неоконченное высшее. Противопоставляют себя антисоциальным молодежным группировкам, таким как «скинхэды», «гопники» и т.д.

Описание деятельности только с ее операциональной стороны будет неполным и некорректным, поскольку суть и смысл любой деятельности человека в ее *содержательной стороне*, там же локализованы и цель деятельности, и ее мотивационная составляющая.

В качестве основных содержательных характеристик нами [1] выделены следующие: мотивация участия в ролевой игре; сюжет, мотивация выбора сюжета; правила ролевой игры; виды ролей, мотивация выбора ролей. Для целей нашего исследования необходимо рассмотреть более подробно виды ролей, мотивацию выбора ролей.

Как и в актерской игре, в собственно ролевой игре есть те, кто воспроизводит только внешнюю форму человеческих переживаний своего персонажа, и те, кто во время игры живет настоящими чувствами своей роли. В театральной среде это «искусство представления» и «искусство переживания» [6. С. 4], а среди «ролевиков» это «торцовщики» – те, для кого важнее «побиться на меч», и те, кто играет на «отыгрыш» [15]. Для последних характерны глубокая идентификация со своим персонажем и переживание его чувств. Преобладание среди участников игроков того или иного типа определяет строй и ход игры, ее специфику.

Роль – одно из ключевых понятий ролевой игры [19]. На основании обобщения полученных нами данных мы выделяем несколько основных типов ролей:

Функционально ориентированные, простые роли, в которых поведение задано «жестко». Персонаж описывается как функция. Например, роль телохранителя, стражника и т.д. Общепринятой является практика, когда функциональные роли поручаются новичкам. Такую роль легко играть, она не требует глубокого вживания в образ.

Характерные (героические) роли. Персонаж описывается через цели, ценности, жизненную позицию. Это более индивидуальные роли, с «мягкими» установками, предоставляющими игроку определенную свободу в рамках характера персонажа, действия должны быть подчинены логике персонажа. По общему мнению респондентов, для исполнения такой роли нужен опытный игрок. Играя роль такого типа, игрок принимает решения, значительно влияющие на развитие сюжета игры.

Инструментальные роли (на жаргоне «ролевиков» – «мастерские игроки») служат для формирования мо-

делей различных систем взаимоотношений в игре (экономических, политических, культурных и т.д.) и для влияния на развитие сюжетной линии (посредством введения в игру новой информации, например в виде слухов, или легенд, или ресурсов – «волшебных» артефактов, игровых денег, драгоценностей).

Мастер игры – весьма специфичная роль. Мастера как такового на игре как будто нет, т.е. в разыгрываемой ситуации он не участвует. У него роль «демиурга», или «бога» этого мира. Хотя он и присутствует физически, но для персонажей игры он невидим и неосознаем, если конечно сам не скажет иного. Мастер общается игрокам о том, что происходит вокруг, формируя и направляя игровой мир. Мастер создает ту виртуальную реальность, в которой происходит действие игры. В полигонной игре принимают участие главный мастер и команда мастеров, помогающих ему осуществлять контроль над игровым миром.

Каждый игрок выбирает роль, которая в наибольшей степени отвечает его потребностям, склонностям. Некоторые типы ролей предполагают максимальную возможность удовлетворения определенных потребностей. Так, функциональные роли удовлетворяют потребности во включенности, дают потенциальную возможность добиться социального роста в виртуальном мире игры; характерные роли компенсируют потребность в признании; мастера и мастерские игроки получают возможность управлять другими людьми, почувствовать себя богом, причем не над компьютерными «юнитами», а над живыми людьми, компенсируя таким образом потребности во власти и признании.

Однако независимо от того, какую роль исполняет индивид, она может быть для него скучной и неинтересной (если игрок не включен, не принимает свою роль), а может удовлетворять его потребности в новом опыте, в переживании красоты окружающего мира, в исследовании новых социальных ролей.

Анализ интервью с «ролевиками» позволяет предположить, что одной из причин выбора данного вида деятельности является стремление компенсировать проблемы в общении.

Мы считаем, что основным фактором, влияющим на развитие коммуникативных способностей в ходе реализации ролевой игровой деятельности, является принятие роли и социальный характер данного вида деятельности.

Общепризнанным является факт, что эффективность общения определяется уровнем развития коммуникативных способностей. В теоретических разработках проблемы коммуникативных способностей отсутствует строгая терминологическая дифференциация относительно самого понятия коммуникативных способностей, их структуры, функций и пр. Дискуссионными остаются вопросы соотношения обще-

ния и деятельности, видов, типов, функций, сторон, средств, уровней, стадий, механизмов общения.

Вслед за Г.М. Андреевой, М.С. Каган, А.А. Леонтьевым в настоящем исследовании мы исходили из принципа единства общения и деятельности или их глубокой взаимосвязи, а в понимании структурных компонентов коммуникативных способностей из положения их зависимости от успешности выполнения деятельности общения как особого и самостоятельного вида деятельности [9]. Согласно трактовке понятия способности в личностно-деятельностном подходе отечественной психологии (Б.М. Теплов, А.Н. Леонтьев, К.К. Платонов, А.Г. Ковалев, В.Н. Мясищев и др.) можно утверждать, что коммуникативные способности имеют общественно-историческое происхождение; они формируются и совершенствуются в практическом общении; коммуникативные способности – это индивидуально-психологические особенности, отличающие одного человека от другого, проявляющиеся в успешности освоения или выполнения коммуникативной деятельности; структура и предметное содержание коммуникативной деятельности опосредованно отражает структуру и содержание коммуникативных способностей; коммуникативные способности обнаруживают себя в коммуникативных навыках и умениях и особенно ярко – в быстроте и успешности приобретения соответствующих навыков, умений и знаний [12].

Проанализировав основные подходы к проблеме коммуникативных способностей в психологии, мы предложили модель структуры коммуникативных способностей [4]. В основе наших представлений о структуре коммуникативных способностей лежат положения о структуре предметной деятельности, а также принципы и подходы к выделению структурных компонентов, предложенные Н.М. Мельниковой, Н.И. Карасевой, В.И. Кашницким [10, 13]. Наиболее важным в данном контексте является выделение ориентировочной и исполнительской части действия, а также понятие о внутренних средствах деятельности. Вслед за Н.М. Мельниковой мы считаем, что в структуре коммуникативных способностей можно выделить три основных блока.

«Личностный» блок. В состав данного блока мы включили потребность в общении, общительность, доверие к людям, доброжелательность, самообладание, интеллектуальные качества, эмоциональность, способность получать удовольствие от общения.

В большинстве определений коммуникативных способностей содержится характеристика их как личностного образования. Многие авторы включают в структуру коммуникативных способностей такие характеристики личности, как потребность в общении, самоотношение и др. В то же время, на наш взгляд, коммуникативные способности не могут быть выве-

дены прямо из личностных характеристик, что обуславливает необходимость рассмотрения той роли, которую личностные характеристики играют в процессе общения. Таким образом, в «личностный» блок коммуникативных способностей мы отнесли ряд характеристик, связанных с направленностью личности, отношением к себе, другим, к деятельности общения, а также характеристики эмоционально-волевой и интеллектуальной сфер. Вслед за В.Н. Мясищевым, А.Г. Ковалевым, Н.М. Мельниковой [10] мы считаем, что «личностный» блок коммуникативных способностей осуществляет регулирующую функцию по отношению к другим блокам выделенной структуры коммуникативных способностей.

Социально-перцептивный блок. В его состав мы включили умение точно воспринимать себя, партнера, ситуацию общения в целом; умение слушать других; эмпатию; наблюдательность. «От того, как люди отражают и интерпретируют облик и поведение и оценивают возможности друг друга, во многом зависят характер их взаимодействия и результаты, к которым они приходят в совместной деятельности» [2. С. 5]. Построение образов партнеров основывается на работе механизмов межличностного восприятия. «Социальная перцепция оказывается первичной по отношению к поведенческим аспектам общения, демонстрируя тем самым одну из граней принципа экстернизации во взаимосвязях психики с внешней реальностью» [11. С. 19]. Таким образом, образы партнера и ситуации общения определяют выбор стратегии и тактики общения, выбор средств коммуникативного репертуара.

Операционально-технический блок (или «поведенческий»). Данный блок составили коммуникативный репертуар личности, различные навыки и умения в области общения (особенности речи, особенности голоса, особенности выразительных движений, способность к воздействию и оптимизации межличностных отношений в группе, умение организовать пространство и время общения, коммуникативный этикет, а также целая группа умений, которую мы назвали творчеством в общении (умение импровизировать, умение трансформировать известные знания в условиях новой ситуации, находить новые решения).

Многие психологи (Н.В. Амяга, Ю.М. Жуков, Л.А. Петровская, Н.М. Мельникова и др.) оценивают следующие компоненты коммуникативного репертуара: число различных видов конструктивных решений; анализ и оценку следствий каждого из возможных негативных эффектов побочных действий, экспрессивность; умение проявить инициативу в общении, самораскрытие, обеспечивающее эффективное общение на субъект-субъектном уровне [13]. В коммуникативный репертуар входит также и коммуникативный кодекс. Таким образом, составляющие операционально-тех-

нического блока обеспечивают взаимодействие, протекание процесса общения. Разнообразие коммуникативных умений и навыков позволяет творчески решать возникающие в общении проблемы, обеспечивает легкость, спонтанность, свободу общения.

Таким образом, проведенный теоретический анализ проблемы коммуникативных способностей позволяет предположить следующее. Коммуникативные способности – это комплексное многоуровневое личностное образование, совокупность коммуникативных характеристик личности, а также ее социально-перцептивных и операционально-технических знаний, умений и навыков, обеспечивающих регуляцию и протекание деятельности общения.

В результате проведенного кластерного и факторного анализа было выделено десять структурных компонентов коммуникативных способностей: продуктивность и вариативность общения (общительность, способность к воздействию и оптимизации межличностных отношений в группе, выразительные движения, творчество в общении, потребность в общении, умение организовать пространство и время общения); проявление положительных эмоций и доверия к людям (эмоциональность и доверие к людям); наблюдательность; особенности речи и голоса; интеллектуальные качества; самообладание, эмпатическое отношение (умение слушать других и эмпатия), толерантность и точность восприятия (доброжелательность, умение точно воспринимать себя, партнера, ситуацию общения в целом); способность получать удовольствие от общения; коммуникативный этикет.

Поскольку выделенные нами структурные компоненты коммуникативных способностей достаточно близки к некоторым выделенным Р. Кеттеллом коммуникативным свойствам и особенностям межличностного общения, положенным в основу создания его личностного опросника (факторы А, Н, F, E, Q₂, N, L), мы изучили корреляционные связи между выделенными нами структурными компонентами коммуникативных способностей и личностными факторами, выделенными Р. Кеттеллом.

В результате исследования, проведенного нами ранее, были выявлены корреляционные связи структурных компонентов коммуникативных способностей и личностных факторов, выделенных Р. Кеттеллом. Для более полного описания коммуникативных способностей личности следует учитывать показатели по факторам В, М, С, G, E, F, H, L, N. Значимость рекомендуемых Р. Кеттеллом для описания коммуникативных способностей факторов А и Q₂ не нашла подтверждения в нашем исследовании [4].

Эмпирическое исследование особенностей влияния ролевой игровой деятельности на развитие коммуникативных способностей личности проводилось в два этапа. На первом этапе нами исследовались

особенности мотивации выбора ролевой игровой деятельности, особенностей ее реализации.

Основу данного этапа исследования составило наблюдение – «основной эмпирический метод психологического исследования». Наблюдение было непосредственным и открытым – исследуемые знали о присутствии исследователя и о его основной цели. В настоящем исследовании мы использовали несистематическое, сплошное наблюдение, результаты которого фиксировались отсроченно [5].

Использование этого метода способствовало достижению интуитивного понимания проблемы, а также обнаружению непредвиденных областей релевантности в исследовании. Тем не менее нами заранее были определены основные темы интервью: 1) особенности автобиографии респондента; 2) адаптированность в работе (учебе) и личной жизни; 3) мотивация участия в ролевых играх – собственная и других людей; 4) особенности играющих в ролевые игры.

Исследование проходило на базе военно-исторического молодежного клуба (ВИМК) «Единорог» (г. Кемерово), членами которого на момент исследования являлись 35 человек. Кроме того, в исследовании на данном этапе приняли участие ещё 15 человек, принимавших участие в деятельности клуба эпизодически (бывшие члены клуба; кандидаты в члены клуба; гости из других городов и клубов). Возраст испытуемых колебался от 17 до 32 лет, средний возраст испытуемых 22,03 полных года, из них мужского пола – 60,00%, женского – 40,00%.

На втором экспериментальном этапе исследования нами решалась задача изучения коммуникативных способностей играющих в ролевые игры, а также динамики коммуникативных способностей в зависимости от стажа ролевой игровой деятельности. На данном этапе исследования приняли участие 42 «ролевика» в возрасте от 16 до 35 лет. Средний возраст испытуемых составил 21,12 полных года, из них мужского пола 62,5%, женского – 37,5%.

Анализ результатов интервью позволил выделить следующие особенности респондентов: наличие конфликтов в родительской семье, стремление к обособлению, трудности в общении со сверстниками (непонимание, проблемы в установлении близких отношений, узость социальных контактов), наличие психотравмирующего события (аборт, смерть близких, развод и пр.), сложности в получении высшего образования (ссылки на конфликты с преподавателями, непонимание со стороны однокурсников, разочарование в специальности и т.д.), неудовлетворенность профессией.

Также было выявлено, что основными мотивами выбора ролевой игровой деятельности являются мотив «поиска себя» и референтной группы: «здесь тебя всегда поймут и поддержат», «в клубе я могу быть

таким, как есть, – самим собой», «собираются нормальные, умные люди, не гопники какие-нибудь».

Участники ролевых игр воспринимают себя и представителей своей социальной группы как людей «утонченных, чувствительных», «сильных», «умных», «мечтательных и романтических», «доверчивых вольнодумцев» и «творческих», однако в силу неких обстоятельств пока не самореализовавшихся. Таким образом, результаты исследования позволяют утверждать, что выбор ролевой игровой деятельности обусловлен стремлением к преодолению трудностей в общении и взаимодействии, а также «поиском себя».

В результате анализа данных, полученных в ходе первого этапа, нами выдвинуто следующее предположение: ролевая игровая деятельность способствует развитию коммуникативных способностей.

Для подтверждения данного предположения на втором этапе исследования мы изучили влияние ролевой игровой деятельности на развитие коммуникативных способностей.

Динамику коммуникативных способностей в процессе реализации ролевой игровой деятельности мы исследовали методом псевдолонгитюда. Для этого выборка была разделена на две подгруппы по стажу увлечения собственно ролевыми играми. Для определения стажевых границ групп была проанализирована кривая нормального распределения давности возникновения увлечения. В первую подгруппу вошли испытуемые, имеющие стаж ролевой игровой деятельности от 0 до 3 лет (подгруппа «новички»), во вторую группу – от 3 и более (подгруппа «эксперты»).

Приведенные в табл. 1 данные показывают, что игроки со стажем достоверно ($p \leq 0,05$) более эмоционально устойчивы, зрелы, толерантны (С), более уверены в себе, спокойны (О), расслаблены, невозмутимы (Q4), более реалистичны, рациональны, полагаются на себя. Так, в интервью можно встретить такие фразы, как «ролевая игра помогла мне обрести массу друзей», «в игре можно потренироваться в разных ситуациях общения: как общаться с принцем, как с негодяем...»

Для более детального рассмотрения динамики коммуникативных способностей «ролевики» было проведено сравнение выделенных подгрупп («новички» и «эксперты») у юношей и девушек отдельно (см. табл. 2 и 3 соответственно).

Как видно из табл. 2, с увеличением стажа у испытуемых повышаются уровень сообразительности, способность мыслить логически (В), другими словами, интеллектуальные качества, лежащие в основе коммуникативных способностей личности, развиваются в результате реализации ролевой игровой деятельности. Кроме того, повышаются эмоциональная устойчивость, зрелость, уравновешенность (С), что приводит к повышению толерантности в общении.

В табл. 3 приведены результаты сравнения средних показателей личностных факторов опросника Р. Кеттелла в группах девушек, разделенных по стажу реализации ролевой игровой деятельности.

Аналогично группе юношей в группе девушек с увеличением стажа интеллектуальные качества, лежащие в основе коммуникативных способностей личности, развиваются (В). Они становятся более мягкими, послушными, уступчивыми (Е), что приводит к развитию таких компонентов коммуникативных способностей, как продуктивность общения, наблюдательность, эмпатия, коммуникативный этикет. Они становятся более серьезными в общении (F), что также приводит к развитию такого компонента коммуникативных способностей, как продуктивность общения. О том же говорят и достоверные различия по фактору N – они становятся более искушенными в общении, тактичными.

Таким образом, из приведенных данных можно сделать следующие выводы: в целом ролевая игровая деятельность влияет на коммуникативные способности положительно: приводит к развитию ряда компонентов коммуникативных способностей личности; динамика развития компонентов коммуникативных способностей у юношей и девушек отлична и, по сути, представляет собой два способа развития данного вида способностей: у юношей в большей мере развиваются эмоциональная устойчивость и рациональный компонент, у девушек же наряду с развитием логических способностей повышается эмпатичность, направленность на партнера по общению (мягкость, уступчивость), серьезность и искушенность.

Полученные результаты, на наш взгляд, определяют перспективы дальнейшего изучения проблемы. Они поднимают такие вопросы, как взаимосвязь предпочтений при выборе ролей и предпочитаемые стили об-

Таблица 1

Усредненные показатели личностных факторов опросника Р. Кеттелла выделенных подгрупп

Факторы	Группы		Вероятность ошибки, p
	«Новички»	«Эксперты»	
С	5,9	6,9	0,045
О	5,2	4,1	0,041
Q4	5,0	4,1	0,048

Т а б л и ц а 2

Усредненные показатели личностных факторов опросника Р. Кеттелла
выделенных подгрупп среди юношей

Факторы	Группы		Вероятность ошибки, р
	«Новички»	«Эксперты»	
В	4,00	6,30	0,048
С	5,75	7,90	0,031
О	5,25	3,00	0,042
Q1	5,25	7,40	0,021
Q3	5,00	6,40	0,090

Т а б л и ц а 3

Усредненные показатели личностных факторов опросника Р. Кеттелла
выделенных подгрупп среди девушек

Факторы	Группы		Вероятность ошибки, р
	«Новички»	«Эксперты»	
А	7,00	3,00	0,043
В	5,00	7,50	0,048
Е	7,00	3,50	0,047
F	6,71	2,50	0,012
N	4,57	8,00	0,045
Q2	3,57	7,50	0,048

щения, особенности влияния вида ролевой игровой деятельности на развитие тех или иных компонентов коммуникативных способностей и т.д. Ответы на эти вопросы требуют дополнительных исследований.

Литература

1. Авилов Г.М. Ролевая игровая деятельность в период поздней юности. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2005. 234 с.
2. Бодаев А.А. Восприятие и понимание человека человеком. М.: Изд-во МГУ, 1982. 200 с.
3. Братусь Б.С. Аномалии личности. М.: Мысль, 1988. 301 с.
4. Воробьева Н.А. Структурно-функциональные характеристики семьи как фактор развития коммуникативных способностей старшеклассников: Дис. ... канд. психол. наук. Иркутск, 2004. 198 с.
5. Дружинин В.Н. Экспериментальная психология: Учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 1997. 256 с.
6. Захава Б.Е. Мастерство актера и режиссера. М.: Просвещение, 1973. 320 с.
7. Куприянов Б.В. Игра-эпопея «Диалог культур» // Крылатый вестник. 2001. № 3 (11). С. 18–19.
8. Куприянов Б.В., Подобин А.Е. Возникновение и развитие практики ситуационно-ролевых игр в Костроме // Крылатый вестник. 2001. № 2 (10). С. 21–22.
9. Леонтьев А.А. Психология общения. М.: Смысл, 1999. 365 с.
10. Мельникова Н.М. Социально-психологическая компетентность старшеклассников в общении: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1992. 178 с.
11. Петровская Л.А. Компетентность в общении. М.: Изд-во МГУ, 1989. 216 с.
12. Платонов К.К. Проблемы способностей. М., 1972. 312 с.
13. Способности и склонности: комплексные исследования / Под ред. Э.А. Голубевой. М.: Педагогика, 1989. 197 с.
14. Тулинов К. Взгляд извне. [Электронный ресурс] // Internet: www.master.lrp.ru/~vzglyad.php.htm
15. Фетисов Б. Игра для мастера и игрока // Ork-club journal. Уфа, 2000. С. 33–37.
16. Foerster, Nikolaus Zeit, steh still! // Die Zeit-Magazin. 1997. № 31. S. 8–17.

FEATURES OF INFLUENCE OF ROLE PLAY GAME ACTIVITY ON THE DEVELOPMENT OF COMMUNICATIVE ABILITIES OF A PERSON

N.A. Vorobyova, G.M. Avilov (Kemerovo)

Summary. The phenomenon of role play game activity, concept of communicative abilities of a person are considered. The problem of influence of role play game activity on development of communicative abilities of a person is analyzed. The author's model of structural components of communicative abilities of a person and the model of the description of role play game as a kind of activity is offered. **Key words:** communicative abilities, structural components of communicative abilities, role play game activity, role play games, communicative abilities realizing role play game activity.

СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ ОТЦОВСТВА КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ФЕНОМЕНА

Ю.В. Борисенко, К.Н. Белогай (Кемерово)

Аннотация. Статья посвящена проблемам формирования отцовства в современном обществе. Рассматриваются биологические и социальные факторы, обуславливающие отцовство, а также этапы формирования комплекса отцовства.

Ключевые слова: развитие личности, отцовство, психологическая готовность к отцовству, «ответственное отцовство».

В последнее десятилетие в психологической науке все более популярным является изучение проблемы отцовства. Интерес к феномену отцовства выходит за рамки детской психологии, отцовство становится самостоятельным предметом исследований в рамках психологии развития и акмеологии, все чаще рассматривается не с позиций влияния на развитие ребенка, а как часть личностной сферы взрослого человека. Изучение родительства в настоящее время находится на этапе накопления научных знаний, проведения большого количества исследований в узких направлениях, таких как влияние отношений с отцом на мотивационно-ценностные аспекты родительства у мужчин, имеющих детей [8]; влияние родительской семьи на психологическую готовность юношей к отцовству [5]; зависимость ориентировки супругов в конфликте от образов родителей, сформированных в детстве [8]; эмоциональное состояние детей в неполных семьях [1]; детско-родительские отношения [3, 7, 8]; особенности патернальной депривации в условиях семейного воспитания [9] и др. Несмотря на подобную представленность исследований, посвященных отцовству, наиболее общие вопросы остаются неизученными: каковы факторы и механизмы формирования отцовства, этапы становления данного феномена, что влияет на психологическую готовность к отцовству, какова представленность типов «отцовствования» в современном мире?

Биологические и исторические предпосылки играют важнейшую роль в формировании личности современного человека. Справедливо это и относительно формирования способов, особенностей и характеристик выполнения отцовской функции конкретным мужчиной. Биологические и социальные факторы тесно взаимосвязаны, однако, по мнению И.С. Кона и В.В. Бочарова, если биологическое определяет психофизиологическую готовность к отцовству, то социальные факторы достаточно жестко регламентируют реализацию этой готовности [6].

Биологически пол определяется генетической информацией, заложенной в каждой клетке организма, хранимой в ДНК. До рождения половое развитие контролируется только биологическими механизмами. Половая дифференцировка осуществляется уже на уровне внутренних половых структур, наружных гениталий и головного мозга. Если в это время не образуется достаточное количество тестостерона, то развитие мужского организма идет по женскому типу.

Уже на 8-й неделе у эмбрионов мужского пола под влиянием тестостерона, вырабатываемого организмом самого ребенка, начинают формироваться половые органы. У женских эмбрионов половая дифференцировка не регулируется гормонами. Действие гормонов в пренатальный период определяет поведение зрелой особи [5].

В пубертатном периоде у девочек формируется система циклической продукции половых гормонов; у мальчиков, достигнув определенного уровня, уровень гормонов остается постоянным.

С рождения ребенка важнейшее значение приобретает окружающая среда. Кроме того, известно, что с самого рождения родители по-разному относятся к мальчикам и девочкам. А ведь именно любовь, тепло и внимание к ребенку в этом возрасте ограждают его от множества проблем в дальнейшем. Правильное представление о своей половой принадлежности формируется к 1,5–2 годам. В рамках психоанализа предполагается, что мать является первым сексуальным объектом и для мальчика, и для девочки.

Период препубертата 7–13 лет характеризуется формированием стереотипа полоролевого поведения – системы представлений и моделей полового поведения для обоих полов [5]. В это время ребенок идет в школу, меняется круг его общения, повышается авторитет сверстников и так называемых «чужих взрослых». Однако правильное полоролевое поведение родителей в этом возрасте влияет на формирование гендерной идентичности ребенка как прежде. Например, жесткие, авторитарные отцы, стремящиеся «сформировать из сына мужчину», обычно имеют слабых, податливых, внушаемых и несамостоятельных сыновей. Напротив, у демократичных, но требовательных отцов вырастают ответственные и самостоятельные сыновья. У требовательных доминантных матерей чаще всего вырастают так называемые «маменькины сынки».

Следующий период формирования гендерной идентичности – пубертат, это период с 12 до 18 лет – время формирования психосексуальных реакций и психосексуальной ориентации и максимального функционирования эндокринной системы. В это время на основе индивидуальных особенностей и опыта формируется личность, происходит эмансипация от семьи, вырабатывается собственное мировоззрение, социальное сознание, оформляются представления

об отцовской и материнской роли. И если женщины примеряют на себя материнские роли с детства, то мужчины именно в этом возрасте впервые задумываются об отцовстве, например в связи с возникновением проблем или разговоров о нежелательной беременности. Однако многое зависит от воспитания, от семейных традиций и позиции матери мальчика-юноши. Именно отношения с собственной матерью на много лет определяют его отношение к женщине вообще. Насколько мать подрастающего мужчины принимает его взросление и его самостоятельность, предоставляет ему возможность решать некоторые вопросы самому, принимая ответственность за свои решения, настолько внимательно относится он к своим сексуальным отношениям. Авторитарное поведение матери, пресекающей любые проявления инициативы, может привести к безответственности в отношениях с противоположным полом.

В современном обществе происходит достаточно четкое разграничение родительской и сексуальной сферы. Достижения современной медицины и науки позволяют не только разграничить эти две сферы жизни взрослого человека, но и более осмысленно подходить к родительству. В последние десятилетия в развитых странах заметна тенденция рождения детей в более позднем возрасте, что позволяет некоторым ученым сделать вывод о том, что родительство связано не только с сексуальной потребностью, но и с другими, в частности с потребностью в продолжении рода, в ученике, в аффилиации, кроме того, существует целый блок социальных потребностей [10].

Таким образом, в основе отцовства лежат различные, в том числе и биологически обусловленные потребности. При этом способность иметь детей, с одной стороны, является характеристикой взрослого человека, а с другой – не служит достаточным основанием для рождения ребенка. Важнейшее значение здесь приобретает влияние социальных, исторических и культурных факторов: социальной стратификации, соотношения психофизиологического и социального статусов личности.

В настоящее время экспериментальных работ, исследующих формирование родительства, крайне мало. Одна из них, с построенной теоретико-методологической концепцией развития материнства, – это разработка структуры, содержания и формирования материнства Г.Г. Филипповой [8]. На основании изучения биологии и психологии материнства она выделяет шесть основных этапов формирования материнства в процессе развития личности в онтогенезе:

1. Взаимодействие с собственной матерью.
2. Развитие материнской сферы в игровой деятельности (включает все сюжетно-ролевые игры, например «дочки-матери»).

3. Няньчанье (общение девочки 4,5–10 лет с младенцем, помогающее овладению социальными навыками взаимодействия с малышом).

4. Дифференциация мотивационных основ материнской и половой сфер.

5. Взаимодействие с собственным ребенком.

6. Принятие ребенка как личности.

Процесс общения женщины с ребенком начинается задолго до его рождения, через сенсорный опыт, приобретаемый женщиной во время беременности. Исследованию процесса осознания своего ребенка как части симбиотической связи, а затем как отдельной личности посвящены многие работы. Встраивание конструкта ребенка в самосознание мужчины проходит более сложно. Специфические реакции на младенца, восприятие собственного родительства, формирование родительской сферы у мужчин отличны от специфически женских и материнских [8].

В результате всестороннего изучения проблемы формирования отцовства, влияния социальных отношений на становление института отцовства нами было сделано предположение о том, что в онтогенезе комплекса отцовства можно выделить три основных этапа: 1) стереотипное представление об отцовстве до беременности жены (партнерши) – теоретический этап; 2) изменение стереотипов в течение беременности партнерши; 3) собственно формирование чувства отцовства после рождения ребенка.

Для проверки выдвинутой гипотезы нами в городе Кемерове было проведено исследование (2002–2006 гг.), в котором приняли участие семейные мужчины (в том числе в период ожидания ребенка) и мужчины, не имеющие детей (всего 168 человек). Средний возраст испытуемых 31 год. 70% испытуемых являются служащими, 19% – предпринимателями, 8% – студентами, временно не работают 3%; 51% имеют высшее образование, 49% – среднее специальное.

Первый – теоретический – этап формирования отцовства начинается с рождения мальчика и продолжается до момента получения сведений о беременности его жены (партнерши). Формирование стереотипов отцовства происходит в процессе взаимодействия с собственными родителями. Причем степень влияния отца и матери зависит от возраста ребенка. Первоначально общение с матерью в период новорожденности и младенчества намного интенсивнее, чем с отцом. Мать кормит, ухаживает за ребенком, заботится о нем, играет с ним, разговаривает. Дж. Боулби и М. Кляйн описали особенности общения матери с ребенком-младенцем [8]. Чувствуя ее поддержку и присутствие, будучи в безопасности, ребенок может исследовать мир. Отец является фигурой, которая помогает ребенку изучать мир, собственное тело и его возможности через силовые игры. Позднее взаимоотношения родителей становятся

моделью поведения в обществе сверстников в младшем школьном и подростковом возрасте.

Однако на формирование представлений об отцовстве оказывает влияние не только семейная ситуация. Коррективы вносит социальная среда, окружающая ребенка. Например, ценность отцовства, декларируемая в патриархальном обществе, прививает определенное отношение к старшему поколению и к собственным детям. Современными детерминантами организации общественного мнения являются средства массовой информации, формирующие стереотип «правильной жизни», «правильных» стремлений и ценностей, в том числе ценность сексуальных отношений, важность близких отношений, «идеальной» семьи, необходимости рождения детей. В среднем к 18–23 годам складываются основные стереотипные представления об отцовстве.

Содержание отцовской роли до недавнего времени можно было описать при помощи социальных норм, составляющих мужскую гендерную роль. К числу таких норм относятся норма статуса, норма эмоциональной и физической твердости и норма антиженственности [2]. Норма статуса подразумевает, что мужчина должен завоевывать статус и уважение других, а главная обязанность отца – содержать семью и исправно приносить в дом деньги. Чтобы соответствовать ожиданиям, мужчина должен почти все время посвящать работе, вследствие чего ослабевает его контакт с детьми. По мере того как доходы отца растут, его вклад в воспитание уменьшается. Например, еще 25 лет назад американские отцы проводили с детьми в среднем 12 минут в день [6].

Нормы твердости и антиженственности подразумевают, что выражение чувств и самораскрытие «принадлежат» исключительно женщинам. Отцы могут стесняться выражать свои чувства по отношению к ребенку. Поскольку в обществе существует стереотип восприятия мужчин как сильных и уверенных в себе, способных преодолевать различные трудности, многие из них подавляют свои переживания.

Современная отцовская роль, по нашему мнению, постепенно трансформируется, становится менее жесткой. В последние десятилетия появилось понятие «новый отец», в отношении отцовства все чаще звучат такие термины, как «продуктивное» [4] или «ответственное» [4, 6] отцовство. Предполагается, что мужчины вновь открыли для себя ценность отцовства.

Для многих современных мужчин семья выходит на первый план, становится не менее, а порой и более важной, чем работа, сферой жизни. Все больше семей полагаются на уход отцов за детьми, пока матери на работе: если мама работает, папа проводит с ребенком 20% своего времени, если мама домохозяйка, – от 5 до 14%. Растут ожидания по отношению к отцам. Зарплатой, которую отец приносит домой,

уже не исчерпывается его роль. Ожидается, что отцы и физически и вербально будут вовлечены в воспитание. Ожидания являются результатом того, что все больше женщин работают вне дома, в связи с чем приобщают своих партнеров к радостям и обязанностям родительства; мужчины начинают обнаруживать качества, которые было принято считать женскими: нежность, привязанность и заботу о малышах.

Действительно, более молодые отцы участвуют в процессе подготовки к рождению ребенка, в некоторых случаях присутствуют при родах, рано приобщаются к уходу за ребенком, проводят больше времени с детьми (при условии совместного проживания). Именно по отношению к такому эмоционально вовлеченному в жизнь ребенка мужчине используется термин «продуктивное отцовство».

В ряде работ выделены современные типы представлений об отцовстве [7]. Можно утверждать, что в настоящее время появляются новые «стили отцовствования». Отцовская роль становится многоплановой, свести всех современных отцов к одному типу практически невозможно. Мы предположили, что уже на уровне представлений об отцовстве можно проследить многоплановость современного отцовства, неоднородность и противоречивость представлений об этом феномене. В пилотажном исследовании приняло участие 40 бездетных мужчин в возрасте 22–25 лет. Для оценки представлений о различных сторонах отношения родителей к ребенку использовалась методика PARI Е. Шефера и Р. Белла в модификации Т.В. Архиреевой; для определения когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов представлений об отце применялась методика «Представления об идеальном родителе», разработанная Р.В. Овчаровой, Ю.А. Дегтяревой. Со всеми испытуемыми также проводилось структурированное интервью, вопросы которого были направлены на то, чтобы участники субъективно оценили свою готовность к отцовству.

В ходе исследования по методике PARI большинство испытуемых получили высокие баллы по следующим шкалам: вербализация, несамостоятельность матери, уравнильные отношения, опасение обидеть, сверхавторитет родителей, ощущение самопожертвования в роли матери, развитие активности ребенка, стремление ускорить развитие ребенка.

Отношение к детям у молодых мужчин определяется направленностью на развитие его активности, индивидуальности, поощрение самостоятельности и инициативы ребенка. Основным аспектом, который наиболее ярко был выражен у испытуемых, – это связь с процессом общения, обменом информацией, способность выслушать, дать совет и направленность на поощрение словесных высказываний ребенка. Мы полагаем, что подобная направленность мужчин свя-

зана с современными установками в воспитании детей, ориентацией большинства современных систем воспитания на раннее развитие ребенка, а в некоторых случаях и на ускорение его развития.

Такие признаки, как сверхавторитет родителей и уравнилельные отношения между отцом и ребенком, в какой-то мере противоречат друг другу. Это можно объяснить тем, что мужчины, внешне ориентированные на равные отношения с ребенком, все же видят себя как авторитарного родителя, опекающего, руководящего и управляющего всем процессом воспитания.

Мужчины признают несамостоятельность женщин и ее заботу о других в ущерб себе. Они отмечают такие характеристики матери, как уступчивость, покладистость, отзывчивость, доброта, бескорыстие, т.е. видят мать как обладающую выраженной альтруистической направленностью. Получается, что мужчины, не имеющие детей, ориентированы на традиционное распределение ролей между супругами.

Используя методику «Представления об идеальном родителе», мы предложили испытуемым оценить образ «идеального отца» и образ, противоположный идеальному отцу (условно говоря, «анти-идеального отца»).

Если говорить о представлениях испытуемых об идеальном отце, то у большинства участников исследования преобладают эмоциональный и когнитивный аспекты данного образа, именно они оцениваются как наиболее важные для развития ребенка. То есть отец представляется как счастливый, радостный, добрый, заинтересованный в ребенке, не стыдящийся за ребенка и не боящийся перед ним извиниться, готовый к родительству, сильный, благоразумный, практичный. Оценку испытуемыми поведенческого компонента образа как вторичного можно объяснить тем, что испытуемые не имеют своих детей, поэтому поведенческий компонент оказался на втором плане. Таким образом, у мужчин 22–25 лет есть представления о том, что такое «отец», проявляется эмоциональное отношение к этому, но нет умений и представлений о том, какие навыки необходимы отцу.

У антиидеального отца также наиболее выражены когнитивный и эмоциональный аспекты, ему приписываются противоположные идеальному отцу качества.

При проведении интервью были выделены два типа мужчин, субъективно оценивших себя как психологически готовых (40% испытуемых) и не готовых (60%) к отцовству. Используя непараметрический критерий Манна–Уитни, мы обнаружили, что уровни исследуемых признаков различаются статистически значимо. То есть показатели тех испытуемых, которые оценили себя как психологически готовых к отцовству, отличаются от показателей психологически не готовых к отцовству испытуемых (при уровне значимости 0,05). Субъективно «гото-

вые к отцовству» мужчины в большей степени ориентированы на стереотипы «ответственного отцовства», субъективно не готовые к отцовству мужчины ориентированы на «традиционное отцовство». Подводя итоги пилотажного исследования, отметим, что в сфере представлений об отцовстве можно обнаружить наличие двух. Рискнем предположить, что в современной России уже на уровне готовности к отцовству можно наблюдать действие двух групп стереотипов: первые связаны с более традиционными нормами антиженственности, эмоциональной твердости и т.п., вторые – с феноменом «ответственного (продуктивного)» отцовства.

Второй этап – период изменения стереотипов – начинается с того момента, когда мужчина узнал, что будет отцом, и продолжается до начала взаимодействия с уже родившимся ребенком. Сам момент сообщения о беременности и осознание факта реальности ребенка разнесены во времени. Реакция на сообщение о беременности может быть различной и зависит от многих факторов, включающих намерения мужчины относительно конкретной женщины, материальную, социальную и другие виды готовности принять ответственность за будущую жизнь. Даже в случае, когда решение о рождении ребенка принято заранее и является результатом оформления потребностно-эмоциональной и ценностной сфер отцовства, выраженных в желании иметь ребенка, известие о беременности может вызвать сложные переживания. 60% испытуемых, опрошенных в период ожидания ребенка, ответили, что, узнав о беременности партнерши, испытали радость; 40% – тревогу. При этом ребенок был желанным во всех случаях.

Беременность жены для мужчины означает ограничение желаний, перестройку планов, погруженность в многочисленные бытовые дела. Способность мужчины вынести потерю внимания к себе и одновременно дарить его другим, не получая при этом немедленного удовлетворения, определяет, насколько он может быть хорошим отцом. Поворотным моментом в формировании чувства отцовства, а также возникновении возможных проблем является середина беременности (примерно четвертый месяц), когда у женщины появляется живот, ее положение становится явным и ребенок становится «материальным», более реальным.

Беременность жены ставит перед мужчиной сложную задачу – справиться с внезапно возникшими ощущениями и оказать психологическую поддержку жене, взять на себя большую часть внешних проблем, создав защитный барьер между женщиной, носящей ребенка, и остальным миром. Как поведет себя будущий отец в каждом конкретном случае, будет зависеть от многих факторов. Основные из них – его личностный склад, зрелость отношения к семье,

осознанная оценка возникающих трудностей, способность справиться с ними и отношения с собственной матерью и отцом.

Еще одной важной проблемой является то, что беременность жены будит образы материнства, сложившиеся у мужчины много лет назад. Беременность жены может «столкнуть» мужчину с давними детскими отношениями с матерью и спровоцировать различные реакции, в том числе сходные с реакцией ребенка на мать. Ко всему этому прибавляется ощущение, что ребенок займет место мужчины в жизни женщины, женщина становится самодостаточной и получает все, что ей нужно, от ребенка. Страх быть ненужным является мощным переживанием этого периода. Страх потери возможности влияния, контроля над отношениями отражает опасение, что с рождением ребенка жена получает преимущество, связанное со знанием, что «лучше для ребенка», и будет использовать эти аргументы для давления на мужа при решении сложных вопросов. Боязнь кардинальных перемен в жизни и потеря свободы маневра в отношениях может быть даже причиной нежелания иметь ребенка.

Важно отметить, что страхи могут не осознаваться, но влиять на поведение мужчины. Позднее проблемы, возникающие во время беременности, приводят к нарушению отношений в диаде «отец – ребенок», а иногда к проблемам в семье, связанным с методами воспитания. Мужчина также может отказываться общаться с ребенком-младенцем, мотивируя это возрастом ребенка, теряя возможность установления контакта с ним.

В ходе нашего исследования было выявлено, что большинство женщин впервые ощущают себя матерями в период беременности, мужчины – уже после рождения ребенка. Были получены данные, которые позволяют сделать вывод о том, что эмоциональные реакции женщины не только являются защитным механизмом, но и запускают в мужчине – будущем отце – стремление заботиться и опекать, проявлять по отношению к беременной жене те чувства и ответственность, которую затем он будет проявлять по отношению к ребенку, что позволяет говорить о том, что подготовка к общению с ребенком у мужчины в период ожидания ребенка все же происходит и происходит опосредованно, через женщину.

Интересен тот факт, что 70% мужчин, опрошенных в период беременности жены, полагают, что ощутили отцовские чувства впервые после шевеления ребенка, однако мужчины, опрошенные после рождения ребенка, полагают, что это произошло после рождения ребенка. Это говорит о том, что до самого рождения ребенка даже малейшее взаимодействие с ним имеет важнейшее значение для осознания мужчиной его существования.

Критерии идеального отца представляются испытуемым такими же, как и представителям первой группы, не имеющей детей. Однако будущие отцы не смогли оценить себя по шкале идеального отца. Налицо рассогласование теоретических стереотипических представлений о том, каким должен быть отец, и их практическим применением. Затрудненность самооценки говорит о том, что процесс осознания себя отцом находится в развитии, не завершен.

Третий этап – период после рождения ребенка – практический. Этот период является критическим с точки зрения возникновения бондинга – эмоциональной связи мужчины с родившимся ребенком. Среди наших испытуемых (отцов детей возраста 4–7 лет) 90% почувствовали себя отцом после рождения ребенка, а 10% – через 6–7 месяцев. 30% представляли себе своего будущего ребенка во время беременности жены. Они полагают, что во время беременности жены появилась большая забота о жене, ответственность, а после рождения ребенка – бытовые проблемы. 60% испытали радость и гордость, когда впервые увидели ребенка, 20% – боязнь, растерянность и 20% – смешанные чувства. 100% отцов относятся к участию отца в родах положительно, но никто из испытуемых не имел такого опыта.

Отец, по мнению всех групп испытуемых, воспитывает в ребенке рациональность, создает нормальные условия для развития, осуществляет эстетическое, нравственное восприятие. Сравнительная оценка представлений об отцовстве мужчин, находящихся в каждом из трех периодов, приведена в таблице.

Таким образом, формирование отцовства – это сложный многоступенчатый процесс, на который влияют различные факторы: биологические, социальные, семейные и личностные. Результаты нашего исследования позволяют говорить о трех этапах формирования комплекса отцовства: стереотипное представление об отцовстве до беременности жены; изменение стереотипов в течение беременности; собственно формирование чувства отцовства после рождения ребенка. Первые два этапа являются периодом подготовки к общению с ребенком. Теоретические представления об отцовстве формируются в социуме с начала жизни мужчины. Впоследствии они изменяются, преломляясь через опыт общения с неродившимся ребенком. Процесс этот очень сложный и легко нарушается при отторжении со стороны жены или при наличии социальных проблем у будущего отца, таких как отсутствие материальных ресурсов, постоянной работы и др. Отсутствие теоретической подготовки к отцовству, страх перед рождением ребенка способствуют возникновению тревожности. Период ожидания ребенка требует от мужчины понимания, терпимости и бескорыстия по отношению к жене. Мужчина оказывается в ситуации повышен-

Соотношение различных параметров на трех этапах онтогенеза отцовства

Параметр	Теоретический период	Период изменения стереотипов	Практический период
	18–25 лет	23–29 лет	25–59 лет
Желание иметь детей	100% испытуемых собираются иметь детей, считают необходимым планировать рождение ребенка и рассматривают это как перспективу через 2–5 лет	70%	70%
Положительное отношение к детям	100%	100%	100%
Когда почувствовали себя отцом	–	70% с началом шевеления	После рождения ребенка – 90%, 10% – через 6–7 месяцев
Представляли будущего ребенка во время беременности	–	60%	30%
Изменения, которые приносит отцовство	Ответственность	Забота, ответственность	Во время беременности жены: большая забота о жене, ответственность, после рождения ребенка – бытовые проблемы
Отец для ребенка	Является образцом для подражания, дает физическое и духовное воспитание, поддержку, чувство уверенности в себе, защиту	Учит правилам, уважению к старшим	Учит рациональности, создает нормальные условия для развития, осуществляет эстетическое, нравственное воспитание
Оценка себя по шкале идеального отца	80%	100% затруднились ответить	50%

ных требований, таким образом, этот период является периодом проверки готовности к отцовству.

Работа по исследованию отцовства является актуальной и социально значимой в современных ус-

ловиях России, дальнейшее изучение онтогенеза отцовства позволит ответить на стоящие перед наукой и практикой вопросы относительно данного феномена.

Литература

1. Гурко Т.А. Вариативность представлений в сфере родительства // Социс. 2000. № 10. С. 90–97.
2. Берн Ш. Гендерная психология. СПб.: Прайм – ЕВРОЗНАК, 2001. 320 с.
3. Ветчагина Е.Г. Психологическое состояние беременных женщин в условиях острого и хронического стресса и особенности их психокоррекции // Перинатальная психология и психология родительства. 2004. № 2. С. 135–143.
4. Евсеенкова Ю.В. Отцовство как психологический фактор развития личности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Новосибирск, 2006. 18 с.
5. Кришталь В.В. Сексология. Харьков, 1997.
6. Кон И.С. Ребенок и общество: Учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2003. 336 с.
7. Овчарова Р.В. Психология родительства: Учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2005. 368 с.
8. Филиппова Г.Г. Психология материнства. М.: Изд-во Института психотерапии, 2002. 240 с.
9. Canitz H.-L.v. Vater. Die neue Rolle des Mannes in der Familie. Frankfurt; M.; Berlin; Wien, 1982.
10. Fthenakis W.E., Eirich H. Erziehungsqualitdt im Kindergarten – Forschungsergebnisse und Erfahrungen. Freiburg: Lambertus, 1998.

THE DEVELOPMENT SPECIFICATION OF THE PSYCHOLOGICAL PHENOMENON OF FATHERING
J.V. Borissenko, K.N. Belogai (Kemerovo)

Summary. In the article the problem of the development of fathering in modern society is discussed. Also the biological and social factors determining the specifics of fathering and the developmental stages of this phenomenon are being analyzed.

Key words: personality development, fathering, the psychological readiness for fathering, «responsible fathering».

СОЦИАЛЬНАЯ РЕКЛАМА: АНАЛИЗ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Т.Б. Курбацкая (Набережные Челны)

Аннотация. Исследуются критерии психологической экспертизы рекламы. С помощью методов ассоциативного рассказа, ранжирования и интент-анализа изучаются особенности восприятия рекламы ее реципиентами. Представлен алгоритм психологической экспертизы рекламы.

Ключевые слова: психологическая экспертиза, интенциональность, интент-анализ, реципиенты рекламы, психотехнический анализ.

Психологическая безопасность рекламы означает отсутствие психологического вреда реципиенту любым из видов рекламы. Опасность для психики личности представляют воздействия, блокирующие способность к адекватному реагированию на жизненные обстоятельства, подрывающие ее способность к анализу информации и осознанному выбору, снижающие сопротивляемость внешнему давлению, лишаящие человека чувства индивидуальности, личностной ценности.

Статистические данные показывают, что личность ежедневно воспринимает большой объем рекламы различных видов, в том числе и иллюстративной. Под *иллюстративной рекламой* подразумевается рекламная продукция, представленная в иллюстрированных печатных изданиях. Изображение объектов существенно облегчает восприятие связанной с ними информации, усиливает влияние рекламы. Исследователями выявлено, что иллюстративная реклама привлекает внимание 74% потенциальных покупателей (текстовая – лишь 44%) и увеличивает число прочитавших ее на 50%; запоминаемость сообщения повышается почти на 70%, когда в рекламе есть зрительный элемент, который можно вспомнить [3]. Такое сильное воздействие иллюстраций связано с тем, что около 80% всей новой информации воспринимается личностью зрительно. Объекты, которые видит реципиент рекламы, помогают наиболее достоверно, быстро и легко сформировать образ рекламируемого объекта. Кроме того, изображение очень удобно как средство коммуникации – оно несет в себе определенный смысл, который человек усваивает подсознательно.

Иллюстративная социальная реклама – это реклама социального характера, которая не приносит реального денежного дохода (именно поэтому ее также называют некоммерческой). К современным формам социальной рекламы можно отнести также антитеррористическую рекламу. Организация ESAG (European Security Advocacy Group) опубликовала в ряде изданий, таких как «Комсомольская правда» и еженедельник «Аргументы и факты», серию реклам, направленных на борьбу с терроризмом [2].

Иллюстративная социальная реклама – словосочетание, появившееся в России только в начале 1990-х гг. В своем современном значении социальная реклама – это проявление воли общества, его принципиальной позиции в отношении социально значимых ценностей. Появившись в 1994–1995 гг. в виде

проекта «Позвоните родителям», социальная реклама в чистом виде просуществовала недолго и сразу же попала в подчинение к политике. Восстановлению репутации социальной иллюстративной рекламы в России может содействовать возвращение чистых моделей ее функционирования. Для этого требуется соблюдение нескольких условий. Креаторы социальной иллюстративной рекламы должны быть особенно внимательны:

- 1) к ссылкам на бренд ее создателя или спонсоров;
- 2) к своевременному выявлению депрессивных либо негативных компонентов, так как она призвана пробуждать хорошие чувства.

Тема социальной рекламы должна быть понятной 75% россиян, выходить (по возможности) как триединый продукт, например в виде видео-, аудиороликов и объектов наружной рекламы, в зависимости от тематики и задач, а как реклама общечеловеческих ценностей она не может быть использована ни в коммерческих, ни в политических целях.

Социальную (некоммерческую) рекламу можно классифицировать по видам организаций, которые ею пользуются (например, реклама используется религиозными организациями, школами, университетами, больницами, благотворительными организациями и прочими некоммерческими институтами). Существует также реклама ассоциаций (трудовых союзов, профессиональных организаций, торговых и гражданских ассоциаций). Кроме того, в мире социальной рекламой пользуются государственные организации, такие как армия, ВВС, ВМС, почтовая служба, администрация по социальной защищенности и многочисленные торговые палаты. Более того, в годы выборов на людей осуществляется сильное давление со стороны всех видов политической рекламы, которая также считается некоммерческой.

Целями иллюстративной социальной (некоммерческой) рекламы являются:

- 1) поощрять людей, желающих получить более подробную информацию;
- 2) популяризировать социальные проблемы;
- 3) изменить поведенческие модели;
- 4) объяснить политические точки зрения;
- 5) создать положительное мнение общественности по определенному вопросу;
- 6) сообщить общественности о новом социальном течении.

Современные СМИ дистанцируются от своего неизбежного влияния на воспитание общества и не всегда отдают себе отчет в собственных возможностях изменения отношения аудитории к теме социальной ответственности. Выявление специфики влияния иллюстративной социальной рекламы на личность стало актуальным вопросом современной психологии рекламы. Одной из задач исследования является установление того, насколько психологически безопасны для личности образцы иллюстративной социальной (некоммерческой) рекламы.

С помощью метода проективного рассказа (по Е.Е. Прониной) [6] мы выявляли наличие аффективных конфликтов, вызываемых рекламными образами, присутствующими на рекламной иллюстрации, и степень их патогенности. Метод проективного рассказа основывается на экспертной оценке рекламных материалов, которые рассматривались в данном случае как стимульный материал. Акцент был сделан на оценке аффективной реакции реципиента, оценке интенциональности и оценке психологической безопасности данного иллюстративного материала. Испытуемым было предложено посмотреть на рекламную иллюстрацию и описать ее своими словами на листе бумаги. По ассоциациям, внесенным в протокол, оценивался уровень напряженности психики испытуемого в момент экспертизы и определялись индексы нейтральности восприятия и полярности эмоций, вызываемых рекламным воздействием.

Образцы иллюстративной социальной рекламы были посвящены следующим сюжетам:

- 1) вред, наносимый личности вследствие употребления наркотиков, и его влияние на продолжительность жизни;
- 2) позиционирование одного из парламентских сайтов;
- 3) насилие, осуществляемое по отношению к членам семьи;
- 4) позиционирование центра «Анна», оказывающего помощь в случаях домашнего насилия;
- 5) позиционирование деятельности налоговой службы (1);
- 6) позиционирование деятельности налоговой службы (2);
- 7) поздравление всех педагогических работников с Днем учителя;
- 8) реклама организации, содействующей беженцам;
- 9) вред, наносимый личности вследствие курения, и его влияние на зрение.

Таким образом, был осуществлен *психотехнический анализ рекламного воздействия*. Обработка полученных ассоциативных рассказов помогла провести мониторинг не только содержания рекламной иллюстрации, но и непосредственной аффективной реакции реципиентов на рекламу. Нами были получены дан-

ные о нейтральности, полярности эмоций, вызываемых данной иллюстративной рекламой, а также информация об итоге восприятия данной рекламы, выражающемся в возникновении внутреннего отторжения информации и сопротивления ей (вплоть до состояния аффективного шока) либо в полном принятии информации.

Результаты первой части исследования. Анализ полученных средних значений по образцам социальной рекламы в процентном соотношении общей выборки (женская выборка) (табл. 1) показал, что максимально положительное отношение у реципиентов сложилось по отношению к 3, 4, 6-му образцам иллюстративной социальной рекламы.

Максимально отрицательное отношение сложилось к 1-му и 2-му образцам. Осуществив подсчет средних данных, представленных в табл. 2, мы можем сказать, что рекламными иллюстрациями, к которым возникло положительное отношение в мужской выборке, являются 2, 5, 6-я. Иллюстрации, к которым у реципиентов сложилось отрицательное отношение, – 3-я и 8-я.

Изначально подразумевалось, что иллюстративная социальная реклама должна вызывать у людей определенные эмоции и намерения относительно задач, решаемых обществом (табл. 3). В ходе исследования выяснилось, что положительное отношение к социальной рекламе возникло у 41,66% женщин и у 44,99% мужчин. Это означает, что интенция (намерение) относительно целей, преследуемых данной рекламой, возникнет именно у этой категории испытуемых и именно они отреагируют на те призывы, которые содержатся в рекламе. Отрицательное отношение к социальной рекламе обнаружилось у 26,66% в женской выборке и у 23,33% – в мужской. Амбивалентное отношение к данному виду рекламы сложилось у 26,66% женщин и 25% мужчин. Это означает, что данная категория людей отнеслась к рекламе нейтрально, безразлично. Выявлена также группа респондентов с разнополярными данными (в интервале от – до +). Она представляет определенный интерес, так как не относится ни к группе положительных, ни к группе отрицательных, ни к группе амбивалентных и означает, что данные респонденты испытывают состояние когнитивного диссонанса. Состояния аффективного шока при восприятии образцов социальной рекламы у респондентов зафиксировано не было.

Во второй части исследования выяснялась согласованность мнений респондентов относительно параметров социальной рекламы, для чего мы проанализировали материалы их ранжирования с помощью методики И.Г. и В.И. Венецких [1]. Среди данных параметров имеют место: символы, присутствующие в рекламе; мотивация привлечения интереса; мотивация отсутствия интереса; формы направленности личности; интенция (намерения) в рекламе. В каж-

Т а б л и ц а 1

**Средние значения по анализу образов социальной рекламы
в процентном соотношении общей выборки (женская выборка)**

Показатели	Образцы рекламных иллюстраций								
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Положительное отношение	33,33	46,66	66,66	66,66	50	63,33	16,66	50	26,66
Амбивалентное отношение	20	13,33	10	10	20	26,66	46,66	26,66	43,33
Отрицательное отношение	43,33	40	23,33	20	26,66	10	30	23,33	30
Разнополярные данные	3,33	–	–	3,33	3,33	–	6,66	–	–
Аффективный шок	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Σ	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Т а б л и ц а 2

**Средние значения по анализу образов социальной рекламы
в процентном соотношении общей выборки (мужская выборка)**

Показатели	Образцы рекламных иллюстраций								
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Положительное отношение	46,33	66,66	43,33	60	53,33	56,66	23,33	33,33	46,66
Амбивалентное отношение	26,66	10	23,33	10	20	23,33	50	33,33	40
Отрицательное отношение	23,33	23,33	33,33	30	23,33	20	26,66	33,33	13,33
Разнополярные данные	3,33	–	–	–	3,33	–	–	–	–
Аффективный шок	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Σ	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Т а б л и ц а 3

Факторы оценки качества

Безобразный	–3	–2	–1	0	1	2	3	Красивый
Противный	–3	–2	–1	0	1	2	3	Приятный
Плохой	–3	–2	–1	0	1	2	3	Хороший
Раздражающий	–3	–2	–1	0	1	2	3	Успокаивающий
Манерный	–3	–2	–1	0	1	2	3	Естественный
Безжизненный	–3	–2	–1	0	1	2	3	Оживленный
Медленный	–3	–2	–1	0	1	2	3	Быстрый
Пассивный	–3	–2	–1	0	1	2	3	Активный
Тихий	–3	–2	–1	0	1	2	3	Громкий
Монотонный	–3	–2	–1	0	1	2	3	Выразительный
Сдержанный	–3	–2	–1	0	1	2	3	Экспрессивный
Вялый	–3	–2	–1	0	1	2	3	Бодрый
Вульгарный	–3	–2	–1	0	1	2	3	Интеллигентный
Легкомысленный	–3	–2	–1	0	1	2	3	Серьезный

дом из данных был разработан блок из семи параметров, которые и ранжировали респонденты.

После ранжирования результаты обобщались в сводных таблицах данных и подвергались компьютерной обработке с помощью специально составленной программы. Далее результаты обобщались в целом по группам и сравнивались между собой.

Для обработки данных, полученных в ходе исследования, нами использовалась методика В.Я. Платова [4].

Обработка ранжировок осуществлялась следующим образом. Респонденты ранжировали параметры по важности в каждом из 5 блоков, начиная с самого важного (ранг 7) и кончая наименее важным (ранг 1). Парные ранги не допускались. Далее с помощью компьютерной про-

граммы подсчитывались суммы рангов (мест), соответствующие каждому параметру. После этого мы получили значение коэффициента конкордации, которое указывает на согласованность или несогласованность мнений экспертов в каждой из обследуемых групп. Уровень значимости мы принимали равным 0,05.

В результате анализа полученных данных выяснилось, что в группе женщин от 20 до 28 лет мнения респондентов относительно символов, присутствующих в социальной рекламе, и мотивации в рекламе не совпадают: полученные коэффициенты конкордации при точности 0,05 указывают на несогласованность мнений в данной возрастной группе. В блоке, включающем параметры мотивации к рекламе, раз-

брос мнений также большой. В других блоках мнения считаются согласованными. Женщины данной группы выделяют в группе факторов, связанных с символом, яркость и красочность. Среди мотивирующих факторов, влияющих на формирование намерения личности, наиболее сильными являются яркость и красочность, а среди антимотиваторов – насыщенность символами и эротичность. Среди форм направленности личности относительно рекламных образцов респонденты выделяют прежде всего идеал. В плане формирования интенции (намерений) в данной группе респондентов наблюдается поддержка рекламной информации и желание обязательно выполнить то, к чему она призывает.

В возрастной группе мужчин от 20 до 25 лет мнения относительно социальной рекламы совпадают частично (при точности 0,05 мнения согласованы в блоках относительно символов, мотивации и форм направленности личности). В блоках, выявляющих влияние факторов антимотивации по отношению к рекламе и формирования интенции, мнения не согласованы. Мужчины выделяют среди факторов, связанных с символом, прежде всего оригинальность и эротичность. Среди мотиваторов также указана оригинальность рекламы и ее эротичность, а среди антимотиваторов – яркость и масштабность. Среди форм направленности личности респонденты выделяют прежде всего идеал, а не интерес, как принято считать в среде креаторов. В плане формирования интенции относительно социальной рекламы в данной группе можно говорить об отсутствии желания выполнять то, к чему призывает рекламная иллюстрация.

Для исследования намерений нами был выбран метод интент-анализа (англ. Intent – намерение). С этой целью весь материал пропусклся через набор «интент-категорий», являющихся единицами анализа. Сущность этого способа анализа содержания состоит в подсчете слов или групп слов, соответствующих выделенным категориям. Данный метод основывается на методе семантического дифференциала, предложенного еще в 50-е гг. XX в. Чарльзом Осгудом, и дает воз-

можность интегрального описания того, о чем говорится в проективном рассказе. Смысл метода состоит в подготовке нескольких субъективных оценочных шкал с семью делениями на каждой, которые испытуемые индексируют в соответствии со своими предпочтениями относительно социальной рекламы. На основании имеющегося экспериментального опыта установлено, что шкалы работают по принципу однородного группирования, что позволяет позднее рассматривать субъективное семантическое пространство признаков-факторов [5. С. 194].

Выяснилось, что в социальной иллюстративной рекламе женщин привлекает ее яркость и красочность, а мужчин – оригинальность и эротичность. Это указывает на наличие гендерных различий в процессе восприятия. При создании рекламной иллюстрации креатору нужно опираться именно на эти параметры и точно знать, на кого рассчитана реклама. И мужчины и женщины опираются при восприятии рекламы на идеал, а не на интерес. Исходя из этого, необходимо менять тактику разработки рекламы. Амбивалентное отношение к социальной рекламе сформировалось у каждого четвертого респондента. Значит, данная группа отнеслась к рекламе безразлично, а это значительная группа респондентов. Отрицательное отношение к социальной рекламе возникло у четвертой части респондентов. Это означает, что данная реклама психологически небезопасна для реципиентов, что она отвергается ими по ряду причин, не всегда осознаваемых личностью, и может привести к формированию агрессивных убеждений и установок, схем восприятия, скриптов поведения. Состояний аффективного шока не выявлено. Это говорит о том, что по своим характеристикам социальная реклама (рассматриваемая отдельно от политической) является менее агрессивной, чем другие ее виды. Интенция (намерение) относительно призыва, содержащегося в данной рекламе, присутствует почти у половины респондентов (43,32%). Это значит, что сформировавшиеся намерения могут способствовать появлению действий относительно призывов, присутствующих в образце социальной рекламы.

Литература

1. Венецкий И.Г., Венецкая В.И. Основные математико-статистические понятия и формулы в экономическом анализе. М.: Статистика, 1979. 215 с.
2. Информационная и психологическая безопасность в СМИ: Сб. ст. М.: Аспект-Пресс, 2002. 332 с.
3. Коробков Д. Зачем нам нужна социальная реклама? // Индустрия рекламы. 2003. № 22 (48). С. 21.
4. Платов В.Я. Деловые игры: разработка, организация, проведение. М.: ИПО Профиздат, 1991. 183 с.
5. Практикум по общей экспериментальной и прикладной психологии / Под ред. А.А. Крылова, С.А. Маничева. СПб.: Питер, 2000. 450 с.
6. Пронина Е.Е. Психологическая экспертиза рекламы: Теория и методика психотехнического анализа рекламы. М.: РИП-холдинг, 2000. С. 135.

SOCIAL ADVERTISEMENT: THE ANALYSIS OF PSYCHOLOGICAL SAFETY

T.B. Kurbatskaya (Naberezhnye Shelny)

Summary. Work is devoted to research of the psychological examination criteria of the advertisement. With the help of associative tale method, ranging and intent – analysis particularities of the perception of the advertisement by its receptionist are studied and it is shown that social advertisement is not psychologically safe for its recipients.

Key words: intent-analysis, associative tale, intentionality, psychological safety of the advertisement, psychotechnical analysis of the advertisement.

КЛИНИЧЕСКАЯ (МЕДИЦИНСКАЯ) ПСИХОЛОГИЯ

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ В МЕДИЦИНЕ

Л.И. Вассерман, Е.А. Трифонова (Санкт-Петербург)

Аннотация. Анализируются современные концептуализации и методология исследования качества жизни в медицине, подчеркивается необходимость синтеза естественно-научной и гуманистической парадигм в контексте биопсихосоциального подхода. Указывается на теоретические и методологические трудности в данной сфере исследования, отмечается возможность рассмотрения качества жизни в рамках теории систем и концепции адаптации с сохранением приверженности гуманистическим принципам: признания уникальности переживаний, жизненного опыта и ценностно-смысловой сферы личности больного.

Ключевые слова: качество жизни, биопсихосоциальный подход, гуманистическая парадигма в медицине, психосоматические-соматопсихические соотношения, адаптация к болезни, психологическая диагностика.

В настоящее время необходимость глубокого осмысления биопсихосоциальной сущности человека, его целостного видения стала очевидной для специалистов так называемых «помогающих» профессий, и прежде всего врачей и психологов. Идеи антропоцентризма, представление о том, что необходимо лечить не болезнь, а больного, стали одним из наиболее важных достижений «гуманистической революции» середины XX в., однако до сих пор они не являются очевидными для многих из тех, кто имеет отношение к проблеме здоровья человека.

Частично это обусловлено стремительным расширением технических возможностей медицины, способствовавших ее выходу на новый уровень понимания многих биохимических, генетических, физиологических закономерностей. Успехи в исследовании тончайших механизмов функционирования организма и патологических нарушений в нем затмили ту сторону врачебной деятельности, которая основывается на признании уникальной роли личности больного в лечебном и профилактическом процессах.

Следует, однако, отметить, что доминирующая естественно-научная парадигма в медицине встречает все большее оппонирование среди тех специалистов, которые осознают пределы ее эффективности без действенного учета личности пациента. Как антитеза традиционной модели, где пациент выступает в качестве объекта медицинского воздействия, развивается гуманистическая модель, указывающая на необходимость рассмотрения не только объектной, но и субъектной роли больного, а также на важность установления партнерских отношений в системе врач–пациент [15, 23].

Развитию гуманистических тенденций в медицине в немалой степени способствовало становление гуманистической психологии, подчеркивающей активное, творческое начало в человеке, его трансцендентные потребности, ценностно-смысловой аспект бытия. Основатель этого направления А. Маслоу [17],

в частности, отмечает очевидную «неприспособленность науки для выяснения вопросов, касающихся человека, где учет личностных ценностей и целей, намерений и планов играет решающую роль в понимании людей даже применительно к классическим целям науки – предсказанию и управлению».

Еще в середине XX в., указывая на необходимость развития гуманистической парадигмы в медицине, представители гуманистической психологии (К. Роджерс, В. Франкл и др.) подчеркивали, что нужно исследовать и лечить целостного человека с уникальным характером переживаний, свободно и ответственно решающего, как поступать в различных ситуациях, в том числе и в ситуации болезни¹. Утверждаемые идеи эмпатического понимания и принятия больного с его генетическим и историческим опытом и проблемами, стремлением к росту и развитию, к духовности, к постижению смысла жизни и ценности бытия [25] являются все более актуальными и все более востребованными.

Эти идеи нашли отражение в принципах психотерапии не только экзистенциально-гуманистического, но и других направлений, однако их внедрение в практическую медицину, в особенности соматически ориентированную, оказалось весьма проблематичным, поскольку в медицине гуманистические идеалы не могут подменять собой естественно-научный подход, прежде всего, с точки зрения патологических закономерностей и реалий самого лечебно-восстановительного процесса. Они должны являться (и уже являются) условием утверждения принципов интегрированного биопсихосоциального подхода в медицине в целом и в области психического здоровья в частности.

Одной из реальных попыток теоретико-методологического осмысления биопсихосоциального подхода в медицине стала концепция реабилитации. Известно, что реабилитация понимается как многомерный и многоуровневый процесс – процесс ресоциализации, определяющий возможность восстано-

ления индивидуальной и общественной ценности больного, его личного и социального статуса [13]. Реабилитационные принципы партнерства врача и больного, разносторонности усилий, единства биологических и психосоциальных воздействий и др. можно рассматривать как методологическое и практическое воплощение гуманистических идей в медицине. Однако преимущественная направленность концепции реабилитации на психически больных, с нашей точки зрения, не позволила ей найти достаточного применения в соматологии.

Еще раз следует отметить, что глобальный гуманистический прорыв привел к признанию необходимости биопсихосоциального подхода, вместе с тем преодоление противоречий между естественно-научным и гуманитарным видением человека не обеспечило их полного взаимопонимания, а следовательно, взаимопроникновения и взаимообогащения. Несмотря на то, что еще в Уставе ВОЗ, утвержденном в 1948 г., здоровье определяется как «состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов», в конкретной практической деятельности врача центром внимания остается все же болезнь, а не страдающий человек и его благополучие в контексте всех обстоятельств, связанных с расстройствами здоровья.

Причины подобного несоответствия многообразны: от «неэкономичности» пациенто-центрированной деятельности врачей (прежде всего с точки зрения затраты времени и душевных усилий)² до консерватизма в системе их обучения и усовершенствования. Кроме того, попытки внедрения гуманистических идей в медицинскую практику отражали в большей мере протест, чем ее эволюционное развитие. Импульс к этому протесту исходил преимущественно не изнутри самой естественно-научно ориентированной медицины, ощутившей пределы своей компетенции, а извне – от наук, изначально имеющих гуманитарную основу, в частности психологии. В ортодоксальной медицине, по крайней мере на фундаментальном уровне, принятие субъектности больного, внимание к системе его значимых отношений и личностному смыслу болезни еще не стали в полной мере естественными. И это имеет свои причины.

Весьма вероятно, что согласиться воспринимать больного как субъекта в широком смысле означало бы для медицины разрушить собственный мировоззренческий фундамент, присутствующий в сознании практически каждого представителя врачебного сообщества. И здесь речь идет о враче не как о человеке, который, безусловно, признает в пациенте активное личностное начало, а о враче как профессионале, для которого пациент остается объектом медицинского воздействия. Говорить о принятии гуманистической

парадигмы можно было бы лишь в том случае, если бы антропоцентризм стал неотъемлемой частью профессиональной деятельности, проявлением профессиональной позиции или профессиональной идеологии, а не социального функционирования врача в целом.

Особенно ярко «конфликт» естественно-научного и гуманистического проявляется в отношениях между соматически ориентированной медициной и медицинской (клинической) психологией. При попытках сближения психологов и медиков нередко становится очевидно, что у последних ожидания в отношении психологии соответствуют механистическому пониманию человеческой сущности. Принимая помощь психолога, врач как будто вверяет ему душу пациента, оставляя себе заботу об организме. Психологическое заключение и иная информация о субъективной стороне страдания пациента малоинформативны для ортодоксально мыслящего врача-соматолога, поскольку он ожидает, что полученные данные можно будет применить в первую очередь для коррекции стратегии лечения (например, замены одного фармакологического препарата другим), а не личностного взаимодействия с больным. По-видимому, именно поэтому качество жизни (прежде всего качество жизни, связанное со здоровьем, – *health-related quality of life*) стало единственным понятием, которое прижилось на биоцентрической «почве».

Разработка концепции качества жизни связана преимущественно с деятельностью ВОЗ и ее институтов, решающих задачи масштабного (в том числе сравнительного межкультурального и транснационального) исследования здоровья населения в рамках биопсихосоциального подхода. Согласно определению ВОЗ качество жизни – это восприятие индивидами их положения в жизни в контексте культуры и систем ценностей, в которых они живут, в соответствии с их целями, ожиданиями, стандартами и заботами [34]. В области медицины исследуется преимущественно качество жизни, связанное со здоровьем, которое рассматривают как интегральную характеристику физического, психического и социального функционирования здорового и больного человека, основанную на его субъективном восприятии [20].

Концепция качества жизни привлекает внимание к личностному плану переживания ситуации болезни пациентом, в частности к его субъективному восприятию возможности удовлетворения актуальных потребностей и полноценного социального функционирования, несмотря на связанные с болезнью ограничения. Более того, ВОЗ указывает на необходимость рассмотрения качества жизни как основного критерия эффективности лечебно-восстановительных мероприятий при отсутствии реальной угрозы жизни пациента.

Однако введение понятия качества жизни в медицинский дискурс пока не привело к существенным

изменениям во взаимодействии врача и пациента. Фактически сегодня отношение к данным о качестве жизни пациента сродни отношению к результатам того или иного аппаратного исследования – биохимического анализа крови, электрокардиографии, нейровизуализации мозга и т.п. Качество жизни по результатам самоотчетов интерпретируется скорее как критерий, характеризующий степень выраженности болезни, чем как структурно сложный психосоциальный конструкт.

Оценивая качество жизни с помощью опросников, призванных определить масштабы влияния заболевания на физическое, психическое и социальное функционирование пациента, врач фактически пытается воспроизвести то, что устанавливается при использовании традиционного клинического метода, только с меньшей объективностью. Исследовать функциональный статус, самочувствие, болевые ощущения, настроение – идея далеко не новая. Так или иначе ее воплощает в своей практике любой добросовестный специалист. Информация о множестве параметров функционирования пациента в повседневной жизни используется с тем, чтобы квалифицировать тяжесть случая и вероятный прогноз. В этом отчасти суть естественно-научного подхода, который не может измениться даже при применении разнообразных методов оценки качества жизни как одного из критериев эффективности лечения.

Стремление адаптировать понятие качества жизни к практическим нуждам естественно-научно ориентированной медицины привело к созданию многочисленных нозоспецифических (специальных) опросников, предназначенных для оценки влияния на условное благополучие пациента конкретных заболеваний, синдромов и симптомов. Качество жизни было «расчленено» на бесчисленные детали в соответствии с нозологическими критериями. В настоящее время в литературе можно встретить упоминания практически о «любом» качестве жизни, сопровождаемые солидным эмпирическим материалом, например о качестве жизни, связанном с астмой [32], заболеваниями почек [30], эндометриозом [28] и т.п. Подобное дробление исходного понятия в прагматических целях – наглядное свидетельство его ассимиляции, поглощения биоцентрированной системой.

Характерно и обоснование нозоспецифического подхода: методики для оценки нозоспецифического качества жизни более чувствительны к индивидуальным различиям в соматическом статусе и его изменениям по клиническим критериям, чем общие опросники, неспецифичные в отношении заболевания пациента [43]. Парадокс: одним из стимулов к исследованию качества жизни больных с соматической патологией являлось несоответствие между тем, как состояние пациента видится врачу, и субъективными представле-

ниями о болезни самого пациента, степенью декларируемого им благополучия или неблагополучия. В частности, еще в 70-е гг. XX в., анализируя результаты опроса лиц с серьезно ограниченными физическими возможностями, A. Campbell et al. [27] отметили, что почти половина респондентов не были согласны с утверждением о неудовлетворенности своим состоянием здоровья. Некоторые даже настаивали на том, что полностью им удовлетворены. Возможно, что в ряде случаев имеет место анозогнозия, однако это обстоятельство не снижает значимости переживаний и представлений респондентов.

Возвращаясь в связи с этим к вопросу о критериях валидации современных нозоспецифических (специальных) опросников, следует обратить внимание на следующее обстоятельство: сегодня при оценке чувствительности инструмента и его критериальной валидности используется то, расхождение с чем так удивило инициаторов исследования качества жизни, – объективные данные медицинского обследования (клинического и аппаратного). В этой ситуации применение подобных опросников становится своего рода тавтологией, поскольку исходно их психометрические свойства предполагают корреляцию с объективной картиной болезни, которая и так доступна для исследования.

Осознание несоразмерности концепции качества жизни тому, что в настоящее время исследуется с помощью соответствующих опросников, привело к появлению ряда критических работ, авторы которых подчеркивают глубину и сложность рассматриваемого понятия, необходимость изучения механизмов формирования удовлетворенности/неудовлетворенности различными аспектами жизнедеятельности, а также учета ценностно-смыслового аспекта бытия [29, 39]. Не умаляя значения точки зрения пациента на состояние его здоровья, критики отмечают, что эта точка зрения лишь один из индикаторов качества жизни, но не его сущность. Попытки свести его к простым и удобным конструкциям наносят ущерб его изначальному гуманистическому смыслу. В связи с этим показательно, что в литературе все чаще понятия методов оценки качества жизни (quality of life assessment methods) и методов оценки состояния здоровья (health status assessment methods) используются как взаимозаменяемые [33]. В этой тенденции проявляется стремление избежать использования понятия, имеющего скорее гуманистически-философскую, чем естественно-научную семантику. Потеря философского оттенка термина обретает особый смысл, если учесть, что в проникновении в медицину гуманистической терминологии состояло одно из завоеваний гуманистической психологии в последней трети XX в.

Началом современной истории исследования качества жизни в медицине принято считать конец 40-х гг.

XX в., дату опубликования работ D. Karnofsky et al. [31], посвященных оценке функциональных возможностей и уровня активности онкологических больных. Однако частью научного понятийно-терминологического аппарата качество жизни стало лишь два десятилетия спустя. Как отмечает С. McNorney [33], вплоть до начала 1970-х гг. инструменты для оценки качества жизни носили исключительно нозоспецифический характер – были предназначены для оценки функционального статуса больных с разными видами патологии.

Конец 1960-х гг. связан с упрочением идеи целостного видения человека, которая нашла свое воплощение и в работах по методологии многомерной оценки качества жизни. Следующее десятилетие ознаменовалось появлением целого ряда общих опросников (в противоположность нозоспецифическим), предназначенных для получения информации о физическом, психическом, социальном и духовном благополучии человека [4, 33].

Однако по мере накопления эмпирических данных с использованием общих опросников у соматических больных вскрылся ряд сложностей, отражающих исходные противоречия между гуманистической и естественно-научной парадигмами, разрешением которых стали описанные ранее тенденции, во многом дискредитировавшие само понятие качества жизни. Принципами его исследования стали простота, удобство использования, экономичность. Кроме того, возрастание значимости психометрических требований сделало актуальным вопрос о валидности инструментов оценки. Попытки решения этого вопроса привели к очередным упрощениям и окончательному избавлению от философской подоплеки понятия: гуманистическая форма была соединена с медико-социологическим содержанием.

Измеримо ли качество жизни? Познаваемо ли оно, учитывая индивидуальное (по сути, уникальное) своеобразие опыта проживания собственной жизни, своеобразие, связанное с самой философской категорией качества? В чем заключаются трудности операционализации качества жизни и возможна ли она в принципе?

Первая и не всегда осознаваемая проблема, возникающая в процессе выработки методологии оценки качества жизни, – это сам термин. Исследуя качество жизни на основании данных самоотчетов, мы в действительности исследуем не жизнь, а самого респондента, его самосознание, систему значимых отношений личности, в том числе самоотношение. Жизнь субъекта немислима без самого субъекта, а потому не может изучаться как нечто самостоятельное. Иными словами, такой конструкт, как «восприятие индивидами их положения в жизни в контексте культуры и систем ценностей, в которых они живут, в соответствии с их целями, ожиданиями, стандар-

тами и заботами», отражает не столько качество жизни, сколько некое качество состояния или свойств личности в реальных жизненных условиях.

То, что удовлетворенность/неудовлетворенность жизнью, субъективные оценки благополучия в различных сферах жизнедеятельности являются индикаторами прежде всего определенных психосоциальных характеристик человека, косвенно подтверждается данными, согласно которым влияние тревожных и депрессивных расстройств на качество жизни превосходит влияние на него тяжелой соматической патологии [40]. Неудовлетворенность представляет собой один из аспектов негативных эмоциональных состояний – подавленности, тревоги, раздражения, гнева, крайними формами которых являются аффективные психопатологические расстройства. В ряде исследований [36] также обнаруживается, что относительно устойчивые эмоционально-личностные и поведенческие характеристики соматических больных (например, стиль совладания со стрессом) более тесно связаны с показателями качества жизни, чем тяжесть заболевания по клиническим критериям. Именно это обстоятельство – психологическая сущность качества жизни – создало интерпретационные трудности, повлекшие за собой последовательное упрощение понятия, его естественно-научную адаптацию.

Что представляет собой качество жизни как психологический феномен? По-видимому, речь идет о качественных характеристиках субъективного опыта проживания собственной жизни в конкретный период, возможно, в их сопоставлении с прошлым и прогнозируемым будущим. Однако в чем сущность этого опыта, можно ли проникнуть в него с помощью психометрического инструментария?

Говоря о проживании жизни с психологической точки зрения, необходимо вновь подчеркнуть, что жизнь человека неотделима от него самого, тем более в ее субъективном (психологическом) аспекте. И здесь нельзя не согласиться с одним из фундаментальных тезисов экзистенциально-гуманистической психологии: жизнь человека – это он сам в широком смысле, во всем многообразии его ощущений, мыслей, переживаний, потребностей, целей, ценностей [17, 37]. В связи с этим качество жизни можно определить как совокупность переживаний и отношений человека (больного или здорового), которые ориентированы на осмысление существования, ценности здоровья и возможности личности устанавливать взаимосвязи с внешним миром в соответствии со своими потребностями и индивидуальными возможностями, в том числе и в условиях болезни [7].

Такой подход существенно затрудняет практическую оценку качества жизни и, вероятно, требует пересмотра методологии его исследования с учетом сложных психологических механизмов его формирования.

Одним из путей преодоления указанных трудностей, с нашей точки зрения, является рассмотрение качества жизни с системных позиций [16]. Понятие системности предполагает рассмотрение человека как открытой биопсихосоциальной системы – комплекса взаимосвязанных элементов, взаимодействие которых обеспечивает его функционирование и развитие в изменяющихся условиях за счет механизмов адаптации и компенсации [2, 10, 14, 18]. При этом в контексте рассматриваемой проблемы наибольшее значение приобретает психическая адаптация, по-видимому наиболее тесно связанная с общим ощущением благополучия/неблагополучия, удовлетворенности/неудовлетворенности, которым уделяется особое внимание при оценке качества жизни [3, 6, 8].

Значение принципа системности при исследовании качества жизни заключается в необходимости всесторонней – многомерной и многоуровневой – оценки функционирования человека, а также изучения межуровневого и внутриуровневого взаимодействия элементов, определяющего своеобразие человека как биопсихосоциальной целостности, обуславливающего уникальность его субъективного опыта.

Иными словами, индивидуальное качество жизни можно рассматривать как интегративную характеристику биопсихосоциальной системы, проявляющуюся на психологическом уровне в субъективном опыте проживания собственной жизни и отражающую структурные и уровневые механизмы формирования сферы здоровья, такие как знание, понимание и отношение человека к здоровью и болезни, системные механизмы формирования внутренней картины болезни, соотношения жизненных целей и ценностей и др.

Являясь системной характеристикой, качество жизни зависит от множества переменных и должно анализироваться преимущественно на структурном уровне путем оценки и анализа сложных взаимодействий элементов биологического, психического, социального и духовного уровней. Очевидно, что проблематичность подобного исследования заключается прежде всего в отсутствии однозначных причинно-следственных связей внутри биопсихосоциальной системы. Это проявляется как во внутриуровневом, так и в межуровневом взаимодействии. Ярким примером последнего является неразрывное единство соматического и психического.

Область знаний о психосоматических и сомато-психических соотношениях в настоящее время – это область знаний преимущественно о соматических коррелятах психического и психических коррелятах соматического вне зависимости от того, идет ли речь о поперечном срезе или о проспективной связи.

Так, например, известно, что хронический психический стресс является фактором риска развития со-

матических (психосоматических) заболеваний [22, 35]. Однако очевидно, что несмотря на свою «психическую» сущность, стресс имеет физиологический аспект, описанный еще Н. Selye [38]. В конечном счете именно психофизиологические (вегетативно-эндокринно-гуморальные) сдвиги, сопровождающие длительное воздействие стрессора, а не психические феномены являются непосредственной причиной соматических нарушений при хроническом эмоциональном стрессе. То, что при анализе его роли в патогенезе соматических заболеваний эмоциональное состояние рассматривается как первичное по отношению к нейроэндокринным, вегетативным изменениям, – условность. Стрессу как состоянию соответствует богатая палитра отрицательных эмоций, нередко сменяющих друг друга [1] и формирующих диффузную картину напряженности, тревоги, раздражения, подавленности и т.п. Психический компонент стресса относительно неспецифичен, точно так же как относительно неспецифичен неотделимый от него физиологический компонент стресса. Доказать первичность психического или соматического в данном случае чрезвычайно трудно, если вообще возможно: стрессовая реакция реализуется одновременно и на физиологическом, и на психическом уровне.

Еще более очевидным единство психического и соматического становится при рассмотрении патологических состояний (прежде всего психических и соматических заболеваний). Патологические состояния могут рассматриваться как естественные и наглядные модели нарушения интегрированного функционирования человека, позволяющие осознать сложность биопсихосоциальных взаимоотношений.

О признании трудности разграничения психического и соматического свидетельствуют содержание раздела психических расстройств в Международной классификации болезней 10-го пересмотра [11, 19]. При анализе представленных в ней диагностических критериев становится очевидной значимость соматических симптомов в клинической картине целого ряда психических заболеваний. В частности, единственное, что согласно МКБ-10 отличает соматоформную вегетативную дисфункцию (F45.3) как психическое нарушение от соматического заболевания, – это «отсутствие признаков расстройства структуры и функций органов или систем, которыми озабочен больной» при субъективном ощущении соматического страдания. К психическим расстройствам соматоформная вегетативная дисфункция была отнесена на том основании, что она не является соматическим расстройством в традиционном его понимании.

При рассмотрении соотношений элементов биологического и психосоциального уровней выявляются сложные взаимосвязи, что отражено, в частности, в понятии кольцевых психосоматических-сомато-

психических зависимостей. Характерным примером являются соотношения «аффективные расстройства – соматическая патология». Доказано, что депрессивные расстройства являются фактором риска развития и неблагоприятного течения многих соматических заболеваний. В качестве опосредующих звеньев этой зависимости выделяют сопутствующие нейро-эндокринные изменения, нарушения режима лечения и контакта с врачом, повышение стрессогенности межличностных взаимоотношений и т.д. В то же время само соматическое заболевание способствует развитию депрессивных расстройств за счет действия комплекса клинических (биологических) и психосоциальных факторов [21]. Когда возникает этот «порочный круг»? Возможно, еще до того, как потенциальный больной появился на свет, поскольку уже тогда формируются предпосылки к развитию у него соматических и психических расстройств, и прежде всего в связи с онтогенетическими и социогенетическими характеристиками его матери.

Подчеркивая сложность, полифакторность механизмов патогенеза психических нарушений у соматических больных, многие авторы указывают на невозможность проведения четкой границы между так называемыми соматогениями и нозогениями – проявлениями нейротоксического эффекта болезни и дезадаптивной личностной реакции на нее [11]. В настоящее время также ставится под сомнение возможность существования чисто психогенных расстройств [9], подчеркивается необходимость определенных конституциональных предпосылок, нейродинамических сдвигов и т.п.

Все вышесказанное свидетельствует о значимости психосоматического взаимодействия в процессе формирования качества жизни. Не меньшее значение имеют и психосоциальные взаимосвязи, а также взаимозависимости между биологическим и социальными уровнями. В ряде исследований установлен повышенный уровень морбидности и смертности у лиц с низким социально-экономическим статусом [26, 44]. Однако было также показано, что лица с разным социально-экономическим статусом отличаются по степени выраженности ряда саногенных психологических характеристик [41], в частности уровня субъективного контроля, оптимизма, доброжелательности, самоуважения и т.п.

Являются ли низкий уровень субъективного контроля, пессимизм, враждебность, низкая самооценка и др. факторами, препятствующими достижению высокого социально-экономического статуса вследствие, например, неудовлетворительного социального функционирования в целом? Или эти особенности формируются под влиянием неблагоприятных социальных условий? Возможно, сама биологически обусловленная предрасположенность к заболеваниям делает лю-

дей менее конкурентоспособными в социальной среде? Не менее вероятно также то, что неблагоприятные экологические и бытовые условия при низком социально-экономическом статусе определяют высокую морбидность и смертность. Ни один из представленных вариантов объяснения биопсихосоциальных связей не противоречит действительности, что делает необходимым распространение модели кольцевых зависимостей на все уровни функционирования человека [42].

Кольцевые зависимости – результат сложной системной организации человека, обеспечивающей широкие возможности для приспособления к изменяющимся условиям, а также компенсации того или иного рода недостаточности. Перестройка структурных связей системы позволяет актуализировать адаптационно-компенсаторные ресурсы в стрессогенных обстоятельствах и восстановить нарушенное равновесие без существенных потерь для субъективного ощущения благополучия/неблагополучия. Способность к адаптации и компенсации, являясь неотъемлемой характеристикой человека, определяет, с одной стороны, динамику структуры качества жизни в процессе приспособления, а с другой – относительную устойчивость интегративного чувства удовлетворенности/неудовлетворенности жизнью. Еще раз подчеркнем, что качество жизни может рассматриваться как производное многомерной функциональной системы адаптации, прежде всего ее психосоциального уровня, который играет определяющую роль в плане субъективной оценки личностью индивидуального благополучия/неблагополучия [7].

Исследование адаптационно-компенсаторных механизмов чрезвычайно важно для корректной интерпретации данных о динамике показателей субъективного благополучия, в частности при возникновении психотравмирующих обстоятельств, изменении соматического статуса, проведении лечебно-восстановительных мероприятий и т.п. Высокая пластичность биопсихосоциальной системы скрывает в себе потенциал преодоления самых тяжелых испытаний. Уникальность в этом отношении человека во многом определяется наличием неисчерпаемых ресурсов духовности в широком смысле этого понятия, отражающего ценностно-трансцендентный аспект бытия. Духовная и смысловая наполненность жизни представляет собой действительно качественную сторону субъективного опыта ее проживания. Согласно точке зрения одного из идейных вдохновителей гуманистической медицины В. Франкла [24], удовлетворенность потребности в смысле как основной и одновременно высшей потребности человека – необходимое условие счастья, являющегося квинтэссенцией качества его жизни.

Таким образом, рассматривая вопрос о сущности и измеримости качества жизни, следует, вернувшись к исходным гуманистическим идеям в медицине (идеи

субъектности больного, его целостного видения, значимости ценностно-смысловой сферы его личности), дополнить их общенаучными идеями теории систем и концепции адаптации применительно к уникальной биопсихосоциальной системе – человеку. Подобный синтез позволяет разрешить противоречие между гуманистически-экзистенциальными представлениями о непознаваемости субъективного опыта и общенаучными представлениями о возможности выявления структурно-функциональных особенностей и закономерностей деятельности сложных живых систем. Гуманистическое в этом синтезе определяет границу познания человека, общенаучное – приближает к этой границе.

Качество жизни, отражая глубоко индивидуальное и непознаваемое существо субъективного опыта и переживаний человека [5], может быть исследовано на уровне структурно-функциональной организации биопсихосоциальной системы и ее динамики. При этом чем глубже и шире взгляд исследователя, чем большее количество релевантных элементов и связей между ними становится предметом изучения, тем полнее и ближе к гипотетическому «оригиналу» выстраиваемая картина качества жизни, остающаяся, однако, место для исследовательской интуиции и неизвестного, заключенного в самой природе человеческой души.

Примечания

¹ Следует заметить, что гуманистический подход к личности в известной мере созвучен концепции личности В.Н. Мясничева как системы отношений в единстве и взаимовлиянии когнитивных, эмоциональных и поведенческих компонентов, рассматриваемых в генетическом и историческом контексте [12].

² В последние годы весьма актуальной является проблема профессионального «выгорания» врачей различных специальностей.

Литература

1. Абабков В.А., Перре М. Адаптация к стрессу: Основы теории, диагностики, терапии. СПб., 2004.
2. Александровский Ю.А. Пограничные психические расстройства. М., 2000.
3. Березин Ф.Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека. Л., 1988.
4. Бурковский Г.В., Коцюбинский А.П., Левченко Е.В., Ломаченков А.С. Использование опросника качества жизни (версия ВОЗ) в психиатрической практике: Пособие для врачей и психологов. СПб., 1998.
5. Василюк Ф.Е. Психология переживаний. М., 1984.
6. Вассерман Л.И., Березин Ф.Б., Косенков Н.И. О системном подходе к оценке психической адаптации // Обзор психиатрии и мед. психологии им. В.М. Бехтерева. 1994. № 3. С. 16–25.
7. Вассерман Л.И., Громов С.А., Михайлов В.А. и др. Концепции реабилитации и качества жизни: преемственность и различия в современных подходах // Психосоциальная реабилитация и качество жизни. СПб., 2001. С. 103–114.
8. Вассерман Л.И., Щелкова О.Ю. Медицинская психодиагностика: Теория, практика и обучение. СПб.; М., 2003.
9. Вегетативные расстройства: Клиника, диагностика, лечение / Под ред. А.М. Вейн. М., 2003.
10. Воложин А.И., Субботин Ю.К. Адаптация и компенсация – универсальный биологический механизм приспособления. М., 1987.
11. Гиндикин В.Я. Справочник: соматогенные и соматоформные психические расстройства. М., 2000.
12. Иовлев Б.В., Карпова Э.Б. Психология отношений. Концепция В.Н. Мясничева и медицинская психология. СПб., 1999.
13. Кабанов М.М. Реабилитация психически больных. Л., 1985.
14. Коцюбинский А.П., Скорик А.И., Аксенова И.О. и др. Шизофрения: уязвимость – диатез – стресс – заболевание. СПб., 2004.
15. Ловелле Р.П., Кудрявая Н.В. Психологические основы деятельности врача. М., 1999.
16. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
17. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М., 1999.
18. Меерсон Ф.З. Адаптация, стресс и профилактика. М., 1986.
19. МКБ-10: Классификация психических и поведенческих расстройств. Исследовательские диагностические критерии / ВОЗ. Женева, 1994.
20. Новик А.А., Ионова Т.И. Исследование качества жизни в медицине: Учеб. пособие для вузов. М., 2004.
21. Смулевич А.Б. Депрессии в общей медицине. М., 2001.
22. Судаков К.В. Эмоциональный стресс и психосоматическая патология. М., 1998.
23. Ташлыков В.А. Психология лечебного процесса. Л., 1984.
24. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.
25. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб., 2001. С. 479–573.
26. Adler N.E., Boyce T., Chesney M.A. et al. Socioeconomic inequalities and health // JAMA. 1993. Vol. 269. P. 3140–3145.
27. Campbell A., Converse P.E., Rodgers W.L. The Quality of American Life. N.Y., 1976.
28. Colwell H.N., Mathias S.D., Pasta D.J. et al. A health-related quality-of-life instrument for symptomatic patients with endometriosis: a validation study // Am J. Obstet Gynecol. 1998. Vol. 179. P. 47–55.
29. Gill T., Feinstein A.R. A critical appraisal of the quality of quality-of-life-measurements // JAMA. 1994. Vol. 272. P. 619–626.
30. Hays R.D., Kallich J.D., Mapes D.L. et al. Development of the kidney disease quality of life (KDQOL) instrument // Qual Life Res. 1994. Vol. 3. P. 329–338.
31. Karnofsky D.A., Abelmann W.H., Craver L.F., Burchenal J.H. The use of the nitrogen mustards in the palliative treatment of carcinoma: with particular reference to bronchogenic carcinoma // Cancer. 1948. Vol. 1. P. 634–656.
32. Marks G.B., Dunn S.M., Woolcock A.J. A scale for the measurement of quality of life in adults with asthma // J. Clin Epidemiol. 1992. Vol. 45. P. 461–472.

33. McHorney C.A. Health status assessment methods: past accomplishments and future challenges // *Rev. Public Health*. 1999. Vol. 20. P. 309–335.
34. Orley J. The World Health Organization (WHO) quality of life project / Eds. by M.R. Trimble, W.E. Dodson. N.Y., 1994. P. 99–133.
35. Rabin B.S. Stress, immune function, and health: the connection. N.Y., 1999.
36. Rose M., Burkert U., Scholler G. et al. Determinants of the quality of life of patients with diabetes under intensified insulin therapy // *Diabetes Care*. 1998. Vol. 21. P. 1876–1885.
37. Royce J., Mos L. Humanistic psychology: Concepts and criticisms. N.Y., 1981.
38. Selye H. Stress in Health and Disease. London, 1976.
39. Siegrist J., Junge A. Conceptual and methodological problems in research on the quality of life in clinical medicine // *Soc Sci Med*. 1989. Vol. 29. P. 463–468.
40. Surtees P.G., Wainwright N.W.J. Functional health status, chronic medical conditions and disorders of mood // *The British Journal of Psychiatry*. 2003. Vol. 183. P. 299–303.
41. Taylor S.E., Seeman T.E. Psychosocial Resources and the SES-Health Relationship // *Annals of the New York Academy of Sciences*. 1999. Vol. 896. P. 210–225.
42. Wasserman L.I., Trifonova E.A. Diabetes mellitus as a model of Psychosomatic and Somatopsychic interrelationships // *The Spanish Journal of Psychology*. 2006. Vol. 9. P. 75–85.
43. Wiebe S., Guyatt G., Weaver B. et al. Comparative responsiveness of generic and specific quality-of-life instruments // *J. Clin. Epidemiol*. 2003. Vol. 56. P. 52–60.
44. Winkleby M.A., Jatulis D.E., Frank E., Fortmann S.P. Socioeconomic status and health: how education, income, and occupation contribute to risk factors for cardiovascular disease // *Am J. Public Health*. 1992. Vol. 82. P. 816–820.

METHODOLOGICAL ISSUES IN QUALITY OF LIFE RESEARCH IN MEDICINE

L.I. Wasserman, E.A. Trifonova (St. Petersburg)

Summary. The paper discusses conceptual and methodological issues in quality of life research in medicine. The importance of integrating scientific and humanistic paradigms within biopsychosocial approach is emphasized. The authors call attention to theoretical and methodological difficulties in this domain of research and suggest that quality of life be considered using principles of systems and adaptation theory as well as humanistic principles of taking into account the unique nature of individual experience, feelings, needs, values and personal meanings systems.

Key words: quality of life, biopsychosocial approach, humanistic paradigm in medicine, psychosomatic-somatopsychic interrelationships, adjustment to disease, psychological assessment.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОКАЗАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ДЕТЯМ И ПОДРОСТКАМ, СТРАДАЮЩИМ ПСИХОСОМАТИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ

Н.А. Кравцова (Владивосток)

Аннотация. Рассматривается проблема оказания психологической помощи детям и подросткам, страдающим различными психосоматическими расстройствами. Излагаются теоретико-методологические основы, анализируются имеющиеся модели психотерапевтической помощи. Приводятся основные положения модели психологической помощи автора.

Ключевые слова: психосоматические расстройства, интегративная психотерапия, этиопатогенетическая онтогенетическая модель.

В последние десятилетия проблема психосоматических расстройств, их генезис, профилактика и лечение занимают врачей и психологов. Усилиями многих авторов была создана многофакторная открытая модель болезни, которая объясняет происхождение психосоматических расстройств сочетанием социальных, психологических, биологических вредностей, воздействию которых подвергся индивид. Д.Н. Исаев, ведущий детский психосоматолог, отмечает, что обратившегося за медицинской помощью ребенка следует квалифицировать не как терапевтического, неврологического или психического больного в соответствии с преобладающими расстройствами в тех или иных системах, а как страдающую личность, у которой имеется то или иное заболевание.

Таким образом, вместо «правильного выбора» «соответствующего» специалиста для больного каждый врач должен уметь обеспечить не только диагностику и лечение соматических заболеваний, но и эффективное изучение личности и психологических трудностей, от которых зависит успешность терапевтического вмешательства. В связи с недостаточной психолого-психиатрической подготовкой врачей реализация такого подхода, к сожалению, в настоящее время представляет значительные трудности [6]. Для эффективной профилактики и лечения необходимо создать условия, в которых реальными будут воздействия на все факторы этиопатогенеза психосоматических расстройств (ПСР).

Д.Н. Исаев считает, что организация помощи детям и подросткам, страдающим ПСР, должна осуществляться в рамках педиатрической службы. Это соответствует традиционному подходу к проблеме здоровья и болезни детей. Однако традиционный подход, на наш взгляд, связан со следующими трудностями в оказании психологической помощи детям и подросткам с ПСР. Исходя из основных механизмов психосоматогенеза можно заключить, что точки приложения психотерапии при работе с детьми, страдающими ПСР, находятся в сфере семейных и детско-родительских отношений. Однако традиционно считается, что для того чтобы вылечить или избавить ребенка от какого-то недуга, в том числе связанного с психологической проблемой, необходимо работать прежде всего со

страдающим ребенком. При этом родители проявляют незаинтересованность или открыто отказываются изменять свое отношение к ребенку и характер детско-родительских отношений. Это связано с тем, что они просто являются передатчиками стереотипов отношений в их родовой системе. Попытка психолога привести к осознанию причин страдания ребенка вызывает сильное сопротивление, в основе которого лежит отрицание как психологическая защита. Каждый родитель искренне считает, что все лучшее для ребенка сделает он. В случае осознания негативного влияния на здоровье ребенка своих стереотипов и проблем у родителя возникает сильное чувство вины. Если психолог говорит матери часто болеющего ребенка, что основа страданий ребенка – ее изначальное неприятие его, которое вызвало чувство вины и впоследствии гиперопеку и гиперпротекцию, не позволяющие ребенку адекватно развиваться, то это вызывает негативную реакцию на психолога и отказ от его помощи. Такие матери ищут «своего психолога», «доброе, ласкового», который ее поймет и «вылечит» ребенка. Позиция врачей-педиатров поддерживает матерей детей с ПСР в их старании «лечить ребенка».

Традиционная позиция матери – «мой ребенок слабенький, он нуждается в постоянном врачебном контроле, лечении, диспансерном учете» – поддерживается, а иногда и формируется именно врачами. Это помогает матери почувствовать свою значимость для ребенка: «Без моей заботы он не выживет». Ребенку это дает любовь и внимание матери. Таким образом, обе стороны – мать и ребенок – заинтересованы в заболевании. Поддерживается это социальным стереотипом – «растить больного ребенка тяжелее и почетнее, чем здорового». Мать, которая всю жизнь посвящает лечению ребенка, заслуживает уважения и восхищения. В нашем обществе, к сожалению, отсутствует понимание того, что вырастить здорового ребенка, создать условия для реализации его потенциала, помочь ему в решении проблемы собственной идентичности – более сложная задача. Считается, что здоровые дети растут сами по себе, их родителям достаточно только накормить, одеть в школу, спортивную секцию и т.д.

Педиатры акцентируют внимание мамы на соматических аспектах заболевания и уводят от решения

психологической проблемы, являющейся пусковым фактором развития ПСР. В результате происходит постоянная репликация ситуации, провоцирующей психосоматическое расстройство, и из сферы лечения выпадает главный этиопатогенетический фактор, запускающий вновь механизм заболевания. Без элиминации пускового психогенного фактора из цепи лечения больного невозможно добиться ни полного выздоровления, ни профилактики рецидивов заболевания. Этот фактор может быть незаметен для врача педиатра, терапевта и врача другой специальности, не обладающего возможностями и знаниями психодиагностики. Поставленная на поток повременная система приема больных, бюджетная система оздоровления детей по своей структуре не предусматривают возможности применить психодиагностику, психокоррекцию. Бюджетная медицина все более тяготеет к использованию стандартных алгоритмов диагностики и схем лечения как способу выхода из временного цейтнота (10 минут на прием одного больного в поликлинике).

Переход на систему ФОМС привел к появлению дополнительной организации, которая выполняет в основном контролирующую и карательные по отношению к врачу функции. Масса проверок, возможные наказующие выводы по работе с больным ребенком приводят к тому, что врач поликлинической сети находится в состоянии постоянного профессионального стресса, что сказывается на его возможностях изучения психического состояния пациента, выявления семейных нарушений, влияющих на состояние ребенка. Документация, регламентирующая работу врача, также не предусматривает отражения в ней психического состояния ребенка, особенностей его психического развития, состояния детско-родительских отношений. Отсюда необязательность их изучения для врача педиатра (с него это не спросят даже при изучении истории болезни в судебных инстанциях).

Таким образом, можно сделать вывод, что при лечении больных с ПСР в условиях бюджетной поликлинической системы оказания помощи детям практически полностью отсутствует воздействие на главный этиопатогенетический механизм их возникновения и развития.

В условиях начинающей развиваться коммерческой медицины ситуация с диагностикой и лечением ПСР несколько улучшается. Связано это с тем, что врач, консультирующий ребенка и его родителей на платной основе, напрямую заинтересован в благополучном исходе заболевания, на него оказывается меньшее давление со стороны проверяющих и контролирующих органов, он менее ограничен временными рамками и может посвятить пациенту личное вне рабочее время.

С другой стороны, врач, оказывающий платную лечебную помощь в условиях внебюджетной орга-

низации, заинтересован в том, чтобы пациент из разряда быстро выздоровевших перешел в разряд постоянно обращающихся за медицинской помощью. Его устраивает рецидивирование болезни, необходимость в нем как в семейном докторе, боязнь «потерять» постоянного пациента приводит к стремлению не вылечить, а показать свою полезность и значимость для семьи.

Позиция врачей психиатров также не способствует излечению ПСР. Традиционная психиатрия рассматривает причиной ПСР не столько психогенный фактор, сколько его следствие – психическое состояние. Психиатрические воздействия направлены на состояние, а главный метод воздействия – психофармакотерапия. Применение антидепрессантов, транквилизаторов, седативных препаратов притупляет душевную боль, избавляет от негативных эмоций, но не избавляет от ПСР.

Биопсихосоционезическая (Г.В. Залевский) модель человека требует рассмотрения его в единстве всех указанных составляющих. С этой позиции психосоматическое расстройство – это расстройство взаимосвязи (софункционирования) всех составляющих. При этом психологический фактор выполняет главную связующую роль. Можно сравнить его с функцией «эго» в структуре личности. «Эго» производит отбор и коррекцию взаимодействия телесных импульсов, потребностей тела и социально допустимых (одобряемых) возможностей. Психика является главной регулирующей силой функционирования человека как в окружающей среде, так и в интравертивной сфере. С этих позиций он играет главную роль в развитии любого расстройства функционирования тела. При построении модели оказания помощи детям, страдающим ПСР, нужно учитывать ведущую организующую роль психического фактора как в возникновении, развитии и поддержании (хронизации) заболевания, так и в выздоровлении.

Сегодняшнюю ситуацию в сфере лечения ПСР можно назвать «эклектической». Каждый специалист воздействует локально на свой участок, оказывая, по сути, симптоматическое воздействие. Отсутствует целостный интегративный подход. Каждый специалист гипертрафирует значение того фактора, о котором имеет наиболее полное знание. В результате имеет место даже конкуренция в отстаивании значимости факторов патогенеза, а следовательно, приоритетного направления лечения. Следуя поддерживаемой всеми специалистами логике полиэтиологичности ПСР, необходимо разработать целостную организационную систему профилактики и лечения расстройств, построенную на совокупности воздействий на все звенья этиопатогенеза: телесный (медицина), психологический (клинический психолог), социальный (социальный психолог, социальный работник) и неэтический (свя-

щенник, которого на современном этапе развития общества заменяет психолог гуманистически-экзистенциального направления).

Психика человека является главным орудием построения образа мира и образа себя. В обществе сложилось определенное усредненное представление об адекватности этих образов, главным критерием которого служит успешность адаптации человека как в окружающей материальной, так и социальной среде. ПСР свидетельствует о нарушении адаптации, т.е. о неадекватной модели мира и себя у носителя ПСР. Менять систему представлений у взрослого человека крайне сложно, что и является причиной малой эффективности имеющихся методов лечения ПСР. В детском возрасте происходит активное становление как картины мира, так и Я-концепции. На этот процесс оказывают непосредственное и мощное влияние близкие ребенку люди, нагруженные поведенческими и когнитивными представлениями, искажениями и т.д.

Таким образом, происходит постоянная генерация расстройств. Казалось бы, невозможно повлиять на этот процесс, ибо он имеет характер замкнутого «порочного» круга. Однако известно, что чем дальше идет развитие человеческой цивилизации, тем более социально зависимым, подверженным социальным стереотипам становится каждый человек. Чтобы разорвать «порочный круг», необходимо наравне с развитием методов медицинских и психологических воздействий формировать здоровую социальную среду. Назрела необходимость создавать не просто медицинские учреждения, в которых будут работать клинические психологи и социальные работники. В таких учреждениях всегда будет главенствовать медицинская, телесно ориентированная парадигма, а психологическая и психосоциальная помощь будет восприниматься как дополнительная. Необходимо создание центров, работа в которых будет строиться на основе признания биопсихосоциально-этической модели человека и интегративного подхода к оказанию помощи страдающим ПСР.

По структуре и этиопатогенезу психосоматические расстройства можно рассматривать как психосоматический синдром, являющийся сложной, иерархически организованной системой, включающей как измененные психические и телесные функции, так и их взаимное отражение. Исходя из этой посылки можно заключить, что теоретико-методологической основой оказания психологической помощи детям и подросткам, страдающим различными психосоматическими расстройствами, являются: культурно-историческая теория Л.С. Выготского о прижизненном развитии высших психических функций (ВПФ) [5]; теория системной и динамической локализации ВПФ А.Р. Лурия [9]; психология отношений В.Н. Мясищева [10]; психология телесности А.Ш. Тхостова [13];

теория психосоматического развития В.В. Николаевой [11]; культурно-исторический подход в трактовке психосоматического симптома Г.А. Ариной [4]; динамическая психиатрия Г. Аммона [1, 10].

Используя основные положения указанных теоретических концепций, можно выделить следующие принципы оказания психологической помощи: принцип синдромного анализа, принцип мультимодальности, принцип системного анализа проблем, событийно-биографический подход, принцип актуализации роли активности субъекта в психосоматогенезе, принцип приоритета решения проблемы идентичности перед простым устранением симптомов.

Согласно культурно-историческому подходу главный вектор развития телесности совпадает с центральной линией развития любой психической функции и видится как преобразование ее (телесности) в универсальный символ и орудие (Тищенко П.Д., 1989; цит. по: [4]). Телесность встраивается в общий ход психического развития как необходимое условие и его инструмент и подобно любой психической функции обретает знаково-символический характер, «культурную» форму. Сущность синдромного анализа, основного методологического принципа нейропсихологии, направленного на топическую диагностику локальных поражений головного мозга, заключается в качественной квалификации нарушений психических процессов, выделении основного дефекта и вторичных системных нарушений, анализе состава не только нарушенных, но и сохраненных психических функций. Указанный методологический принцип применительно к психосоматическим расстройствам в детском возрасте оправдан закономерностями психического (психосоматического) развития и опирается на представление о неразрывной связи психического и телесного феноменов.

Мультимодальность – это умение интегрировать информацию, полученную разными методами диагностики: медицинским, психологическим, социологическим, психосоциальным. С.А. Кулаков отмечает, что «при этом диагност располагает определенными фундаментальными познаниями в диагностике, близко знаком с разносторонними методами и умеет интегрировать данные диагностики и использовать их для терапии». При этом реализуется современное представление о междисциплинарности психосоматики, использующей медицинский метод диагностики наряду с психологическим, социологическим, психосоциальным [8].

Принцип системного анализа проблем базируется на современном представлении личности как совокупности системы отношений, претерпевающей изменения на протяжении жизни. Исходя из этого, психосоматические расстройства – это нарушения системы отношений личности на различных уровнях: биоло-

гическом, экологическом, интерперсональном, интраперсональном. При этом учитывается полиэтиологичный характер психосоматических расстройств.

Принцип событийно-биографического подхода ориентирован на фактор времени, т.е. требует анализа прошлого личности и ее будущего. При этом реализуется психодинамический подход, который согласуется с традиционным медицинским, рассматривающим патологический процесс в динамике его развития, и учитывает воздействие различных, прежде всего психогенных, факторов в преморбидном периоде.

Развитие гуманистического направления в психологии вообще, в клинической психологии в частности привело к актуализации роли активности субъекта в психосоматогенезе. В построении психотерапевтического процесса важная роль стала отводиться способности к самоуправлению физическими процессами через управление своим психическим состоянием. Это способствовало внедрению в практику терапии различных соматических заболеваний методов управляемого воображения, биологической обратной связи, различных форм медитации, что трансформирует терапию в тренинг, в обучение оздоравливающим техникам.

Принцип приоритета решения проблемы идентичности перед простым устранением симптомов согласуется с актуализацией активности субъекта в психосоматогенезе и имеет особое значение при работе с подростками. По мнению основателя психодинамической психиатрии Г. Аммона, «здоровье есть не отсутствие болезни, а защищенность и свобода собственной идентичности, ее конструктивно агрессивная и креативная реализация в группе» [12].

Таким образом, перечисленные принципы позволяют рассмотреть изучаемую проблему в пространственно-временных отношениях с различных методологических позиций, приблизиться к пониманию содержательной стороны психосоматического синдрома и выделить факторов, являющихся детерминантами симптомообразования у пациентов, страдающих психосоматическими расстройствами.

Оказание психологической помощи представляется в неразрывной связи психодиагностики и психотерапии. Принцип синдромного анализа А.Р. Лурия, реализуемый в комплексном нейропсихологическом исследовании, в настоящее время практически не используется в психосоматике, ведь согласно традиционным представлениям соматические расстройства мало связаны с развитием психических процессов и высших психических функций. Мультиmodalный принцип реализуется в процессе проведения системного анализа проблем. На сегодня принятыми в психосоматике подходами в диагностике являются: системный анализ Лазаруса, проводимый по 7 направлениям, представлен в опроснике жизнен-

ной истории; модель Оудсхоорна из 6 уровней; многоосевая клиническая диагностика. В перечисленных моделях есть общее – проблема личности рассматривается в разных плоскостях ее системы отношений.

Событийно-биографический подход активно развивается в психологии жизненных ситуаций, рассматривающей ситуацию болезни как одну из жизненных ситуаций, требующих коррекции. В рамках этого подхода ведущей психодиагностической методикой является «психологическая автобиография». Это экспрессивная проективная методика исследования переживаний, связанных с наиболее значимыми сферами жизни. К этой группе методов можно отнести методики психодинамического направления, и в частности анализ ранних детских воспоминаний по А. Адлеру.

С точки зрения Г. Аммона, главная задача психолога – сопровождение клиента в направлении его страхов, волнений и конфликтов и помощь в их конструктивном преодолении. Главный страх страдающего психосоматическими расстройствами: «Меня не любят!». В связи с этим возникает надежда: «Может быть, меня больного будут жалеть, а значит, любить. Чтобы быть любимым, нужно быть больным». Особо значимым психологическое сопровождение является в детском и подростковом возрасте.

Полиэтиологический характер психосоматических расстройств предполагает использование интегративного подхода в психотерапии, а истинно интегративная психотерапия – концептуальный синтез разных теоретических систем, а уже на этой основе объединение конкретных лечебных методов, возникших из различных теоретических источников. В России признанными являются две школы интегративной психотерапии. Школой В.Е. Рожнова (Москва) предложена биологически ориентированная модель интегративной психотерапии, а школой Б.Д. Карвасарского, Г.Л. Исуриной, В.А. Ташлыкова (Санкт-Петербург) разработана личностно-ориентированная модель интеграции [7].

Первая модель представлена эмоционально-стрессовой психотерапией. Ключевое слово в этой модели психотерапии – стресс. В основе первой модели лежат нейрогуморальные теории патогенеза психосоматических расстройств. Вторая модель основана на интеграции суггестивного метода (эмоционально-стрессовый гипноз), рациональной психотерапии (сократовский диалог) и системы психической саморегуляции, проводимой как медитационная аутогенная тренировка. В соответствии с теоретической концепцией, определяющей данный психотерапевтический подход, в эту модель могут включаться все методы, целенаправленно использующие мобилизирующий психофизиологический эффект эмоционального потрясения: арт-терапия, психодрама, бихевиоральные и когнитивные приемы.

В основе личностно-ориентированной модели интеграции лежит психология отношений и учение о неврозах В.Н. Мясничева. Данная модель может быть отнесена к психодинамической школе, которая во главу угла ставит позитивные личностные изменения в виде реконструкции и гармонизации нарушенной системы отношений за счет коррекции неадекватных когнитивных, эмоциональных и поведенческих стереотипов. Психотерапевтическая модель строится на интеграции принципов и методов поведенческой, когнитивной и гештальт-терапии. Среди методических приемов используются групповая дискуссия, психодрама, психогимнастика, психопантомима, проективный рисунок, музыкотерапия и пр.

Объектом психотерапии Б.Д. Карвасарский считает интрапсихический конфликт, механизмы психологической защиты, внутреннюю картину болезни, патологическую реакцию личности на заболевание, систему значимых отношений больного, включая нарушенные в результате болезни, социальные связи больного. Наибольшее внимание в этой модели уделяется групповой работе в сочетании с различными видами симптоматической психотерапии. Основным терапевтическим механизмом – реконструкция личности. При этом термин реконструкция используется в 2 значениях. Первое под реконструкцией понимает восстановление преморбидных особенностей личности больного, утраченных вследствие болезни. В этом значении термин «реконструкция» используется в клинической (психиатрической) психотерапии. Второе значение понимает «реконструкцию» как коренное переустройство, усовершенствование личности. При этом болезнь или расстройство трактуются не как причина изменений личности, а как следствие личностных особенностей, состоящих из определенных когнитивных, устойчивых поведенческих паттернов, стиля эмоционального реагирования, присущих данному человеку. В таком случае восстановление доболлезненного состояния не является по сути лечебным, т.е. не приведет к излечению. Второе понимание термина «реконструкция» личности более характерно для методологии психологического подхода и по своей сути является этиопатогенетическим.

В практике детской и подростковой психотерапии основной методологии является онтогенетический подход к построению психотерапевтической модели (методики). Теоретическая основа этого подхода – интеграция культурно-исторической теории психического развития Л.С. Выготского и эволюционно-биологическая концепция психических заболеваний, учение о психическом дизонтогенезе (Сухаре-

ва Г.Е., 1955; Ушаков Г.К., 1973; Ковалев В.В., 1979, 1985, 1995; Касаткин В.Н., 1999) [3]. Ю.С. Шевченко в 1995 г. предложил онтогенетически ориентированную, реконструктивно-кондуктивную модель психотерапии для детей и подростков, страдающих ПСР [3]. Сопровождающий кондуктивный подход, по И.А. Сковрцову (1995), заключается в обеспечении адекватных каждому возрастному периоду и достаточных для полного выполнения соответствующей ему программы развития мозга и его функций средовых воздействий, в предупреждении вредного влияния факторов, тормозящих развитие или препятствующих ему. Это хорошо согласуется с основными положениями культурно-исторической теории Л.С. Выготского о ведущей роли в развитии высших психических функций обучения, ориентированного на зону ближайшего развития.

Онтогенетически-ориентированная психотерапия активизирует два разнонаправленных процесса: первый – саморегуляция, мышление, деятельность с активным включением их в активную перестройку психики в качестве неиспользуемых ранее резервов; второй – стимуляция освоения личностью и ее ближайшим окружением более зрелых индивидуальных и социально-психических уровней функционирования, которые находятся в зоне ближайшего развития. Психокоррекция ориентирована на закономерности формирования психических свойств функциональных систем и личности ребенка [3].

Нами, на основе практической работы Краевого центра охраны психосоматического здоровья детей и подростков (г. Хабаровск), была построена и апробирована на практике интегративная модель оказания психологической помощи детям и подросткам, страдающим различными ПСР. Эта модель во многом сходна с моделью интенсивно-экспрессивной психотерапии и психокоррекции Ю.С. Шевченко и соавт., но имеет и существенные отличия.

Основные положения ЭПОГ¹ модели психокоррекции и психопрофилактики ПСР у детей и подростков:

1. Обязательная системная семейная психотерапия, направленная на изменение характера внутрисемейных и детско-родительских отношений, ибо страдающий ПСР ребенок – симптом нарушения семейной системы.

2. Психотерапия мамы ребенка, так как нарушенные ранние детско-материнские отношения являются этиологическим фактором психосоматогенеза ПСР. Приоритетным направлением является работа с материнской идентичностью.

3. Групповая психокоррекция по возрастному принципу с опорой на ведущий вид деятельности и

¹ ЭПОГ – этиопатогенетическая онтогенетическая модель психокоррекции и психопрофилактики психосоматических расстройств у детей и подростков.

закономерности развития психических функций и личности ребенка.

4. Сочетание групповой и индивидуальной психотерапии в программе психокоррекции страдающего ПСР ребенка (подростка).

5. Направленность групповой психотерапии на отработку навыков презентации себя в группе, спонтанности и открытости в установлении контактов, эмпатии к другому, умению конструктивно отстаивать свои интересы.

6. Работа с одним ребенком специалистов разного профиля: детского психолога, педиатра, логопеда, арт-терапевта.

7. Организация работы школы родителей с целью повышения психологической грамотности родителей и формирования навыков построения адекватных детско-родительских отношений.

8. Работа психологов с профессионалами, оказывающими значимое влияние на психическое развитие ребенка. Прежде всего, речь идет о педагогах начальной школы и среднего звена. Основные направления работы: повышение психологической грамотности, разрешение личностных проблем, профилактика и психотерапия СЭВ.

9. Повышение психологической грамотности педиатров, ознакомление их с психологическими механизмами ПСР.

Литература

1. Аммон Г. Психосоматическая терапия. СПб.: Речь, 2000. 239 с.
2. Абрамова Г.С., Юдич Ю.А. Психология в медицине: Учеб. пособие. М.: Кафедра М, 1998. 272 с.
3. Антропов Ю.Ф., Шевченко Ю.С. Лечение детей с психосоматическими расстройствами. СПб.: Речь, 2002. 557 с.
4. Арина Г.А. Психосоматический симптом как феномен культуры // Интернет-журнал «Ломоносов». – <http://www.nature.ru/db/author.html?id=1045>, 4.11. 2000
5. Выготский Л.С. Собрание сочинений. М., 1982.
6. Исаев Д.Н. Психосоматические расстройства у детей: руководство для врачей. СПб.: Питер, 2000. 512 с.
7. Карвасарский Б.Д. Психотерапевтическая энциклопедия. СПб.: Питер Ком, 1998.
8. Кулаков С.А. Основы психосоматики. СПб.: Речь, 2003. 238 с.
9. Лурия А.Р. Основы нейропсихологии. М.: Асадема, 2002.
10. Мясичев В.Н. Психология отношений / Под ред. А.А. Бодалева. Москва: Изд-во МПСИ; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2003. 400 с.
11. Николаева В.В., Арина Г.А. Клинико-психологические проблемы психологии телесности // Психологический журнал. 2003. Т. 24, № 1. С. 119–125.
12. Очерки динамической психиатрии: Транскультуральное исследование / Под ред. М.М. Кабанова, Н.Г. Незнанова. СПб.: Изд-во Ин-та им. В.М. Бехтерева, 2003. 438 с.
13. Тхостов А.Ш. Психология телесности. М.: Смысл, 2002. 287 с.

THEORETICO-METHODOLOGICAL ASPECTS OF BRINGING PSYCHOLOGICAL HELP FOR CHILDREN AND TEENAGERS WITH PSYCHOSOMATIC DISORDERS

N.A. Kravtsova (Vladivostok)

Summary. Theme of bringing psychological help for children and teenagers with differencing psychosomatic disorders is observing. Theoretico-methodological bases, analyzing of models of therapeutically helping are introducing. Basically evidence of psychological model of helping by author.

Key words: psychosomatic disorders, integrative psychotherapy, ethiopathogenetic ontogenetically model.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЗАЩИТА ЛИЧНОСТИ В ПРОГНОЗЕ ПСИХИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ

А.М. Богомолов, А.Г. Портнова (Кемерово)

Аннотация. Предлагается подход к прогнозированию развития адаптационного процесса на основе характеристик психологической защиты личности. Затронуты проблемы дифференциации механизмов защиты и совладающего поведения, описаны место и роль психологической защиты в структуре адаптационных реакций, свойства и критерии ее адекватности, рассмотрены особенности динамики психологической защиты при нормальной адаптации и в условиях нарушения адаптационного процесса, определены перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: психологическая защита личности, стратегии совладающего поведения, психическая адаптация, прогноз адаптационного процесса.

В современной отечественной психологии наблюдается возрастание интереса к различным аспектам проблемы психологической защиты. Распространение диагностического инструментария и широкое обсуждение проблемы в научной литературе способствуют организации экспериментальных исследований и получению новых эмпирических данных. Верификация и использование получаемых научных выводов в психологической практике происходят существенно меньшими темпами, сохраняется доминирование исследований общетеоретического характера над разработкой прикладных программ психологической помощи на основе описываемых свойств и закономерностей. На наш взгляд, идея приложения понятия психологической защиты к прогнозированию развития адаптационных реакций личности в микро- и макрохронологической перспективе определяет перспективное направление прикладных исследований.

Актуальность данной темы обусловлена задачами своевременной профилактики нарушений психологического здоровья и развития личности, а также теоретическими проблемами структуры психической адаптации и роли в ней бессознательных компонентов. Опираясь на понятие «прогноз психической адаптации», мы имеем в виду прежде всего оценку возможных адаптационных эффектов, состояния адаптационных ресурсов личности, дифференциацию преходящих нарушений адаптации и устойчивых дезадаптивных состояний.

Мы рассматриваем психологическую защиту как индивидуальный репертуар психологических защитных механизмов, объединенных системой внутренних и внешних связей с индивидуально-психологическими признаками и показателями социально-психологической адаптации. Функциональное назначение психологической защиты выражается в содействии интрапсихической адаптации личности посредством специфичных неосознаваемых механизмов и их сочетаний. Ведущую роль на разных этапах адаптационного процесса и в разные периоды времени могут брать на себя те или иные психические процессы и свойства, формируя и реализуя определенные защитные психологические механизмы.

Психологическая защита является ответом личности (как сложной системы) на возникшее рассогласование внутренних процессов вследствие трудных жизненных обстоятельств и выступает как способ уровневого переструктурирования, организации элементов и процессов для поддержания стабильности на период времени, необходимый для подготовки активных внутренних и внешних изменений.

Процесс образования защитных механизмов, вероятно, в немалой степени определяется психофизиологическими особенностями, индивидуальной предрасположенностью к тем или иным способам регуляции, особенностями нейродинамики и, что, возможно, наиболее важно, гибкостью и устойчивостью образования связей между психическими процессами в целях достижения «полезного эффекта» [3, 12]. Комбинации психических процессов в различные виды бессознательных интрапсихических адаптационных механизмов (со специфической структурой) потенциально неисчерпаемы, как и возможная номенклатура защитных механизмов [9]. В пользу данного предположения говорят факты, заключающиеся в том, что в реальной диагностической практике границы между отдельными механизмами оказываются весьма размытыми и выделение конкретных механизмов в определенной мере условно [13].

Представляется целесообразным, помимо выделения и исследования единичных психологических защитных механизмов как средства адаптации, усаиваемого в период развития личности, особое внимание уделить системообразующим факторам психологической защиты, закономерностям объединения на бессознательном уровне регуляции различных форм целенаправленной психической деятельности, согласованно реализующих адаптационные функции.

По мнению А.С. Прангшвили, А.Е. Шерозии и Ф.В. Бассина, психологическая защита выступает как обязательный компонент функциональной структуры любой психической травмы и, соответственно, структуры системного адаптационного ответа [10].

Мы предположили, что в условиях высокой интенсивности воздействия, новизны и внезапности стрессогенных факторов психологическая защита

выполняет роль оперативного адаптационного средства. В период отсутствия адекватной программы гомеостатического регулирования психологическая защита берет на себя основную функцию по сохранению психологического благополучия личности, но при этом является лишь этапом, предваряющим собственно процесс психической адаптации, в дальнейшем ее формы могут войти в программу адаптации или выступать латентными адаптационными способами. Консервацию защитных механизмов и доминирование в структуре функциональной системы психической адаптации обоснованно рассматривать как неудачную попытку формирования новой программы компенсаторно-приспособительного регулирования, обусловленную отсутствием личностных или средовых адаптационных ресурсов для ее реализации. Таким образом, фиксация их в структуре адаптационного ответа связана как с характером и продолжительностью воздействия и его субъективной значимостью, так и с индивидуально-психологическими свойствами субъекта адаптации [4].

Психологическая защита является неотъемлемой частью адаптационных реакций, включающих осознаваемые и неосознаваемые компоненты, различающиеся особенностями динамики и закономерности протекания. Изменение структуры психологического адаптационного ответа, соотношения его сознательных и бессознательных составляющих обуславливают различные отсроченные последствия для личности. Включение в адаптационные реакции интенсивной психологической защиты или доминирование стратегий совладающего поведения формируют качественно различные внутренние условия развития адаптационного процесса. В отличие от совладающего поведения, характеристики психологической защиты являются непосредственными маркерами состояния адаптационных ресурсов, свойств и функций личности.

Критерии дифференциации механизмов психологической защиты и совладающего поведения представлены в работах Р. Лазаруса, Л.И. Анцыферовой, Л.В. Куликова и других авторов [7, 8]. Подходы к разделению данных средств адаптации продолжают оставаться дискуссионными. Сегодня формируется тенденция рассматривать данные адаптационные механизмы в рамках целостных реакций, описывая общие и специфичные черты, при этом избегая противопоставления.

Открытым остается вопрос сопоставления активности психологической защиты и стратегий совладания в психологической диагностике. Какой уровень психологической защиты и совладающего поведения можно оценивать как приемлемый, если рассматривать их изолированно и совместно в рамках целостных адаптационных реакций? Какое сочета-

ние этих средств в адаптационном процессе является гармоничным, а какое обоснованно рассматривать как искажение структуры адаптационных реакций?

В сравнительном исследовании структурно-динамических свойств системы психологической защиты у подростков, находящихся в различных образовательных и воспитательных средах, проведенном под руководством А.Г. Портновой, мы сделали предположение, что оценка динамических свойств и изменчивости защитных механизмов в определенные фиксированные временные периоды и сопоставление с активностью функционирования механизмов совладания позволяет прогнозировать развитие адаптационного процесса, дифференцировать природу формирования дезадаптивных состояний и снижать риск их развития у детей, оказывать адресную, индивидуализированную психологическую помощь [4, 5].

На основании анализа результатов исследований Ф.Б. Березина, В.А. Ташлыкова, Ф.В. Бассина и соавт., В.Г. Каменской, Т.В. Тулупевой, посвященных проблеме защитных механизмов, было сделано предположение, что напряженность механизмов психологической защиты и ее динамика в период адаптационного цикла связаны с психофизиологическими ресурсами и эффективностью социально-психологической адаптации и могут выступать маркерами эффективности адаптационного процесса, состояния адаптационного потенциала личности, служить одним из оснований для выделения этапов адаптационного процесса [2, 3, 6, 14, 15].

Экспериментальное исследование структурно-динамических свойств системы психологической защиты подтвердило обоснованность данных предположений. Рассматривая психологическую защиту личности в рамках методологии комплексного подхода Б.Г. Ананьева, мы получили возможность описать ее как динамическую систему, интегральный психологический феномен, обладающий множественными внешними и внутренними корреляционными связями [1].

Анализ особенностей психологической защиты учащихся гуманитарной гимназии, общеобразовательных средних школ и воспитанников социальных приютов и наблюдение за протеканием адаптационного процесса в группе воспитанников приютов показывают, что динамика психологической защиты имеет сложный, целостный характер и в определенном соотношении сочетает признаки различных вариантов изменчивости. Было выделено четыре варианта изменчивости психологической защиты: вертикальный (изменение уровней характеристик напряженности механизмов психологической защиты), горизонтальный (смена ведущих механизмов), системный (изменение структуры индивидуального репертуара механизмов в целом) и уровневый (изменение соотношения

механизмов психологической защиты и совладающего поведения в адаптационных реакциях).

Вертикальный и горизонтальный варианты являются подвижными, преходящими, имеют локальный характер изменений. В то время как системный и уровневый варианты выступают относительно устойчивыми, более инертными и имеющими системный характер изменений. Анализ динамики психологической защиты (видов, темпа, направления и др.) и факторов, ее обуславливающих, способствует определению характера причинно-следственных связей и надежности тех или иных диагностических и прогностических критериев.

Заметим, что изменение активности или вида реализуемых защитных механизмов не является изолированным процессом, а включено в системные процессы, комплексный адаптационный ответ. Адаптационный контекст (система внутренних и внешних факторов) обуславливает изменение состояния всей функциональной системы психической адаптации и как результат – изменение режима ее функционирования и характера адаптационного ответа, а не только характеристик защитных механизмов.

Кроме того, функционирование психологической защиты характеризуется некоторым оптимальным диапазоном активности, границы которого очерчены пределом ее устойчивости как системы; в пределах этих границ сохраняется способность обеспечивать адаптационно-приспособительные реакции личности. Широта репертуара реализуемых механизмов, включающего механизмы различной структурно-функциональной сложности и зрелости, характеризует адаптационный ресурс личности и возможности реализации реакций различной интенсивности и продолжительности. Соотношение актуальных механизмов, составляющих «ядро» психологической защиты (по Т.В. Тулупевой), и латентных, определяющих некоторый потенциал реагирования, также представляется нам в качестве прогностического критерия [15].

В качестве критериев адекватности психологической защиты, на наш взгляд, уместно рассматривать: 1) функциональные свойства: меру напряженности и зрелости механизмов защиты; 2) свойства структуры: состав индивидуального репертуара защитных механизмов, силу и количество внешних связей с индивидуально-психологическими признаками и показателями социально-психологической адаптации, внутренние связи между защитными механизмами; 3) динамические свойства: темп разворачивания, гибкость изменения реализуемых механизмов и т.д. [4]

Устойчивость определенных свойств психологической защиты и характер связей с внешними и внутренними детерминантами адаптационного процесса служат основанием для заключения о надежности

тех или иных прогностических критериев и их комплексов. Критерии, в качестве которых выступают характеристики психологической защиты и на основе которых возможен прогноз развития адаптационного процесса, могут быть классифицированы на основании отнесения их к уровням проявления (индивидуальному, субъектно-деятельностному, личностному), определения чувствительности к изменению внутренних факторов адаптации и временной протяженности прогноза и т.д.

Функциональные свойства и особенности структуры психологической защиты взаимосвязаны, поэтому целесообразно выделение не разрозненных критериев, приемлемых для прогнозирования эффективности адаптационного процесса, а взаимосвязанных показателей, комплекс которых обладает более высокой прогностической ценностью. Эти показатели характеризуют особенности функционирования механизмов психологической защиты, связи с разноразмерными индивидуально-психологическими признаками, выраженность стратегий совладающего поведения.

Нарушение структурных, функциональных или динамических свойств системы психологической защиты личности и их соотношение определяют характер включения психологической защиты в патогенез дезадаптивных состояний и, в значительной степени, психологические проявления формирующихся расстройств адаптации [4].

Патогенез дезадаптивных нарушений сопровождается негативной динамикой свойств психологической защиты, выражаемой в приобретении ею устойчивости, ригидности, снижении структурно-функциональной сложности, снижении числа и ужесточении внутренних и внешних связей, возрастании напряженности функционирования, которые, как было сказано выше, рассматриваются в современных исследованиях как дифференциальные критерии и диагностические маркеры адекватности бессознательной адаптационной активности [3, 4, 11, 14].

Прогнозирование психической адаптации может быть осуществлено на основе метода моделирования (теоретического, графического, математического). В упоминавшемся ранее сравнительном исследовании психологической защиты у подростков была предложена структурно-динамическая модель системы психологической защиты, позволяющая анализировать изменчивость психологической защиты в контексте адаптационного ответа личности трудным жизненным обстоятельствам и в контексте развития личности [5].

Задачами дальнейших исследований является организация лонгитюдных исследований структурно-динамических свойств системы психологической защиты и выделение группы эмпирических показателей в рамках предложенной модели, формирующих основу для прогнозирования развития адаптацион-

ного процесса. Снижение неопределенности прогноза адаптации предполагает прежде всего корректное описание свойств психологической защиты в их причинно-следственных связях с индивидуально-психологическими характеристиками в процессе реальной динамики. В связи с этим оценка надежности методического инструментария и подходов к оценке защитных механизмов, сопоставление тахистоскопических, самооценочных, экспертных, проективных и психофизиологических методов исследования психологической защиты, на наш взгляд, являются перспективным направлением исследований.

Кроме того, включение в спектр рассматриваемых бессознательных адаптационных механизмов таких процессов, как фантазирование, подражание, идентификация, которые сопровождают интрапсихическую адаптацию (особенно в детский период онтоге-

неза), будет содействовать получению новых эмпирических данных, способствующих более глубокому пониманию бессознательных компонентов адаптационных реакций.

Таким образом, психологическая защита личности рассматривается нами в рамках понятий «адаптационный потенциал», «внутренние и внешние адаптационные ресурсы» субъекта адаптации и развития, являющихся базисными, интегральными понятиями в прогнозе психической адаптации. Прогнозирование психической адаптации призвано определить устойчивость личности к воздействию интенсивных стрессогенных факторов, предвосхитить возможные срывы адаптации и дифференцировать преходящие состояния нарушенной адаптации, которые в ряде случаев выступают факторами развития личности, от формирования устойчивых форм дезадаптации.

Литература

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. 339 с.
2. Бассин Ф.В., Бурлакова М.К., Волков В.Н. Проблема психологической защиты // Психологический журнал. 1988. Т. 9, № 3. С. 78–86.
3. Березин Ф.Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека. Л.: Наука, 1988. 270 с.
4. Богомолов А.М. Структурно-динамические свойства системы психологической защиты у детей подросткового возраста: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб.: СПбГУ, 2005. 24 с.
5. Богомолов А.М., Портнова А.Г. Структурно-динамическая модель системы психологической защиты личности // Успехи современного естествознания. 2005. № 3. С. 27–29.
6. Каменская В.Г. Психологическая защита и мотивации в структуре конфликта: Учеб. пособие для студ. пед. и психол. специальностей. СПб.: Детство-пресс, 1999. 144 с.
7. Куликов Л.В. Психогигиена личности: Вопросы психологической устойчивости и психопрофилактики. СПб.: Питер, 2004. 463 с.
8. Лазарус Р. Теория стресса и психофизиологические исследования // Эмоциональный стресс. Л.: Медицина, 1970. С. 178–208.
9. Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе / Пер. с англ. М.: Класс, 2003. 480 с.
10. Прангишвили А.С., Шерозия А.Е., Бассин Ф.В. Роль неосознаваемой психической деятельности в развитии и течении соматических клинических синдромов // Бессознательное: природа, функции, методы исследования. Тбилиси: Мецниереба, 1978. Т. 2. С. 195–216.
11. Психотерапевтическая энциклопедия / Под общ. ред. Б.Д. Карвасарского. СПб.: Питер, 1999. 752 с.
12. Рожнов В.Е., Бурно М.Е. Учение о бессознательном и клиническая психотерапия: постановка вопроса // Бессознательное: природа, функции, методы исследования. Тбилиси: Мецниереба, 1978. Т. 2. С. 346–354.
13. Романова Е.С., Гребенников Л.Р. Механизмы психологической защиты: Генезис. Функционирование. Диагностика. Мытищи, 1996. 144 с.
14. Ташлыков В.А. Психология лечебного процесса. Л.: Медицина, 1984. 192 с.
15. Тулупьева Т.В. Психологическая защита и особенности личности в период ранней юности. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. 91 с.

PSYCHOLOGY DEFENSE OF A PERSONALITY IN THE PROGNOSIS OF MENTAL ADAPTATION

A.M. Bogomolov, A.G. Portnova (Kemerovo)

Summary. The paper deals with the problem of psychological defense of personality. The approach to prognosis of adaptation process, suggested by the authors, based on characteristics of psychological defense. The authors touch on question of differentiation between mechanisms of psychological defense and coping behavior, describe place and role of psychological defense at the structure of adaptation reaction, properties and criteria of its adequacy. Dynamic of psychological defense in conditions of norm and disturbance of adaptation process is scrutinized in the article. At the end of the paper there is determination of tasks for subsequent investigations.

Key words: psychological defense of a personality, coping strategies, mental adaptation, prognosis of adaptation process.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АУДИАЛЬНОГО ОБРАЗА КЛИЕНТА

Э.В. Жилина (Санкт-Петербург)

Аннотация. В русле изучения проблем слухового восприятия поднимается вопрос содержания и структуры аудиального образа абонента. Приводятся результаты экспериментального исследования оперативного образа клиента у психологов-консультантов телефона доверия.

Ключевые слова: аудиальный образ, оперативный образ, консультант телефона доверия.

Большинство видов профессиональной деятельности включают в себя ведение деловых переговоров по телефону. Быстрые экономические изменения в нашей стране, рост общей деловой активности населения и повышение доступности мобильной телефонной связи привели к резкому скачку в использовании аудиальной формы коммуникации для решения широкого круга задач. Вместе с тем особенности и ограничения, накладываемые данной специфической формой взаимодействия, зачастую не учитываются должным образом профессионалами, что влечет за собой снижение эффективности телефонных переговоров. Дефицит специальных исследований, посвященных изучению особенностей восприятия информации в процессе телефонной коммуникации, затрудняет создание обучающих программ для профессионалов, работающих по телефону. В связи с этим вопросы передачи и получения аудиальной информации в настоящее время приобрели особую значимость.

Среди современных отечественных исследований проблемы слухового восприятия можно условно выделить два направления. В работах первого направления (исследования В.Х. Манерова [4, 5], В.П. Морозова [6, 7], Е.А. Соловьевой [11, 12] и др.) изучаются возможности диагностики свойств говорящего (объекта восприятия) на основании его голоса и речи и внутренние факторы (особенности слушающего), влияющие на этот процесс. Второе направление акцентирует внимание на внешних факторах восприятия аудиальной информации принимающим субъектом, т.е. изучается влияние ситуации восприятия на характер и успешность решения коммуникативных (и других) задач. К этому направлению можно отнести работы [1, 2, 3], исследования Межведомственного коллектива «Человек – Техника – Акустическая среда» в Институте психологии РАН [8], исследование Е.А. Соловьевой [13] и др. Полученные экспериментальные данные свидетельствуют о возможности адекватной диагностики эмоционального состояния говорящего и построения психологического портрета человека по его голосу и речи. Вместе с тем результаты исследований показывают, что возможности диагностики свойств говорящего по его голосу и речи ограничены и опосредованы особенностями слушающего. Также доказано, что на процесс восприятия аудиальной инфор-

мации влияют внешние факторы – особенности ситуации взаимодействия.

Несмотря на то, что в большинстве указанных работ поднимается вопрос о влиянии особенностей слушающего на восприятие аудиальной информации, во главу угла ставится эффективное или неэффективное решение слушающим поставленных задач (оценка звукового сигнала, диагностика конкретных свойств говорящего и т.п.). В качестве нового аспекта рассмотрения данного вопроса мы предлагаем изучение влияния свойств воспринимающего субъекта на построение им целостного образа абонента. Проблема образа говорящего, возникающего у слушающего, сводит воедино исследование субъекта и объекта восприятия, т.к. включает в себя как свойства абонента, так и особенности воспринимающего звена. Кроме того, нам представляется важным сделать упор на профессиональных особенностях воспринимающего, т.е. изучить влияние профессиональной направленности на формирование образа говорящего (по его голосу и речи). Следует отметить, что профессиональная составляющая восприятия образа собеседника в русле проблем слухового восприятия до сих пор не рассматривалась в литературе.

В процессе разработки эксперимента было проведено пилотажное исследование, которое показало, что содержание и структура аудиального образа абонента значительно различаются у студентов, представляющих разные профессиональные группы (по Е. Климову) [9, 11]. Для подробного изучения профессиональных особенностей аудиального образа человека на основании его голоса и речи нами была выбрана профессиональная группа специалистов, чья деятельность неразрывно связана с аудиальным образом клиента, а именно группа психологов-консультантов телефона доверия (телефон экстренной психологической помощи). Обычно понятие оперативного образа (по Д.А. Ошанину) используют применительно к профессиям субъект-объектным. Тем не менее в ситуации, когда задачей профессиональной деятельности является изменение состояния человека и воздействие осуществляется дистанционно (в отсутствие визуального контакта), образ клиента выступает для специалиста именно в качестве оперативного образа. К профессиям подобного рода, безусловно, относится деятельность психолога-консультанта телефона экстренной психологической помощи.

Для консультанта телефона доверия полнота и адекватность образа клиента служат важными условиями эффективности решения профессиональных задач. Отсутствие зрительной информации о клиенте является объективной трудностью формирования образа абонента, при этом консультанту необходимо правильно оценивать состояние клиента, изменяющееся в процессе консультации [10]. В силу этого оперативный образ находится в процессе постоянного формирования и уточнения. Недостаток информации в напряженной ситуации консультирования вынуждает психолога «достраивать» образ абонента за счет собственного личного и профессионального опыта.

Несмотря на очевидные различия в образах клиентов, обусловленные личностью конкретного абонента и консультанта, можно предположить, что структура оперативного образа клиента отражает общие для данной профессиональной группы цели и задачи профессиональной деятельности. Если это так, то содержание и структура образа клиента различаются у представителей разных профессиональных групп субъект-субъектной направленности и изменяются с накоплением профессионального опыта. С целью проверки данной гипотезы было проведено экспериментальное исследование особенностей образа клиента у психологов-консультантов телефона доверия.

Экспериментальное исследование аудиального образа абонента

Для достижения поставленной цели нами предстояло последовательно решались следующие задачи: исследовать психологическую структуру аудиального образа условного клиента; изучить особенности аудиального образа клиента у представителей разных профессиональных групп субъект-субъектной направленности; изучить влияние опыта работы с аудиальной информацией на образ клиента.

В качестве испытуемых к исследованию были привлечены профессиональные психологи, работающие на телефонах доверия не менее одного года (32 человека – 24 женщины и 8 мужчин в возрасте от 23 до 49 лет, средний возраст 33 года). Контрольную группу составили работающие психологи, занимающиеся очным консультированием и не имеющие опыта работы телефонными консультантами (30 человек, средний возраст 37 лет); студенты факультета психологии СПбГУ и архитектурного факультета СПбГАСУ (130 человек, средний возраст 22 года).

Для исследования содержания и структуры оперативного образа, возникающего в процессе консультации, нами был выбран метод свободного описания психологического портрета. Был организован моделирующий эксперимент, воссоздающий рабочую ситуацию консультирования. Испытуемые прослушива-

ли два коротких отрывка аудиозаписи, имитирующих обращения за помощью на телефон доверия. Отрывки предъявлялись в качестве реальных звонков клиентов (мужчины и женщины). Консультантам (или условным консультантам – студентам) предлагалось представить, что они находятся на дежурстве и принимают эти звонки. По окончании прослушивания каждого отрывка испытуемые в письменной форме давали описание психологического портрета условного клиента. Вопросы инструкции были сформулированы в максимально открытой форме, чтобы избежать каких-либо установок на определенный характер и тип ответов: «Вы прослушали фрагмент записи. Что вы можете сказать об этом человеке? Кто он (она)? Какой он (она)? Напишите все ваши предположения». Полученные описания далее обрабатывались методом контент-анализа высказываний. Обратимся к результатам анализа.

Психологическая структура аудиального образа условного клиента

Контент-анализ текстов описаний психологических портретов (по всем группам испытуемых) позволил выделить 19 типов характеристик условного клиента: биофизические, внешности, речевые, индивидуально-личностные, социально-типологические, формулировка проблем, механизмы возникновения проблем, предположения о жизненной ситуации клиента, предположения о поведении и переживаниях клиента в других ситуациях, повторение содержания монолога с обобщением, проявление понимания и сочувствия, описание актуального эмоционального состояния клиента, положительная оценка, негативные критические оценки, «шаблоны и стереотипы», предположения о мотивах обращения, предположения о дальнейшей работе, проявления «рабочего интереса».

Наиболее часто встречаемыми характеристиками по всей выборке в описаниях как мужчины, так и женщины выступили: биофизические характеристики (примеры высказываний: *человек, женщина, мужчина, девушка, около 40 лет, достаточно сильный, есть физический недуг, физически совершенно здоров и т.д.*); предположения о поведении (мыслях, переживаниях) человека в других ситуациях (*не оставляет за собой следов, грязь; может быть душой компании, но без удовольствия и т.п.*), формулировка проблем (*страх делать ошибки, боязнь отношений с противоположным полом и т.д.*) и индивидуально-личностные характеристики (*замкнутая, творческая натура, с сильной волей и т.п.*).

Особенности образа клиента у консультантов телефона доверия

Для выявления особенностей содержания и структуры оперативного образа клиента у консультантов

телефона доверия мы сравнивали психологические портреты, представленные телефонными консультантами, с психологическими портретами психологов, занимающихся очным консультированием. В табл. 1 представлены данные частотного распределения типов характеристик в образах (по сумме двух описаний) и отражены значимые различия между группами. Также мы анализировали количество специалистов обеих групп, использовавших в описаниях каждый тип характеристик. Значимые различия представлены в табл. 2.

Согласно полученным данным (см. табл. 1, 2), пять из девятнадцати типов характеристик демонстрируют значимые различия между двумя группами испытуемых одновременно по структуре образов и по частоте встречаемости в описаниях. Это характеристики формулировки проблем, указания на механизм проблем (примеры высказываний: *все это сформировалось в детстве; не получил адекватной поддержки от родителей, в связи с этим ушел в себя и т.п.*), речевые характеристики (*тихий голос; четко выражает свои мысли; голос плаксивый; перепады голоса и*

т.д.), сомнения в искренности (*сочинил историю; начало диалога вызывает недоверие; голос не соответствует словам и т.п.*) и повторение содержания монологов. Индивидуально-психологические и биофизические характеристики обнаруживают значимые различия по одному из двух показателей.

Как видно из табл. 1, в психологических портретах клиентов, представленных психологами, наиболее частотной характеристикой является формулировка проблем клиента, в то время как у телефонистов преобладают предположения о поведении (мыслях, переживаниях) клиента в разных жизненных ситуациях. Этот факт можно объяснить с точки зрения влияния цели профессиональной деятельности на образ клиента. Цель работы телефонного консультанта – воздействовать на поведение клиента (предотвратить разрушающее поведение или побудить к продуктивным действиям) через изменение его актуального состояния. Адекватный прогноз поведения абонента – важная составляющая эффективной экстренной психологической помощи по телефону. Очно консультирующие психологи работают в ме-

Таблица 1

Частотное распределение характеристик в образах условного клиента

Типы характеристик	Средние значения / ранги				t-критерий
	Психологи		Телефонные консультанты		Уровень значим.
Формулировка проблем	3,73	19	2,19	15	0,001
Механизм проблем	0,6	9	0,13	2	0,014
Индивидуально-психологические	2,97	16	1,56	14	0,025
Сомнения в искренности	0,1	3	0,41	8,5	0,034
Речевые характеристики	0,1	3	0,47	10	0,047
Повторение содержания	1,03	11,5	0,43	8,5	0,049
Предположения о жизненных ситуациях	2,07	15	2,25	16	$p > 0,05$
Биофизические	3,33	17	2,44	18	
Характеристики внешности	1,03	11,5	1,22	12	
Социально-типологические	0,23	6	0,31	6,5	
Мотивы обращения	0,1	3	0,25	5	
Предположения о поведении	3,47	18	3,28	19	
Шаблоны, стереотипы	1,83	14	1,5	13	
Критические замечания	1,43	13	2,4	17	
Положительная оценка	0,27	7	0,19	3,5	
Актуальное состояние	0,43	8	0,19	3,5	
Проявление сочувствия	0,77	10	0,59	11	
Рабочий интерес	0,03	5	0,09	6,5	
Рабочие мысли	0,13	1	0,31	1	

Таблица 2

Значимые различия частоты встречаемости характеристик в описаниях психологов и телефонных консультантов

Типы характеристик	Частота встречаемости (%)		φ критерий
	Психологи	Телефонные консультанты	Уровень значимости
Формулировка проблем	93,3	71,9	$p < 0,01$
Речевые характеристики	6,7	28,1	$p \leq 0,01$
Механизм проблем	36,7	12,5	0,011
Повторение содержания	43,3	18,8	0,017
Биофизические	93,3	75	0,02
Сомнения в искренности	10	28,1	0,031

нее жестких временных рамках, они реже занимаются кризисными проблемами, требующими немедленного вмешательства, обычно имеют возможность пролонгированного консультирования с отслеживанием состояния (и поведения) клиента. Более спокойная, длительная работа по разрешению заявляемых психологических трудностей клиента требует определения «проблемного поля» – выявления основных «проблем» клиента и причин (механизмов) их возникновения. Как показывают табл. 1 и 2, указания на механизмы возникновения проблем в психологических портретах психологов контрольной группы также встречаются чаще, чем в описаниях телефонных консультантов, и занимают более высокий ранг. Определению «проблемного поля» сопутствуют предположения об индивидуально-психологических особенностях клиента, которые также занимают более высокий ранг в образах психологов.

По сравнению с описаниями контрольной группы психологов, в образах клиентов телефонных консультантов большую представленность получают речевые характеристики абонентов и сомнения в искренности обращения клиента за помощью. Данный факт также свидетельствует в пользу выдвинутой гипотезы о том, что в структуре оперативного образа клиента находят отражение цели и задачи профессиональной деятельности: внимание к речевым особенностям является необходимым условием построения адекватного образа клиента. Профессиональная чувствительность консультантов телефона доверия к невербальным характеристикам речи позволила им заметить рассогласования постановочных монологов, объективно имевшие место и незаметные для подавляющего большинства психологов контрольной группы.

Наконец, образы телефонистов содержат меньше биофизических характеристик и повторений содержания рассказа клиента. То, что каждый четвертый телефонный консультант не упомянул в обоих описаниях ни одной биофизической характеристики (*человек, женщина, мужчина, девушка, около 40 лет, достаточно сильный, есть физический недуг, физически совершенно здоров и т.п.*), может свидетельствовать об «отрыве» аудиального оперативного образа клиента от «биологической составляющей». Дефицит зрительной информации о клиенте и объективные трудности адекватной оценки биофизических характеристик человека по его голосу приводят к нивелированию этой важной составляющей образа абонента. Что касается дефицита повторений содержания прослушанных монологов, возможно, подобное «невнимание» телефонных консультантов к рассказу абонента объясняется необходимостью оперативного реагирования на запрос клиента, когда информация, полученная от клиента, сразу «перерабатывается» консультантом в прогноз его поведения.

Влияние опыта работы с аудиальной информацией на образ клиента

Изучение особенностей образа клиента в зависимости от опыта телефонного консультирования проводилось на основании анализа описаний, выполненных телефонными консультантами с разным стажем работы на телефоне доверия.

Результаты контент-анализа описаний консультантов выделенных групп дают следующую картину рейтингов характеристик.

Как видно из рис. 1, в группе консультантов со стажем до двух лет преобладает характеристика по-

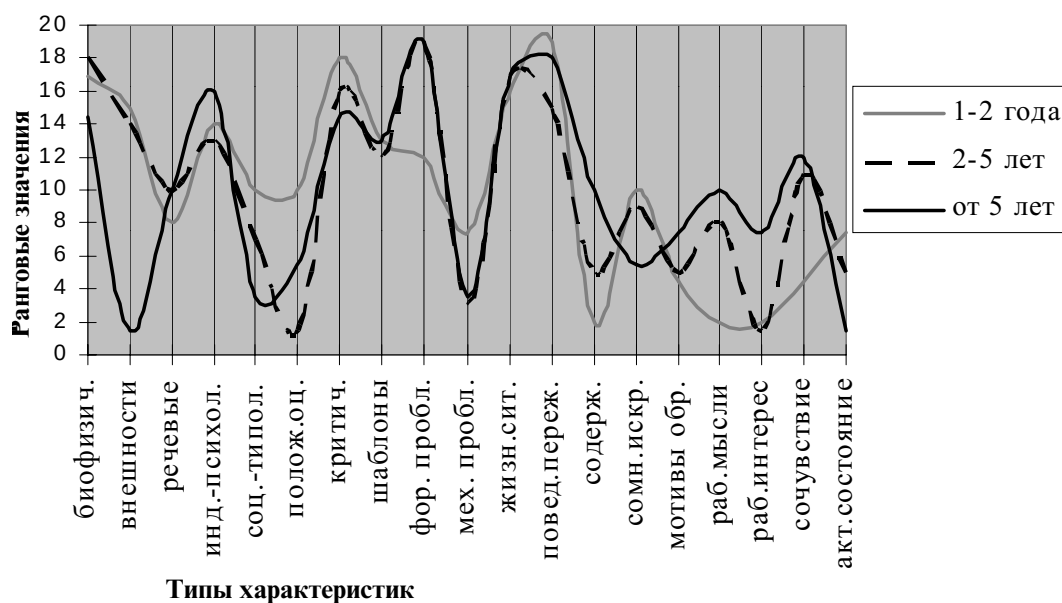

Рис. 1. Образ клиента у телефонных консультантов в зависимости от опыта работы

ведения (мыслей, переживаний) клиента в разных жизненных ситуациях. На втором месте по частоте встречаемости стоят негативные критические высказывания в адрес абонента.

В описаниях консультантов среднего стажа работы на телефоне (от двух до пяти лет) лидируют формулировки проблемы (по сумме двух описаний и в описании мужчины) и биофизические характеристики.

Психологические портреты телефонистов со стажем работы более 5 лет в качестве преобладающих характеристик содержат формулировки проблем и предположения о поведении (мыслях, переживаниях) клиентов в различных жизненных ситуациях.

Проследим динамику изменений представленности отдельных типов характеристик в описаниях телефонистов от первой к третьей группе согласно увеличению стажа телефонной работы.

На уровне статистической значимости (см. табл. 3) можно отметить увеличение частоты встречаемости формулировок проблем клиентов (коэффициент корреляции Спирмена 0,58 при $p < 0,001$), повышение «рабочего интереса» (0,36 при $p = 0,04$) и уменьшение количества предположений об особенностях внешности абонента (–0,46 при $p = 0,04$).

На рис. 1 можно видеть тенденцию постепенного снижения ранговых позиций социально-типологических характеристик, негативных критических оценок, сомнений в искренности и характеристик актуального эмоционального состояния клиента по мере приобретения опыта работы на телефоне доверия. Одновременно повышаются ранговые позиции проявлений «понимания и сочувствия», предположений о дальнейшей работе («рабочие мысли») и повторения содержания рассказа абонента.

Таблица 3

Значимые коэффициенты корреляции частоты использования типов характеристик и опыта телефонного консультирования

Тип характеристик	Коэффициент корреляции Спирмена	Уровень значимости
Формулировка проблем	0,58	$p < 0,001$
Рабочий интерес	0,36	$p = 0,04$
Характеристика внешности	–0,46	$p = 0,04$

Заключение

Полученные экспериментальные данные свидетельствуют о том, что содержание и структура образов условных клиентов у консультантов телефона доверия действительно имеют специфические особенности по сравнению с образами специалистов близкой профессиональной группы – очно консультирующих психологов.

В образах телефонных консультантов преобладают прогнозы поведения абонента, что объясняется целями и задачами их профессиональной деятельности – эффективно воздействовать на поведение клиента в жестких временных рамках короткой телефонной консультации. Большую представленность в образах телефонных консультантов по сравнению с очно консультирующими психологами получают характеристики речи (в том числе указания на рассогласования). Это соответствует повышенной чувствительности консультантов к единственному источнику получения информации о клиенте – его голосу и речи.

Накопление опыта телефонного консультирования отражается на содержании и структуре образа клиента. По сравнению с начинающими специалистами опытные консультанты чаще формулируют проблемы клиента, делают предположения о ходе работы с ним и меньше внимания уделяют внешности абонента. Также с опытом работы возрастают понимание клиента и проявление сочувствия его трудностям.

Таким образом, подтверждается наше предположение о влиянии целей и задач и содержания профессиональной деятельности на содержание и структуру оперативного образа, создаваемого на основе аудиальной информации.

Проведенное исследование показывает возможность использования методов моделирующего эксперимента и психологического портрета (с последующим контент-анализом высказываний) для изучения психологической структуры оперативных образов в профессиях субъект-субъектной направленности.

Литература

1. Беляева А.В. Влияние коммуникативных ситуаций на восприятие и описание сложного звука // Психологические исследования общения. М., 1985. С. 103–130.
2. Беляева А.В. Новые данные о характеристиках сложного слухового образа // Психология восприятия: Материалы советско-норвежского симпозиума. М.: Наука, 1989. С. 28–35.
3. Ломов Б.Ф. Вербальное кодирование в познавательных процессах. М., 1986. 128 с.
4. Манеров В.Х. Успешность восприятия говорящего в зависимости от индивидуальных особенностей слушателей // Вопросы психологии. 1990. № 1. С. 147–153.

5. Манеров В.Х. Экспериментально-теоретические основы социальной идентификации и интерпретации говорящего: Дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 1993. 457 с.
6. Морозов В.П. Психологический портрет человека по невербальным особенностям его речи // Психологический журнал. 2001. Т. 22, № 6. С. 48–63.
7. Морозов В.П. Эмоциональный слух человека // Журн. эволюц. биохим. и физиол. 1985. Т. 21, № 6.
8. Проблемы экологической психоакустики: Сб. науч. трудов. М., 1991. 247 с.
9. Соколова Э.В. Анализ восприятия мономодальных стимулов с использованием методов психосемантики // Психология XXI века: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2003. С. 381–383.
10. Соколова Э.В. Профессиограмма психолога-консультанта телефона доверия // Вестник Балтийской педагогической академии. 2004. С. 64–69.
11. Соловьева Е.А. Особенности речевого поведения в состоянии эмоциональной напряженности // Материалы VII Всесоюз. конф. по инженерной психологии. Л., 1988. С. 157–158.
12. Соловьева Е.А. Психолингвистические корреляты успешности выступления горнолыжников // Ананьевские чтения 2000: Тез. науч.-практ. конф. СПб., 2000. С. 69–70.
13. Соловьева Е.А. Семиотические механизмы воздействия музыки как компонента среды // Ананьевские чтения-2004: Тез. науч.-практ. конф. СПб., 2004. С. 620–622.

PROFESSIONAL FEATURES OF CALLER'S AUDIBLE IMAGE

E.V. Zilina (St. Petersburg)

Summary. In keeping with the problems of audio perception deals with the content and structure of audible image of caller. Adduce the data of pilot study dedicated to hot-line consultant's operational perceptive image of caller.

Key words: audible image, operational image, phone consultant, hotline consultant.

Кабрин В.И. Коммуникативный мир и транскоммуникативный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования. – М.: Смысл, 2005. – 248 с.

ISBN 5-89357-214-9

В монографии представлен комплекс теоретических, методологических, методических разработок и моделей автора, объединенных идеями коммуникативного подхода в психологии. На феноменологическом, теоретическом и операциональном уровнях рассмотрены коммуникативное пространство и коммуникативный мир личности; транскоммуникативный процесс и транскоммуникативный потенциал личностного роста.

Представлены авторские разработки исследовательских техник «Психосемантический граф», «Шкалограмотный профиль коммуникативности», «Метод моделирования коммуникативных миров» и «Тест транскоммуникативных состояний», исследования транскоммуникативных качеств личности и группы в активных образовательных, тренинговых практиках и более широких социокультурных контекстах.

Для психологов и представителей других гуманитарных специальностей.

ИЗУЧЕНИЕ СОСТОЯНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ И ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ПЕРЕЖИВАНИЙ У РОДИТЕЛЕЙ, ВОСПИТЫВАЮЩИХ ДЕТЕЙ-ИНВАЛИДОВ

Л.Г. Заборина (Чита)

Аннотация. Анализируются особенности психического состояния в условиях хронического стресса у родителей, воспитывающих детей-инвалидов с помощью методики «Незаконченные предложения». Показано, что эмоциональные переживания родителей детей-инвалидов качественно отличаются от переживаний родителей, воспитывающих здоровых детей.

Ключевые слова: хронический стресс, эмоциональное переживание, психическая напряженность, чувство вины, родители детей-инвалидов.

Проблема интеграции в социум, повышения качества жизни детей-инвалидов и их семей была и остается актуальной. В нашей стране с каждым годом число детей с тяжелыми врожденными и приобретенными заболеваниями, приводящими к полной инвалидности, увеличивается. Это связано не только с негативными моментами: ухудшением состояния окружающей среды, снижением уровня жизни, алкоголизацией населения, но и с таким положительным явлением, как повышение качества медицинского обслуживания населения, в частности с развитием медицинских технологий, особенно в области реанимации и интенсивной терапии новорожденных и детей раннего возраста. Улучшение медицинской помощи матери и ребенку в связи с бурным развитием медицинской науки и техники во второй половине XX в. значительно снизило детскую смертность, что привело к увеличению выживаемости, и актуальной стала новая проблема – качество жизни выживших детей и их семей.

Семья является ближайшим и первым постоянным социальным окружением для ребенка. Воспитательная значимость семьи особенно возрастает в случае рождения ребенка с ограниченными возможностями. Появление малыша с каким-либо серьезным заболеванием меняет весь образ жизни семьи. Воспитание тяжелобольного ребенка отнимает много сил у его родителей. С ростом ребенка физические, моральные, материальные затраты на воспитание увеличиваются. Следствием этого становится повышение психической напряженности родителей, переживание негативных эмоций (стресс). Такая ситуация часто длится годами, иногда десятилетиями, стресс из критического, изменяющего жизнь события становится хроническим. Некоторые исследователи, описывая ситуацию, в которой оказывается семья ребенка-инвалида, обозначают ее как «родительский стресс» [1].

Несмотря на большое разнообразие подходов к исследованию стресса, работ, посвященных изучению такого явления, как хронический стресс и его влияние на человека, в психологической науке еще явно недостаточно. Последствия хронического стресса рассматриваются, главным образом, в аспекте

профессиональной деятельности человека [2–6]. Практически отсутствуют исследования хронического стресса, связанного с длительной болезнью, инвалидностью, уходом за больными.

Наша работа посвящена изучению состояния психологической напряженности и эмоциональных переживаний у родителей, воспитывающих детей-инвалидов. Она является частью исследования, посвященного изучению ценностно-смысловой составляющей образа мира родителей детей-инвалидов. Соответственно цели нашего исследования были сформированы две группы испытуемых. В основную группу вошли родители, дети которых страдают тяжелыми заболеваниями нервной системы: детский церебральный паралич (ДЦП) – двойная гемиплегия, атонически-астоническая форма; резидуальная энцефалопатия. Двойная гемиплегия является самой тяжелой формой ДЦП. Прогноз ее крайне неблагоприятен, заболевание сопровождается полной инвалидностью ребенка. Атонически-астоническая форма ДЦП также имеет тяжелый прогноз [7. С. 28]. Диагноз «резидуальная энцефалопатия» ставился в нашем случае детям, которые в раннем периоде жизни (новорожденность и младенчество) перенесли органическое повреждение центральной нервной системы вследствие перенесенной инфекции. У большинства детей выборки основное заболевание сопровождается нарушением работы анализаторов (зрительного, слухового или зрительного и слухового); многие дети имеют грубую задержку психического развития, в том числе речевую. Хотелось бы подчеркнуть особенность основной выборки: по заключению медико-социальной экспертизы, все дети, родители которых приняли участие в исследовании, имеют низкую способность к реабилитации и адаптации в обществе; объективно состояние детей оценивается как тяжелое. Возраст детей, родители которых приняли участие в исследовании в качестве основной группы, старше двух с половиной лет. Количество обследованных родителей основной и контрольной групп составило по 50 человек в каждой.

В контексте заявленной проблематики мы остановимся на одном из аспектов заявленной темы, а именно на изучении состояния психической напря-

женности и характера эмоциональных переживаний с помощью методики «Незаконченные предложения» [8], модифицированной специально для родителей детей, которые имеют проблемы со здоровьем. Незаконченные предложения (в количестве двадцати шести) в данном варианте составлены так, чтобы в их продолжениях проецировались основные аспекты внутренней картины переживаний. Процедура использования методики часто вызывала эмоционально насыщенные реакции испытуемых (несколько раз участие в исследовании заканчивалось аффективными вспышками у родителей детей-инвалидов). Осознание и проговаривание родителями их проблем и проблем собственных детей приводило к стойкому снижению настроения, иногда к отказу от работы с методикой и от участия в исследовании. Многие родители после проведения данного вида работы говорили об усталости.

В таблице представлены статистические показатели и коэффициент эмоционального напряжения в выборках по методике «Незаконченные предложения». Самые большие коэффициенты эмоционального напряжения как в основной, так и контрольной выборке получены в группах предложений «отношение к болезни» (0,84 и 0,68 соответственно), «представление о болезни» (0,70 и 0,68) и «представление о здоровье» (0,66 и 0,72). Фактически мало различаются коэффициенты напряжения в выборках по группам предложений «представление о болезни» (0,70 и 0,68 соответственно), «представление о будущем» (0,48 и 0,46), «отношение семьи к болезни» (0,62 и 0,61), «отношение ребенка к врачам» (0,53 и 0,52).

Рассмотрим более подробно полученные данные. Высокий коэффициент эмоционального напряжения в основной группе выявлен в группе предложений «отношение к болезни» («Когда я думаю о его болезни...», «Самое неприятное в его болезни...» и др.) – 0,84. Анализ ответов этой группы предложений показывает, что в ответах родителей детей-инвалидов доминирует негативная окрашенность переживаний («Когда я думаю о его болезни, то мне очень тяжело», «...мне больно», «...я страдаю»). В ответах родителей контрольной группы негативная окрашенность выражена

не так явно, в ответах родителей здоровых детей доминируют ответы с «оптимистичным» прогнозом («Когда я думаю о его болезни, я знаю, что он выздоровеет», «...что он скоро поправится»).

Высокий коэффициент напряжения выявлен и в группе предложений «представление о болезни» – 0,70 («Он заболел, потому что...», «Среди многих других болезней болезнь моего ребенка...» и др.) и «отношение семьи к болезни» – 0,62 («Когда стало известно о болезни моего ребенка...», «Мои близкие думают, что я...» и др.). Родители основной группы говорят о переживании шока, чувства страха, отчаяния, боли («Когда я впервые узнала о болезни ребенка, у меня был шок»); болезнь переживается ими как нечто страшное, непоправимое («Среди многих болезней болезнь моего ребенка самая страшная»); отмечается большая негативная окрашенность предложений, чем у родителей контрольной группы («С такой болезнью, как у моего ребенка, сложно жить и быть счастливым» – пример предложения родителя из основной группы; «С такой болезнью, как у моего ребенка, справиться несложно» – пример предложения родителя из контрольной группы).

Таким образом, анализ полученных групп предложений позволяет сделать вывод: коэффициенты напряжения в основной и контрольной группах значительно различаются только в двух группах переживаний («отношение к болезни» и «отношение к лечению»). Качественный анализ групп предложений выявляет, что переживания родителей детей-инвалидов отличаются от переживаний родителей контрольной группы по степени их негативной окрашенности.

Наиболее содержательно и полно незаконченные предложения продолжали родители основной группы. Родители контрольной группы, продолжая незавершенные предложения, испытывали чувство недоумения по поводу содержания незаконченных предложений методики, так как им не объяснялось, что они принимают участие в исследовании в качестве контрольной группы и их ответы будут сравниваться с ответами родителей, воспитывающих детей-инвалидов.

Проведем качественный анализ полученных предложений. Родители детей-инвалидов формируют

Некоторые статистические показатели и коэффициент эмоционального напряжения в выборках по методике «Незаконченные предложения»

Группа предложений	Родители детей-инвалидов			Родители здоровых детей		
	М	Мах	К напряжения	М	Мах	К напряжения
Представление о здоровье	2	3	0,66	1,82	2,5	0,72
Представление о болезни	2,83	4	0,70	2,04	3	0,68
Отношение к болезни	3,36	4	0,84	2,75	4	0,68
Отношение к лечению	1,78	4	0,44	1,65	2,5	0,66
Представление о будущем	0,97	2	0,48	0,7	1,5	0,46
Отношение семьи к болезни	2,19	2	0,62	1,85	3	0,61
Отношение ребенка к врачам	1,59	3	0,53	1,3	2,5	0,52

Примечание. М – среднее число, Мах – максимальное число, К – коэффициент напряжения.

свою концепцию заболевания ребенка. Чаще всего она представлена следующим образом: «Существуют виновные в заболевании ребенка, он заболел по чьей-то халатности». Чаще всего виноватыми в болезни оказываются врачи – 24,9% ответов («Здоровье моего ребенка было бы хорошим, если бы не врачи», «...если бы не перестраховка врачей», «...если бы врачи отнеслись к нему ответственно в родах»). Некоторые родители виновными в том, что заболел их ребенок, считают себя – в среднем 15,7% («Он заболел, потому что я вела себя в родах неправильно», «...я во всем виновата»). Есть еще одна группа «обезличенных» ответов – 33,3%, где родители называют объективную причину заболевания ребенка. Это процесс протекания беременности и родов или какая-то другая «медицинская причина» («Здоровье моего ребенка было бы хорошим, если бы роды были в срок», «...если бы не травма при родах», «...это из-за кисты, из-за преждевременных родов, подвывиха, недоразвития зрительных нервов»).

Дополняя незаконченные предложения, родители больных детей указывают на переживание своих чувств чаще, чем родители контрольной группы. Родители детей-инвалидов говорят о переживании боли, тяжести, чувстве вины, чувстве страха («Когда я думаю о его болезни, то мне плохо, больно», «...то мне очень тяжело на сердце, порой не знаю, что мне делать», «...я очень сильно переживаю»). Небольшой процент родителей основной группы все же надеется на выздоровление своего ребенка – 13,5% («Когда я думаю о его болезни, то надеюсь, что ребенок выздоровеет»). Многие родители указывают на то, что когда они узнали о заболевании своего ребенка, то пережили шок, чувство потрясения («Когда стало известно о болезни моего ребенка, у меня был шок», «...я сходила с ума», «...весь мир обрушился»). Также родители основной группы говорят о неверии в случившееся («Когда стало известно о болезни моего ребенка, я не поверила этому»), непонимании того, что произошло («...мы не сразу все поняли», «...я не поняла, что это за болезнь, мне было неприятно и страшно»).

Родители основной группы осознают, что для воспитания больного ребенка необходимо очень много сил (10,2%), времени и внимания к ребенку (15,3%), средств (33,3%), терпения (25,6%). Абсолютное большинство (97,5%) родителей основной группы мечтают только об одном – чтобы их ребенок выздоровел («Я хочу, чтобы когда-нибудь мой ребенок выздоровел», «...моя дочь начала ходить и стала полноценным человеком», «...случилось чудо, и мой ребенок вылечился»). Некоторые родители осознают бесплодность своих желаний, объективно оценивая состояние своего ребенка («Я хочу, чтобы когда-нибудь мой ребенок что-нибудь научился делать сам»).

Многие из родителей основной группы берут на себя ответственность за состояние своего ребенка на сегодняшний день – 45% («Его здоровье зависит, прежде всего, от меня») или возлагают ее на обоих родителей сразу – 32,5% («Его здоровье зависит прежде всего от нас и нашей любви», «...от меня и мужа»). 12,5% родителей основной группы надеются на Бога; 22,5% – на врачей и процесс лечения; 12,5% родителей говорят, что здоровье ребенка зависит от него самого (для сравнения: родители контрольной группы в 85% случаях говорят о том, что «его здоровье зависит прежде всего от него самого»).

Заканчивая предложение «Самое неприятное в его болезни...», родители основной группы чаще всего указывают на какую-то конкретную дисфункцию ребенка. Большую значимость для родителей имеет развитие двигательных навыков сына или дочери – 35% ответов: «Самое неприятное в его болезни то, что он не может двигаться», «...что он сам не ходит, не кушает, ничего сам не может делать», «...то, что она сама не сидит, не шевелится, не ходит ногами и много капризничает». Некоторые родители (12,5%) обобщают состояние ребенка, которое можно назвать «беспомощность» («Самое неприятное в его болезни его беспомощность», «...что он не может без меня прожить», «...то, что он полностью зависит от нас»). Большое значение для родителей имеет также развитие анализаторов ребенка: «Самое неприятное в его болезни то, что он пока не ходит и не слышит», «...то, что она не видит»; интеллектуальная недостаточность: «...то, что он абсолютно ничего не понимает и не может объяснить, чего он хочет», «...умственная и физическая отсталость в развитии»; различные соматические отклонения: «...судороги», «...то, что у него постоянно болит голова», «... состояние его печени». Некоторые родители осознают или близки к осознанию того, что заболевание их ребенка неизлечимо – 15% («Самое неприятное в его болезни – неизлечимость», «...то, что говорят, что она неизлечима и ребенок страдает каждую минуту»). Скорее всего, осознание этого факта с течением времени происходит у большинства родителей, но вербализировать свои опасения может не каждый.

Ответы родителей основной группы относительно будущего мы условно разделили на 4 подгруппы. Первая, самая большая подгруппа родителей – 48,6%, представляет себе «положительный образ будущего» («Будущее кажется мне хорошим, солнечным», «...счастливым», «более светлым, чем настоящее»). Вторая подгруппа – 8,1% родителей – представляет «отрицательный образ будущего» («Будущее кажется мне бесперспективным», «...сложным и никаким», «...трудным и озлобленным»). Некоторые родители плохо представляют (24,3%) – 3-я подгруппа – или вообще не представляют – 4-я подгруппа – будущего

(8,1%) («Будущее кажется мне мутным», «пока еще неопределенным», «...не могу представить»).

Заниженная самооценка родителей основной группы прослеживается в предложении «Мои близкие думают, что я...». Во многих исследованиях, посвященных изучению личности родителей детей-инвалидов [8–11], в том числе и в нашем, отмечается, что самооценка родителей детей-инвалидов ниже, чем у родителей, воспитывающих здоровых детей. Это становится ясным и при анализе «Незаконченных предложений»: 27,7% родителей низко оценивают себя и свою деятельность («Мои близкие думают, что я все делаю не так, когда лечу своего ребенка», «...с ума сошла, родила четвертого ребенка, нехорошо поступила», «...больше виновата, что у ребенка такая болезнь»). Среди ответов есть и положительная оценка себя и своих действий (41,6%): «Мои близкие думают, что я делаю все возможное для ребенка», «...сильная, стойкая, выносливая», «...соседка говорит, что мне памятник надо ставить, что я молодец». Среди ответов родителей основной группы нами выделены ответы, где родители или не хотят вербализировать свои мысли, или защитные механизмы психики не позволяют им этого сделать: «Мои близкие думают, что я... ничего они не думают», «В моей семье еще двое детей», «Я думаю, что лечение его болезни... Не знаю, что сказать». Обращает на себя внимание такой факт. Только однажды у родителя ребенка-инвалида прозвучала тема отказа от ребенка с низким реабилитационным потенциалом («Мои близкие думают, что я права, что с ним вожусь, что не отказалась»).

Работа защитных механизмов психики наиболее заметна в предложениях «Все ждут, что я...» (41 отказ продолжать незаконченное предложение), «С такой болезнью, как у моего ребенка...» (25 отказов отвечать на предложение), «Если бы лечение...» (21 отказ).

Интересные данные получены в предложении «Если бы все знали, как я боюсь...». В этом предложении выделены три основные темы: смерть ребенка («Если бы все знали, как я боюсь его смерти», «...что он умрет», «...потерять его») – 17,1% ответов; продолжение болезни на всю оставшуюся жизнь – 42,8% («Если бы все знали, как я боюсь, что дочь не станет ходить сама», «...что он останется таким, не будет ходить», «...что болезнь будет долго длиться»); боязнь будущего («Если бы все знали, как я боюсь жить, когда ребенок вырастет», «...за будущее своего ребенка») – 17,1% ответов.

Нами определена группа ответов, которую мы назвали «вам не понять» («Если бы все знали, как я боюсь... Я не хочу, чтобы это кто-то знал», «Когда я впервые узнал о болезни ребенка... Вам это не объяснить»). Таким образом, воспитание в семье ребенка-инвалида в сознании родителей явление исключи-

тельное, неповторимое и ни с чем не сопоставимое, поэтому они убеждены, что другим людям не понять их переживаний. Хочется подчеркнуть, что целый ряд исследователей отмечают эту особенность сознания личности, пережившей любой вид психической травмы, когда все происходящее с человеком воспринимается им как исключительное явление, происшедшее только с ним [12–15].

В «Незаконченных предложениях» прослеживается наличие явного или скрываемого чувства вины перед ребенком: «Когда я думаю о его болезни, то думаю, что сама виновата», «Мои близкие думают, что я виновата в болезни моей дочери», «С болезнью моего ребенка у меня связано чувство вины». Особенно четко это наблюдается в предложении «С болезнью моего ребенка у меня связано чувство...», где 22,2% родителей основной группы говорят о переживании этого чувства. Такой же процент родителей (22,2%) в данном предложении говорят о чувстве страха («С болезнью моего ребенка у меня связано чувство страха»). Анализ этого предложения позволяет сделать вывод, что абсолютное большинство родителей основной группы переживает только негативные эмоции, связанные с заболеванием ребенка. Понятно, что переживания родителей контрольной группы в этом предложении также негативно окрашены («С болезнью моего ребенка у меня связано чувство горечи», «...большой ответственности за выполнение курса лечения»). Различия видны в семантической насыщенности предложений («С болезнью моего ребенка у меня связано чувство боли» – 8,3%, «...ненависти» – 13,8%, «...тревоги» – 8,3%, «...неуверенности», «...сожаления» – по 5,5% ответов в основной выборке). Родители детей-инвалидов употребляют и другие семантически насыщенные слова по сравнению с родителями контрольной группы («С болезнью моего ребенка у меня связано чувство неудовлетворенности и тяжести в жизни», «...растерянности, тревоги, паники», «...горечи, как будто в жизни я сделала что-то не так» и т.д.).

Подтверждается существование устоявшейся симбиотической связи родителя с ребенком по материалам представленной методики. Ребенок-инвалид и его заболевание представляют некую систему, в которую заключены сами родители, чаще всего мать или бабушка. Подобная структура жизненной ситуации характерна и для здорового ребенка в раннем возрасте, когда он почти всецело поглощает внимание родителей. Но по мере его взросления происходит процесс «высвобождения» родителей. В случае воспитания ребенка с низким реабилитационным потенциалом этап «высвобождения» родителей не наступает. Следствием этого становится постепенно усиливающаяся симбиотическая связь, чаще всего матери (или бабушки), с ребенком. Явно видно, что родители, сами того не осоз-

навая, рассматривают свою жизнь и жизнь своего ребенка как единую систему («В моей семье вся жизнь подстроена под ребенка»). Особенно явно эта связь прослеживается в предложениях, где родители, говоря о ребенке, употребляют местоимение «мы»: «Я верю, что в будущем мы начнем ходить»; «Если бы мой ребенок был бы здоров, то мы бы уже бегали, играли»; «Я хотел бы, чтобы врачи лечили нас хорошо».

Выделены ответы, которые говорят об осознании сложившейся действительности, принятии ситуации такой, какая она есть. Это свидетельствует о выходе некоторых родителей ребенка-инвалида на новый, более высокий уровень развития («Если бы мой ребенок был здоров, я бы не смогла оценить какое это счастье»; «Если бы мой ребенок был здоров, все было бы по-другому, я бы не поняла своей ошибки»). В целом предложение «Если бы мой ребенок был здоров» не отличается у родителей основной группы вариативностью ответов. Одни родители говорят о том, что они были бы счастливы («Если бы мой ребенок был здоров, счастливее меня не было бы на свете», «...я была бы от счастья на седьмом небе»), а другие – о том, что их жизнь стала бы другой («Если бы мой ребенок был здоров, было бы все по-другому», «...было бы намного легче», «...я бы родила еще ребенка»).

По «Незаконченным предложениям» у родителей, воспитывающих больных детей, отчетливо выявляется наличие аффективных феноменов тревожного ряда, в частности таких, как тревога и страх. Особенно часто родители детей-инвалидов говорят о переживании ими чувства страха (75%): «Когда я думаю о ее болезни, я боюсь за нее», «...мне становится страшно»; «С болезнью моего ребенка у меня связано чувство паники, страха». Переживание тревоги прослеживается в таких предложениях, как: «Когда я думаю о его болезни, то очень сильно переживаю»; «Когда мы с ребенком приходим к врачу, я почему-то ожидаю чего-то плохого»; «С болезнью моего ребенка у меня связано чувство тревоги».

В целом проведенное исследование позволяет сделать вывод о наличии длительных негативно окрашенных переживаний, в том числе состояния хронической психической напряженности, эмоций страха и тревоги, принадлежащих к тревожному ряду (по Березину), и, следовательно, о пребывании родителей детей-инвалидов в условиях хронического стресса. Это тем более верно, что возраст детей, родители которых принимали участие в исследовании, старше двух с половиной лет, а временной показатель хронического стресса, по мнению исследователей [13], должен быть не менее 6 месяцев.

Литература

1. Чарова О.Б. Особенности материнского отношения к детям с нарушением интеллекта: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Курск, 2003. 20 с.
2. Занковский А.Н. Профессиональный стресс и функциональные состояния // Психологические проблемы профессиональной деятельности. М.: Наука, 1991. С. 144–156.
3. Юшков О.И. Роль сменного умственного труда в формировании хронического производственного стресса: Автореф. дис. ... д-ра мед. наук. М., 1997. 42 с.
4. Cox T. The nature and measurement of stress // *Ergonomics*. 1985. Vol. 28, № 8. P. 1155–1163.
5. Heckhausen H. Entwicklungsschritte in der Kausalattribution von Handlungsergebnissen // D. Gurlitz (Hrsg.), *Kindliche Erklärungsmuster*. Weinheim: Beltz, 1983. P. 49–85.
6. Hockey G.R. A state control theory of adaptation to stress and individual difference in stress management // *Energetic and human information processing* / Eds. G.R. Hockey, A.W. Gaillard, M.G. Coles. Dordrecht, 1986. P. 117–143.
7. Шипицина Л.М. Психология детей с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата: Учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2004. 368 с.
8. Шипицина Л.М. «Необучаемый» ребенок в семье и обществе. СПб.: Дидактика Плюс, 2002. 496 с.
9. Сковцов И.А. Психологические особенности родителей при неврологической инвалидности ребенка // *Исцеление*. М., 1995. Вып. 2. С. 397–423.
10. Устинова Е.В. Преодоление эмоциональных нарушений у дошкольников с церебральным параличом в процессе оптимизации их отношений с родителями // *Дефектология*. 2005. № 1. С. 52–56.
11. Ткачева В.В. Психологическая помощь семьям, воспитывающим детей с отклонениями в развитии: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1999. 19 с.
12. Магомед-Эминов М.Ш. Трансформация личности. М.: Психоаналитическая ассоциация, 1998. 496 с.
13. Тарабрина Н.В. Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб.: Питер, 2001. 146 с.
14. Изард Кэрролл Э. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2003. 464 с.
15. Гринберг Дж. Управление стрессом. 7-е изд. СПб.: Питер, 2004. 496 с.

RESEARCH OF MENTAL TENSION STATE AND EMOTIONAL EXPERIENCE CHARACTER OF PARENTS BRINGING UP HANDICAPPED CHILDREN

Zaborina L.G. (Shita)

Summary. Peculiarities of mental state under chronic stress of parent's bringing up handicapped children have been examined with the use of technique called «Incomplete sentences». It has been proved, that parents bringing up handicapped child with the low capability for rehabilitation experience the state of stress, and that emotional experiences of parents bringing up handicapped children differ qualitatively from experiences of parents bringing up normal children.

Key words: chronic stress, emotional experiences, mental tension, sense of guilt, parents having handicapped children.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ У ПСИХИЧЕСКИ БОЛЬНЫХ В СИСТЕМЕ ПСИХОДИАГНОСТИЧЕСКИХ И КОРРЕКЦИОННЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

О.П. Бурлакова, А.Е. Логунцева, А.В. Пенявская (Томск)

Аннотация. Проводится сравнительный анализ совладающего поведения у психически больных, демонстрирующих расстройства в рамках шизофренического патопсихологического синдрома. Обнаруживается дисбаланс структуры копинг-стратегий, влияющий на социальную адаптацию и определяющий специфику психокоррекционных мероприятий.

Ключевые слова: копинг-стратегии, опросник Лазаруса, больные нервно-психическими заболеваниями, шизофренический патопсихологический синдром.

Адекватная адаптация человека в социуме, его самореализация и развитие предполагают наличие преодолевающего трудности поведения. Преодолевающее поведение реализуется посредством применения различных копинг-стратегий (копинг от англ. to cope «справиться, совладать») на основе личностных и средовых ресурсов. Главными задачами копинг-поведения являются быстрая адаптация человека к проблемной, кризисной ситуации, которая позволяет ему ослабить или смягчить ее требования, нейтрализовать эмоциональное напряжение и сделать максимально успешным поиск конструктивного решения; осуществить корректировку самооценки или регулирование взаимоотношений с окружающими [5].

Значимым способом вторичной и третичной профилактики, определяющим социальную адаптацию, психическое и соматическое здоровье, становится формирование адекватного преодолевающего поведения у больных нервно-психическими заболеваниями. Больные шизофренией являются самой уязвимой группой среди всех больных нервно-психическими заболеваниями. В современных исследованиях авторы указывают на то, что у больных шизофренией отмечается дефицит навыков социального и проблемно-решающего поведения, значительно снижающий их способность эффективно совладать со стрессовыми жизненными ситуациями (Bellack A. et al., 1990; Shean G., 1982; Wiedl K.H., 1991) (цит. по [5]). Кроме того, большинство исследователей отмечают характерные для больных шизофренией нарушения когнитивных процессов. Низкая способность к адекватной когнитивной оценке стрессовой ситуации детерминирует неадаптивный совладающий стиль [3] поведения больных шизофренией, что приводит к нарушению психологической адаптации данной категории пациентов.

Продолжая традицию московской школы патопсихологии, мы вслед за Б.В. Зейгарник [2] предлагаем рассматривать психическое расстройство как увеличительное стекло, под которым видны характерные для нормального человека механизмы совладания. Таким образом, изучение копинг-механизмов у психически больных способствует пониманию копинг-механизмов у здоровых людей.

Анализ нашей психокоррекционной деятельности в условиях психиатрического стационара показал, что для построения эффективной психокоррекционной программы необходимо психодиагностическое исследование, как количественно, так и качественно отражающее те компоненты совладающего поведения, которые затрудняют выработку способов поведения, адекватных для данной среды. Поэтому основным направлением нашего исследования явилось изучение базисных копинг-стратегий психически больных с целью определения специфических особенностей копинг-поведения для оптимизации психокоррекционного воздействия.

Нами было проведено психологическое исследование 57 больных на базе областного государственного учреждения здравоохранения «Томская клиническая психиатрическая больница» (ОГУЗ ТКПБ). Выборка исследования была представлена двумя группами испытуемых:

1) больные, проходящие лечение в отделении № 5 ОГУЗ ТКПБ (общепсихиатрическое отделение с судебно-психиатрическими койками), предназначенном для пациентов, проходящих принудительное лечение в связи с совершением общественно опасного деяния. Группа состояла из 30 человек мужского пола в возрасте от 18 до 35 лет с диагнозом «параноидная шизофрения», находящихся на стационарном лечении более полугода, со стажем заболевания не менее 2 лет (далее по тексту – группа 1);

2) больные, проходившие лечение в отделении № 27 ОГУЗ ТКПБ (отделение первого психотического эпизода), предназначенном для впервые заболевших и впервые проходящих лечение в психиатрическом стационаре. Группа состояла из 27 человек (10 женщин и 17 мужчин) в возрасте от 18 до 35 лет с диагнозом «острое полиморфное психотическое расстройство», находившихся в отделении на стационарном лечении от 1 до 3 месяцев (далее по тексту – группа 2).

Диагностическая и консультативная работа с данными группами больных проводилась поэтапно с учетом специфики отделения, но по схеме, общей для обоих отделений. Особенность выборки отделения № 5 состоит в том, что пациенты находятся на длительном принудительном лечении и на данный момент лечение продолжается, а пациенты отделения № 27 находились на лечении ограниченный срок и

на данный момент выписаны из отделения. Первым этапом являлось патопсихологическое диагностическое исследование личности; вторым – исследование компонентов совладающего поведения.

Нозологические диагнозы испытуемых обеих групп относятся к рубрике F2 в соответствии с МКБ-10. Поскольку существует выделение нозоспецифических патопсихологических синдромов, то вся выборка испытуемых характеризуется наличием шизофренического патопсихологического синдрома (Кудрявцев И.А., Блейхер В.М., 1996). Шизофренический патопсихологический синдром характеризуется как система нарушенных психических процессов и свойств личности, составляющих психологическую основу шизофренического дефекта. В качестве ведущего компонента выступают нарушения потребностно-мотивационной сферы, нарушения эмоциональных и волевых характеристик психической деятельности, характеристик самосознания. В структуру патопсихологического синдрома входят также расстройства познавательной деятельности, выражающиеся в снижении уровня ее социальной регуляции при относительной сохранности процессуально-операционных характеристик.

Для первой группы пациентов (отделение № 5) были выбраны следующие методики исследования личности: опросник ММРІ, метод незаконченных предложений, Hand-test. Результаты патопсихологического исследования личности показали, что у пациентов данной группы наряду с личностными чертами, характеризующими наличие шизофренического патопсихологического синдрома, отмечаются эмоциональная неустойчивость индивидуально-личностных свойств, высокая чувствительность к внешним факторам, стремление к независимой позиции и ориентация на собственные критерии в поступках, самостоятельность в принятии решений, тенденция уйти от излишней ответственности, коммуникативные нарушения.

Результаты патопсихологического исследования личности испытуемых второй группы – пациентов отделения № 27 (отделения первого психотического эпизода) также обнаружили черты шизофренического синдрома. Для данной группы пациентов были выбраны следующие методики исследования личности: опросник ММРІ, опросник личностных акцентуаций Дворщенко (модификация опросника ПДО), метод незаконченных предложений, цветовой проективный тест Люшера. Результаты показали, что у пациентов данной группы отмечаются повышенный уровень тревожности, чувство вины за возникновение заболевания, растерянность, аутоагрессивные тенденции, неприятие болезни, инфантильность, высокая чувствительность к средовым воздействиям, конформность, коммуникативные нарушения.

На втором этапе психодиагностического исследования в обеих группах мы применяли опросник

копинг-стратегий Р. Лазаруса. Опросник Р. Лазаруса ранее применялся для исследования копинг-стратегий больных сердечно-сосудистыми заболеваниями, заболеваниями желудочно-кишечного тракта, онкологическими заболеваниями, алкоголизмом, наркоманией [8], невротическими расстройствами [7]. Он позволяет индивидуально оценить степень выраженности адаптивности личности, поскольку выявляет основные копинг-стратегии человека. Показателем высокой степени социальной адаптивности личности выступает сбалансированное использование соответствующих возрасту копинг-стратегий с преобладанием активных, направленных на поиск социальной поддержки стратегий.

Опросник состоит из восьми шкал: 1) конфронтативный копинг, 2) дистанцирование, 3) самоконтроль, 4) поиск социальной поддержки, 5) принятие ответственности, 6) бегство – избегание, 7) планирование решения проблемы, 8) положительная переоценка. Применение опросника позволяет обозначить проблемное поле клиента, т.е. то, по какой причине он не может справиться с трудностями и принять конструктивное решение в определенной ситуации, и разработать программу по развитию адекватных копинг-стратегий.

Все результаты, полученные в ходе исследования, были занесены в компьютерные базы данных и обработаны стандартными методами анализа из пакета статистических программ Statistics 5.0 для персональных ЭВМ с применением метода анализа распределений. Данные о базисных копинг-стратегиях, используемых первой и второй группой испытуемых, представлены в таблице.

Сравнительный анализ полученных результатов свидетельствует о качественном различии структуры копинг-поведения у представителей обеих групп. Так, в первой группе, где выборка представлена пациентами общепсихиатрического отделения № 5, испытуемые при столкновении с проблемой анализируют возникшую проблему, но в ходе ее решения не проводят необходимый сбор информации, не осуществляют анализ опыта других людей в разрешении подобных проблем. Поисковой активности при сборе информации о возможных альтернативных путях решения проблемы не отмечается. Они не опираются на социальную поддержку (дружескую, семейную, значимых других). При принятии решения испытуемые из этой группы не оценивают ресурсы среды, возможность получить социальную поддержку. Они не принимают ответственность на себя за возникновение трудностей и не осуществляют положительную переоценку, т.е. не прилагают усилия к созданию положительного значения фокусированием на росте собственной личности. Снижение интенсивности применения позитивных стратегий препятствует эффективному подходу к изучению проблемы, ее оценке, поиску информации о проблеме

Базисные копинг-стратегии у психически больных первой и второй группы, $p > 0,05$

Стратегии	Группа 1 (отделение № 5), %	Группа 2 (отделение № 27), %
Конфронтативный копинг	50	34
Дистанцирование	28	43
Самоконтроль	46	63
Поиск социальной поддержки	42	71
Принятие ответственности	38	81
Избегание	30	42
Разрешение проблем	62	74
Положительная переоценка	25	81

и выбору конструктивного варианта ее разрешения. Следствием этого является активное применение в проблемных ситуациях конфронтативного копинга, т.е. испытуемые данной группы прилагают агрессивные усилия для решения проблем, что является неадаптивным способом совладания.

При столкновении с проблемой испытуемые второй группы (отделение первого психотического эпизода) стремятся самостоятельно справиться с проблемой, найти выход, но, не справляясь самостоятельно, они прибегают к использованию копинг-стратегии поиска социальной поддержки, обращаются за помощью к другим. Сталкиваясь со стрессовой ситуацией, они определяют её значимость для себя и оценивают ресурсы, с помощью которых она может быть преодолена (семейная, дружеская поддержка, поддержка значимыми другими). Оказавшись в трудной ситуации, испытуемые при принятии решения активно опираются на те возможности, которые может им предоставить окружающая социальная среда. При этом, перекладывая полностью ответственность за принятие решения на окружающих, испытуемые не прилагают в дальнейшем собственных усилий. Испытуемые винят себя в возникновении проблемы, чрезмерно контролируют свое поведение и не применяют защитных позиций, что, в свою очередь, может привести к подавлению агрессивных тенденций и к преобразованию их в ауто-

агрессивные. Использование копинг-стратегий в таком сочетании является неэффективным. При этом испытуемые данной группы не отдают явного предпочтения ни одной из копинг-стратегий.

Таким образом, сравнительный анализ полученных результатов свидетельствует о том, что в системе совладающего поведения как в первой, так и во второй группе испытуемых присутствуют все предлагаемые окружающей действительностью (обществом, общественным опытом) пути преодоления стресса, но выявляется дисбаланс использования копинг-стратегий. Причиной нарушения социальной адаптивности становится несбалансированное использование копинг-стратегий.

Несмотря на наличие у обеих групп испытуемых шизофренического патопсихологического синдрома, предполагающего единые механизмы нарушения различных сфер личности, полученные данные свидетельствуют о различных механизмах нарушения в сфере совладания со стрессовыми ситуациями. Следовательно, и подход к коррекционным мероприятиям должен быть различным для первой и второй групп испытуемых. Результаты исследования позволяют нам определить, какие именно стратегии у испытуемых развиты, а какие – нет, и, исходя из этого выстраивать психокоррекционную работу, направленную на обучение испытуемых эффективным навыкам проблем – разрешающего поведения, что станет направлением дальнейшей работы.

Литература

1. Блейхер В.М., Крук И.В., Боков С.Н. Практическая патопсихология: Руководство для врачей и медицинских психологов. Ростов н/Д: Феникс, 1996. 448 с.
2. Зейгарник Б.В. Патопсихология. М., 1986. 288 с.
3. Исаева Е.Р. Копинг-механизмы в системе приспособительного поведения больных шизофренией: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 1999. С. 28.
4. Коцюбинский А.П., Шейнина Н.С. Об адаптации психически больных // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева. СПб., 1996. С. 206–209.
5. Лазарус Р. Теория стресса и психофизиологические исследования // Эмоциональный стресс / Под ред. Л. Леви. М., 1965. С. 178–208.
6. Менделевич В.Д. Клиническая и медицинская психология. М., 2002. 592 с.
7. Чехлатый Е.И. Динамика конфликтности и копинг-поведения у больных неврозами под влиянием групповой психотерапии // История Сабуровой дачи: Успехи психиатрии, неврологии, нейрохирургии и наркологии: Сборник научных работ Украинского НИИ клинической и экспериментальной неврологии и психиатрии и Харьковской городской клинической психиатрической больницы № 15 (Сабуровой дачи) / Под общ. ред. И.И. Кутько, П.Т. Петрюка. Харьков, 1996. Т. 3. С. 379–381.
8. Ялтонский В.М. Копинг-поведение здоровых и больных наркоманий: Автореф. дис. ... д-ра мед. наук. СПб., 1995. 28 с.

COMPARATIVE ANALYSIS OF C MENTALLY DISEASEDES COPING-STRATEGIES STRUCTURE IN SYSTEM OF PSYCHODIAGNOSTIC AND PSYCHOCORRECTION

O.P. Burlakova, A.E. Loguntseva, A.V. Penyavskaya (Tomsk)

Summary. The article is devoted to comparative analysis of coping behavior mentally diseasedes within the bounds of schizophrenic patopsychologic syndrome. There is a show imbalance of coping-strategies to influence on social adaptation and to determing peculiarities psychocorrection.

Key words: coping-strategies, Lazaruses's test, schizophrenic patopsychologic syndrome, mentally diseasedes.

ИНТЕГРАЦИЯ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО И ОБУЧАЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В РАМКАХ ТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ ДИДАКТИКИ

Л.Б. Можейкина (Новосибирск)

Аннотация. Описана система развития толерантности подростков на основе концепции терапевтической дидактики как направления, обеспечивающего возможность интеграции воспитательного и обучающего воздействия. На примере практической реализации принципов терапевтической дидактики в процессе обучения русскому языку раскрыты содержание и результаты проведенного автором экспериментального исследования.

Ключевые слова: толерантность, терапевтическая дидактика, коммуникативно-направленные уроки русского языка, образовательный процесс.

Приоритетом современного образования все чаще становятся целостные воспитательные цели, реализующиеся через систему конкретных обучающих задач посредством дидактического материала самого предмета и методических приемов ведения уроков. Идеи интеграции обучающего и воспитательного воздействия реализуются прежде всего в преподавании предметов гуманитарного цикла.

Понятие «воспитывающее обучение» вошло в парадигму педагогической психологии с развитием теории И. Гербарта, которая постулировала неразрывную связь обучения и воспитания. В концепции педагогической психологии Л.С. Выготского [2] воспитание и обучение – это моменты единого и целостного образовательного процесса. При этом воспитание, по мнению ученого, есть внутреннее осознание развития ребенка, выработка новых форм его поведения. Первостепенная роль воспитания в процессе учения подчеркивается теоретиками развивающего обучения, так, с точки зрения Д.Б. Эльконина [6], грамотно спланированная и организованная учебная деятельность ведет к изменениям в самом субъекте. Перед учителем ставятся воспитательные задачи организовать диалог, полилог, дискуссию, рассуждение и рефлексию по обсуждаемой проблеме в рамках данной деятельности. На педагогической психологии взаимосвязь психолого-педагогического и обучающего воздействия акцентируется в теории учебной деятельности Т.В. Габай [3], в концепции личностно-ориентированного обучения И.С. Якиманской [7], в положениях психологии обучения И.А. Зимней [5] и др.

Психологическое воздействие может быть эффективным, если оно опосредовано, «растворено» в учебной деятельности. Теоретическим обоснованием такой идеи является концепция терапевтической дидактики (И.Н. Зайдман) [4]. Основа данного направления – органичное соединение конкретных методических и психолого-педагогических задач на каждом конкретном уроке посредством специально подобранного дидактического материала и форм организации учебной деятельности. Деятельность, построенная на основе терапевтической дидактики, становится для каждого ученика в классе:

- 1) реально созданной в процессе совместного взаимодействия всех субъектов учебной деятельности, сформированной как коммуникативное событие;
- 2) диалогичной, толерантно обусловленной;
- 3) деятельностно-ориентированной;
- 4) личностно и прагматически направленной.

Мы использовали соединение воспитательного и обучающего воздействия в рамках образовательного процесса как инструментальный для создания методики развития толерантности подростков, реализация которой происходила в процессе обучения русскому языку на уроках развития речи (обучение написанию сочинения типа рассуждение).

На современном этапе толерантность понимается как интегральная характеристика личности, которая выражается в критическом, обоснованном понимании различий, в системе позитивных по отношению к другому (инаковому) установок, основанных на эмпатии, принятии, уважении, социальном интересе. Толерантность личности проявляется в ее настроенности на диалог, на равноправное общение, что выражается, во-первых, в отказе от претензии на монопольное обладание истиной, во-вторых, в уважении права «другого» на отличие. Сенситивным к развитию толерантности является подростковый возраст [1]. С одной стороны, это время наиболее сильного возрастного проявления интолерантности, стереотипности, обособления в группы и группомыслия, деления на «своих» и «не своих». С другой – это время, когда имеется достаточная почва для рефлексии категории «толерантность»: интерес к образу жизни, взглядам, ценностям других, внимание к вопросам идентичности, определение собственной позиции в сфере человеческих отношений. Данные положения позволяют говорить о том, что сами психологические особенности подростков во многом предопределяют эффективность воздействия (в том числе в процессе обучения), направленного на развитие толерантности.

Отметим, что введение в урок русского языка технологии развития толерантности является обоснованным как в парадигме педагогической психологии, так и методики преподавания русского языка. Показателем особенностей концептуальной картины мира индивида, степени его принятия/непринятия

чего-либо, не свойственного его стереотипным представлениям и культуре, являются язык и речь. Учебная деятельность подростков – это способ овладения социальной реальностью, навыками межличностного общения и взаимодействия. С точки зрения методики преподавания русского языка базовая коммуникативная направленность уроков заключается в том, чтобы обучить умению грамотно передавать информацию и адекватно её воспринимать, а овладение конкретными лингвистическими и речеведческими знаниями способствует реализации указанной направленности. На таких уроках обеспечиваются условия прагматичного общения, предполагающего обсуждение с детьми актуальных для возраста вопросов, что обогащает коммуникативный и социальный опыт ребенка. Следовательно, ученик приобретает умения и навыки толерантного поведения в рамках «обычной», повседневной ситуации учения.

На основе описанных методологических положений терапевтической дидактики как возможной психолого-педагогической базы обучения русскому языку нами была разработана и внедрена система психолого-педагогического воздействия через обучение русскому языку, развивающая толерантность учащихся. Основные положения исследования представлены далее.

Объектом явилась толерантность подростков как интегральная характеристика личности. Предметом – развитие толерантности подростков через коммуникативно направленное обучение русскому языку. В процессе экспериментальной работы мы исходили из следующего допущения: развитие толерантности подростков реализуется прежде всего через преодоление их интолерантности. Организация и проведение целенаправленной психолого-педагогической работы по формированию умений определять толерантное/интолерантное поведение, выбирать и реализовывать продуктивные поведенческие и коммуникативные стратегии, проявлять эмпатию посредством специального дидактического материала на коммуникативно-ориентированных уроках русского языка (задания речевого характера, ролевые игры, текстовая терапия, элементы коммуникативного тренинга) обеспечивают развитие толерантности подростков.

Эксперимент проводился в восьмых классах общеобразовательных школ г. Новосибирска, всего участвовало 202 подростка женского и мужского пола 12–15-летнего возраста. В качестве методического инструментария, адекватного целям и задачам исследования, были использованы следующие диагностические методики: методика диагностики коммуникативной установки В.В. Бойко, методика исследования эмоциональной отзывчивости Н.А. Корниенко, методика диагностики предрасположенности личности к конфликтному поведению К. Томаса, методика оценки отношений подростка с классом,

ассоциативный эксперимент, анализ письменных текстов подростков (в том числе метод первичного описания лингвистического материала, дефиниционный анализ, контекстуальный анализ). Для определения статистически значимой разницы между экспериментальной и контрольной группами был использован непараметрический U-критерий Манна–Уитни.

Исследование состояло из трех этапов:

1) целью констатирующего эксперимента было выявление актуальности и значимости вопросов толерантности у подростков контрольной и экспериментальной групп;

2) полученные данные позволили внедрить формирующий эксперимент, направленный на развитие толерантности подростков экспериментальной группы через специальный психолого-педагогический, дидактический и методический инструментарий уроков русского языка;

3) по окончании формирующего эксперимента в обеих группах проводился контрольный срез, цель которого состояла в выявлении результативности опытного обучения. Представим результаты каждого этапа.

Анализ данных констатирующего эксперимента показал, что существенных статистически значимых различий в результатах экспериментальной и контрольной групп нет. Подросткам свойственны такие проявления интолерантности, как низкий уровень эмоциональной отзывчивости, узкий репертуар возможных стратегий поведения в конфликте с преобладанием тенденций либо к его обострению, либо к игнорированию. Выявлены проявления завуалированной жестокости, необоснованных негативных оценок по отношению к окружающим, непринятие индивидуальности партнера, консерватизм и категоричность в оценках других, неумение или нежелание скрывать свои чувства при столкновении с некоммуникабельными в общении партнерами. У подростков было обнаружено преобладание индивидуалистического стиля отношений с учебной группой (класс не представляет собой самостоятельной ценности для ученика, что проявляется в явном или завуалированном уклонении от совместных форм деятельности), прагматического (подросток идет на контакт и сотрудничество только тогда, когда это способствует достижению его собственных целей). Результаты ассоциативного эксперимента и анализа творческих работ свидетельствовали о доминировании ядерных компонентов концептов «свои» и «чужие», о слабости ассоциативно-вербальных сетей и бедности их периферии. При описании «чужого» толерантное сознание у обследуемых подростков проявляется слабо, нечетко. Практически отсутствовало понимание, осознание и принятие инаковости чужого, незнакомого, неблизкого человека.

С учетом данных констатирующего эксперимента нами была разработана и внедрена технология разви-

тия толерантности подростков в рамках терапевтической дидактики на уроках русского языка. Опытное обучение проводилось в четыре этапа. Первый – этап проблематизации (актуализация интолерантного поведения подростков, предъявление его возможных деструктивных последствий). Второй этап включал введение понятия «толерантность», его интерпретацию, рассмотрение ситуаций интолерантности, их возможных причин, обсуждение качеств толерантной личности, а также обучение проявлению эмпатии, вербализации обоснованных негативных высказываний, реализации совместных продуктивных действий в команде, развитие умения определять толерантное/интолерантное поведение. Третий этап был направлен на обобщение изученного ранее; проводилась работа по изучению приемов устного и письменного рассуждения, а также созданию собственного текста типа рассуждения по теме, связанной с проблематикой толерантности. Четвертый – «обратная связь», рефлексия и резюмирование полученных знаний и умений, обсуждение результатов итоговых сочинений.

В ходе опытного обучения подростки выполняли промежуточные творческие работы. Первая была направлена на вербальное выражение эмпатии, сопереживания человеку, попавшему в ситуацию интолерантности; выполняя задание, ученики использовали жанр жалобы, фактологического рассказа, версии, совета, наряду с речевыми стратегиями объяснения ситуации, долженствования, категоричности собственного мнения предъявляли стратегии построения диалога, личностной коммуникации, положительной оценки, совета. Вторая творческая работа состояла в определении понятия «самодостаточность», соотношения его с категориями «толерантность», «толерантная личность». Третья заключалась в описании учениками ситуации интолерантности, наблюдаемой в реальной действительности подростка, рассуждении о ней, её интерпретации. Результаты промежуточных творческих работ демонстрируют динамику «включенности» подростков в исследуемую проблематику:

1) от эмоционального принятия до логического рассуждения о неоднозначности, причинах, последствиях интолерантного поведения;

2) от рассмотрения примеров моделей толерантности/интолерантности другого субъекта до рефлексии и самоанализа собственных стратегий речи и поведения.

Результаты контрольного среза в сравнении с констатирующим экспериментом демонстрируют статистически значимые изменения у подростков, прошедших опытное обучение. В частности, в 1,3 раза возрос уровень эмпатии, наряду с прагматическим и индивидуалистическим стилями отношения к учебной группе появился коллективистический, что отражает изменение основной тенденции во взаимодействии подро-

стка и группы – цели и интересы коллектива перестают рассматриваться как чуждые, которые могут или мешать, или способствовать достижению собственных целей. Ученики экспериментальной группы приобрели опыт конструктивного взаимодействия с классом, основанного на большем понимании интересов, чувств других людей, способности более гибко выбирать стратегию поведения в конфликте. У подростков экспериментальной группы в 1,5 раза вырос уровень коммуникативной компетентности и в 1,7 раза – уровень коммуникативной толерантности, в частности снизились показатели по шкалам «консерватизм и категоричность в оценках людей», «неумение скрывать чувства при столкновении с некоммуникабельными качествами партнеров», «завуалированная» / «открытая жестокость», «необоснованный негативизм», при этом повысился уровень «обоснованного негативизма». Подобных изменений в контрольной группе не зафиксировано.

Данные ассоциативного эксперимента показывают, что у учащихся экспериментальной группы ассоциативно-вербальные сети стали более лабильными, подростки вышли за рамки стереотипных ответов – расширились концептуальные области «толерантность/интолерантность», в частности их периферия. В языковом сознании учеников актуализация интолерантных сем снизилась в среднем в 3,3 раза. Их словарный запас обогатился лексикой, передающей толерантные компоненты понятий (появились лексемы, выражающие принятие явления, стоящего за стимулом, интерес к нему, открытость к диалогу; семантика реакций отражает межличностные отношения, чувства, переживания). Подростки экспериментальной группы вербализовали разнообразные речевые стратегии (конкретизации, пояснения, позитивной или безоценочной атрибуции, уточняющей номинации), в то время как испытуемые контрольной группы предъявляют грубооценочные стратегии предвзятости, оценивания, отрицания, противопоставления, эгоцентризма.

Результаты анализа творческих работ свидетельствуют, что после опытного обучения у восьмиклассников увеличился объем сочинений, изменилась их содержательная сторона: ученики стали высказывать собственное мнение, ссылаться на личный опыт, заявлять проблемы, требующие серьезных, абстрактных рассуждений. Частотность репрезентации тезисов с ярко выраженной интолерантной направленностью сократилась в 1,45 раза. Выросла частотность предъявления тезисов, отражающих межличностный уровень общения, появились рассуждения об относительности и неоднозначности проявлений интолерантности. Помимо этого, подростки экспериментальной группы усвоили структуру написания сочинения типа рассуждения, использовали знания о структурных и стилистических особенностях подоб-

ных текстов. В итоговых работах практически отсутствует проявление интолерантности на уровне языка и речи, не наблюдаются нелогичность высказываний, нарушение причинно-следственных отношений в предложениях и смысловых контекстах, «со-скальзывание» на другие темы.

Итак, в представленном исследовании на основе изучения особенностей толерантности подростков (в том числе её языкового проявления) была разработана и экспериментально внедрена обеспечивающая реальную коммуникацию и направленная на развитие толерантности школьников система психолого-

педагогического воздействия через обучение русскому языку. Нам удалось обосновать и эмпирически доказать эффективность и целесообразность реализации опосредованного психологического воздействия через дидактический инструментальный учебной деятельности. Полученные после опытного обучения данные свидетельствуют о том, что интеграция воспитательного и обучающего воздействия дает положительные результаты: ученики получают прочные знания по предмету, обретают конструктивные навыки поведения, происходят продуктивные личностные изменения.

Литература

1. Безюлева Г.В., Шеламова Г.М. Толерантность в педагогике. М.: АПО, 2002.
2. Выготский Л.С. Педагогическая психология. М.: АСТ: Астрель: Люкс, 2005.
3. Габай Т.В. Педагогическая психология. М.: Академия, 1995.
4. Зайдман И.Н. Разноуровневое обучение рассуждению на основе терапевтической дидактики: компетентностный подход. Новосибирск: НГПУ, 2006.
5. Зимняя И.А. Педагогическая психология. Ростов н/Д: Логос, 2005.
6. Эльконин Д.Б. Развитие устной и письменной речи учащихся. М.: Интор, 1998.
7. Якиманская И.С. Личностно-ориентированное обучение в современной школе. М.: Сентябрь, 2000.

INTEGRATION OF UPBRINGING AND LEARNING EFFECT IN CONTENT OF THERAPEUTIC DEDUCTION

L.B. Mozheikina (Novosibirsk)

Summary. The article describes the system of teenagers' tolerance development on basis of therapeutic deduction concept as the trend giving rise to the probability of upbringing and educational impact. Practical implementation of the main principles of therapeutic deduction applied at teaching Russian was considered as an example and aimed at presenting the contents and results of experimental research done by the author.

Key words: tolerance, therapeutic deduction, communicatively oriented lessons of Russian, Educational Process.

ВЛИЯНИЕ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНЫХ И ИНДИВИДУАЛЬНО-ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ НА ТЕЧЕНИЕ БЕРЕМЕННОСТИ У ЖЕНЩИН С УГРОЗОЙ ПРЕРЫВАНИЯ

К.Д. Хломов, С.Н. Ениколопов (Москва)

Аннотация. Описываются результаты исследования влияния психоэмоциональных и индивидуально-характерологических особенностей на психосоматическое течение беременности. Сопоставляются полученные результаты с ранее проведенными исследованиями. Сделана попытка описать механизм усиления угрозы прерывания беременности. Оценивается влияние риска невынашивания на систему ценностей беременной.

Ключевые слова: угроза прерывания беременности, соматические симптомы, характер, ценности, стресс.

Приоритетной задачей многих исследований в современной психологии является изучение психологического статуса женщины в период беременности. Последние исследования в области медицинской и перинатальной психологии поднимают завесу над внутриутробным развитием ребенка и физиологическими изменениями в организме беременной женщины [1, 2, 4, 7, 9, 12, 14].

В период беременности закладывается не только физическое, но и психическое здоровье ребенка. Происходят физиологические изменения в организме женщины, изменения ее психоэмоционального состояния, настроения, появляются тревоги и страхи, идет становление образа младенца, осознание женщиной своей материнской роли. Общее мнение психологов, имеющих отношение к изучению беременности, заключается в том, что психологический подход к проблеме угрозы прерывания беременности не обеспечен адекватными теоретическими подходами и методами исследования, несмотря на исключительную важность психологического исследования периода беременности для разработки проблем психологии личности, социальной психологии, культурологии (культурные модели материнства и детства) [2, 8, 14]. Невынашивание беременности продолжает оставаться актуальной проблемой современного акушерства и перинатальной психологии. Несмотря на исследования, в которых раскрыты многие патологические механизмы невынашивания [5, 9], и внедрение профилактических и лечебных мероприятий, частота этого осложнения остается стабильной – от 10 до 25% [9].

Невынашивание беременности – мультифакторная патология, в возникновении которой имеют значение инфекционные, метаболические, эндокринные, иммунологические и другие факторы [17]. Наряду с этим ряд исследователей подчеркивают значение социальных и психоэмоциональных факторов в возникновении невынашивания беременности [2, 5, 9]. Направленность настоящего исследования была определена недостаточным количеством и качеством исследований психосоматических факторов невынашивания беременности.

Целью описанного ниже исследования было изучение влияния психоэмоциональных и индивидуаль-

но-характерологических особенностей на психологическое и соматическое течение беременности с угрозой прерывания, на систему ценностей и самовосприятие беременной женщины. Важной опорой для данного исследования выступили ранее проделанные исследовательские работы [1, 5, 6, 9 и др.].

В последние годы проводились как медицинские, так и психологические исследования на тему выявления психосоматических детерминант невынашивания беременности. В исследовании В.И. Брутмана, М.Г. Панкратовой и С.Н. Ениколопова [4] на материале матерей, отказавшихся от своих новорожденных детей, была выявлена психосоциальная составляющая психосоматической констелляции, способная спровоцировать преждевременные роды. В ряде работ рассматривается приоритет эмоциональных факторов в развитии осложнений беременности [7, 17]. R. McDonald [20] показал, что тревожность, отмечавшаяся самими беременными, является главным фактором, разграничивающим женщин с нормальной физиологической беременностью и осложненной. По данным других зарубежных исследований [18, 19], высокий уровень тревоги и депрессии, низкая самооценка играют важную роль в этиологии низкого перинатального веса плода. Позитивное отношение к себе, принятие себя, высокая самооценка чаще отмечаются у женщин со скоротечными родами.

По данным Ж.В. Завьяловой [7], ярко выраженный невротический синдром беременности, основу которого составляют повышенные эмоциональная лабильность и восприимчивость, вызванные гормональными изменениями в организме беременной, а также информационный вакуум вокруг беременной женщины, обуславливают развитие осложнений во время беременности и родов. Чувство страха, как один из симптомов большинства психопатологических синдромов, детерминирует увеличение частоты самопроизвольных аборт и родовых осложнений.

В литературе по акушерству и гинекологии последних десятилетий [3] показано влияние состояния ЦНС и психики на частоту акушерской патологии. По данным А.А. Северного [12], у психически больных беременных женщин осложнения в течение беременности встречаются в 6 раз чаще, чем в популяции.

В литературе, посвященной вопросам акушерства и гинекологии, значимым фактором невынашивания беременности называется психосоматическое состояние беременной.

В.В. Плотниковым, Т.А. Мироновой, Л.Л. Казаренко [9] было обнаружено, что женщины с угрозой прерывания беременности характеризуются усилением астенических эмоций, снижающих активность личности, таких как впечатлительность, ранимость, робость, пессимизм, фиксация на теневых сторонах жизни, покорность. Чаще были нарушены внутрисемейные, производственные отношения, уменьшена межличностная социальная поддержка, чем у женщин со здоровым протеканием беременности.

Исследование Г.Н. Вараксиной [5] описывало возникновение симптомов угрозы прерывания беременности у 83% женщин, испытывающих хронический социальный стресс, обусловленный неблагоприятными жилищными условиями, низкой материальной обеспеченностью, психоэмоциональными перегрузками. Автор предположила, что социально обусловленный стресс способствует развитию психоэмоциональной напряженности и прогрессированию симптомов угрозы прерывания беременности. Также женщины с угрозой прерывания беременности были описаны как отличающиеся характерологическими особенностями – развитием эмотивной, тревожной, циклотимической и возбудимой акцентуаций характера, усугубляющих риск прерывания беременности. Было обнаружено, что повышенная тревожность, психическая истощенность, утомляемость и эмоциональный стресс у беременных с угрозой прерывания способствуют изменениям вегетативного статуса, формированию недостаточного характера вегетативного обеспечения.

В исследовании Е.Г. Ветчаниной, Г.В. Залевского, Г.Б. Мальгиной [6] был отмечен важный факт, что в состоянии острого стресса у беременной фиксируется высокий уровень тревожности и психической ригидности. При наличии хронических стрессоров (психотравмирующие ситуации) характерны различные невротичные расстройства, высокая личностная тревожность, психическая ригидность либо выраженная астенизация организма, реакция «ухода», отрицание проблем.

В исследовании И.Л. Шелехова [16] описывались характерные для беременных женщин с сенситивным типом личности страхи возникновения угрозы прерывания беременности и тревожно-боязливое опасения за исход родов (слабости родовой деятельности, боли, тяжелых послеродовых осложнений).

Очень важны данные, полученные в исследовании Е. Айвазян [1]. Его рассматривался период беременности как смена социальной ситуации развития, которая приводит к значимым личностным изменениям:

формированию новой внутренней позиции – позиции матери и возникновению особой психологической структуры – внутренней картины беременности, в которых отражаются радикальные телесные и эмоциональные изменения, сопровождающие беременность. Автор считает, что внутренняя картина беременности является сложной иерархической и динамической системой, включает в себя феномены мотивационного, эмоционального, когнитивного и телесного опыта. Автор описала отражение осложнений, сопровождающих вынашивание беременности, в содержании всех уровней внутренней картины беременности: на эмоциональном уровне растет частота конфликтного эмоционального отношения к беременности, которое определяется ее особым личностным смыслом «болезни» и смещением фокуса значимости и тревоги с развития ребенка, собственных телесных, интрапсихических и социальных изменений на вынашивание беременности. Также были сделаны наблюдения феноменов «задержки» преобразования системы ценностных ориентаций и телесного опыта в динамике внутренней картины беременности.

Методы исследования

Исследование проводилось на базе женской консультации № 197, родильных отделений больниц № 36 и 67 г. Москвы. В данном исследовании к участию были привлечены 100 женщин, состоящих на учете по поводу беременности. У 38 женщин имело место нормальное физиологическое протекание данной беременности, у 62 женщин отмечалась угроза прерывания беременности на ранних и поздних сроках. Все женщины принадлежат к среднему социально-экономическому слою населения.

Адаптированная методика УСЦД (методика «Уровень соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах») Е. Фанталовой [13] была применена для исследования состояния системы ценностей, оценки жизненных перспектив, ожиданий доступности ресурсов после рождения ребенка, наличия внутренних конфликтов. В исследовании была внесена модификация во вторую часть инструкции. Вместо неопределенного «ближайшего будущего», мы просили отнестись к сроку родов, «по возможности достижения после рождения ребенка», оценивая предпочтения доступности ценности после рождения ребенка.

«Краткий опросник оценки статуса здоровья» (Medical Outcomes Study 36-Item Short-Form Health Survey, MOS SF-36) [11], с помощью которого была произведена оценка качества жизни, отражающая степень удовлетворенности связанным со здоровьем беременных уровнем жизни, а не сам связанный со здоровьем уровень жизни.

Методика «Тест Руки» [7]. Эта проективная методика исследования личности была использована для диагностики агрессивности, прогноза агрессивного поведения. При обработке были использованы как модифицированный опросник, так и базовая версия.

Опросник черт характера (ОЧХ-В) для взрослых (17–60 лет) Русалова В.М., Маноловой О.Н., женский вариант [10]. С целью исследования адаптационных механизмов поведенческих стратегий мы включили этот опросник в наше исследование.

Опросник «Большая пятерка» был использован для исследования личностных черт беременных, которые остаются стабильными в течение всей жизни, важны для взаимодействия с другими людьми, значительно влияют на благополучие индивида.

Адаптированная методика МОБиС (Методика оценки воздействия болезни и симптомов, мод. Е.В. Садальская, С.Н. Ениколопов [11]) позволяла определить степень выраженности воздействия на больного беременности и ее симптомов, признаков, а также влияние семьи и профессиональной деятельности на состояние больного. Методика была адаптирована: изменен фокус с болезни на протекание беременности и сопровождающие ее симптомы.

В результате проведенного исследования были обнаружены статистически значимые различия между двумя выборками беременных с угрозой прерывания беременности (УПБ) и здоровых испытуемых (норма), представленные в таблице. Обработка данных проводилась с помощью программы SPSS 12.0.

Для всех групп испытуемых характерны такие особенности черт характера, как большие колебания настроения, склонность к беспокойству, тревожность, чувствительность к стрессогенным ситуациям (что подтверждено и другими исследованиями [5,

6, 9]), легкая отвлекаемость, неорганизованность, стремление к эмоциональному комфорту и стремление опереться на четкие правила и нормы, доверие только своему опыту.

Различия по шкале «Нейротизм» опросника «Большая пятерка», которые описывают такую личностную характеристику беременных с угрозой прерывания, как большая эмоциональная нестабильность и меньшая приспособленность, чем это характерно для здоровых испытуемых. Это проявляется в чувствительности испытуемых из группы УПБ к стрессогенным ситуациям, они больше подвержены неприятным переживаниям, склонны к чрезмерным страстям и порывам, к идеям, далеким от реальности, и к неадекватным реакциям на действительность.

Различие, обнаруженное по шкале «Открытость опыту» опросника «Большая пятерка», описывает, что испытуемые из группы УПБ в меньшей степени способны вести активный поиск нового опыта, в меньшей степени признают его самостоятельной ценностью, чем здоровые испытуемые. Также беременные с угрозой прерывания в меньшей степени терпимы к неконтролируемому опыту, непривычному и для них меньше характерен исследовательский интерес.

Обнаруженные различия по шкале «Экзальтированность» опросника черт характера позволяют представить беременных с угрозой прерывания в большей степени обладающими колебаниями настроения, более высоким темпом нарастания эмоциональных реакций, внешние проявления которых отличаются большой интенсивностью. Постоянные смены настроения испытуемых из группы УПБ способствуют некоторой неуверенности в себе, неустойчивой самооценке. Для них характерна большая легкость покраснения, побледнения, изменения часто-

Установленные различия между испытуемыми с угрозой прерывания беременности и здоровыми испытуемыми

Название шкалы	Среднее в группе УПБ	Среднее в группе норма	Значимость различий по t-критерию	Значимость различий по критерию Манна-Уитни
Нейротизм	33,58	29,71	,020	,009
Открытость опыту	36,94	40,03	,008	,006
Экзальтированность	21,55	19,25	,004	,009
Директивность	6,07	9,30	,004	,008
Психологическое здоровье	20,64	22,81	,043	,022
Достижимость уверенности в себе	7,10	5,56	,001	,003
Ценность уверенности в себе	6,67	5,68	,041	–
Ценность красоты природы и искусства	2,82	1,86	,004	–
Конфликт в отношении свободы	1,16	0,03	,024	0,3
Я – Соматический болевой симптом	163	80	,003	,002
Я – Соматический симптом 2	158	83	,001	,002
Я – Психологический симптом 1	107	60	,026	,006

ты сердечных сокращений, артериального тонуса, чем для здоровых испытуемых. Для женщин с угрозой прерывания беременности более характерны вспыльчивость, нетерпеливость, ослабленный самоконтроль. Для них стрессогенными ситуациями в большей степени могут быть отсутствие соответствия субъективным ожиданиям, наличие помех в достижении намеченного результата. Испытуемые из группы УПБ более склонны к таким способам реагирования на стресс, как бегство из ситуации, отрицание, соматизация, что подтверждают полученные различия по шкале «Я – Соматический симптом 2» методики МОБиС и другие исследования [6]. Другое подтверждение – различия, обнаруженные по шкале «Я – Соматический болевой симптом» методики МОБиС, продемонстрировавшие, что соматический симптом, относящийся к телу беременной (боль внизу живота, боли в почках и т.п.), вызывает большое напряжение, большую степень отвержения в группе испытуемых УПБ, чем у здоровых испытуемых.

Такие характерные черты, присущие в большей степени беременным с угрозой прерывания, могут способствовать усилению негативных проявлений, в том числе и соматических, в случае, если беременность протекает не таким образом, как запланировала испытуемая. При этом из предыдущих исследований [1] известно, что сам факт беременности является фактором, требующим адаптации и личностного развития. С другой стороны, такие проявления эмоциональной сферы, и особенно соматические, могут способствовать гипердиагностике со стороны врачей женской консультации, проводящих первичный прием беременных.

Обнаружены различия по шкале «Психическое здоровье» опросника SF-36, т.е. беременные с угрозой прерывания представляют уровень своего психологического здоровья как более низкий, чем здоровые испытуемые. Различающиеся показатели по шкале «Я – Психологический симптом №1» говорят о том, что беременные с угрозой прерывания в большей степени, чем здоровые испытуемые, склонны к отвержению и отрицанию психологических симптомов, беспокоящих при протекании беременности.

Обнаруженные различия по шкале «Достижимость уверенности в себе» опросника УСЦД описывают беременных с угрозой прерывания как оценивающих уверенность в себе, свободу от внутренних противоречий, сомнений как более достижимую после рождения ребенка, чем здоровые испытуемые. При этом среднее значение в группе УПБ вплотную приближается к критическому. То есть беременные из этой группы в значительно большей степени ожидают достижения уверенности в себе, свободы от внутренних противоречий после рождения ребенка. Беременные с угрозой прерывания воспринимают ситуацию своего заболе-

вания как угрожающую уверенности в себе, реализации своей материнской и женской сущности. Это предположение подтверждает и тот факт, что показатели по шкале «Ценности уверенности в себе» опросника УСЦД тоже значимо выше у испытуемых с риском невынашивания, чем у здоровых испытуемых. Весьма вероятно, это вызвано желанием компенсировать неуверенность в себе. Возможно, рождение ребенка для испытуемых из группы УПБ может быть способом решения каких-либо жизненных ситуаций, в которых испытуемые не чувствуют себя уверенно, испытывают внутренние противоречия.

Как установлено с помощью опросника УСЦД, ценность красоты природы и искусства более значима в группе здоровых испытуемых, чем в группе УПБ, что связано с оценкой своего состояния угрозы прерывания беременности последними как более важного и требующего внимания, чем здоровыми испытуемыми. Поскольку испытуемые с угрозой прерывания сконцентрированы на вынашивании беременности, то они отвергают ценности, не влияющие на вынашивание беременности, и чаще отвергают ценность красоты природы и искусства.

Различия по шкале «Конфликт свободы» опросника УСЦД означают, что у испытуемых из группы УПБ больше потребность в свободе как независимости в поступках и действиях и меньше возможности достигнуть ее после рождения ребенка. То есть для испытуемых с угрозой прерывания беременности осознание риска невынашивания приводит к ограничению собственного поведения, большей несвободе.

Описанные акцентуации черт характера, присущие в большей степени беременным с угрозой прерывания, могут способствовать усилению негативных проявлений, в том числе и соматических. Другие характерные для беременных с угрозой прерывания соматические проявления могут способствовать гипердиагностике. При этом беременность является фактором, требующим адаптации и личностного развития, открытости новому опыту [1]. Но обнаруженная нами другая психологическая особенность беременных с угрозой прерывания говорит о низкой способности к принятию нового опыта. Таким образом, образуется «стрессо-симптоматический психологический круг», усиливающий негативные переживания и эмоциональные колебания, в свою очередь усиливающие соматическую симптоматику (рис. 1). Как было обнаружено, беременные с угрозой прерывания беременности более склонны к таким стратегиям поведения, как уход, бегство из стрессогенной ситуации, отрицание проблемы, соматизация. Эти стратегии поведения, реализуясь в условиях угрозы прерывания беременности, могут приводить к усилению проявлений негативной симптоматики и способствовать ее усилению, так как соматический или психологический симптом не послу-

Рис. 1. Стрессо-симптоматический характерологический круг

жит причиной для изменения поведения или разрешения какой-либо проблемы в отношениях с другими людьми. И тогда возможно усиление негативного проявления симптома, что может привести к диагнозу «угроза прерывания беременности» и госпитализации. Эту гипотезу подтверждает то, что соматические симптомы, относящиеся к телу беременной (боль внизу живота, боли в почках и т.п.), вызывают большое напряжение в группе испытуемых с угрозой прерывания и большую степень отвержения, чем у здоровых.

Факторы, связанные с такими стратегиями поведения, являются возможной мишенью психокоррекционного вмешательства, в котором целью будет помощь в адаптации больной к заболеванию, а также в принятии психологических и соматических симптомов и осознании их влияния [15].

Угроза прерывания беременности может являться фактором, оказавшим влияние на систему ценностей испытуемых. Угроза прерывания беременности может быть фактором, приводящим к внутренним противоречиям, сомнениям. Для испытуемых с угрозой прерывания, участвовавших в данном исследовании, риск невынашивания беременности оказывал влияние на их самооценку, способствуя изменению системы ценностей.

Угроза прерывания беременности может выступать ограничивающим свободу фактором, так как деятель-

ность беременной по сохранению плода может противоречить другим желаниям испытуемых (характерным для испытуемых с угрозой прерывания беременности), обеспечивая внутренний конфликт в отношении свободы в поступках и действиях. Другим объяснением может быть то, что кроме внешних факторов, связанных с угрозой прерывания, сдерживающих свободу в поступках и действиях, испытуемые с угрозой прерывания беременности обладают внутренними факторами, сдерживающими свою собственную свободу, такими как установки, убеждения, запреты, принципы.

Беременные с угрозой прерывания считают, что на качество их жизни оказывает влияние состояние психологического здоровья, что также подтверждает необходимость и актуальность оказания им психологической помощи.

Заключение

Обнаруженные склонности к нейротизму, экзальтированности и закрытости к новому опыту в условиях беременности, осложненной угрозой прерывания и/или негативными психоэмоциональными переживаниями и негативными соматическими симптомами, могут создавать замкнутый круг, способствующий усилению соматических проявлений, угрозе прерывания беременности.

На женщин с угрозой прерывания осознание риска невынашивания беременности может оказывать влияние на их самооценку, способствуя изменению системы ценностей.

Угроза прерывания беременности может выступать ограничителем в поведении, способствовать большей выраженности конфликта в отношении свободы в поступках и действиях.

Литература

1. Арина Г.А., Айвазян Е.Б. Беременность как модель и этап развития телесного опыта во взрослом возрасте // Ежегодник РПО: Специальный выпуск. М., 2005. С. 228–230.
2. Баз Л.Л. Исследование восприятия психологической поддержки беременными женщинами // Психологический журнал. 1994. Т. 15, № 1. С. 137–146.
3. Батуев А.С. Физиология плода и детей. М.: Просвещение, 1998.
4. Брутман В.И., Панкратова М.Г., Ениколопов С.Н. Нежеланная беременность жертв сексуального насилия (психолого-психиатрические аспекты) // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 33–40.
5. Вараксина Г. Н. Особенности течения беременности и развития симптомов угрожающего аборта у женщин под влиянием характерологических и психосоциальных факторов: Автореф. ... дис. канд. психол. наук. Казань, 2002.
6. Ветчанина Е.Г., Залевский Г.В., Мальгина Г.Б. Значение психической ригидности при психоэмоциональном стрессе беременных // Материалы Всероссийской научно-практической конференции по перинатальной психологии. СПб., 2002. С. 163–164.
7. Ениколопов С.Н. Психология агрессии // Вестн. Псков. Вол. ун-та. 1994. № 1.
8. Завьялова Ж.В. Психологическая готовность к родам и метод ее формирования: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2000.
9. Плотников В.В., Миронова Т.А., Казаренко Л.Л. Психофизиологические факторы в невынашивании беременности // История Сабуровой дачи: Успехи психиатрии, неврологии, нейрохирургии и наркологии: Сборник научных работ Украинского НИИ клинической и экспериментальной неврологии и психиатрии и Харьковской городской клинической психиатрической больницы № 15 (Сабуровой дачи) / Под общ. ред. И.И. Кутько, П.Т. Петрюка. Харьков, 1996. Т. 3. С. 307–309.
10. Русалов В.М., Манолова О.Н. Опросник черт характера взрослого человека. М., 2003.
11. Садальская Е. В., Ениколопов С.Н., Дворянчиков Н.В. Оценка влияния заболевания на повседневную жизнь больных психосоматическими расстройствами (первый опыт применения в России метода PRISM) // Тезисы докладов Межрегиональной научно-практической конференции «Проблемы адаптации больных хроническими заболеваниями». Самара, 2000. С. 111–113.
12. Северный А.А., Баландина Т.А., Солод К.В., Шалина Р.И. Психосоматические аспекты беременности // Социальная и клиническая психиатрия. 1995. № 4. С. 17–22.
13. Фанталова Е.Б. Об одном методическом подходе к исследованию мотивации и внутренних конфликтов // Психол. журн. 1992. Т. 13, № 1. С. 107–117.
14. Филиппова Г.Г. Психология материнства и ранний онтогенез. М.: Жизнь и мысль, 1999.
15. Хломов К.Д., Организация адаптационной и реабилитационной помощи беременным с риском невынашивания // Материалы межрегиональной научно-практической конференции: Прикладная психология как ресурс социально-экономического развития современной России. М., 2005. С. 425–426.
16. Шелехов И.Л. Влияние типа акцентуации личности и структуры ценностей на формирование материнской функции беременных женщин: Автореф. ... канд. психол. наук. Томск, 2006.
17. Шмуклер А.Б. Психозы беременности: Обзор литературы // Проблемы репродукции. 1995. № 2. С. 19–22.
18. Newton R.W. Psychosocial stress in pregnancy and its relation to low birth weight // British medical Journal. 1984. Vol. 288. P. 1191–1194.
19. Nuckolls K.B., Cassel J., Kaplan B.G. Psychosocial Assets, Life crisis and the prognosis of pregnancy // Amer. J. Epidem. 1972. № 5. P. 431–441.
20. McDonald R.L. The role of emotional factors in obstetric complications, a review // Psychosom Med. 1968. № 30. P. 222–237.

INFLUENCE OF PSYCHO-EMOTIONAL AND INDIVIDUAL CHARACTERISTICS ON THE COURSE OF PREGNANCY IN WOMEN WITH THREATENED MISCARRIAGE

K.D. Khlomov, S.N. Enikolopov (Moscow)

Summary. The article describes the results of the research which deals with the influence of the personality traits and emotional dispositions of pregnant women on the psychosomatic symptoms during pregnancy. New findings are compared comparing with earlier studies. The article is an attempt to describe the threat strengthening mechanism of pregnancy interruption. Influence of pregnancy lost risk on the women system of values is estimated.

Key words: miscarriage risk, somatically symptom, personality, values, stress.

ПСИХОДИАГНОСТИКА В СИСТЕМНОМ ИССЛЕДОВАНИИ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОЙ СФЕРЫ ВРАЧЕЙ АНЕСТЕЗИОЛОГОВ-РЕАНИМАТОЛОГОВ (В СВЯЗИ СО СТРЕССОГЕННЫМ ХАРАКТЕРОМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ)

О.Ю. Щелкова (Санкт-Петербург)

Аннотация. Статья посвящена изучению психологического статуса врачей анестезиологов-реаниматологов, работающих в условиях профессионального стресса. Показаны возможности психодиагностических (клинико-психологического и экспериментально-психологического) методов в выявлении стрессогенных факторов, особенностей психоэмоционального состояния, стратегий и ресурсов стресс-преодолевающего поведения. Полученные данные могут быть использованы при разработке программ профилактики психической дезадаптации у лиц, работающих в условиях профессионального стресса.

Ключевые слова: психологическая диагностика, профессиональный стресс, эмоциональное состояние, стресс-преодолевающее поведение, психологическая адаптация, психопрофилактика, анестезиологи-реаниматологи.

В настоящее время медицинская психодиагностика нацелена на решение широкого круга практических задач не только в клинической, но и профилактической медицине [6]. В рамках этого направления существенное внимание уделяется проблеме профессионального стресса и его последствий для лиц помогающих профессий, работающих в условиях повышенного эмоционального напряжения, ответственности, постоянного взаимодействия с людьми, их проблемами и страданиями. Область анестезиологии-реаниматологии относится к профессиональным сферам, в максимальной степени насыщенным подобными стрессогенными факторами, что определяет повышенный риск развития у врачей-специалистов профессиональной деформации личности (одним из проявлений которой является синдром «психического выгорания» [7]) и других негативных состояний вплоть до нарушений социальной адаптации, нервно-психического или соматического здоровья [4, 15].

Однако рассмотрение этой проблемы только в аспекте дефицита и ущерба, которые приносит личности профессиональный стресс, является явно недостаточным. Не менее важным является изучение механизмов совладающего со стрессом поведения (копинга) как одной из осознанных и активных форм психологической адаптации человека к стрессогенным условиям жизни и деятельности [1]. Кроме того, важным представляется установление взаимосвязи между комплексом психологических характеристик врачей-анестезиологов (характеристик эмоциональной сферы и копинга) и длительностью работы в этой области, так как есть основания предполагать трансформацию характеристик личности по мере увеличения срока работы в стрессогенных условиях профессиональной деятельности.

В связи с этим *целью* настоящего исследования стало выявление особенностей эмоционального состояния и механизмов психологической адаптации к стрессогенным условиям профессиональной деятельности у врачей анестезиологов-реаниматологов с различным стажем работы. В соответствии с целью

определены следующие *задачи исследования* данной категории специалистов: 1) выявление зон наибольшей социальной фрустрированности и эмоциональной неудовлетворенности; 2) выявление особенностей эмоционального состояния; 3) выявление базисных копинг-стратегий (стратегий стресс-преодолевающего поведения), а также конструктивных и неконструктивных копинг-стратегий в когнитивной, эмоциональной и поведенческой сферах; 4) выявление личностных копинг-ресурсов – черт личности, способствующих психологической адаптации к стрессогенным условиям профессиональной деятельности.

Материал исследования составили данные, полученные в ходе психологического исследования врачей, повышающих квалификацию на кафедре анестезиологии и реаниматологии Санкт-Петербургской медицинской академии последипломного образования. Всего исследовано 96 врачей. Из них 62 (64,6%) мужчины и 34 (35,4%) женщины; средний возраст – 42,1 года. В соответствии с задачами исследования врачи были разделены на две группы в зависимости от стажа профессиональной деятельности в области анестезиологии и реаниматологии. Первую группу составили 44 врача со стажем работы менее 13 лет (средний возраст – 33,1 года), вторую – 52 врача со стажем работы 13 и более лет (средний возраст – 49,6 года).

Такой пороговый уровень в различии стажа работы (13 лет) был выбран не случайно. При такой длительности стажа профессиональной деятельности человек вступает в тот жизненный период, который принято называть «кризисом зрелого возраста». В этом возрастном периоде происходит окончательное становление личности, которая достигает пика своей социальной активности, завершается формирование системы ценностей, остро переживаются вопросы самореализации, социального статуса и признания. Накопленный к этому времени опыт работы позволяет специалисту объективно оценить свои профессиональные возможности и перспективы, пересмотреть жизненные планы с учетом особенностей профессии и своей роли в ней. Немаловажное

значение имеет и то, что в этом критическом возрастном периоде на фоне жизненных (экзистенциальных) проблем, профессиональных стрессов и перегрузок впервые возникает или обостряется риск развития пограничных нервно-психических, а также психосоматических расстройств.

В соответствии с общей целью и конкретными задачами использовались клиничко-психологический и экспериментально-психологический методы исследования.

Клиничко-психологический метод реализовался с помощью двух методик, относящихся к классу структурированного интервью. Использовалась медико-социологическая шкала «Уровень социальной фрустрированности» (УСФ) [5], направленная на выявление степени удовлетворенности респондентов такими обобщенными аспектами своей жизни, как «социальный статус», «экономическое положение», «здоровье», «взаимоотношения с родными и близкими» и др. Для выявления зон наибольшей эмоциональной неудовлетворенности в связи с особенностями профессиональной деятельности было разработано специализированное интервью. Пункты интервью отражают проблематику, как общую для врачебной профессии, так и потенциально высокозначимую для врачей анестезиологов-реаниматологов.

Экспериментально-психологический метод реализовался с помощью набора стандартизованных методик, направленных на выявление эмоционально-личностных характеристик и особенностей стресс-преодолевающего поведения: 1) «Интегративный тест тревожности» [3]; 2) «Опросник депрессивности» [12]; 3) «Многофакторный опросник астении» [12]; 4) шкалы «Эмоциональная сенситивность» и «Невротический сверхконтроль», входящие в число дополнительных шкал «Стандартизованного многофакторного метода исследования личности» (СМИЛ) [14]; 5) опросник «Индикатор стратегий преодоления стресса» [13]; 6) «Опросник для изучения копинг-поведения» [8]; 7) «Личностный дифференциал» [2].

Результаты клиничко-психологического исследования

На этапе клиничко-психологического исследования была изучена степень субъективной удовлетворенности врачей анестезиологов-реаниматологов различными аспектами своего социального и профессионального функционирования. В табл. 1 приведены результаты исследования, полученные с помощью медико-социологической шкалы «Уровень социальной фрустрированности» (УСФ).

Примечание: диапазон возможных оценок степени удовлетворенности – от 1 до 5: 1 – полная удов-

летворенность, 2 – скорее удовлетворенность, 3 – трудно сказать, 4 – скорее неудовлетворенность, 5 – полная неудовлетворенность.

Как видно из табл. 1, в целом отраженный в количественных показателях методики УСФ уровень удовлетворенности различными значимыми аспектами своей жизни в группе изученных врачей не снижен: большинство ответов врачей соответствует градациям 1, 2 или 3. Исключение составляет сфера материального положения, в которой выявляется снижение степени удовлетворенности как у врачей с меньшим стажем профессиональной деятельности, так и у врачей с большим стажем.

Статистически значимые различия между врачами первой и второй группы получены по показателю удовлетворенности жилищно-бытовыми условиями, который оказался ниже у врачей с меньшим стажем профессиональной деятельности. Можно предположить, что это определяется рядом как субъективных, так и объективных факторов. К первым могут быть отнесены большие потребности и ожидания в материальной сфере у молодых врачей, сформированные в новейших социально-экономических условиях. Ко вторым – закономерная (определяемая естественным ходом жизни) большая благоустроенность и лучшее материальное положение врачей, имеющих больший профессиональный стаж и более высокий социальный статус.

Согласно полученным данным, врачи первой группы на уровне тенденции к статистической значимости оказались менее удовлетворены по сравнению с врачами второй группы не только материальными, но и социально-психологическими аспектами своего существования – взаимоотношениями с родителями, другими родственниками, друзьями, а также своей профессиональной деятельностью в целом. Важно отметить, что при этом обе группы врачей имеют максимальные показатели удовлетворенности конкретной областью своей профессиональной деятельности (т.е. тем, что они работают в области анестезиологии-реаниматологии).

Для более дифференцированного содержательно-го анализа психологического дискомфорта, напряжения и неудовлетворенности, которые возникают в процессе реализации врачами своей профессиональной деятельности, использовалось специализированное интервью, учитывающее специфику работы в области анестезиологии-реаниматологии.

При анализе результатов интервью обращает на себя внимание довольно сходная ранговая структура неудовлетворенности различными аспектами своей профессиональной деятельности врачей с большим и меньшим стажем работы.

На первом месте по частоте встречаемости в обеих группах врачей стоит неудовлетворенность заработ-

Таблица 1

Степень удовлетворенности врачей анестезиологов-реаниматологов различными аспектами своего социального функционирования

Сферы социального функционирования и отношений личности	Степень удовлетворенности (M± m)		Достоверность различий
	1-я группа n = 44	2-я группа n = 52	
Взаимоотношения с женой (мужем)	2,30±0,19	2,13±0,19	
Взаимоотношения с родителями	2,10±0,19	1,70±0,12	0,05<p<0,1
Взаимоотношения с детьми	2,03±0,19	1,88±0,14	
Взаимоотношения с родственниками	2,39±0,16	2,02±0,11	0,05<p<0,1
Взаимоотношения с друзьями	2,07±0,15	1,76±0,09	0,05<p<0,1
Взаимоотношения с лицами противоположного пола	1,98±0,14	2,06±0,13	
Взаимоотношения с коллегами по работе	2,07±0,12	1,90±0,08	
Взаимоотношения с руководителями	2,59±0,15	2,52±0,13	
Собственное образование	2,39±0,13	2,48±0,13	
Уровень профессиональной подготовки	2,57±0,14	2,42±0,11	
Область профессиональной деятельности	1,98±0,12	1,92±0,11	
Профессиональная деятельность в целом	2,32±0,13	2,00±0,12	0,05<p<0,1
Материальное положение	3,84±0,17	3,73±0,14	
Жилищно-бытовые условия	3,02±0,20	2,48±0,16	p<0,05
Проведение свободного времени	3,02±0,19	2,75±0,15	
Положение в обществе	2,68±0,16	2,67±0,14	
Физическое состояние	2,36±0,14	2,52±0,14	
Психоэмоциональное состояние	2,66±0,15	2,40±0,15	
Уровень работоспособности	2,02±0,11	2,29±0,13	
Собственный образ жизни в целом	2,43±0,15	2,56±0,13	

ной платой, а также тем, что она не соответствует (ниже) профессиональной подготовке, опыту и эмоциональному напряжению, которое испытывают врачи анестезиологи-реаниматологи на работе. Неудовлетворенность материальными аспектами своей профессии отмечают примерно 90% врачей в каждой группе.

Следующий блок в ранговом ряду высокосignификантных переживаний (зон наибольшей эмоциональной неудовлетворенности) врачей анестезиологов-реаниматологов связан не с материальной обеспеченностью, а с сугубо психологической проблематикой – вопросами профессионального признания, самореализации, взаимоотношениями в системе «анестезиолог – хирург – пациент». Частота выборов ответа «не удовлетворен» в соответствующих пунктах интервью (от 68,2 до 80,8%) отражает то, что врачи обеих групп, являясь хорошо подготовленными специалистами, постоянно ощущают недостаточную степень признания и недостаточно адекватную оценку их профессионального вклада в процесс лечения со стороны пациентов и их родственников. Соответственно 75,0 и 78,8% опрошенных врачей первой и второй групп считают, что врач-анестезиолог, работая в бригаде, остается «в тени заслуг хирурга».

По нашему мнению, именно эта проблема может явиться центральной при определении «мишеней» психопрофилактической и психокоррекционной работы с врачами анестезиологами-реаниматологами, так как она не только определяется объективными факторами организации лечебного процесса, но и глубоко затрагивает личность врача, ее аффективно-мотивационную сферу и систему ценностей. Про-

фессиональная деятельность в подобных социально-психологических условиях предъявляет повышенные требования к морально-этическим качествам врача, требует особой самоотверженности в работе.

Анализ данных показывает также, что достаточно высокий процент врачей первой и второй групп (63,6 и 65,5% соответственно) испытывают напряжение и неудовлетворенность в связи с повышенным риском развития профессиональных заболеваний.

Следующий по значимости блок вопросов интервью касается тех изменений в поведении и характере, которые наблюдают у себя респонденты. Значительный процент врачей в обеих группах (54,5 и 50,0% соответственно) считают, что в связи с напряженными условиями профессиональной деятельности с годами они изменились по характеру: стали более эмоционально возбудимыми и неуравновешенными. Также 59,1% врачей первой группы и 44,2% второй считают, что плохое эмоциональное состояние, вызванное повышенными нагрузками на работе, отражается на прочих сферах их жизни (семья, личные отношения, отношение к жизни в целом).

Названные изменения имеют прямое отношение к проблеме «психического выгорания» под влиянием особых (стрессогенных) условий профессиональной деятельности. Положительным в данном случае является то, что эти изменения хорошо осознаются самими врачами-специалистами, что может составить основу для целенаправленной и высоко мотивированной психологической коррекции.

Важно отметить, что, несмотря на все разнообразие проблем и оснований для эмоционального дис-

комфорта в профессиональной деятельности самый низкий ранг в каждой группе врачей занимает неудовлетворенность своей работой в целом. Таким образом, проявляется зрелое, сбалансированное отношение изученных врачей анестезиологов-реаниматологов к своей профессиональной деятельности с учетом как ее осложнений, так и преимуществ. Этому соответствует также то, что при использовании методики «Уровень социальной фрустрированности» в обеих группах врачей выявляется максимальная (по сравнению с другими значимыми сферами жизни) удовлетворенность областью своей профессиональной деятельности.

Что касается статистически значимых различий между сопоставляемыми группами врачей, то эти различия выявлены в трех сферах – в сферах удовлетворенности работой в целом, рабочей нагрузкой и продвижением по «служебной лестнице». В группе 1 выявлен достоверно больший ($p < 0,05$) по сравнению с группой 2 процент лиц, испытывающих неудовлетворенность в каждой из этих сфер.

Обобщая результаты клинико-психологического исследования, можно отметить, что неудовлетворенность как в широком социальном контексте, так и в профессиональной деятельности оказалась выше у врачей с меньшим стажем по сравнению с врачами с большим стажем профессиональной деятельности в области анестезиологии-реаниматологии.

Результаты экспериментально-психологического исследования

В табл. 2 представлены результаты исследования уровня и структуры различных видов тревожности (тревожности как преходящего эмоционального состояния и как устойчивой личностной характеристики) в сопоставляемых группах врачей.

Как видно из табл. 2, в обеих группах врачей интегративный и частные показатели ситуативной тревожности являются низкими, что отражает отсутствие в актуальном эмоциональном состоянии исследованных врачей признаков тревоги, беспокойства, напряжения. Напротив, можно предположить, что эмоциональное состояние врачей в момент исследования характеризовалось ровным, спокойным фоном настроения, ощущением психологического комфорта и уверенности в себе, удовлетворенностью актуальной жизненной ситуацией.

По-другому выглядят данные табл. 2, отражающие общий уровень и структуру личностной тревожности. В обеих группах врачей интегративный показатель личностной тревожности (ОУЛ) значительно превосходит соответствующий показатель ситуативной тревожности (ОУС) и приближается к границе

нормативных значений (при пороговом значении 7 станайнов средний показатель ОУЛ в первой группе составляет 6,48, во второй – 6,53 станайна).

Это свидетельствует о том, что, в отличие от эмоционального состояния в момент исследования, большинство изученных врачей свое обычное эмоциональное состояние характеризуют как наполненное элементами тревоги, напряженности, неудовлетворенности. Для людей с высоким уровнем личностной тревожности характерна склонность воспринимать широкий круг ситуаций как угрожающие и реагировать на эти ситуации состоянием тревоги, интенсивность которой не всегда соответствует объективной опасности. Согласно концепции, положенной в основу методики ИТТ, наиболее отчетливо личностная тревожность проявляется в социально значимых ситуациях «угрозы» престижу, самооценке, самоуважению. В этом контексте выявленный повышенный уровень личностной тревожности врачей анестезиологов-реаниматологов соответствует данным психологического интервью, показывающим высокую степень обеспокоенности исследованных врачей вопросами профессионального признания, оценки со стороны больных, профессиональной реализации в целом.

Статистически значимых различий между группами врачей анестезиологов-реаниматологов не выявлено, однако можно отметить, что в структуре личностной тревожности врачей с меньшим стажем профессиональной деятельности преобладает компонент эмоционального дискомфорта, а у врачей с большим стажем – астенический компонент. В обеих группах получены высокие оценки по фактору «Тревожная оценка перспективы», отражающему общую озабоченность будущим на фоне повышенной эмоциональной чувствительности [3].

При оценке других параметров эмоционального состояния (выраженность и структура астенических и депрессивных проявлений) статистически значимых различий между сравниваемыми группами врачей выявлено не было. В обеих группах все изученные показатели депрессии и астении не превышают допустимых для «психической нормы» границ. В пределах нормативных значений можно отметить некоторое преобладание показателя «депрессии» у врачей анестезиологов-реаниматологов с большим стажем профессиональной деятельности, что, вероятно, связано с общей онтогенетической тенденцией к снижению уровня активности и оптимизма (энергетического потенциала личности) в зрелом и старшем возрасте.

В соответствии с планом исследования в двух группах врачей были проанализированы такие характеристики эмоциональной сферы личности, как повышенный контроль над аффективными реакциями и сенситивность, полученные с помощью соответ-

Таблица 2

**Показатели ситуативной (реактивной) и личностной тревожности в группах врачей
анестезиологов-реаниматологов с различным стажем профессиональной деятельности**

Шкалы методики «Интегративный тест тревожности»	Средние значения шкальных оценок ($M \pm m$) в станайнах	
	1-я группа (стаж до 13 лет) $n = 44$	2-я группа (стаж 13 и более лет) $n = 52$
Ситуативная тревожность		
Общий уровень (ОУС)	2,95±0,34	3,30±0,32
Эмоциональный дискомфорт	2,41±0,30	2,82±0,31
Астенический компонент	3,77±0,34	4,34±0,33
Фобический компонент	3,25±0,35	3,66±0,32
Тревожная оценка перспективы	3,32±0,34	3,54±0,35
Социальная защита	3,80±0,29	3,94±0,20
Личностная тревожность		
Общий уровень (ОУЛ)	6,48±0,22	6,53±0,30
Эмоциональный дискомфорт	6,64±0,24	6,35±0,28
Астенический компонент	6,34±0,24	6,61±0,26
Фобический компонент	6,11±0,24	5,98±0,28
Тревожная оценка перспективы	6,55±0,24	6,47±0,29
Социальная защита	5,07±0,22	5,12±0,19

Примечание. В методике ИТТ интегративный показатель ситуативной тревожности (ОУС) и личностной тревожности (ОУЛ) ниже 4 станайнов соответствует низкому уровню; 4, 5 и 6 станайнов – среднему (нормальному) уровню; показатель выше 7 станайнов свидетельствует о высоком уровне тревожности, общем психологическом дискомфорте и дисгармонии со средой [3]. Эти нормативы распространяются также на отдельные компоненты тревожности как актуального эмоционального состояния и как устойчивой индивидуальной черты личности.

ствующих дополнительных шкал опросника СМЛ. Основаниями для изучения именно этих характеристик личности у врачей анестезиологов-реаниматологов послужили данные психологического интервью, отражающие высокосignификантные для врачей анестезиологов-реаниматологов (и подавляемые в силу действия социальных регуляторов поведения) переживания «ущемленности» и обиды в связи с недооценкой их профессиональной значимости.

Показатели эмоционального контроля и сенситивности в обеих группах врачей находятся в пределах «нормативного диапазона». Однако уровень сенситивности в группе врачей с большим стажем профессиональной деятельности ($56,36T \pm 1,63$) на статистически значимом уровне ($p < 0,05$) превосходит соответствующий показатель в группе врачей с меньшим стажем ($51,39T \pm 1,45$).

Результаты исследования базисных копинг-стратегий, полученные с помощью адаптированного опросника «Индикатор стратегий преодоления стресса», показывают, что статистически значимых различий между сопоставляемыми группами врачей выявлено не было. Структура копинга в обеих группах практически одинакова: конструктивные стратегии «разрешение проблемы» и «поиск социальной поддержки» используются чаще, чем неконструктивный копинг «избегание проблемы»; частота использования первых двух стратегий соответствует среднему уровню, третьей – низкому уровню. Полученные данные в целом соответствуют результатам исследования копинга у врачей [10], однако для выяв-

ления специфики стресс-преодолевающего поведения анестезиологов-реаниматологов необходимо сопоставление с результатами исследования копинга у врачей других специальностей.

Согласно теории копинга механизмы совладания со стрессом можно классифицировать по тому, в какой сфере психической деятельности (когнитивной, эмоциональной, поведенческой) они реализуются, а также оценить их с точки зрения адекватности-неадекватности. Результаты применения опросника Е. Хейма, построенного на этой классификации [8], показывают, что не было выявлено статистически значимых различий между группами врачей по степени выраженности адаптивных, относительно адаптивных и неадаптивных копингов в когнитивной, эмоциональной и поведенческой сферах личности. В обеих группах преобладали адаптивные стратегии психологического преодоления; наименьшую выраженность имели неадаптивные копинги.

В частности, среди адаптивных когнитивных копингов в исследованной группе врачей чаще встречались «проблемный анализ», «установка собственной ценности», «сохранение самообладания»; эти механизмы совладания направлены на анализ возникающих трудностей и возможных путей выхода из них, повышение самооценки и самоконтроля, поддержание веры в собственные силы в преодолении трудностей.

Среди адаптивных эмоциональных копингов у исследованных врачей по частоте встречаемости выделялись «протест», «оптимизм», т.е. формы копинга,

характеризующие повышенный эмоциональный тонус с активным возмущением трудностями или уверенностью в наличии выхода из любой ситуации.

К адаптивным поведенческим способам копинга, предпочитаемым исследованными врачами, относились «сотрудничество», «обращение», «альтруизм»; эти копинг-механизмы характеризуют поведение личности, направленное на сотрудничество со значимыми людьми, поиск поддержки в ближайшем социальном окружении и оказание помощи близким в преодолении трудностей.

Неадаптивные копинги, используемые врачами анестезиологами-реаниматологами, наиболее часто относились к когнитивной сфере (предполагали отказ от преодоления трудностей из-за неверия в свои силы, интеллектуальные усилия по преуменьшению значимости отрицательных событий) и поведенческой сфере личности (предполагали пассивность, изоляцию, стремление уйти от активных интерперсональных контактов, отказ от решения проблем) и наиболее редко – к эмоциональной сфере.

Стресс-преодолевающее поведение является результатом взаимодействия копинг-стратегий и копинг-ресурсов. К «внутренним» (личностным) копинг-ресурсам относятся психологические характеристики человека, способствующие формированию конструктивных стресс-преодолевающих стратегий и в целом определяющие резистентность личности к неблагоприятным воздействиям. Важнейшей интегральной психологической характеристикой и эффективным ресурсом совладающего поведения является активность личности [9]. Существенное значение имеют также уровень и адекватность самооценки, а также волевые черты личности.

В связи с этим на следующем этапе с помощью методики «Личностный дифференциал» были изучены названные психологические характеристики, выступающие в контексте изучаемой проблемы как базисные ресурсы стресс-преодолевающего поведения. К этим важным личностным копинг-ресурсам относятся факторы Активности (А), Оценки (О) и Силы (С).

Результаты сравнительного изучения показывают, что средние значения всех трех факторов личности в обеих группах врачей несколько превосходят (в допустимых пределах) соответствующие значения, полученные авторами методики на нормативной выборке [2]; при этом значение фактора Оценки в группе врачей с большим стажем профессиональной деятельности приближается к верхней границе нормативного диапазона (составляет 1,93 при средненормативном значении 1,50 и стандартном отклонении 0,81).

Полученные данные свидетельствуют о том, что вне зависимости от длительности стажа работы врачи анестезиологи-реаниматологи обладают существенным личностным потенциалом для совладания

со стрессогенными условиями профессиональной деятельности и другими жизненными трудностями. Этот потенциал составляют устойчивые психологические характеристики, отраженные величиной факторов Оценки, Силы, Активности. В частности, к профессионально важным можно отнести такие характеристики личности врачей анестезиологов-реаниматологов, как достаточно высокий уровень самопринятия и склонность осознавать себя как носителя позитивных, социально желательных качеств (фактор О); уверенность, решительность, самостоятельность, независимость, умение придерживаться собственной линии поведения и не перекладывать ответственность на окружающих, хороший самоконтроль (фактор С), а также активность, общительность, эмоциональная откликаемость (фактор А).

Эти характеристики личности могут рассматриваться как прогностически благоприятные факторы психологической адаптации к профессиональному стрессу и как факторы противостояния профессиональной деформации личности.

Заключение

Настоящее исследование посвящено изучению особенностей эмоционального состояния личности и механизмов психологической адаптации к стрессогенным условиям профессиональной деятельности врачей анестезиологов-реаниматологов. Данные литературы свидетельствуют о том, что психологическая адаптация к профессиональному стрессу является динамическим процессом, включающим ряд последовательных стадий [11]. Динамика психологической адаптации к профессии накладывается на возрастную эволюцию психики человека, которая может сопровождаться снижением (колебаниями) адаптационных возможностей. В свою очередь, возрастная динамика накладывается на определенную социальную траекторию жизни человека, динамику жизненных циклов и кризисов (например, «кризис зрелого возраста»). Таким образом, процесс профессиональной адаптации у врачей анестезиологов-реаниматологов, так же как у других специалистов, является многомерным и предполагает соответствующие – многомерные – подходы к ее изучению.

На одном из первых этапов системного изучения психологической адаптации врачей анестезиологов-реаниматологов к условиям профессионального стресса целесообразно сосредоточиться на изучении роли длительности стрессового воздействия, т.е., по существу, на роли стажа работы в этой области медицины. В связи с этим в настоящем исследовании были поставлены задачи сопоставления характеристик эмоционально-личностной сферы и механизмов

копинга у врачей анестезиологов-реаниматологов с различным стажем профессиональной деятельности.

Результаты исследования указывают на нелинейный характер изменений личности и поведения врача под влиянием работы в условиях профессионального стресса, что обуславливает необходимость индивидуализированного психологического сопровождения профессиональной деятельности врачей анестезиологов-реаниматологов с целью профилактики эмоционально-личностных расстройств, связанных с «профессиональной деформацией».

Важно отметить также, что существенную роль в психологической адаптации личности к профессии играют не только ресурсы (потенциальные возможности) личности, но и сознательно выбираемые конструктивные стратегии копинга, такие, например, как «разрешение проблемы», «поиск социальной поддержки», а в отдельных ситуациях – «избегание проблемы». Сравнение врачей с меньшим и большим стажем профессиональной деятельности показало, что взаимодействие значительных личностных ресурсов и конструктивных копингов по мере увеличения длительности профессиональной деятельности обуславливает более успешное психологическое приспособление к профессии и усиление профессионально значимых черт личности. Этому соответствует более высокая степень удовлетворенности различными аспектами своей профессиональной деятельности, выявляемая в группе врачей с большим стажем работы.

Таким образом, полученные в исследовании данные подтверждают представление о сложной структуре процесса психологической адаптации к стрессогенным условиям профессиональной деятельности, о его волнообразном, фазовом характере. На разных этапах этого процесса могут формироваться и развиваться как защитно-психологические компоненты «психического выгорания», так и позитивные профессионально значимые личностные качества врача. Выявленные психологические особенности врачей анестезиологов-реаниматологов с различной длительностью профессиональной деятельности требуют уточнения в процессе лонгитюдного исследования. В ходе такого исследования возможно проследить, как меняется психологический статус конкретных врачей в процессе их жизненного развития и многолетней работы в условиях профессионального стресса.

Литература

1. Абабков В.А., Перре М. Адаптация к стрессу: Основы теории, диагностики, терапии. СПб.: Речь, 2004.
2. Бажин Е.Ф., Эткинд А.М. Личностный дифференциал: Методические рекомендации. Л.: Психоневрологический институт им. В.М. Бехтерева, 1983.
3. Бизюк А.П., Вассерман Л.И., Иовлев Б.В. Применение интегративного теста тревожности: Методические рекомендации. СПб.: Психоневрологический институт им. В.М. Бехтерева, 2001.
4. Бунятян А.А., Баклаев А.В., Смирнов И.В., Мизиков В.М. Человеческий фактор в анестезиологии // Анестезиология и реаниматология. 2000. № 5. С. 4–10.
5. Вассерман Л.И., Иовлев Б.В., Беребин М.А. Методика для психологической диагностики уровня социальной фрустрированности и ее практическое применение: Методические рекомендации. СПб.: Психоневрологический институт им. В.М. Бехтерева, 2004.
6. Вассерман Л.И., Щелкова О.Ю. Медицинская психодиагностика: Теория, практика, обучение. СПб.; М.: Академия, 2003.
7. Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб.: Питер, 2005.
8. Карвасарский Б.Д., Абабков В.А., Васильева А.В. и др. Копинг-поведение у больных неврозами и его динамика под влиянием психотерапии: Пособие для врачей. СПб.: Психоневрологический институт им. В.М. Бехтерева, 1999.
9. Корнилова Т.В., Смирнов С.Д. Методологические основы психологии. СПб.: Питер, 2006.
10. Лигер С.А. Формирование копинг-поведения студентов медицинского вуза и его влияние на личностно-профессиональное развитие врача: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 1997.
11. Практикум по психологии менеджмента и профессиональной деятельности / Под ред. Г.С. Никифорова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2001.
12. Решетова Т.В., Жигалова Т.Н., Решетов М.В. Психологические проблемы гигиены труда медицинского персонала // Материалы конференции «Оптимизация больничной среды средствами новых технологий». М., 2004. С. 161–166.
13. Сирота Н.А. Копинг-поведение в подростковом возрасте: Дис. ... д-ра мед. наук. СПб.: Психоневрологический институт им. В.М. Бехтерева, 1994.
14. Собчик Л.Н. Стандартизованный многофакторный метод исследования личности СМЛ. СПб.: Речь, 2000.
15. Ясько Б.А. Экспертный анализ профессионально важных качеств врача // Психологический журнал. 2004. Т. 25, № 3. С. 71–81.

PSYCHODIAGNOSTICS IN THE SYSTEM RESEARCH OF THE EMOTIONAL-PERSONAL SPHERE OF THE ANAESTHESIOLOGISTS (IN CONNECTION WITH THE STRESS CHARACTER OF THEIR PROFESSIONAL ACTIVITY)
O.Yu. Shchelkova (St. Petersburg)

Summary. The issue refers to the study of psychological status of the anaesthesiologists working in conditions of the professional stress. Abilities of psychodiagnostic (clinical-psychological and experimental-psychological) methods of revealing stress factors, emotional state features and strategies and resources of coping-behavior are shown in the issue. Gathered material can be used while working out programs of prophylaxis psychological disadaptation of people working in the professional stress conditions.

Key words: psychological diagnostics, professional stress, emotional state, coping-behavior, psychological adaptation, psychoprophylaxis, anaesthesiologists.

КУРОРТНАЯ ПСИХОТЕРАПИЯ: ИСТОРИЯ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ КУРОРТА БЕЛОКУРИХА)

А.В. Суховершин (Белокуриха), Г.В. Залевский (Томск)

Аннотация. Отражена история зарождения и развития психотерапии на курортах нашей страны, в частности становления психотерапии на крупнейшем в Сибири федеральном курорте Белокуриха. Рассматриваются вопросы особенностей применения методов психотерапии в санаторно-курортной практике, современное состояние и перспективы развития психотерапии в комплексе санаторной реабилитации.

Ключевые слова: курорт, Белокуриха, психотерапия, психология.

Курорт Белокуриха – крупнейший в Азиатской России, он находится на юге Алтайского края в живописных отрогах Чергинского хребта на высоте 250 м над уровнем моря, в 200 км от краевого центра – г. Барнаула.

В 2007 г. курорту Белокуриха исполнилось 140 лет. Курорт имеет статус федерального значения, его относят к уникальным бальнеологическим лечебницам Российской Федерации (Постановление Правительства РФ от 31.10.1999 г. №1204 «Положение о курорте федерального значения Белокуриха»; Методические указания МЗ РФ № 99/228 от 22.12.99 г. «Перечень курортов России с обоснованием их уникальности по природным лечебным факторам»). Это современный санаторно-курортный комплекс, состоящий из 14 санаториев и полутора десятков пансионатов общей вместимостью до 5 000 человек, что позволяет оздоравливать в год более 60 000 пациентов из разных уголков России – Сибири, Урала, Дальнего Востока, а также республик Средней Азии и дальнего зарубежья.

Курорт специализируется на профилактике и восстановительном лечении заболеваний эндокринной, центральной и периферической нервной системы, сердечно-сосудистых заболеваний, патологии опорно-двигательного аппарата и костно-мышечной системы, кожных, гинекологических, урологических и андрологических заболеваний.

Основные методы лечения, применяемые на курорте, связаны с климатическими и бальнеологическими процедурами на основе минеральных азотно-кремнистых радонсодержащих термальных вод.

Лечебные факторы курорта издавна потенцируются и опосредуются психотерапевтическими воздействиями, об этом свидетельствуют распространявшиеся далеко за пределы Сибири легенды о целебной силе горячих источников с самого начала их использования.

Эрнст Кречмер в своей «Медицинской психологии» писал, что «пребывание на курорте, во время которого немного купаются, лечатся электризацией, проводя время за хорошей едой, флиртом, болтовней и тягостным бездельем, представляет собой такую форму лечения, благодаря которой и здоровый человек по истечении некоторого времени может

стать неизлечимым ипохондриком и тунеядцем», тем самым он подчеркивал особое значение все более возраставшего в то время понимания вопросов использования приемов психотерапии в санаториях [5].

Еще в царской России, в 1909 г., редактор журнала «Психотерапия» Н.А. Вырубов выпустил брошюру о психотерапии в санаториях. В 1930 г. в монографии по курортной неврологии Н.А. Тюленев подчеркивал положительную роль психотерапии на курорте. Уже в первом десятилетии становления курортной системы в советской стране предпринимались разрозненные попытки применения специальной психотерапии – главным образом гипнотерапии, в санаториях Украины, Крыма и Черноморского побережья Кавказа отдельными энтузиастами (Д.А. Смирнов, В.Г. Дик, К.И. Платонов, М.П. Кутанин, В.М. Кислов) [7].

В послевоенные годы целый ряд врачей (М.Д. Танцюра, И.А. Потоцкий, И.А. Жуков, В.К. Канцедаль, Я.И. Бараш) в условиях курорта постепенно переходят к более систематическому и более широкому применению гипнотерапии, организуя кабинеты психотерапии, что в дальнейшем и определило начало научного периода развития психотерапии на курортах нашей страны.

С 1954 по 1962 г. психотерапия на курортах проводилась на общественных началах, преодолевались консерватизм и недоверие некоторой части медицинской общественности к психотерапии. В течение этих лет на базе курса психотерапии при Украинском институте усовершенствования врачей обучены первые врачи психотерапевты-курортологи [10]. После проведения первой конференции по психотерапии в 1962 г. на Славянском курорте была начата планомерная работа по внедрению психотерапии в курортологию. В 1964 г. в республиканской конференции участвовали все ведущие психотерапевты страны: профессора В.Н. Мясичев, К.И. Платонов, И.З. Вельвовский, Е.С. Катков, М.С. Лебединский, Н.В. Иванов, крупнейшие клиницисты академики Н.И. Гращенко, И.А. Кассирский, профессора курортологи Б.В. Лихтерман, Г.Л. Каневский, Б.В. Богуцкий. Были определены два решающих положения: о развитии «большой» лечебной психотерапии и внедрении деонтологической культуры и принципов психогигиены во все звенья работы на курорте. В 1964 г. санаторий «Березовские минеральные

воды» утвержден как всесоюзный базовый по психотерапии, где в 1966 г. открыт курортный филиал харьковской кафедры психотерапии [1, 7].

Коллегия Центрального курортного совета по управлению курортами профсоюзов постановлением от 26 июля 1971 г. ввела психотерапию как обязательный элемент в общей системе лечения и обслуживания в курортологии, утвердила Типовое положение о кабинете психотерапии санатория и Инструкцию о правах и обязанностях врача кабинета психотерапии [10]. В 1972 г. проводится первая Всесоюзная научно-практическая конференция «Психотерапия и деонтология в комплексе лечения и реабилитации больных на курорте». С этого периода психотерапия на курортах заняла прочное место.

На курорте Белокуриха пионером применения врачебных психотерапевтических методов в середине 60-х гг. XX в. был врач-невропатолог К.А. Екатеринбург (1914 г. рождения), ныне здравствующий, проработавший психотерапевтом на курорте более 30 лет (с 1961 по 1993 г.). Он первым стал применять гипносуггестивную психотерапию, которой овладел еще во время обучения в 1942 г. в Сибирском медицинском институте в Томске у профессора Н.Н. Бойдунова (ученик академика И.П. Павлова). Заметив возрастающую популярность врача и эффективность использования гипнотерапии в лечении больных неврозами, руководство курорта направило К.А. Екатеринбург на специализацию по психотерапии в Украинский институт усовершенствования врачей к профессору И.З. Вельвовскому (первая кафедра психотерапии, созданная в Советском Союзе в 1962 г., в Харькове). В дальнейшем, с 1972 г., в базовом санатории «Белокуриха» была официально выделена ставка врача-психотерапевта, открыты кабинет психотерапевта и гипнотарий, и с этого времени психотерапия стала занимать важное место в комплексе санаторно-курортного лечения пациентов с психосоматическими заболеваниями и неврозами.

В семидесятых годах молодые энтузиасты врачи невропатологи Л.И. Черданцева, чуть позже А.В. Суховершин, М.П. Логачев, терапевты В.М. Кудря, О.К. Медведев приняли эстафету применения методов психотерапии в здравницах курорта Белокуриха. Подготовку по психотерапии они проходили в Украинском институте усовершенствования врачей на кафедре психотерапии у профессора А.Т. Филатова. Наступил этап активного развития психотерапии на курорте Белокуриха. С этого времени кабинеты психотерапии стали открываться в санаториях «Алтай», «Сибирь», «Катунь», «Россия». Началась систематическая работа по организации психогигиенической, психопрофилактической и психотерапевтической помощи отдыхающим. В этот период на курорте Белокуриха основными задачами кабинетов психотерапии в санаториях являлись:

– оказание психотерапевтической помощи больным с пограничными нервно-психическими расстройствами;

– опосредование и потенцирование бальнеологических и физиотерапевтических процедур с целью повышения эффективности санаторно-курортного лечения;

– обучение персонала здравниц правилам медицинской психологии, этики и деонтологии, соблюдение сотрудниками, как называл ее И.З. Вельвовский, «стерильности слова и поведения»;

– проведение широкой психогигиенической и психопрофилактической работы среди отдыхающих.

Практика работы врачей здравниц показала, что психотерапия становится одним из важных звеньев в основном комплексе лечебно-реабилитационных мероприятий на курорте и требует необходимого совершенствования. Развитие психотерапии на курорте в то время предусматривало организационную и качественную перестройку всей лечебно-профилактической работы. Особое значение Центральным курортным советом и руководством курорта придавалось внедрению, по определению К.И. Платонова, «малой» психотерапии, психотерапевтической культуры во все элементы диагностики, лечения и ухода за больными, принципов психопрофилактики и психогигиены.

Эти задачи возлагались на кабинеты психотерапии, врачи которых организовывали и проводили также «внекабинетную психотерапию», т.е. косвенную, опосредующую и стимулирующую психотерапию с использованием физиолечения, бальнеотерапии, лечебной гимнастики для усиления действенности специфических для данного курорта природных климатических и бальнеологических факторов. По образному выражению И.З. Вельвовского: «Психотерапия, начавшись еще при прибытии больного в приемное отделение, сопровождала его и окружала его на всех этапах лечения, воплощаясь в психотерапевтической вербализации всех общений, действий и лечебных манипуляций», что создавало своеобразную атмосферу «психотерапевтического окружения» [2]. Врачи-психотерапевты разрабатывали различные памятки по деонтологии и методические материалы по «малой» психотерапии для медицинского персонала физиотерапевтических кабинетов, водолечебницы, курортной поликлиники.

Основными методами психотерапии в данный период на курорте были рациональная психотерапия, гипнотерапия, музыкальная терапия в сочетании с релаксацией, различные модификации и варианты аутогенной тренировки, приемлемые для санаторно-курортных сроков лечения.

Расширению психотерапевтической службы на курорте способствовал приказ № 750 Минздрава СССР по психотерапии в 1985 г. Так, в 1987 г. на

базе санатория «Белокуриха» и в 1993 г. в санатории «Россия» были организованы выездные циклы усовершенствования по медицинской психологии и психотерапии силами сотрудников кафедры психотерапии Центрального института усовершенствования врачей (Москва). Это позволило значительно повысить уровень подготовки психотерапевтов, врачей-курортологов и вместе с тем качество психотерапевтической помощи.

В 1988 г. Методический совет курорта Белокуриха назначил главным внештатным психотерапевтом курорта А.В. Суховершина. Появилась возможность осуществлять организационно-методическое руководство и координацию работы всех психотерапевтов, обмениваться опытом, привлекать главных врачей здравниц к решению организационных проблем развития психотерапевтической службы. Активно приглашались специалисты кафедр психиатрии и психологии Алтайского, Новосибирского государственных медицинских институтов, Томского государственного университета для оказания консультативной и методической помощи, проведения обучающих семинаров.

В 90-е гг. врачи А.В. Суховершин, Т.С. Эфендиева под руководством заведующего кафедрой психиатрии Алтайского государственного медицинского института профессора Б.Н. Пивень проводили научно-исследовательскую работу по оптимизации помощи больным с нервно-психическими расстройствами экзогенно-органической природы на санаторно-курортном этапе реабилитации. Учитывая, что данная патология относится к труднокурабельной и имеет склонность к прогрессивному течению, очевидна необходимость поиска новых методов курортной реабилитации. Поэтому в комплексе восстановительного лечения больных с последствиями черепно-мозговых травм с непсихотическими нервно-психическими расстройствами, наряду с традиционной бальнеотерапией, современной микроволновой биорезонансной крайневысокочастотной терапией стали применять интегративные методы психотерапии. Клинические исследования, проведенные врачами санатория «Россия» за несколько лет, катamnестические данные (более 150 больных), объективные методы диагностики выявили стойкий позитивный эффект у 76% больных: отмечалась редукция астеновегетативных, цефалгических и аффективных нарушений, улучшались когнитивные функции. Данные исследования опубликованы в центральной печати, трех монографиях, доложены на международных конгрессах врачей [9, 19].

В последнем десятилетии XX в. началось активное внедрение зарубежных методов лечения в области психотерапии на курорте Белокуриха. В 1991 г. после обучения в Москве на кафедре психотерапии Центрального института усовершенствования врачей психотерапевты санатория «Россия» А.В. Суховершин,

А.А. Кирюшов, А.В. Пантин стали применять в своей практике клиническую трансперсональную психотерапию при невротических депрессиях [12, 14, 16].

В 1998 г. на базе санатория «Россия» по инициативе заведующего кафедрой клинической психологии Томского государственного университета профессора Г.В. Залевского был проведен международный семинар по когнитивно-поведенческой психотерапии для курортологов психотерапевтов и психологов Сибири с участием психотерапевтов, психологов и психиатров из Германии (Г. Кунце, П. Шюлер, Х. Эвер). Была создана Сибирская ассоциация бихевиоральной психотерапии [3].

В 1999 г. врачи-психотерапевты курорта были приглашены немецкими коллегами в Германию для обмена опытом в Институт психотерапии (Марбург), где ознакомились с работой психиатрических клиник и психотерапевтических центров в крупных городах Германии. Приняли участие в работе 29-го Европейского конгресса по бихевиоральной психотерапии (Дрезден), совместно с профессором Г.В. Залевским представили доклад «О развитии когнитивно-бихевиоральной психотерапии в Сибири» [20].

В настоящее время специалисты здравниц курорта Белокуриха применяют не только отечественные методы психотерапии (гипноз, методы релаксации, терапия творческим самовыражением, дианализ), но также успешно используют эклектические подходы, интегративные направления современной зарубежной психотерапии, адаптированные к условиям нашей страны (трансперсональная, телесно-ориентированная, когнитивно-поведенческая психотерапия, гештальттерапия, трансактный анализ, символдрама, элементы арттерапии и нейролингвистического программирования, психотерапия с компьютерным биоуправлением).

Ежегодно врачи курорта Белокуриха обмениваются опытом психотерапевтической работы на международных форумах по курортологии, что способствует дальнейшей интеграции новых технологий психотерапии в курортную практику врачей психотерапевтов [13, 15, 16].

На современном этапе в каждом санатории курорта Белокуриха имеются кабинеты психотерапии, отличающиеся необычным дизайном, в крупных здравницах организованы психотерапевтические отделения, оснащенные современным аудиовизуальным оборудованием, штаты врачей-психотерапевтов, все врачи имеют сертификаты специалистов-психотерапевтов и квалификационные категории, многие из них являются членами Российской психотерапевтической ассоциации и Независимой психиатрической ассоциации России.

Разумеется, в санаторно-курортной практике применение психотерапии имеет некоторые особенности, а именно:

1. Ограниченность срока лечения в связи с временными лимитными рамками пребывания пациентов на курорте – от 10 до 21 дня.

2. Большое число больных, приходящихся на одного врача в санатории, отсутствие директивных документов, регламентирующих нагрузку врача психотерапевта.

3. Необходимость в сжатые сроки охватить значительное количество больных, что ограничивает количество сеансов индивидуальной и групповой психотерапии.

4. Предпочтение пациентами индивидуальных сеансов психотерапии, что требует увеличения количества специалистов в области психотерапии в штатном расписании здравниц.

5. Большой процент больных с психосоматическими заболеваниями с преобладанием в клинической картине тревожно-депрессивной симптоматики.

6. Значительный полиморфизм и затяжной характер невротических расстройств в клинике неврозов, их патоморфоз, соматическая отягощенность.

7. Широкий круг психологических проблем, с которыми отдыхающие обращаются за помощью к психотерапевту: дисгармония межличностных отношений, трудности социальной адаптации личности к изменяющимся условиям жизни, возрастные кризисы, социальные девиации, внутриличностный душевный дискомфорт и т.д.

8. Проведение психотерапии без применения медикаментозных средств на фоне воздействия природных и преформированных лечебных факторов.

9. Своеобразная идеализация курорта – большие надежды пациентов на высокую эффективность санаторно-курортного лечения.

Так как проблема выбора методов психотерапии осложняется жестким дефицитом времени, в этой связи наиболее оправданно в санаторно-курортной практике применение краткосрочных интегративных мультимодальных психотерапевтических технологий. В недалеком прошлом курортная психотерапия традиционно носила характер симптоматической помощи пациенту (гипнотерапия, косвенная психотерапия и др.), что давало недостаточно высокую стойкость лечебного эффекта. Возвращаясь в психотравмирующую обстановку, оставаясь с теми же патологическими формами реагирования, больной зачастую быстро терял тот эффект оздоровления, который получал на курорте [11]. В настоящее время

нужна другая психотерапия, помогающая восстанавливать такие важнейшие свойства личности, как активность, оптимизм, самостоятельность, сознательность, способность делать собственный выбор в жизни и нести за него ответственность. Современные методы психотерапии – аналитическая, личностно- и социально-ориентированная, поведенческая, экзистенциальная, гуманистическая – отвечают на эти запросы времени. Поэтому у курортного психотерапевта сегодня иные задачи: разобраться в психологической дезадаптации пациента, откорректировать его неадекватные личностные установки и как следствие этого создать предпосылки к преодолению различных психологических трудностей, помогать находить новые эффективные стратегии поведения, оздоравливать и активировать личность больного, превращать его в непосредственного участника лечебно-оздоровительного процесса на фоне благоприятно действующих факторов курорта, что в дальнейшем поможет развивать ресурсные состояния и сохранять здоровье.

Таким образом, современный этап становления психотерапии на курорте Белокуриха связан с развитием отечественных направлений психотерапии на основе интеграции достижений современной зарубежной психотерапии.

Будущее курортной психотерапии в первую очередь зависит от перспектив развития клинической психологии и психотерапии в Российской Федерации, от уровня совершенствования теоретической и практической подготовки курортных специалистов в области психотерапии в соответствии с современным уровнем ее развития в мире.

Целесообразна организация на курорте новых форм психотерапевтической помощи в виде укрупненного психологического консультативного центра, где одновременно работают психотерапевты, психиатры, психологи, неврологи, сексологи, социологи.

Отсутствие в последние годы интереса к курортной психотерапии со стороны академической науки вызывает большую озабоченность. Назрела необходимость дальнейшей научной разработки теоретических основ и методологических подходов в современной курортной психотерапии и психологии, внедрения в курортную практику достоверных с научной точки зрения краткосрочных интегративных психотерапевтических технологий, основанных на принципах научной психологии и доказательной медицины.

Литература

1. Вельвовский И.З., Каневский Г.Л., Мушер Я.М. Организационно-методические принципы построения психотерапевтической помощи в санаториях и курортных поликлиниках // Психотерапия в курортологии / Под ред. И.З. Вельвовского. Харьков: Прапор, 1968. С. 7.
2. Вельвовский И.З., Липгарт Н.К., Багалеи Е.М., Сухоруков В.И. Психотерапия в клинической практике. Киев: Здоров'я, 1984. С. 150–151.

3. Залевский Г.В., Суховершин А.В. Информация о 29-м Конгрессе Европейской ассоциации бихевиоральной и когнитивной психотерапии (ЕАВСТ) // Сибирский психологический журнал. 1999. № 11. С. 137.
4. Крачков Ю.В., Суховершин А.В. Вопросы деонтологии в курортной практике // Научные труды. Новосибирск, 1986. Т. 124. С. 126.
5. Кречмер Э. Медицинская психология: Пер. с нем. / Изд. подгот. В.А. Луков. СПб.: Союз, 1998. С. 427–428.
6. Макаров В.В. Психотерапия нового века. М.: Академический проект, 2001. С. 496.
7. Кутанин М.П. Значение психотерапии и психогигиены на курорте // Психотерапия в курортологии / Под ред. И.З. Вельвовского. Киев: Здоров'я, 1966. С. 3–37.
8. Пантин А.В. Современные методы психотерапии в санатории «Россия» // Курортные ведомости. М., 2001. № 6. С. 33.
9. Пивень Б.Н. Экзогенно-органические заболевания головного мозга. М.: Медицина, 1998. С. 138.
10. Полторанов В.В., Слущкий С.Я., Мушер Я.М. Психотерапия и деонтология в комплексе лечения и реабилитации больных на курорте. Харьков, 1979. С. 4–5.
11. Рожнов В.Е., Бараш Я.И. Психотерапия в санаторно-курортной практике // Руководство по психотерапии / Под ред. В.Е. Рожнова. Ташкент: Медицина УзССР, 1979. С. 571–585.
12. Рыбалко М.И., Ермолаев Л.М. Очерки истории развития психиатрии на Алтае. Барнаул, 2000. С. 323.
13. Суховершин А.В., Эфендиева Т.С. Психотерапия в комплексном лечении больных невротами на курорте Белокуриха // Сборник научно-практических работ врачей санаторно-курортных учреждений профсоюзов. М.: Профиздат, 1987. С. 159.
14. Суховершин А.В., Южаков Г.М. Психотерапия на курорте Белокуриха: прошлое, настоящее и будущее // Материалы конференции «Актуальные вопросы психиатрии, наркологии и психотерапии». Барнаул, 2003. С. 78.
15. Суховершин А.В., Пантин А.В. Интеграция краткосрочных психотерапевтических методов в санаторно-курортных условиях // Материалы Международного конгресса «Здравница-2004»: Актуальные проблемы восстановительной медицины, курортологии и физиотерапии. СПб., 2004. С. 238–239.
16. Суховершин А.В., Пантин А.В. Клиническая трансперсональная психотерапия депрессий в санаторно-курортной практике // Сборник тезисов I Международного конгресса «Психосоматическая медицина-2006». СПб., 2006. С. 181.
17. Fitzgerald P.V. Conversation in Psychotherapy. Northvale, Jason Aronson: Inc. New Jersey; London, 1992. 320 p.
18. Garfield S. The practice of brief psychotherapy. Second ed. John Wiley & Sons, Inc. 1998. 250 p.
19. Sukhovershin A.V. Combined UHF-Radonotherapy of Traumatic Encephalopathy // XII world congress of psychiatry. Yokohama, 2002. P. 266.
20. Zalevsky G.V., Sukhovershin A.V. BCT in Russia // Sibiria Peculiarities of Development and international cooperation today 29th Annual Congress of the EABCT. Dresden, 2002.

THE HISTORY OF FORMATION OF PSYCHOTHERAPY ON BELOKURIKHA'S RESORT

A.V. Sukhovershin (Belokuricha), G.V. Zalevsky (Tomsk)

Summary. The article is devoted to the history of foundation and development of psychotherapy in the health resorts of Russia. The article deals with the becoming of psychotherapy on the Federal resort Belokurikha, the largest in Siberia.

A special attention is paid to the features of application of the psychotherapeutic methods in a sanatorium practice and modern condition and prospects of development of psychotherapy in a complex of sanatorium rehabilitation.

Key words: resort, psychotherapy, psychology, Belokurikha.

ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

ДЕФОРМАЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНО-УСТАНОВОЧНОГО РЕАГИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ КАК ДЕСТРУКТИВНЫЙ ФАКТОР ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

О.М. Краснорядцева (Томск)

Аннотация. Обсуждаются возможности расширения представлений о психологическом механизме деструкций профессионального поведения. Рассматриваются психологические характеристики эмоционально-установочного комплекса как фактора, обуславливающего возникновение профессиональных деформаций личности.

Ключевые слова: профессиональный образ мира; деструкция профессионального поведения, эмоционально-установочный комплекс.

Среди многообразных видов социальной деятельности особое место занимает профессиональная деятельность – обширное поле приложения активности личности, задающее пространство для жизненного самоосуществления, актуализации творческого потенциала и самореализации. Проникающие в последние десятилетия в психологию идеи самоорганизации, отражающие представление о становлении человека как закономерном усложнении системной организации, позволяют рассматривать процесс профессионализации как решение проблемы поиска соответствия внутренним условиям жизнеобеспечения психологической системы, каковой является человек, внешним требованиям к ней как функциональной системе, которая должна быть открытой, иначе социальная функция системы не будет выполнена [2]. Растет количество исследований, свидетельствующих о том, что профессиональное становление человека неизбежно сопровождается «возмущениями» как изнутри, так и извне, что может привести (и приводит) к потере устойчивости, развитию по линии саморазрушения (автодеструкции), выходу на уровень избыточной конфликтации – интра- и интерперсональной (А.К. Маркова, Э.Ф. Зеер, Э.Э. Сыманюк, Е.И. Рогов, Е.Г. Лунина, С.П. Безносов, В.П. Подвойский, Ю.П. Поваренков, Л.Б. Шнайдер, А.В. Буданов, В.А. Лазарева, В.С. Медведев, Б.Д. Новиков, Е.В. Скворцова и др.).

В этой связи профессиональная деформация, проявляющаяся в снижении либо, в крайних вариантах, в потере (частичной или полной) устойчивости человека как системы может рассматриваться в контексте деструктивных тенденций личностного становления. В качестве одного из значимых психологических механизмов, изучение которого позволяет существенно расширять представления о различных вариантах и модальностях проявлений деструктивного поведения, выступает направленность в разрешении перманентно существующего противоречия между образом жизни человека и характерным для него образом мира.

В наших исследованиях [3–5] и исследованиях, проводимых под нашим руководством (Ю.В. Клочко, Е.В. Шарапановская, И.А. Тепленева, Н.С. Гилева, Т.Г. Ходжабагитянц и др.) с разными профессиональными группами, показано, что овладение профессиональной деятельностью и пребывание в ней отражаются на образе жизни человека и через него определяют его образ мира и мировосприятие.

Чрезвычайно важным моментом является, по нашему мнению, понимание того, что существующий у субъекта образ мира есть результат всей его жизнедеятельности, что и позволяет говорить об опыте, закрепленном в образе мира. Образ мира (в том числе и профессиональный образ мира), являясь устойчивым психологическим образованием, тем не менее претерпевает изменения, либо расширяясь и развиваясь за счет «вписывания» новой поступающей информации, открывающей новые возможности для самореализации, либо сужаясь в результате деформации ценностно-смысловых составляющих образа мира, препятствуя тем самым адекватному жизненному самоопределению и самореализации своих сущностных сил [4]. В обоих случаях трансформация образа мира будет неизбежно сказываться на динамике образа жизни человека. Профессиональный образ мира преломляет актуально-смысловое (потребное сейчас) в ценностно-смысловое поле, в котором могут быть реализованы профессиональные возможности.

Следует особо оговорить то обстоятельство, что понятие «профессиональный образ мира» имеет отношение к тем людям, для которых профессия становится образом жизни и профессионализм которых определяет и некоторые другие значимые для человека сферы жизнедеятельности. Не случайно и явления профессиональной деформации чаще всего наблюдаются у представителей тех профессий, которые работают с людьми, профессий типа «человек – человек», поскольку именно эта профессиональная группа оказывается в значительно большей степени подвержена рискам

«сгорания» в силу большой эмоциональной загруженности и интенсивности, что неизбежно сопровождается личностными изменениями различной модальности, в том числе и негативной. Показательны в этом контексте опросы, проводимые нами с практически психологами, имеющими высшую квалификационную категорию, сам факт наличия которой свидетельствует о профессиональном владении психологами техниками психосаморегуляции, профилактики возникновения и коррекции неблагоприятных функциональных состояний. Тем не менее даже в этой профессионально подготовленной к работе с возможными деструкциями группе 55% показали, что испытывают хроническую усталость и недостаток энергии; 43% отмечают невозможность отстраниться от переживаний «производственных проблем» дома; 36% – неспособность расслабиться по вечерам; 34% – недостаток энтузиазма даже по отношению к наиболее значимым и важным жизненным делам; по мнению 48%, объем выполняемой работы превышает отведенное для этого время; 56% регулярно испытывают кратковременные головокружения и учащенное сердцебиение и только 12% считают, что у них достаточно времени и возможностей для восстановления и компенсации возникающих проявлений «эмоционального выгорания». Еще один аспект, обозначившийся в последнее время и требующий, с нашей точки зрения, более пристального внимания, – проявление выраженных признаков эмоционального выгорания на ранних этапах профессионализации, в том числе уже и на этапе профессиональной подготовки у студентов, будущих специалистов в области помогающих профессий (В.В. Кустова, О.А. Семиздрова).

Наши исследования, проводимые в течение ряда лет с аспирантами Томского государственного университета, получающими дополнительную квалификацию «преподаватель высшей школы», также дают основания для прогнозирования достаточно быстрого возникновения симптомов профессиональных деструкций. Так, оценивая сформированность у себя различных характеристик профессиональной компетентности, молодые люди накануне вхождения в профессионально-педагогическую деятельность отметили как наименее сформированные следующие качества: стрессоустойчивость (64%), конкурентоспособность (52%); умение определять оптимальную психологическую цену результата (87%); наличие позитивной «Я-концепции» (64%), преобладание позитивного эмоционального настроения (48%), способность к гибкому компенсаторному приспособлению (69%), способность к самопроектированию и построению собственной стратегии профессионального роста (70%).

Не вызывает удивления и то обстоятельство, что до сих пор профессиональные деструкции рассматриваются:

– как негативные изменения личности в процессе вхождения индивида в профессиональную среду, усвоения профессионального опыта, овладения стандартами и ценностями профессионального сообщества;

– как процесс реализации негативных аспектов накопленного профессионального опыта, в котором различные типы деструктивного поведения проявляются не только как подчиненные внешним требованиям, но скорее как выбор оптимального поведенческого решения, как воспроизводство стереотипных социальных коммуникаций в процессе профессиональной деятельности.

В этой связи продолжают оставаться актуальными суждения о том, что, возможно, не профессия порождает образ мыслей и мировидение, а соответствие образа мира некоторой профессии подготавливает ее выбор (Е.Ю. Артемьева, Е.А. Климов, Ю.К. Стрелков).

На разных этапах профессионального становления дисбаланс между профессиональным образом мира и профессиональным образом жизни имеет свою специфику. Нам представляются наиболее интересными для исследования случаи, когда сложившийся и уже стабилизировавшийся образ жизни начинает выполнять роль своеобразной «психологической защиты», блокирующей трансформацию ценностно-смысловых составляющих профессионального образа мира, инициирующую изменение содержания профессиональной деятельности, профессиональных позиций и т.п. Формы проявления такой «защиты» могут быть разными – от сверхустойчивости до гиперфлексibility. То есть здесь мы имеем дело с особенностями самоорганизации в психологических системах (соотношения «открытость – закрытость», «подвижность – устойчивость»), проявляющимися в деформированном виде: закрывается полужакрытое; открывается полуоткрытое; заостеневает полуустойчивое и превращается в полевое поведение полуподвижное.

Среди проявлений профессиональных деформаций особое место занимает «синдром эмоционального выгорания (сгорания)», который часто понимают как своеобразный способ психологической защиты от личностных деформаций, при этом сам указанный синдром относят к числу феноменов личностной деформации. В этой связи возникают, по крайней мере два существенных вопроса: почему выполнение профессиональной деятельности может приводить к эмоциональному выгоранию человека и каков на самом деле его психологический механизм. В данной статье представлены общие контуры одного из возможных подходов к поиску ответов на данные вопросы.

Если рассматривать феномен эмоционального выгорания в рамках теории самоорганизующихся психологических систем (ТПС), то его можно представить в качестве фактора, вносящего искажения в механизм, обеспечивающий избирательность созна-

ния, и, следовательно, деформирующего систему произвольной, осознанной саморегуляции поведения. Эмоции в ТПС рассматриваются как форма, в которой существует смысл предмета для человека, и одновременно как механизм транспортировки в сознание предмета, имеющего смысл [1]. Важным является также выделение особого вида смыслов, которые возникают не на основе открываемой в предмете возможности удовлетворять актуальную потребность, а на основе открываемой в предмете возможности организовать новую деятельность, отвечающую более высоким и значимым потребностям (Красноярцева О.М., 1986).

Можно утверждать, что основанием для эмоционального выгорания человека в процессе профессионального труда является «эффект накопления аффекта», особенно характерный для профессий, спецификой которых является их высокая эмоциогенность. Прежде всего, это круг профессий, входящих в систему «человек – человек». Что же касается механизма профессионального выгорания, то его можно представить следующим образом. В любом эмоциональном процессе можно выделить две основные характеристики. Тоническая составляющая отражает общий уровень эмоциональной активации, связанной с уровнем мотивации, субъективной значимостью целей и т.д. Фазическая составляющая связана с ситуативной эмоциональной оценкой того, что имеет для действующей личности смысл и ценность «здесь и теперь», т.е. в пределах тех условий, в которых разворачивается актуальная деятельность.

В свое время были экспериментально получены данные о том, что очень высокая (или очень низкая) тоническая составляющая эмоционального процесса является условием уплощения фазической составляющей его – «тоника подавляет фазу» [1]. «Эффект накопления аффекта» в процессе многолетней профессиональной (эмоциогенной) деятельности можно представить как деформацию тонической составляющей в форме снижения общего уровня позитивной эмоциональной активации, что равнозначно постепенному снижению мотивации к выполнению профессиональных обязанностей. При этом возможно повышение негативной эмоциональной активации, что может служить основанием для формирования протестных проявлений в отношении деятельности, к которой обязывает профессия, а также других субъектов этой деятельности.

В первом случае мы получаем классические и многократно описанные синдромы профессионального выгорания, такие как «неблагоприятная реакция на рабочие стрессы», «снижение трудовой мотивации», «безразличие к работе», «ухудшение качества и производительности труда», «эмоциональное безразличие к тому, что попадает в сферу профессиональной

деятельности». Во втором случае проявляются еще и достаточно «опасные» демонстративные формы эмоциональной отстраненности, за которыми часто скрывается протестная эмоциональная активация, проявляющаяся в широком диапазоне умонастроений и поступков профессионала в процессах не только профессионального, но и личного общения. Постепенно утрачивается интерес к человеку – субъекту профессионального действия, все больше воспринимаемому в качестве объекта для манипуляций.

Главное все-таки заключается не в формах проявления эмоционального выгорания, а в том, что к ним приводит. Если «эффект накопления аффекта» обеспечивает понижение тонической составляющей эмоционального процесса, сопровождающегося снижением мотивации, то блокированной оказывается фазическая составляющая эмоционального процесса – «тоника» и здесь подавляет «фазу». В таком случае человек оказывается неспособным выделить те предметы и обстоятельства, которые составляют условия его профессиональной жизни, имеющие для него особый смысл и ценность: блокируются, гаснут в общем потоке эмоций, внешних для профессиональной деятельности или даже противостоящих ей, те эмоции, которые «транспортируют» в сознание предметы, имеющие смысл. В результате эмоциональное выгорание выступает как то, что обуславливает деформацию ценностно-смысловых измерений не только образа мира профессионала, но и всего образа жизни, центрируемого профессией и достойным исполнением профессионального долга. В этом случае профессиональная деятельность больше не выступает в функции того, что открывает человеку пространство для самореализации и саморазвития: она обесмысливается и обесценивается.

По сути речь идет о своего рода эмоционально-установочной (само)регуляции человека и ее проявлении в особенностях профессионального поведения. Представление об эмоционально-установочных комплексах как устойчивых образованиях, характеризующих действующую личность на довольно длительных этапах ее развития, было сформировано в рамках смысловой теории мышления (Ключко В.Е., Красноярцева О.М., 1983). На многочисленном экспериментальном материале были получены данные о том, что особый личностный смысл, который приобретают элементы ситуации деятельности, образуется не только на основе эмоциональных компонентов, но и на базе той фиксированной личностной установки, которая находится в связи с эмоциональным компонентом. Некий элемент среды благодаря смыслу становится элементом ситуации деятельности. Смысл отражается эмоционально и выступает как оценка. В прошлом же опыте закрепляются и стабилизируются определенные формы готовности к при-

нению или же избеганию тех возможностей, которые отражаются в виде эмоциональной оценки ситуации. Разнообразие этих типичных форм установок и определяет возникновение типичных форм поведения, в том числе и деструктивных.

Таким образом, установки обеспечивают устойчивость всей психологической системы, отвечают за устойчивость образа мира и представленный в нем ядерный, амодальный, ценностно-смысловой компонент. Исследуя особенности профессионального мышления или профессиональной позиции, мы часто наблюдали ситуации, когда человек не осознает явное противоречие (встречающееся ему в профессиональной деятельности) в его предметно-логической форме именно потому, что вместе с эмоциональным компонентом («что-то не так») актуализируется фиксированная ус-

тановка как готовности «уйти», «защититься» от проблемной ситуации, считать ее как непроблемную. Жесткость профессиональных установок может быть качеством личности, которое затрудняет гибкость, подвижность деятельности. И тогда можно говорить о нарушении баланса внутри эмоционально-устойчивых комплексов, посредством которых обеспечивается подвижная устойчивость самоорганизующейся психологической системы, каковой является человек.

Мы считаем, что деформация эмоционально-устойчивого реагирования, проявляющаяся в различных вариантах сочетания жесткости профессиональных установок и слабости эмоционально-оценочного компонента выступает одним из значимых оснований возникновения определенных деструкций профессионального поведения.

Литература

1. Ключко В.Е. Саморегуляция мышления и ее формирование. Караганда: Изд-во КарГУ, 1987. С. 96.
2. Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансперспективный анализ). Томск: Изд-во ТГУ, 2005. С. 173.
3. Краснорядцева О.М. Профессиональные деформации работников образования как предмет психологического исследования // Психологическое здоровье участников образовательного процесса. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2001. С. 9–14.
4. Краснорядцева О.М. Психологический механизм «вписывания» информации в профессиональный образ мира // Теория деятельности: фундаментальная наука и социальная практика (к 100-летию А.Н. Леонтьева). М., 2003. С. 80–83.
5. Краснорядцева О.М. Коммуникативные барьеры в процессах педагогического и профессионального взаимодействия как предмет осмысления психологами образования // Менталитет и коммуникативная среда в транзитивном обществе. Томск: Изд-во ТГУ, 2004. С. 234–244.

DEFORMATION OF PERSONALITY EMOTIONAL-ATTITUDINAL REACTION AS THE DESTRUCTIVE FACTOR OF PROFESSIONAL BEHAVIOR
O.M. Krasnorjadtseva (Tomsk)

Summary. Possibilities of extended idea about psychological mechanism of destructions of professional behavior are discussed in the article. Psychological characteristics of emotional-attitudinal complex as factor of personality professional deformations are studied in the article.
Key words: professional image of the world; destruction of professional behavior; emotional-attitudinal complex.

ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТА СОВМЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЕКТИРОВАНИИ

Г.Н. Прозументова, И.Ю. Малкова (Томск)

Аннотация. Рассмотрена проблема субъекта совместной деятельности в контексте социально-психологических исследований. Определены особенности становления субъекта совместной деятельности в образовании. Раскрыты образовательные условия становления субъекта совместной деятельности. Показано различие технического и образовательного проектирования как условий становления субъекта совместной деятельности.

Ключевые слова: субъект, совместная деятельность, образование, образовательное проектирование, управление проектами.

Интерес к образованию субъекта, проблематика субъекта имеют не только теоретическое значение. Вопросы субъекта в образовании и образования субъекта становятся очень важными в ситуации смены форм социальной и общественной жизни, обостряются в связи с изменениями в обществе, когда люди получают возможность влиять на свое образование, выбирать его разные формы, определять его цели и задачи. Можно сказать, что именно в периоды реформирования, модернизации образования возникает вопрос о субъекте образования, поскольку образование субъекта есть наиболее фундаментальные условия успешности общественных преобразований и основной фактор влияния на них. Значит, постановка проблемы субъекта образования и ее решение имеют исключительно важное значение для понимания качества образования, его связи с происходящими изменениями общественной жизни. Этим объясняется и актуализация проблемы субъекта в научной литературе.

Особое внимание этой проблеме уделяется в современной отечественной психологии. В психологии за понятием субъекта закрепляется значение особого личностного качества, связанного с активно-преобразующими свойствами и способностями человека. При этом подчеркивается значимость процессов формирования и развития субъекта, которые характеризуются самостным содержанием, т.е. самоопределением, самосознанием, саморегуляцией [10. С. 68]. Рассматривая субъекта как онтологическое качество, присущее человеку, А.В. Брушлинский показывает, что на каждом этапе развития человек находится на определенном уровне субъектной, т.е. преобразовательной, активности. Но это верно только для индивидуального субъекта, тогда как в отношении коллективного субъекта «общество не всегда становится субъектом». Сама постановка вопроса о различении коллективного и индивидуального субъекта как субъектов разного качества и уровней представляется нам очень важной, так как позволяет не только различать разные формы жизни и качества субъекта, но и установить их взаимовлияние в процессе становления.

В психологических исследованиях в рамках решения проблемы субъекта обсуждаются условия его образования, в связи с чем вводится понятие совмес-

тной, или совокупной, деятельности. При этом отмечается, что совместная деятельность не является лишь формой координации и интеграции индивидуальных деятельностей, направленных на реализацию одной общей цели. Истинная совместная деятельность не прибавляется к индивидуальной, а замещает ее [5]. По своей структуре совместная деятельность аналогична индивидуальной, отличие же заключается в том, что совместная деятельность распределена между двумя и более субъектами, у которых в этот момент нет никакой индивидуальной деятельности, отличной от деятельности, совместно распределенной между ними, со-субъектами. Причем совместная деятельность имеет не только общую для ее субъектов операциональную, но и мотивационно-смысловую структуру. В исследованиях С.М. Джакупова показано, что совместная деятельность как психологическая реальность становится возможной, когда смыслообразование, осуществляющееся в ходе общения в диаде, приводит к формированию общей цели. В исследованиях А.К. Белоусовой доказано, что критерием совместной деятельности является наличие области, в которой каждый участник понимает и принимает смысл и ценность собственных действий и действий партнера [5. С. 399].

Обращение к проблеме субъекта характерно и для всех этапов развития философского знания. Философия, отмечает Г.И. Петрова [7], в своих поисках всегда хотела в первую очередь знать, что такое человек. В Новое время категория субъекта возникает как реальность человеческого сознания. На этом этапе развития философского знания человеческая сущность, субъективность была найдена в бытии реальности как реальности сознания. В неклассическом варианте философии, где объективные «действительность» и «реальность» заменились, по Хайдеггеру, «человеческим присутствием», человеческая сущность, его субъективность оказываются принадлежащими только ему, потому что субъект не входит в готовую, ставшую реальность, он сам создает ее. Специфика человека как субъекта в неклассической философии, подчеркивает Г.И. Петрова, выражается в бесконечности актов рефлексии самого себя, актов самосознания, когда человек осознает внешнее окружение, свой внутренний мир и свое собственное

сознание. Современная философская антропология видит человека не в сфере познавательной деятельности, ведущей к Абсолютной истине, а в сфере общения, человеческой коммуникации, в диалоге (полилоге), где вместо истины заступают версии, гипотезы, догадки, метафоры. В современной философской антропологии проблема субъекта – это проблема человека «в его специфике как живущего и в его специфике по отношению к другим живущим» (М. Фуко). Таким образом, в современной философской антропологии понимание субъекта тесно связано с характеристикой его как «деятеля», человека, преобразующего реальность и рефлексиирующего свои действия, а также с процессами коммуникации, взаимодействия, которые, собственно, и определяют процесс развития субъектности, человека.

В педагогике проблематика субъекта рассматривается в контексте образования человека и определения условий этого образования: концепция развивающего обучения (В.В. Давыдов, Д.Б. Эльконин, Б.Д. Эльконин), концепция педагогики как рефлексопрактики (С.Ю. Степанов), концепция культурологического образования (Е.В. Бондаревская), концепция школы Диалога культур (В.С. Библер, С.Ю. Курганов), концепция диалектического обучения (Л.А. Адамская, М.Г. Целымс) и др. Само разнообразие концепций, предлагающих понимание и подход к решению проблемы образования субъекта, его развития и формирования, свидетельствует о статусе и значении проблемы формирования субъекта в образовании. При этом как в постановке, так и в решении проблемы образования субъекта акцентируется значение взаимодействия, коммуникации и совместного действия для формирования личности и субъекта. Однако при этом совместность представляется в качестве одного из условий (факторов), определяющих формирование личности ребенка, его субъектности в образовании. Мы полагаем, однако, что при постановке и решении проблемы **образования субъекта** и в контексте образования вопрос о человеке как субъекте совместной деятельности и качестве этой совместной деятельности является определяющим. Именно такая постановка вопроса об образовании субъекта характерна для концепции педагогики совместной деятельности (Г.Н. Прокументова). В этой концепции подчеркивается, что субъектом образования выступает не отдельный человек, но субъект совместной деятельности; $S_n - O - S_b$ (где S_1 и S_2 – разные участники совместной деятельности; n и b – функции участников совместной деятельности в образовании, педагог и воспитанник; O – объекты опосредования взаимодействия, культура в качестве опосредующего «звена» и фактора совместной деятельности). При этом существенно, что:

– субъектом образования выступает коллективный или совокупный субъект ($S_1 - S_2$);

– качество образования каждого из участников совместной деятельности обуславливается прежде всего качеством коммуникации, особенностями их участия в совместной деятельности;

– фундаментальным противоречием образования субъекта является противоречие между функциональной вовлеченностью каждого из участников совместной деятельности ($n - b$) и участием его как субъекта влияния и собственного образования.

Разрешение данного противоречия в образовании возможно и происходит разными способами: как в сторону усиления функциональной редукции всех участников совместной деятельности, так и в сторону повышения их личного влияния на совместную деятельность. В концепции педагогики совместной деятельности сама возможность и качество образования субъекта обуславливаются именно способами совместной деятельности, организации взрослых и детей: разные способы совместной деятельности – это и разное качество образования субъекта образования, и разная возможность не только для ребенка, но и для взрослого *стать субъектом* своего образования. Ведь разрешение противоречия между функциями, предписываемыми педагогу и учащимся их совместной деятельностью, и развитием форм *их личного участия и присутствия* в этой деятельности осуществляется самими участниками совместной деятельности и определяет качество их образования. При этом действия по разрешению противоречий совместной деятельности означают, что участники этой деятельности рассматривают не только эту деятельность, но и себя как «предмет» собственного образования и субъектов своего образования [8]. Поэтому важнейшим вопросом образования субъекта образования является как раз вопрос условий, при которых взрослые и дети получают возможность участвовать в образовании своей совместной деятельности, влиять на нее и тем самым становиться субъектами своего образования. В качестве такого условия в педагогике совместной деятельности представляется образовательное проектирование (И.Ю. Малкова).

Сегодня проектированию как эффективному средству образования уделяется много внимания. Начиная с Дж. Дьюи, проектирование и обучение проектированию понимаются как условия «очеловечивания» образования, успешной адаптации и социализации учащихся. Поэтому нет ничего удивительного в том, что актуальность вопроса образования субъекта вновь обусловила обращение к возможностям проектирования. Влияние проектирования на обучение и образование человека рассматривается в разных аспектах:

– через определение субъекта технического проектирования как коллективного субъекта (П.И. Бабанов);

– в контексте применения методов коллективного проектирования (Дж. Джонс);

– как задача создания «совместности» на этапе реализации образовательного проекта (В.И. Слободчиков);

– в определении особой роли акта проектной мыслекоммуникации в мыследеятельностном подходе (Ю.В. Громыко).

Относительно субъекта проектирования в работах, посвященных технологическому проектированию (конструирование, инженерное проектирование), имеется несколько точек зрения. Сторонники одной из них абсолютизируют роль индивида, отдельного конструктора, проектировщика. Сторонники противоположной точки зрения абсолютизируют значение коллективных усилий в проектировании. Адекватный подход к решению вопроса о субъекте проектирования, по мнению П.И. Балобанова, будет заключаться в признании того, что опыт каждой отдельной личности есть синтез индивидуального и совокупного коллективного опыта [1]. Более подробно проблему субъекта технического проектирования как коллективного субъекта обсуждает английский исследователь Дж.К. Джонс [3].

Рассматривая «новые» коллективные методы проектирования, автор ориентируется на то, что главная цель процесса проектирования – это коллективное обучение, целенаправленный поиск «нового образа жизни» [3. С. 25]. Особый интерес, с нашей точки зрения, представляет его взгляд на коллективное проектирование, которое обеспечивают новые, нетрадиционные методы проектирования. Под традиционным методом проектирования автор понимает чертежный способ проектирования, основанный на принципе, в соответствии с которым для определения формы целого достаточно, чтобы части этого целого были продуманы одним лишь главным конструктором [3. С. 52]. Новые коллективные методы проектирования, утверждает исследователь, изменяют характер проектирования. Важный момент заключается в том, что они позволяют сотрудничать до возникновения концепции, сформулированной идеи, случайного эскиза, до появления «проекта». Это происходит при условии, что ведущий проектировщик знает, как ему перестроиться с ответственности за результат на ответственность за «правильность процесса». Сложность в том, замечает автор, что для этого требуются не только новые методы, но и новая концепция личности проектировщика, обеспечивающая включение самого себя и других в процесс проектирования [3. С. 55].

В цитируемой нами работе показано, что введение коллективных методов технического проектирования определило переход от понимания проектировщика как *разработчика* продукта, изделия к выделе-

нию его функций как *организатора* процесса проектирования, ориентированного на организацию взаимодействия участников проекта. Участники проекта начинают рассматриваться как субъекты проектирования, а роль проектировщика заключается в раскрытии и использовании их как ресурса для разработки проекта. В этом контексте проектировщик представляется субъектом проектирования, который использует ресурс совместной деятельности для обогащения проектного замысла. При этом участникам проектирования предоставляется возможность овладевать компетенциями субъекта совместной деятельности: участвовать в постановке проблемы, формулировке задач, способов их решения, обосновании результатов и способов их достижения.

В отечественной научной школе Г.П. Щедровицкого, в исследованиях Ю.В. Громыко развивается взгляд на проектирование как на процесс мыслекоммуникации. Акт проектной коммуникации является центральным в концепции мыследеятельностного проектирования. Мыслекоммуникация, по мнению Ю.В. Громыко [2], требует от проектировщика «понимания и связывания принципиально разнородных, не связываемых и существующих обособленно систем мыследеятельности, а затем на основании этого понимания умения коммуницировать с представителями разных пространств и систем мыследеятельности» [2. С. 27].

Акт понимания в данном содержании принадлежит проектировщику, человеку, или коллективу разработчиков проекта. Он не затрагивает представителей сфер, «подвергаемых» пониманию. В этих условиях представители сфер проектирования не рассматриваются как субъекты разработки проекта, но полагаются потенциальными участниками его реализации. Это видно на примере проектной коммуникации по созданию национальной доктрины образования, который рассматривает Ю.В. Громыко. Он показывает, что «в результате подобной работы проектировщик формирует видение образования как поля интегративных общественных действий, иницируемых из разных фокусов государственного управления. Затем это видение должно быть передано представителям этих управленческих позиций» [2. С. 28].

Своеобразной проекцией особого методологического подхода к проектированию в образовании является концепция проектирования, разрабатываемая В.И. Слободчиковым [9]. Существенно, что В.И. Слободчиков рассматривает проектирование как культурную форму инновационных процессов в универсуме образования и предлагает определение проектирования как мысленного конструирования и практическую реализацию того, что возможно, или того, что должно быть. Идеальное конструирование (замысел, проектная идея) воплощается во вполне определенном

продукте – образовательном проекте, а практическая реализация выступает в качестве целенаправленной деятельности по формированию разного рода ресурсов, делающих данный проект реалистичным и реализуемым. Одним из самых значимых ресурсов такого рода В.И. Слободчиков считает «со-вместность» реализаторов проекта. Совместность, по определению В.И. Слободчикова, – это «все-в-одном-месте», в едином смысловом пространстве, границы которого задает исходная проектная идея (замысел).

Построение совместности реализаторов проекта – особая работа с профессиональным сознанием каждого, работа по выявлению их целей, ценностей, общекультурных представлений, профессиональных позиций; их согласование и структурирование в рамках ответственно принимаемых всеми участниками концептуальных оснований проекта. Суть этой работы связана прежде всего с выявлением носителей адекватного проекту содержания (Кто вы?); предмета и способа их профессиональной деятельности (Что и как вы делаете?); возможностей перепрограммирования своей деятельности в рамках проекта (Что и как вы собираетесь делать?). Иными словами, построение совместности участников проекта – это своеобразная конверсия сознания, рассекречивание стереотипов и скрытых установок, формирование новых организованностей сознания (именно поэтому здесь впервые образуется интеллектуальный, мировоззренческий, волевой ресурс, без которого всякий проект останется «бумажным»).

По мнению В.И. Слободчикова, второй шаг реализации проекта связан с выращиванием жизнеспособной общности людей, которые уже были участниками концептуализации проектной идеи, а теперь становятся ее реализаторами. Такая общность не может быть симбиотической (эмоционально-чувственной) или клубной (капризно-вкусовой), прежде всего, она должна быть позиционной общностью, где каждый является собственником своей профессиональной деятельности, «прозрачной» по своим целям и устройству для каждого другого. Только в этом случае возможны деятельностная кооперация, становление коллективного субъекта (автора, хозяина) – носителя программы реализации инновационного проекта и формирование, таким образом, организационного ресурса – основы подлинно практического преобразования самого образования. Третий шаг реализации проекта – институализация сложившейся профессионально-деятельностной общности участников проекта в виде конкретных социальных организованностей (команд, коллективов, ассоциаций), которые оказываются живой субстанцией движущегося образовательного проекта. В общем, можно сказать, что в концепции проектирования, предлагаемой В.И. Слободчиковым, представ-

лена динамика образования коллективного субъекта, его формирования от появления замысла, идеального плана деятельности до создания некоторой особой организованности, сообщества. Вместе с тем во всех представленных концепциях становление субъекта совместной деятельности в проектировании рассматривается как один из результатов и, можно сказать, как необычный результат проектирования.

В центре исследовательского внимания находятся разработка и реализация проекта. Поэтому вопрос эффективного проектирования – это такая постановка задач его организации, когда эти задачи понимаются и принимаются участниками проектирования. При этом определяется и собственная позиция каждого участника в совместной деятельности по реализации проекта. В этом случае участники проектирования становятся ресурсом проектирования: присваивают его цель, определяют собственную позицию по отношению к способам ее достижения. Следовательно, субъект совместной деятельности рассматривается с точки зрения его использования для изменения качества образования.

Но поскольку нас интересуют прежде всего образовательная сторона и возможности проектирования для образования субъекта совместной деятельности, мы разрабатываем концепцию образовательного проектирования. В рамках данной концепции устанавливается и обосновывается связь между проектированием и становлением субъекта совместной деятельности, что образование субъекта совместной деятельности является целью и основным результатом образовательного проектирования. При этом совместная деятельность выступает предметом проектирования и изменения для самих участников совместной деятельности [6].

В концепции педагогики совместной деятельности, как мы отмечали, в качестве фундаментального противоречия образования рассматривается противоречие между функциональной редукцией участников совместной деятельности, возникающей из-за «приписанности» к образовательному учреждению, и их личным участием во взаимодействии. Разрешение этого противоречия и обеспечивает образование субъекта совместной деятельности и субъектной позиции всех участников этой деятельности. Но для разрешения этого противоречия необходимо, чтобы **совместная деятельность стала для ее участников предметом образования и проектирования**. Образовательное проектирование как раз и характеризуется тем, что совместная деятельность, ее содержание, формы становятся предметом образования и проектирования самих участников совместной деятельности. А результат проектирования оценивается по становлению и качеству субъекта совместной деятельности и образованию позиции субъекта образования.

В своих исследованиях мы показываем, что проектирование важно не только для преобразования системы и действительности образования, намного важнее то, насколько сама совместная деятельность попадает в предмет преобразования и образования в процессе проектирования. Нами обоснованы представления об этапах образовательного проектирования, которые связаны не только с вовлеченностью участников совместной деятельности в изменение качества этой деятельности и образованием субъекта проектирования и совместной деятельности. Мы показываем, что субъектом проектирования совместной деятельности может быть учебная, проектная группы, проектная команда и образовательное сообщество.

Содержанием образовательного проектирования является совместная выработка участниками проекта целей, задач, форм совместной деятельности, что обеспечивает повышение влияния каждого участника этой деятельности на ее содержание и тем самым на собственное образование. В экспериментальной

работе образовательное проектирование рассматривается нами как средство участия взрослых и детей в создании образовательного пространства школы, образовательного сообщества и собственных траекторий образования участников совместной деятельности в этом пространстве. Поэтому мы видим реальные перспективы и большие возможности концепции педагогики совместной деятельности и образовательного проектирования для решения проблем общего образования и профильного обучения в общеобразовательной школе, а также для решения проблем профессионального становления в высшей школе. Ведь в рамках формируемого нами подхода к решению проблемы субъекта образования образование становится доступным для самих участников образовательного процесса и вместо системы образования начинает обсуждаться понятие образовательной реальности, в создании которой принимают участие субъекты совместной деятельности [8], а способом построения образовательной реальности является образовательное проектирование [6].

Литература

1. Балабанов П.И. Методологические проблемы проектной деятельности. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990.
2. Громыко Ю.В. Проектирование и программирование развития образования. М., 1996.
3. Джонс Дж.К. Методы проектирования: Пер. с англ. 2-е изд., доп. М.: Мир, 1986. 326 с.
4. Лазарев В.С., Мартиросян Б.П. Педагогическая инноватика: объект, предмет и основные понятия // Педагогика. 2004. № 4. С. 11–21.
5. Леонтьев Д.А. Смысловая координация и трансформация смыслов в совместной деятельности // Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 1999. 487 с.
6. Малкова И.Ю. Проектное содержание совместной деятельности: как и для чего оно образуется // Школа совместной деятельности: изменение содержания образования в развивающейся школе. Кн. 3. / Под ред. Г.Н. Прохунтовой, Е.Н. Ковалевской. Томск: ТГПУ, 2001. С. 31–44.
7. Петрова Г.И. Философская антропология и антропологическая проблематика в философии: Учеб. пособие. Томск: НТЛ, 2002. 160 с.
8. Прохунтова Г.Н. Педагогика совместной деятельности: смысловые контексты и образовательная реальность // Школа совместной деятельности: разработка образовательных программ в развивающейся школе / Под ред. Г.Н. Прохунтовой. Томск: Дельтаплан, 2002. С. 4–17.
9. Слободчиков В.И. Очерки психологии образования. Сер. Материалы для педагогических размышлений. Вып. 2. Биробиджан: БГПИ, 2003. 160 с.
10. Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной. М.: Институт психологии РАН, 2005. 348 с.

THE PROBLEM OF COOPERATIVE ACTIVITY SUBJECT IN EDUCATIONAL PROJECTING

I.Y. Malkova, G.N. Proxuntowa (Tomsk)

Summary. The problem of cooperative activity subject in various socio-psychological research is studies in the article. The factors of cooperative activity subject forming are detected. Psychological and educational conditions of cooperative activity subject development in supervision and education are revealed. The difference of technical and educational projecting as factors of forming of the subject of projecting and education is shown.

Key words: subject, cooperative, activity, education, projecting, project supervision.

РИГИДНОСТЬ КАК ОБЩЕСИСТЕМНОЕ СВОЙСТВО, ОПРЕДЕЛЯЮЩЕЕ ПРЕДПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ОБРАЗ МИРА СТУДЕНТОВ

Н.В. Козлова (Томск)

Аннотация. Личностно-профессиональное становление студентов в условиях высшего профессионального образования, представленное предпрофессиональным образом мира, рассматривается с позиции теории психологических систем. Общесистемным свойством, характеризующим направленность личностно-профессионального становления на пути к «акме», определена психическая ригидность. Выраженность показателей психической ригидности предоставляет возможность оценки качества предпрофессионального образа мира студентов.

Ключевые слова: целостная психологическая система, личностно-профессиональное становление, предпрофессиональный образ мира, психическая ригидность.

Теоретико-методологическая рефлексия привела нас к выводу, что полнота исследования личностно-профессионального становления достигается, если рассматривать ее как форму проявления самоорганизации человека как целостной психологической системы [5]. Личностно-профессиональное становление в условиях реальной жизнедеятельности человека (в условиях высшего профессионального образования) проявляется в конструировании предпрофессионального образа мира [4], определяемом решением задач на смысл и ценность выполняемой деятельности для общества и самого себя, как постепенное преобразование мышления человека (со свойственными ему индивидуальными особенностями) в профессиональное мышление, которое, оставаясь формой познания, участвует в обеспечении целостности и системности складывающейся профессиональной картины мира и в саморазвитии личности [11].

Рассмотрение высшего профессионального образования как психолого-акмеологического процесса, результатом качества которого являются особенности личностно-профессионального становления, представленного в образе мира (предпрофессиональный образ), позволило особым образом выделить психическую ригидность, которая рассматривается как показатель открытости/закрытости системы и представляет собой акмеологический инвариант профессионализма, т.е. обладает свойством инвариантности, обеспечивающим активное саморазвитие студента высшей школы вне зависимости от специфики профессиональной деятельности [3].

Таким образом, возникла необходимость изучения ригидности как характеристики системы и акмеологического инварианта профессионализма.

Для достижения цели исследования – изучения особенностей предпрофессионального образа мира – мы остановились на трех из восьми шкал структуры Томского опросника ригидности Г.В. Залевского (ТОРЗ):

– шкала актуальной ригидности, представляющая информацию ригидности в собственном смысле как неспособность при объективной необходимости изменить мнение, отношение, установку, мотивы, модус переживания. Кроме того, утверждения этой суб-

шкалы в разных модификациях представлены в остальных шкалах опросника;

– шкала сенситивной ригидности, отражающая эмоциональную реакцию на новое, на ситуации, требующие каких-либо изменений, страх перед новым. С позиции автора методики Г.В. Залевского, это, несомненно, личностный уровень проявления психической ригидности, выраженный в эмоциональном отношении к требованиям объективной действительности [2];

– шкала установочной ригидности, также отражающая личностный уровень проявления психической ригидности, выраженный в позиции, отношении или установке на принятие/непринятие нового, необходимости изменения самого себя – самооценки, уровня притязаний, системы ценностей, привычки и т.д. За такой позицией могут стоять самые разные мотивы осознанного уровня.

Данные показателей психической ригидности представлены в табл. 1, где АР – актуальная ригидность, СР – сенситивная ригидность, УР – установочная ригидность.

Анализируя выборку, следует отметить отсутствие статистически значимых различий между студентами мужского и женского пола по всем показателям психической ригидности. Так, средние значения актуальной ригидности по мужской выборке составляют 36,01, женской – 36,96 при коэффициенте корреляции 0,3 и уровне значимости 0,585. Сенситивная ригидность при определении статистических различий между женской и мужской выборками представлена средними значениями 33,08 (мужчины) и 33,47 (женщины) при коэффициенте корреляции 0,04 и уровне значимости 0,84. Статистическая значимость также не обнаружена между мужской и женской выборками по установочной ригидности (средние значения 37,86 и 38,16 у мужчин и женщин соответственно при коэффициенте корреляции 0,05 и уровне значимости 0,83).

Отсутствие гендерной идентификации свидетельствует об интегративном характере психической ригидности и еще раз подтверждает наше предположение, что ее можно рассматривать как показатель открытости/закрытости системы и акмеологический

Таблица 1

Показатели психической ригидности студентов высшей школы, % от выборки

Пол	Низкий показатель			Средний показатель			Высокий показатель		
	AP	CP	УР	AP	CP	УР	AP	CP	УР
Группа в целом	0	14,7	1,7	53,4	49,1	28,5	46,6	36,2	69,8
Мужчины	0	18,0	4,0	54,0	44,0	22,0	46,0	38,0	74,0
Женщины	0	12,2	0	53,0	53,0	33,4	47,0	34,8	66,6

инвариант профессионализма. Вне зависимости от пола психическая ригидность дает основания для анализа предпочтений реальных жизненных сред, содержащих различные условия личностно-профессионального становления. Именно ригидность как общесистемное свойство определяет возможность блокировать или открывать выходы человека за пределы жизненных обстоятельств, обеспечивая устойчивость и подвижность системы, определяя особенности перестройки поведения.

Анализ и интерпретация результатов по каждой шкале показывают, что актуальная ригидность в низких значениях не выявлена. Средние значения, определяемые нами условной нормой, представлены у 53,4% испытуемых, для которых характерны открытость каналов выхода во внешнюю среду, расширение возможностей к самореализации [1, 2, 8, 9], изменение поведения в контексте ситуаций, открытость сознания для определенных жизненных обстоятельств, связанных с появляющимися возможностями личностно-профессионального становления на пути к «акме». Высокие и очень высокие показатели психической ригидности выявлены у 46,6% испытуемых. Почти половина студентов испытывает сложности в ситуациях, требующих отказа от стереотипизированных форм поведения. Для них характерны блокирование каналов выхода во внешнюю среду, игнорирование возможности творческой реализации [2, 7, 10], появление поведенческих стереотипов в неприемлемых для этого условиях. Неспособность при объективной необходимости изменить мнение, отношение, установку, мотивы, модус переживания может привести к сложностям в межличностном общении и в целом отрицательно повлиять на уверенность в возможности самостоятельного осуществления жизненного выбора, эффективности и качества личностно-профессионального становления.

Вполне логично предположить, что именно эти студенты испытывают трудности в условиях модернизации как общества в целом, так и образования в частности. Не случайно Э.В. Галажинский отмечает ригидность как динамизирующую непричинную детерминацию самореализации [1]. Мы также полагаем, что психическая ригидность обеспечивает направленность личностно-профессионального становления, определяет возможности изменения ценностно-смыслового содержания предпрофессионального образа мира.

Общая картина выраженности актуальной ригидности представлена на рис. 1.

Показатели сенситивной ригидности (рис. 2), отражающие эмоциональную реакцию на новое, на ситуации, требующие каких-либо изменений, свидетельствуют, что 14,7% испытуемых имеют низкие показатели. Это говорит о том, что в новых, актуальных ситуациях они демонстрируют настолько гибкое поведение, при котором эмоции не в состоянии удерживать единство «Я» и «не-Я», а следовательно, смыслы и ценности, формирующиеся при взаимодействии психологической системы с амодальным миром.

Высокие и сверхвысокие показатели по шкале сенситивной ригидности выявлены у 36,2% испытуемых, для которых характерно в новых, меняющихся обстоятельствах испытывать состояния страха, тревожности, стресса, дистресса, утомления, плохого настроения. В свою очередь, это может приводить к ошибкам восприятия, памяти, неадекватным реакциям на неожиданные раздражители, сужению объема внимания и диапазона действий. Данные, полученные учениками Г.В. Залевского [1, 3, 7, 8], подтверждают выводы о том, что чем больше человек склонен проявлять негибкость в состоянии страха, стресса, тем в большей мере он неудовлетворен прожитой частью жизни и тем меньше способен изменить ее на пути поступательного прогрессивного развития. Именно данная группа студентов склонна к подавлению собственной активности (покорность, страх), что является препятствием личностной готовности к инновационным процессам в образовательной и профессиональной деятельности.

Средние показатели сенситивной ригидности представлены у 49,1% испытуемых. Для этих испытуемых характерно адекватное эмоциональное реагирование на ситуации выбора, новизны, в том числе и неопределенности. Эмоции способны отражать на уровне сознания те явления мира, которые соответствуют их потребностям и возможностям, так как они «есть на самом деле» [5]. Выполняя системообразующую функцию, они удерживают систему от распада, расширяя возможности обогащения и изменения меняющегося в своих ценностно-смысловых измерениях многомерного мира студентов.

Показатели установочной ригидности представлены в нашей выборке испытуемых следующим образом (рис. 3):

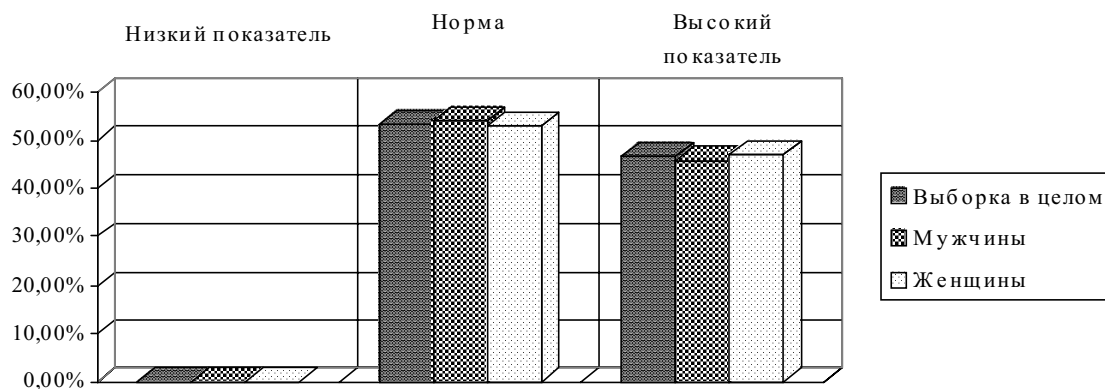

Рис. 1. Выраженность актуальной ригидности

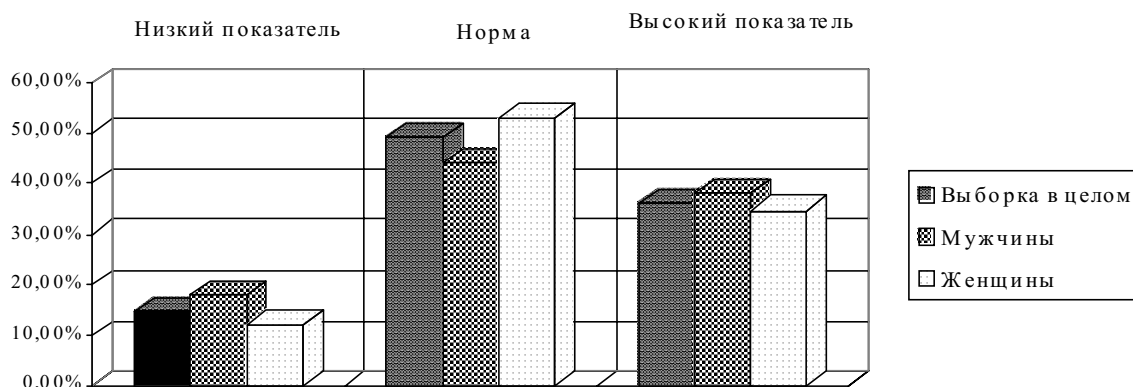

Рис. 2. Выраженность сенситивной ригидности

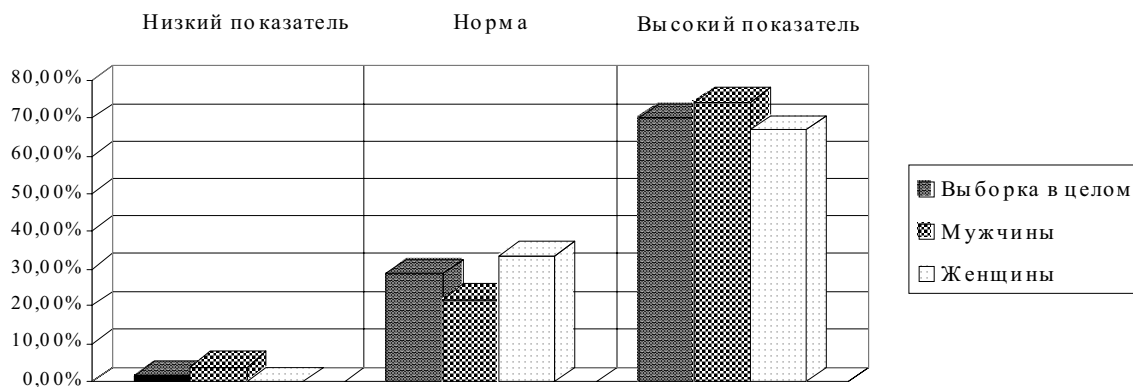

Рис. 3. Выраженность установочной ригидности

– высокий и очень высокий уровни установочной ригидности характерны для 69,8% испытуемых. Поскольку данная шкала отражает личностный уровень проявления психической ригидности, выраженной в позиции, отношении или установке на принятие/непринятие нового, то количество студентов, показавших низкие и средние результаты, вполне объяснимо. Большое количество исследований показывает, что в современных социально-экономических усло-

виях образование во многом не справляется с задачами развития духовных качеств личности, способности целостно видеть мир, осознавать значение актуальных социальных проблем и межличностных отношений, овладевать чувством социальной ответственности. Декларируя эти основные человеческие категории, в том числе в повсеместно вводимых курсах культурологии, философии, политологии, социологии, психологии и т.д., процессуально среда оби-

тания стимулирует к стабильному повышению уровня материального дохода с низкой степенью учета морально-этических принципов [13];

– низкий уровень установочной ригидности, выявленный у 1,7% студентов (при этом у женщин этот показатель имеет нулевое значение), и средний у 28,5% испытуемых позволяет рассматривать данную группу студентов высшей школы как имеющую выраженную личностную готовность к необходимым изменениям самих себя, в том числе своей самооценки, уровня притязаний, расширения образа мира. Для них характерно наличие творческого потенциала, инновационной активности, и как следствие – «открытости» системы, которая рассматривается В.Е. Ключко, Г.В. Залевским и Э.В. Галажинским как условие ее жизнеспособности и развития [2, 5, 6].

Ригидность как общесистемное свойство и акмеологический инвариант профессионализма позволяет по степени ее выраженности прогнозировать предпочтение студентами жизненных сред, содержащих различные условия и возможности личностно-профессионального становления. А в условиях, требующих разрешения основного противоречия личностно-профессионального становления, когда меняющийся в своих ценностно-смысловых измерениях многомерный мир требует изменения предпрофессионального образа мира, ригидность выступает показателем готовности к изменениям самого себя.

Оптимальная выраженность психической ригидности (установочной, актуальной, сенситивной) обеспечивает психологические новообразования, которыми являются смыслы и ценности, полимотивированность деятельности (учебной, профессиональной), инновационную активность.

Высокие показатели психической ригидности свидетельствуют об игнорировании возможности прогрессивного поступательного личностно-профессионального становления, предельном оскудении ценностного содержания сознания.

Полученные результаты позволяют рассматривать ригидность как важнейший показатель качества образовательного процесса в условиях модернизации, задающий вектор прогрессивного поступательного личностно-профессионального становления на пути к «акме».

Современная образовательная среда должна создавать условия, где мир человека получает новые измерения – сознание выходит на новый уровень и одновременно меняется образ жизни, становясь адекватным усложняющемуся миру и его осознанию, и именно образование должно давать человеку средства для обнаружения смысла. Это определило необходимость при изучении ригидности как общесистемного свойства, определяющего предпрофессиональный образ мира студентов, обратиться к анали-

зу связей-зависимостей ригидности со следующими характеристиками системы: смысловыми ориентациями и структурой мотивации студентов (методики СЖО Д.А. Леонтьева и «Структура мотивации» О.П. Елисеева). Тем более что речь идет о «студенческом» возрасте, прерогатива которого «...не принимать как само собой разумеющееся, что в жизни есть смысл, но осмеливаться задумываться над этим» [12].

Результаты корреляционных связей, имеющие степень статистической достоверности, представлены в табл. 2. В верхней строчке ячеек показан коэффициент корреляции, в нижней – степень достоверности.

Очевидна тенденция отрицательной корреляционной связи показателей психической ригидности со смысловыми ориентациями и структурой мотивации, которая представлена следующими параметрами:

– чем выше сенситивная ригидность, тем в меньшей мере студенты обладают сформированным мировоззрением, связанностью структуры осмысленности жизни, продуктивностью, зрелостью. Им не свойственно осмысление собственного жизненного опыта, открывающего психологическое пространство для личностно-профессионального становления. Можно констатировать неформальность таких характеристик многомерного мира, как открытость и осмысленность. Это говорит о сложности ориентации на жизнетворчество, на свободу выбора и ответственности. Для них характерна актуализация чувства пустоты и бессмысленности. Подобная взаимосвязь может являться свидетельством выраженной деформации жизнедеятельности студентов;

– высокие показатели установочной ригидности коррелируют с непродуктивностью пройденной части жизни студентов, ее низкой осмысленностью в целом, неудовлетворенностью прожитой частью жизни. Данная зависимость свидетельствует о том, что студенты не имеют представления о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, чтобы построить собственную жизнь в соответствии с поставленными целями и представлениями о ее смысле. Для данных студентов характерно неверие в свои силы, они мало способны контролировать события собственной жизни;

– отрицательные корреляционные связи актуальной ригидности с личностным осмыслением выполняемой деятельности и самооценкой личностного потенциала (шкала мотивации отношений в структуре мотивации) свидетельствуют о сложностях, которые испытывают студенты в ходе личностно-профессионального становления. При этом наблюдается тенденция к непринятию нового, существуют трудности изменения самого себя – самооценки, уровня притязаний, системы ценностей, привычек.

Результаты корреляционных связей

Шкала	ОГ	СКО 1	СКО 2	СКО 3	СКО 4	СКО 5	АР	СР	УР
СР	-0,2820 0,0022	-0,2445 0,0079	-0,2186 0,0184	-0,2734 0,0030	-0,2953 0,0013	-0,2236 0,0158	0,0138 0,8827		
УР	-0,1499 0,1081	-0,1002 0,2845	-0,2005 0,0309	-0,2113 0,0228	-0,1802 0,0530	-0,0840 0,3702	0,0028 0,9765	0,1670 0,0731	
МД15	-0,2887 0,0956	-0,1592 0,2907	-0,2600 0,0809	-0,2998 0,0429	-0,1907 0,2042	-0,0207 0,8914	0,1064 0,6288	0,3338 0,1196	-0,0529 0,8107
МД16	0,2880 0,0523	0,2164 0,1486	0,1315 0,3835	0,3424 0,0198	0,2118 0,1577	0,5214 0,0002	0,2973 0,1683	0,0661 0,7646	0,0924 0,6749
ПМ	0,3791 0,2015	0,3713 0,2117	0,6843 0,0099	0,1501 0,6245	0,5895 0,0340	0,0575 0,8519	0,0270 0,9014	0,1479 0,4979	0,0553 0,8001
СМ	0,7768 0,0018	0,6441 0,0175	0,4696 0,1055	0,5968 0,0313	0,6895 0,0091	0,6803 0,0105	-0,2030 0,3522	0,1884 0,3880	0,0149 0,9457
МДу	0,6586 0,0144	0,2559 0,3986	0,5798 0,0378	0,5721 0,0411	0,6529 0,0155	0,4419 0,1306	0,3420 0,1171	-0,2380 0,2754	-0,0094 0,9656
ВМ	0,5102 0,0748	0,2264 0,4571	0,5549 0,0490	0,5058 0,0779	0,4897 0,0894	0,1032 0,7372	0,2964 0,2171	-0,0048 0,9823	-0,0362 0,8683
МСз	-0,3722 0,2104	-0,4077 0,1667	-0,3438 0,2501	-0,2172 0,4760	-0,5897 0,0339	-0,2156 0,4793	-0,2843 0,1926	0,3122 0,1525	0,0477 0,8271
МС	0,4166 0,1567	0,2640 0,3834	0,6675 0,0127	0,1246 0,6851	0,4465 0,1262	0,0961 0,7548	0,1834 0,4006	-0,0547 0,8022	-0,1120 0,6077
МСЛП	0,5158 0,0712	0,1036 0,7364	0,4302 0,1423	0,3743 0,2077	0,5489 0,0520	0,2804 0,3535	-0,4400 0,0438	-0,0466 0,8308	-0,0714 0,7433
МПЛО	0,7231 0,0052	0,7478 0,0033	0,4816 0,0956	0,2882 0,3396	0,7147 0,0060	0,5752 0,0397	-0,4450 0,0414	-0,0597 0,7845	0,1727 0,4286

Условные обозначения: АР – актуальная ригидность; СР – сенситивная ригидность; УР – установочная ригидность; СКО 1 – цели в жизни; СКО 2 – процесс жизни или интерес и эмоциональная насыщенность жизни; СКО 3 – результативность жизни или удовлетворенность самореализацией; СКО 4 – локус контроля – Я (Я – хозяин жизни); СКО 5 – локус контроля – жизнь или управляемость жизни; ОГ – общий показатель осмысленности жизни; ПМ – познавательный мотив в структуре мотивации достижения; СМ – составительный мотив в структуре мотивации достижения; МДу – мотив достижения успеха; ВМ – внутренний мотив в структуре мотивации достижения; МСз – мотив сложности заданий; МС – мотив самомотивации в структуре мотивации отношения; МСЛП – мотив самооценки личностного потенциала в структуре мотивации отношения; МПЛО – мотив позитивного личностного ожидания в структуре мотивации отношения.

В результате корреляционного анализа обнаружены связи ригидности опосредованного характера (с учетом статистически достоверных корреляционных связей показателей ригидности и показателей осмысленности жизни):

– показатели осмысленности жизни студентов имеют прямую зависимость с состоятельностью, достижением успеха, самомотивацией, познавательным мотивом, выбором сложных заданий и мотивом позитивного личностного ожидания, что позволяет предположить их опосредованную связь с оптимальными показателями психической ригидности. Чем менее ригидизирована личность, тем в большей мере для нее характерны мотивы достижения и тем адекватнее представлены мотивы ожидания;

– такая же опосредованная зависимость существует между ригидностью и мотивационными доменами – наслаждением и достижением. При этом наслаж-

дение имеет отрицательную зависимость с показателями смысловых ориентаций, а достижения – прямую положительную. Ригидизированным личностям более свойственна направленность на наслаждение, нежели стремление к достижениям.

Наши беседы со студентами с высокими показателями психической ригидности показывают, что при формулировании жизненных целей – «стать хорошим специалистом», «достичь профессиональных высот», «быть гармоничной личностью», «достойно зарабатывать и жить» и т.д. – они испытывают сложности в представлении путей, средств и способов достижения целей. Достаточно часто ответы имеют стереотипный, формальный характер: «буду искать достойную работу», «я хорошо учусь», «когда окончу университет, мне, наверное, предложат что-нибудь интересное», «пока не знаю, но мне кажется, что у меня получится» и т.д. Из бесед стано-

вится ясно, что все позитивные ожидания студентов расположены в «иллюзорном будущем» – «вот окончу университет, тогда», «сейчас мне сложно, но потом», «все лучшее впереди», «у меня большие возможности, и я найду потом условия для их проявления». Это также подтверждает опосредованную связь ригидности со структурой мотивации и стремлениями студентов высшей школы.

На основе полученных данных нами доказано наличие определенного симптомокомплекса связанных показателей предпрофессионального образа мира студентов, которые определяют особенности личностно-профессионального становления в условиях высшего профессионального образования, а

именно особенностей психической ригидности и смысложизненных ориентаций как наиболее информативных признаков. Эти показатели предпрофессионального образа мира характеризуют его качество со стороны акмеохарактера. В свою очередь, проведенный анализ показывает и препятствия достижения личностно-профессионального становления на пути к «акме» в сочетаниях показателей ригидности и смысложизненных ориентаций.

Ригидность при этом представляет наиболее универсальный информативный интегративный показатель особенностей личностно-профессионального становления студентов в условиях высшего профессионального образования.

Литература

1. Галажинский Э.В. Системная детерминация самореализации личности: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Барнаул, 2002. 43 с.
2. Залевский Г.В. Фиксированные формы поведения индивидуальных и групповых систем. Москва; Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. 460 с.
3. Залевский Г.В., Козлова Н.В. Психическая ригидность-флексibilität как акмеологический инвариант профессионализма // Сибирский психологический журнал. 2006. № 22. С. 146–149.
4. Климов Е.А. Идеалы культуры и становление субъекта профессиональной деятельности // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 3. С. 93–97.
5. Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности. Введение в трансперспективный анализ. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 172 с.
6. Ключко В.Е., Галажинский Э.В. Самореализация личности: системный взгляд. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 154 с.
7. Козлова Н.В. Акмеология в системе высшего профессионального образования // Теория и практика профессионального образования: Сб. научных трудов / Под ред. А.Д. Копытова, Н.В. Силкиной. Новосибирск; Томск, 2006. С. 85–99.
8. Козлова Н.В. Психолого-акмеологический потенциал в современном профессиональном психологическом образовании // Состояние и перспективы развития высшего образования: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Сочи, 2006. С. 79–81.
9. Козлова Н.В. Психолого-акмеологический потенциал в обучении студентов высшей школы // Образование в Сибири. 2005. № 13. С. 31–36.
10. Козлова Н.В. Современное высшее профессиональное образование с позиции психолого-акмеологического знания // Психологическая помощь учащейся молодежи в современном мире: Материалы Всерос. науч. конф. Курск, 2006. С. 22–23.
11. Краснорядцева О.М. Психодиагностическое мышление в условиях профессионально-педагогической деятельности // Сибирский психологический журнал. 1999. № 11. С. 81–85.
12. Москоленко А.Т., Сержантов В.Ф. Смысл жизни и личность. Новосибирск: Наука, 1989. С. 8–15.
13. Хлыстова Н.А. К вопросу о смысле модернизации российского образования // Состояние и перспективы развития высшего образования: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Сочи, 2006. С. 27–31.

RIGIDITY AS THE SYSTEM-WIDE PROPERTY, WHICH DETERMINES THE PREPROFESSIONAL IMAGE OF THE STUDENTS' WORLD

N.V. Kozlova (Tomsk)

Summary. Personal and professional formation of students during higher professional education presented by preoccupational image of the world is considered from the point of psychological systems theories. By a general-system property characterizing the direction of personal and professional formation towards «acme» psychological rigidity can be defined. The evidence of psychological rigidity rate provides possibility to estimate the quality of the students' preoccupational image of the world.

Key words: integral psychological system, personal and professional formation, preoccupational image of the world, psychological rigidity.

ТРЕНИНГОВОЕ ОБУЧЕНИЕ В ВУЗЕ КАК УСЛОВИЕ ИНТЕРНАЛИЗАЦИИ СМЫСЛА БУДУЩЕЙ ПРОФЕССИИ

А.В. Серый (Кемерово)

Аннотация. Рассматривается проблема создания в вузе условий, способствующих преодолению нормативного кризиса профессиональной идентификации студентов. В качестве основного механизма его преодоления выделяется интернализация ценностей профессиональной группы. Предлагается модель тренингового обучения, способствующая становлению устойчивой идентификации образа «Я – профессионал». Обсуждаются результаты исследования эффективности предложенной модели.

Ключевые слова: профессиональная подготовка в вузе, тренинг, система личностных смыслов, личностные конструкты, интернализация.

В современных социально-экономических условиях большинство абитуриентов, поступая в вуз, в силу принятых ими положительно окрашенных социальных ценностей слабо представляют себе содержание и формы будущей профессии, результаты обучения, требования к будущей трудовой деятельности. Зачастую этот выбор преемственно связан со статусом семьи, из которой человек вышел. Исследования проблемы ценностей профессионального самоопределения подтверждают, что характер связанных с выбором профессии ценностных ориентаций и предпочтений детерминирован социальным и профессиональным статусом семьи [4]. Соответственно, можно говорить о том, что выбор молодым человеком учебного заведения, профессии или специальности еще не носит интернализированного характера. В большинстве случаев он строится на уровне ценностных представлений, базирующихся на идентификационных механизмах принятия, обусловленных положительным подкреплением ближайшего социального окружения.

В процессе обучения представления о социальном статусе и содержании выбранной профессии претерпевают значительные изменения под воздействием различных факторов, смысл будущей деятельности (зачастую выбранной из соображений ее престижности) может измениться в сторону отрицательной полярности. При этом длительность обучения в вузе, единый вид деятельности (познание), единый характер труда (учеба), общая цель обучения (получение высшего образования), возрастная и психологическая однородность обуславливают формирование социальных аспектов идентичности. «Я-концепция» в данной жизненной ситуации в большинстве случаев определяется молодыми людьми как принадлежность к отдельной социальной группе – студенчеству. Все это означает, что время начала и завершения обучения является для личности периодами перехода из одной смысложизненной ситуации в другую со всеми вытекающими последствиями: ломкой сложившихся стереотипов, приспособлением к другим условиям быта, иной социокультурной среде, изменением экономического и социально-демографического статуса. Следовательно, период обучения в вузе

можно определить как особый смысложизненный период в жизни человека, связанный с переживанием кризиса профессиональной идентификации, т. е. идентификации себя с субъектом будущей профессиональной деятельности. Результатом переживания данного жизненного кризиса является формирование своей профессиональной идентичности, являющейся составной и неотъемлемой частью целостного «образа – Я» зрелой личности.

Вышесказанное обозначает проблему создания в учебном процессе условий, способствующих преодолению нормативного кризиса профессиональной идентификации у студентов, становлению целостного образа «Я – будущее» в контексте настоящего через формирование профессионального мировоззрения и интернализацию системы ценностей будущей профессиональной деятельности. В контексте решения данного вопроса достаточно актуальным является высказанное Г. Олпортом мнение о том, что основной задачей системы обучения является перевод так называемых «категорий знания» в «категории значимости», которые призваны трансформировать навыки и умения из внешнего пласта личности в саму систему «Я» [2]. Осознание необходимости перевода знаний в категорию личностнозначимых подразумевает закономерный вопрос о формах и механизмах трансформации знаний во внутренний план личности. Неоднозначность данной проблематики обуславливается индивидуальной природой смысла осуществляемой деятельности при двойственном характере социальных ценностей, выражающих ее цель. Социальные ценности в процессе усвоения трансформируются в личностные смыслы и функционируют на определенном уровне индивидуальной системы личностных смыслов, выполняют функцию побудителей деятельности и поведения в контексте определенной ситуации. Соответственно, усвоение нового опыта несводимо к безличному знанию. Индивидуальное сознание есть не только знание, но и ценностное и, следовательно, смысловое отношение.

Большинство исследователей, подчеркивая значимость категории «отношения» в процессе передачи знаний, указывают на возможность формирования системы ценностей через приобщение студентов к оп-

ределенной профессиональной культуре, важнейшим элементом которой является сам специалист. К. Роджерс, заостряя внимание на проблеме передачи ценностей преподавателем учащимся, замечает, что лично добытое знание, личностный смысл не могут быть переданы другому человеку, однако при определенных условиях отношения с другим человеком могут привести к изменению и развитию его личности [3]. Его мнение согласуется с позицией В. Франкла, утверждающего, что ценностям студентов нельзя научить, они должны их проживать. То же самое справедливо и в отношении формирования, развития и функционирования системы личностных смыслов. Для того чтобы создать условия для осознания, а затем и передачи ценностей, человеку необходимо состояние особой специфической чувствительности [5]. Аналогичную позицию высказывает и А.Н. Леонтьев, утверждающий, что отношению, смыслу нельзя обучить, его можно только раскрыть в процессе обучения [1]. Обозначенные подходы к процессу обучения указывают на значимость адекватных условий для интернализации студентами ценностного отношения к получаемым знаниям. Особенно актуальной данная проблема является для процесса подготовки специалистов профессиональной системы «человек – человек». Традиционные формы обучения, используемые в вузовской практике, несомненно, дают определенный набор знаний, навыков и умений, необходимых в будущей специальности. Однако, как показывает практика, проявление их в качестве личностных характеристик, выражающих профессионально значимые качества на ценностном уровне, начинается, как правило, только в ходе профессиональной деятельности, что во многом осложняет процесс адаптации к ней.

Создание необходимых условий для интернализации студентами знаний возможно при организации учебных занятий в тренинговой форме обучения. Как известно, социально-психологический тренинг является одним из наиболее эффективных методов профессиональной подготовки специалистов типа «человек – человек», поскольку ориентирован на использование активных методов совместной психологической работы, направленной на развитие аутентичности и повышение коммуникативной компетентности. Опыт, приобретаемый человеком в специально организованных группах, оказывает противодействие отчуждению, помогая решению проблем, возникающих в различных аспектах жизнедеятельности. В процессе групповой работы происходит принятие ценностей и потребностей других людей, что в итоге воздействует на индивидуальные жизненные установки и способствует адекватному осмыслению объективной реальности.

Формирование ценностных ориентаций в процессе обучения определяется, с одной стороны, личнос-

тными особенностями, развитием и осознанием своих интересов и ценностей, а с другой – социальными факторами – ценностями значимого другого, стилем общения с ним. Происходящие в группе взаимодействия стимулируют участников к идентификации себя с другими и использованию установившейся эмоциональной связи при оценке собственных чувств и действий. Создание в группе атмосферы доверительного общения, уважения, взаимной поддержки, а также неотсроченность и описательный характер обратной связи, ее релевантность потребностям получающего и отправляющего, подача ее по поводу таких свойств и качеств, которые реально могут быть изменены, выступают в качестве важнейших условий процесса усвоения знаний и стимулируют участников к самоисследованию и интроспекции. Когда попытка самораскрытия и изменения поощряется другими, то, как следствие, усиливается уверенность в себе, что позволяет не просто усвоить знания, а проверить их на себе, что, в свою очередь, способствует расширению зоны личного опыта и усложнению системы личностных конструктов. Использование вышеописанных условий в учебном процессе мотивирует студентов на процесс самоизучения и активизирует смыслопоисковую активность, выражающуюся в смене актуальных смысловых состояний, что в итоге способствует формированию профессиональной системы ценностей будущего специалиста и развитию личностных качеств, необходимых для эффективной профессиональной деятельности.

С учетом вышеизложенных положений нами была разработана содержательная схема тренинга, отражающая уровневую структуру системы личностных смыслов, которую можно разделить на четыре блока, каждый из них направлен на формирование и закрепление психологических навыков, необходимых в будущей профессиональной деятельности. Непосредственная актуализация смыслов каждого уровня должна была способствовать процессу синхронизации временных локусов смысла и генерализации их на уровне ценностных ориентаций как смысложизненных ориентиров. Выделение содержательных блоков, выраженных в определенных играх и упражнениях, в ходе тренинговых занятий носило условный характер, поскольку сам тренинг имел неструктурированную форму проведения

1-й блок. Снятие мышечного напряжения, формирование мышечной свободы. Осмысленная первичная интерпретация ощущений, совершенствование навыков саморегуляции физиологических и психофизиологических функций.

2-й блок. Когнитивное переструктурирование потребностной интенции. Осознавание, дифференциация, опредмечивание и объективация потребностей: «хочу», «могу», «должен», «надо», «буду».

3-й блок. Ценностно-смысловое отношение к действительности. Интернализация профессиональных ценностей психологов. Развитие коммуникативной компетентности, совершенствование навыков межличностного общения (готовность ориентироваться на другого человека, признавать ценность его личности, принимать во внимание его интересы и установки и др.), деполяризация стереотипов восприятия и поведения.

4-й блок. Личностный рост. Повышение уровня самоидентификации и интернальности локуса контроля, аутентичности, интенциональности. Идентификация с субъектом будущей профессиональной деятельности через осмысление прошлого опыта и жизненной ситуации настоящего.

В тренинге, проведенном в течение семестра в рамках прохождения курса «Основы социально-психологического тренинга», приняли участие 24 студента пятого курса социально-психологического факультета Кемеровского государственного университета. Базовыми методами тренинга были ролевые игры и групповые дискуссии в различных сочетаниях и модификациях. Темы для одновременно проводимых групповых дискуссий были связаны с профессиональной деятельностью практического психолога (в частности, профессиональные ценности, этические нормы, профессионально значимые качества практических психологов и их выраженность у участников тренинга, теоретические и методологические аспекты групповой психологической работы), рассматривались также актуальные жизненные проблемы самих участников, обуславливающие кризис профессиональной идентификации. В процессе ролевых игр, ориентированных на идентификацию участников тренинга с субъектом своей будущей профессиональной деятельности, проигрывались ситуации практической деятельности. При этом теоретические и методологические аспекты практической деятельности выбирались участниками самостоятельно с учетом их научно-теоретических предпочтений и подготовленного материала. Следовательно, и применяемые техники целенаправленного психологического воздействия использовались в соответствии с изучаемым теоретическим материалом и охватывали достаточно широкий спектр различных школ и направлений. Подобный подход к теоретической и методологической основе тренинговых занятий способствует, по нашему мнению, формированию и развитию у будущих специалистов личностной концепции практической деятельности, базирующейся на принципах обобщенной теории. Каждое занятие начиналось с постановки конкретных целей участников с учетом достигнутых результатов прошлого занятия и дальних перспектив. В завершение занятия проводился анализ его эффективности,

акцентировалось внимание на приобретенном материале, его значимости и актуальности, анализировались групповые процессы и используемые техники, методы и приемы.

Для оценки эффективности использования разработанного нами тренинга в учебном процессе было проведено исследование динамики смысложизненных ориентаций и механизмов трансформации личностных конструкторов участников. Использовался модифицированный вариант теста СЖО, позволяющий диагностировать процесс синхронизации временных локусов смысла, обуславливающего актуальное смысловое состояние [4], и тест репертуарных решеток Дж. Келли.

Сравнительный анализ результатов тестирования до и после проведения тренинга (табл. 1) обнаружил статистически значимые различия показателей общей осмысленности жизни (ОЖ), процесса жизни или удовлетворенности настоящим и локуса контроля – жизнь (ЛК-Ж). Это свидетельствует о повышении уровня самопонимания, самоидентификации у участников тренинга, понимании и интенсивном переживании осмысленности своей жизни в целом, где сам процесс жизни (т. е. настоящий момент жизненной ситуации) стал восприниматься как более интересный, эмоционально насыщенный, наполненный смыслом, при этом усилилось убеждение в том, что человек может контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их в жизнь. В результате использования тренинговой формы обучения повысились показатели осмысленности жизненных целей «будущего», значимости пройденного отрезка жизни как продуктивного, представления участников о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, чтобы построить жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о ее смысле.

Повышение различных показателей осмысленности жизни в нашем исследовании обусловило расширение и проницаемость смысловых границ субъективной реальности участников тренинговой формы обучения и способствовало интенсификации процесса синхронизации временных локусов смысла. Об этом свидетельствует значимое снижение числа связанных конструкторов и одновременное повышение показателя независимых конструкторов, отражающих уровень когнитивной сложности по индексу Крокетта (табл. 2), при этом сами конструкторы участников стали носить более гибкую форму отношения к действительности.

Количество поляризованных конструкторов, отражающих полярное противопоставление элементов решетки, значимо снизилось при увеличении числа используемых гибких конструкторов, отражающих опосредованное противопоставление через другие элементы, что характерно для метафорической формы мышле-

Т а б л и ц а 1

Показатели смысловых ориентаций до и после тренингового обучения

Субшкалы СЖО	Исследуемые группы		p < 0,05
	до тренинга	после тренинга	
ОЖ	5,3	6,6	0,05
Цели	5,3	6,5	
Процесс	5,0	6,6	0,01
Результат	5,0	6,1	
ЛК-Я	5,2	6,1	
ЛК-Ж	5,1	6,4	0,03

Т а б л и ц а 2

Личностные конструкты участников до и после тренинговой формы обучения

Конструкты	Исследуемые группы	
	до тренинга	после тренинга
Связанные	533	487
Независимые	547	593
$\chi^2=3,93, p=0,04$		
Поляризованные	105	77
Гибкие	135	163
$\chi^2=6,94, p=0,01$		

ния. Осознание и расширение смысловых границ субъективной реальности участников тренинговых занятий выразились в выходе личностных смыслов за рамки стереотипного, шаблонного отношения к себе и действительности и генерализации на более высоком уровне системы личностных смыслов, о чем свидетельствуют данные семантического анализа.

Исходя из целей нашего исследования, контекста заданных элементов, жизненной ситуации и социокультурных особенностей выборки испытуемых, в ходе семантического анализа нами выделялись четыре категории конструктов: 1) личностные черты – описательные житейские понятия личностных свойств, а также целостные образы, включающие аффективные, когнитивные и поведенческие аспекты; 2) социально-ролевые конструкты – позиционирующие совокупный опыт включенности испытуемых в различные сферы социальной жизни, отражающие статусные, гендерные, родственные и другие социальные отношения; 3) профессиональные конструкты – отражающие проблему профессионального самоопределения, отношения к будущей профессиональной жизни, профессиональные ценности и имеющийся профессиональный опыт; 4) размытые конструкты – избыточно проницаемые конструкты, ситуативно обусловленные факты, формализованные штампы, поверхностные характеристики, имеющие неограниченный диапазон пригодности, не несущие

значимой смысловой нагрузки и интенции, т. е. непродуктивные с точки зрения предсказательных возможностей и переносимые на любые элементы.

Несомненно, что выделенные категории не отражают всего семантического пространства испытуемых. Мы умышленно свели имеющийся репертуар до четырех категорий, поскольку в акте осмысленной оценки нас в большей степени интересовала направленность идентификации «образа-Я» во времени в контексте определенной жизненной ситуации (процесс обучения и профессионального становления как ориентир на самостоятельное существование). Кроме того, факторы выбора профессионального пути и принятия набора социальных ролей являются важнейшими аспектами формирования и развития идентичности. Иными словами, нас интересовало позиционирование своего «Я» испытуемых в контексте переживания актуального смыслового состояния в определенной жизненной ситуации как субъекта социальных отношений, в основе которых лежит профессиональная самореализация либо сугубо индивидуалистическая оценка себя.

Результаты семантического анализа показали, что с уменьшением доли представленности в семантическом поле конструктов, отражающих личностные характеристики участников, произошло увеличение количества конструктов, отражающих их видение себя в определенной социальной роли, при

этом статистически значимо усилилась идентификация себя сквозь призму профессиональных конструктов и уменьшилось число конструктов, имеющих чрезмерно широкий диапазон применимости (табл. 3). Данный факт позволяет сделать вывод, что условия тренингового обучения позволили участникам не только более четко дифференцировать свой образ во временном аспекте жизнедеятельности, но и достаточно четко идентифицировать себя в контексте профессиональной деятельности, отражающей социальное взаимодействие в условиях окружающей действительности.

Исходя из положения о том, что ценностные ориентации выполняют функцию ориентировочной реакции в актуальном смысловом состоянии, а также учитывая прогрессивное изменение представленности продуктивных типов актуальных смысловых состояний к окончанию занятий, можно сделать вывод, что личностные смыслы участников тренингового обучения генерализовались на уровне функционирования системы личностных смыслов. Актуализация личностных смыслов участников в условиях тренингового обучения способствовала интернализации знаний, получен-

Т а б л и ц а 3

Семантические категории участников до и после тренинговой формы обучения

Семантические категории	Исследуемые группы		p < 0,05
	до тренинга	после тренинга	
Личностные черты	5,29	5,08	
Социальные роли	2,12	2,75	
Профессиональные конструкты	0,62	1,29	0,032
Размытые конструкты	1,83	0,87	0,040

ных в ходе обучения, что позволило им осмыслить полученные знания и умения и перевести их в категорию личностных качеств. Повышение показателей самоидентификации, усложнение системы личностных конструктов, интернализация ценно-

стей и структурирование их в систему смысловых ориентаций свидетельствуют о личностном росте участников тренингового обучения и преодолении ими нормативного кризиса профессионального становления.

Литература

1. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
2. Оллпорт Г. Становление личности: избранные труды. М.: Смысл, 2002. 462 с.
3. Роджерс К.Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека / Пер. с англ. под общ. ред. Е.И. Исениной. М.: Прогресс, 1998. 480 с.
4. Серый А.В. Система личностных смыслов: структура, функции, динамика. Кемерово, 2004. 272 с.
5. Франкл В. Человек в поисках смысла: Сб. / Пер. с англ. и нем. под общ. ред. Л.Я. Гозмана и Д.А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1990. 368 с.

TRAINING EDUCATION AS THE CONDITION OF INTERNALIZATION OF MEAN OF FUTURE PROFESSION IN HIGHER EDUCATIONAL ESTABLISHMENT

A.V. Seriy (Kemerovo)

Summary. The problem of creation in the higher educational establishment the conditions that will help to cope with the crises of the students professional identification is examined.

Internalization of values of professional group as the basic mechanism is underlined. The model of training education is offered, that will help to build up the steady identification of means of «me as a professional». The results of investigation of effectiveness of such a model have been proved.

Key words: professional educational, training, system of personal means, personal constructions, internalization.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ЕГО СТАНОВЛЕНИЯ

Е.А. Семенова (Иркутск)

Аннотация. Анализируются основные подходы к проблеме психологических механизмов становления профессионального самосознания, даны определения понятий «профессиональное самосознание», «психологический механизм», «целеполагание», «рефлексия», «идентификация». Раскрываются особенности и содержание основных психологических механизмов становления профессионального самосознания будущего специалиста в вузе.

Ключевые слова: профессиональное самосознание, психологический механизм, целеполагание, рефлексия, идентификация.

Проблема становления профессионального самосознания будущего специалиста относится к числу фундаментальных в педагогической психологии. Ее решение связано с определением цели и содержания процесса профессионализации будущего специалиста в вузе. Профессиональное самосознание – это совокупность представлений индивида о себе, объединяющая динамическое взаимодействие различных относительно устойчивых, более или менее осознанных, переживаемых, индивидуально неповторимых образов себя, включающая представления человека о себе в контексте его целостной профессиональной жизни [12]. Необходимость изучения психологических механизмов становления профессионального самосознания будущего специалиста имеет не только научный, но и практический аспект. В этой связи актуальной является задача изучения психологических механизмов становления профессионального самосознания личности.

В словаре С.И. Ожегова термин «механизм» толкуется как «внутреннее устройство (система звеньев) машины, прибора, аппарата, приводящее их в действие» [8. С. 300]. Проблема психологических механизмов рассматривалась в работах Л.И. Анцыферовой, В.Г. Леонтьева, Р.Д. Санжаевой, Л.Н. Антиловой и др. Как подчеркивает Р.Д. Санжаева, психологический механизм – это субъективное «описание» или отражение на субъективном уровне тех объективных процессов или явлений, которые обеспечивают взаимодействие человека с окружающей средой [11]. Несмотря на многообразие называемых механизмов, психологи отмечают, что психологические механизмы неоднородны, им присущи обобщенность и разная степень конкретизации; существуют разные типы механизмов, среди которых есть и врожденные и приобретенные, сложившиеся в индивидуальной общественной практике; психофизиологические и психические; наиболее обобщенные и менее обобщенные, узкие, способные порождать и реализовывать мотивацию лишь в специфических условиях и ситуациях [11]. Действие любого из механизмов основывается на том или ином принципе, выражающем сущность механизма и его основные характеристики.

О.А. Конопкин называет ряд механизмов регуляции деятельности, к которым относит звенья психо-

логической структуры саморегулирования: принятую субъектом цель, субъективную модель значимых условий деятельности, программу исполнительских действий, критерии успеха, информацию о результате, решение о коррекции. Все эти механизмы относятся к уровню сознательного регулирования как высшего к уровню саморегуляции [4]. В.Г. Леонтьев выявил несколько типов психологических механизмов мотивации, которые проявляются в различных конкретных условиях: механизм спонтанной активности, механизм динамического равновесия и адаптационный механизм. С точки зрения автора, адаптация есть начальная стадия уподобления человека социальной среде, условиям деятельности и этот механизм непосредственно связан с идентификацией и с механизмами динамического равновесия. Именно адаптация как механизм тактической детерминации деятельности оказывает существенное влияние на формирование побудителя [6]. С.Г. Косарецкий считает, что становление профессионального сознания заключается в наращивании и сопряжении слоя ценностей образования и развития человека со слоем средств (норм) деятельности. При этом он считает, что механизмами становления профессионала выступают рефлексия как способность к самоопределению и целеполагание как способ связывания ценностей и средств в профессиональной деятельности [5].

Анализ литературы подтверждает справедливость утверждения о том, что становление профессионала непосредственно связано с его развитием как личности и предполагает появление у него либо новых качеств и свойств, либо развитие имевшихся задатков. «Становление профессионала есть «приращение» к психике человека, ее обогащение», – подчеркивает А.К. Маркова [12. С. 62]. «Приращение» исходно высоких показателей осмысленности жизни, профессионального самосознания происходит под влиянием психологических механизмов. Каждый механизм качественно своеобразен и обладает разным значением в становлении профессионального самосознания специалиста. Важным механизмом, характеризующим подлинного субъекта деятельности – профессионала, связанным с профессиональным сознанием, рассматривается целеполагание [5]. По мнению психологов, целесообразная деятель-

ность – это проявление психической и физической активности человека, направленной на достижение сознательно поставленных целей (создание материальных и духовных благ, необходимых для человека и общества) [1]. Субъект труда осуществляет взаимодействие между компонентами трудового процесса и выступает как интегрирующее звено этой взаимодействующей системы. «Цель – это ожидаемый результат деятельности. На начальном этапе она всегда выступает как мысленный, идеальный образ того результата, который стремится достичь человек. Мысленный образ-цель сохраняется в сознании на протяжении всего процесса труда и выступает в качестве основного психического регулятора деятельности человека» [1. С. 9].

А.Н. Леонтьев, описывая схему деятельности, определяет цель как один из центральных элементов системы деятельности, при этом он указывает, что цели не ставятся субъектом произвольно, а даны в объективных обстоятельствах: «...всякая цель объективно существует в некоторой предметной ситуации» [6. С. 155]. Роль субъекта в этом случае заключается в выделении и осознании целей, их предметном наполнении: «...предмет деятельности выступает двояко: первично в своем независимом существовании, как подчиняющийся себе и преобразующий деятельности субъекта, вторично, как образ предмета, как продукт психологического отражения его свойств, которое осуществляется в результате деятельности субъекта и иначе осуществляться не может» [6. С. 142]. С точки зрения В.Д. Шадрикова, целеполагание выступает первым шагом в профессионализации. Выделяются два аспекта цели: цель-образ и цель-задача. Цель-образ включает в себя представление о будущем результате деятельности и ее отдельных действий. В процессе формирования цели-задачи устанавливается личностный смысл деятельности, происходит субъективная трансформация цели нормативно одобренного способа деятельности [14]. В.А. Петровский противопоставляет «целенаправленную» и «целеполагающую» активность субъекта деятельности. «Целеполагание определяется как формирование индивидом предметной основы необходимой ему деятельности, ее мотивов, целей, задач. Именно в процессе целеполагания реализуется развитие деятельности и происходит самопорождение человека как субъекта активности» [9. С. 94].

При проведении исследований профессионального сознания психологами (Д.А. Григорьев и др.) формирование целей профессиональной деятельности рассматривается как «показатель сформированности профессионального сознания, как начальный и важнейший этап превращения индивида в субъекта деятельности» [2. С. 158]. Специалиста-«исполнителя» от «профессионала» отличает отчужденность от процесса полагания целей, формирования замысла. Ав-

торы утверждают, что в целеполагании происходит «сшивание» предметной и ценностно-смысловой сторон деятельности. Каждый этап профессионализации связан с пересмотром и сменой смыслов, способов или даже предмета деятельности. Процесс целеполагания становится тем психологическим механизмом, в рамках которого происходят рефлексия человеком собственной деятельности, себя как профессионала и построение новых целей в рамках новой предметной деятельности. Это обусловлено тем, что в процессе целеполагания происходит соотнесение ценностно-смысловой и предметной сфер профессиональной деятельности.

Д.А. Григорьев выделяет следующие этапы целеполагания: 1) самостоятельное формирование индивидом общих целей деятельности на основе ценностей и смыслов; 2) построение предметной деятельности, где общие цели конкретизируются через способы; 3) становление субъекта деятельности как субъекта профессионального сообщества, расширяющее содержание целеполагания [2]. Динамика целеполагания определяется специфическими условиями вузовского этапа профессионализации и характеризуется различными формами и содержанием процесса целеполагания. Как одно из ключевых условий становления способности целеполагания (наряду с рефлексией и стремлением развивать профессиональную деятельность) сегодня рассматривают и профессиональное сообщество (В.И. Слободчиков, С.Г. Косарецкий, Д.А. Григорьев и др.). Проблему целеполагания на вузовском этапе подготовки специалиста следует рассматривать как формирование деятельностной позиции у студентов в процессе становления их как субъектов становящейся профессиональной деятельности.

Одним из главнейших механизмов становления профессионального самосознания является рефлексия. Рефлексия разрабатывалась в исследованиях Я.А. Понамарева, В.Н. Зарецкого, С.Ю. Степанова, А.З. Зака, Г.П. Щедровицкого и др. Рефлексия как механизм самосознания проанализирована в работах С.Л. Рубинштейна, И.С. Кона, В.П. Зинченко, В.В. Столина и др. С.Л. Рубинштейн, характеризуя два основных способа существования человека и, соответственно, два отношения к жизни, указывает, что при первом способе существования «человек весь внутри жизни, всякое его отношение – это отношение к отдельным явлениям, но не к жизни в целом. Отсутствие такого отношения к жизни в целом связано с тем, что человек не выключается из жизни, не может занять мысленно позицию вне ее для рефлексии над ней. Второй способ существования связан с появлением рефлексии. Она как бы приостанавливает, прерывает этот непрерывный процесс жизни и выводит человека мысленно за ее пределы. Человек как бы занимает позицию вне ее» [10. С. 347–348].

В.И. Слободчиков, раскрывая суть рефлексии, подчеркивает, что «само понятие рефлексии означает всякое высвобождение сознания из любой поглощенности; различные уровни рефлексии есть ступени такого высвобождения; соответственно рефлексизирующее сознание есть расширяющееся сознание; процесс рефлексирования есть некоторый путь установления человеком своего собственного способа существования, который не есть наперед или окончательно данный» [13. С. 20]. Автор выделяет два психологических механизма становления субъективности: подражание (его функцией является установление связей с другими людьми) и рефлексия, которая по самому своему существу всегда есть разрыв, раздвоение и выход за пределы любого непосредственно, автоматически текущего процесса или состояния [13]. Эти два механизма работают сопряженно: связи, установленные путем подражания, рефлексией перестраиваются и превращаются в отношения к другим людям и к самому себе. При этом «фундаментальными условиями начала рефлексии являются, во-первых, прекращение натуральности подражательной формы, полная остановка того процесса, который ее порождает (например, прямым запретом, препятствием, неспособностью, непониманием и др.), во-вторых, фиксация того, что прекратилось в некоторой образцовой форме (например, «так было – так надо», «так можно – так нельзя», «так хорошо – так плохо» и др.)» [13. С. 19].

Дальнейшее развитие такой точки зрения потребовало дифференцирования различных видов рефлексии. В.И. Слободчиков выделяет сравнительную рефлексия – способность человека сравнить себя с другими на основании ценностей и норм своего социума и определяющую рефлексия – способность устанавливать границы собственных возможностей, знать, что я знаю (умею) и чего не знаю (не умею). Рефлексия возникает там, где человек в своей деятельности попадает в затруднительную ситуацию, для нахождения выхода из которой ему надо выйти из своей прежней позиции деятеля и перейти на новую позицию [13].

В последнее время все более активно проводятся исследования рефлексивных процессов в педагогической психологии (А.А. Бизяева, В.В. Давыдов, Г.И. Цукерман, А.А. Реан и др.). И.Ю. Алексашина делает акцент на педагогической рефлексии личности учителя как необходимым психологическом механизме его развития. По ее мнению, «рефлексия – это прежде всего критическое осмысление человеком оснований, идей и методов собственной деятельности, благодаря которому человек способен выйти за пределы полной поглощенности непосредственной деятельностью, осознать возникающие перед ним проблемы в широком контексте современного изменяющегося мира» [12.

С. 34]. Рефлексия – это своеобразный удвоенный процесс зеркального отражения индивидами друг друга, взаимоотображение, отношение педагога к достоинствам и недостаткам собственной деятельности и личности, проявляемым во взаимоотношениях с учащимися. В.А. Кривошеев трактует рефлексия как механизм опосредованного самопознания, активного личностного переосмысления, своего индивидуального сознания, с помощью которого обеспечивается совершенствование личности, успешность ее деятельности и общения, и выделяет коммуникативный и личностный виды рефлексии [2].

По мнению психологов, рефлексивные умения представляют собой особый комплекс психических и практических действий, посредством которых осуществляется регуляция имеющихся у субъекта представлений о себе, характере собственной деятельности, ее результатах и способах совершенствования. Значимыми при формировании рефлексивных умений являются интеллектуальный и личностный виды рефлексии как наиболее подвижные при изменении условий обучения [2]. Механизм рефлексии на вузовском этапе подготовки специалиста способствует формированию обобщенного представления о профессии, эталонного образа профессионала, представления о степени своего соответствия профессиональным эталонам через соотнесение себя с другими. Все это позволяет студенту в процессе его становящейся деятельности уяснить границы своих возможностей, обрести знания о сильных и слабых сторонах, вероятных зонах успешности и неудач, путях самосовершенствования.

Одним из важнейших психологических механизмов является механизм идентификации, понимаемый как уподобление одной личности другой, отождествление себя с другим человеком. Специальные исследования показывают, что с помощью идентификации происходит присвоение чувств, отношений, мотивов, присущих тем людям, которых мы принимаем за образец и пример для подражания. Формы проявления механизма идентификации в психической реальности различны. Во всех случаях идентификация есть универсальный механизм развития личности, ее когнитивных, эмоциональных, мотивационных характеристик, самосознания, социально значимых качеств, особенно на ранних этапах онтогенеза. Развитие при этом происходит через специфическое подражательное усвоение личностных смыслов [2].

По мнению Т.М. Давиденко, Н.В. Кузьминой, В.В. Овсянниковой, одним из механизмов формирования «Я-образа» является идентификация субъекта со значимыми другими. Т.М. Давиденко подчеркивает, что идентификация, в зависимости от задач жизнедеятельности, во-первых, приводит к целостному представлению, знанию о содержании, способах и средствах своей деятельности; во-вторых, позволяет критично от-

нестись к себе и к своей деятельности в прошлом, настоящем и будущем; в-третьих, делает человека субъектом своей активности. Идентификация личности – длительный, многомерный, противоречивый процесс. Онтогенетическая линия развития профессиональной идентификации включает в себя: 1) накопление знаний о себе; 2) осознание нормативов развития; 3) оценивание себя на основе этих знаний и нормативов развития; 4) проявление преобразующей функции самосознания, выражающейся в самосовершенствовании личности в качестве субъекта будущей профессиональной деятельности.

Высокая степень идентификации характеризует личность как инициативную, проявляющую уверенность в себе, не избегающую ответственности [12. С. 68]. Формированию способности к адекватной идентификации способствуют такие факторы, как изменение системы отношений; приобщение студента к оценкам результатов своей деятельности; смены позиции или роли в группе; знание своих индивидуально-психологических особенностей; непосредственная активность самой личности. По мнению Дж. Маршья, уровень профессионального развития зависит от того, в какой степени человек идентифицирует себя с имеющимся в его самосознании образом профессионала. При этом выделяются следующие типы идентификационных статусов: «...достижение полного тождества с эталоном – идентификация; перенесение личностной идентификации на более поздние сроки – мораториум; лишение себя возможности идентификации – самоисключение; невозможность определиться в какой-то роли – идентификационно-ролевая диффузия» [12. С. 68].

Разным образом присущи различные регуляторные возможности: отчетливый, конкретный и привлекательный образ стимулирует и направляет активность (идентификация); образ, в котором отражены неблагоприятные перспективы, трудности, представляющиеся субъекту непреодолимыми, затормаживает (мораториум) или полностью блокирует профессиональное развитие субъекта (самоисключение). При противоречивости, неопределенности, расплывчатости образа-эталона профессиональное развитие личности будет осуществляться по типу идентификационно-ролевой диффузии, ее активность будет иметь эпизодический и хаотичный характер [12].

В работах А.Д. Карнышева [3] дан анализ и приведена классификация социально-психологических механизмов на основе системного и личностно-деятельностного подходов. Эти подходы позволили автору рассматривать учебно-воспитательный процесс в школе с позиции ученика, учитывая его возрастные и индивидуальные особенности (способности, мотивы, ценностные ориентации и т.д.). Наряду с ведущими механизмами (подражание, идентифика-

ция) А.Д. Карнышев особо выделяет сотрудничество учителя и ученика как основной механизм, обеспечивающий единство деятельности и общения, а также оптимизацию психологического климата и управления школой в целом. Он подчеркивает, что сотрудничество можно определить как «...оптимальное общение в процессе эффективной общественно полезной деятельности, направленное на самоактуализацию и самосовершенствование лучших качеств и потенциала человека» [3. С. 185]. «Эффект трансситуационного научения» выступает как самопроизвольное усвоение индивидом целостного социального опыта, как результат интериоризации согласованной деятельности окружающих его людей. Этот эффект обеспечивает приобретение исполнителем конкретных знаний, умений, навыков в результате согласованного взаимодействия с другими людьми и в связи с их высказываниями, ожиданиями, пожеланиями, предложениями и т.п.

Однако усвоение опыта и умений зачастую осуществляется посредством подражания [3. С. 123]. Как считает К.К. Платонов, подражательному поведению принадлежит решающая роль в овладении навыками, придающими деятельности человека черты мастерства. Речь идет о личностном знании, которое не осознается ни обучающим, ни обучаемым и может быть передано исключительно путем имитации. Наблюдая за действиями учителя и стремясь превзойти его, ученик подсознательно усваивает эти нормы, неизвестные самому учителю. Но, как утверждает А.Д. Карнышев, «...и подражательное овладение ролью, и трансситуационное научение происходят спонтанно, зависят от активности окружающих людей и опытности самого исполнителя и ни в коей мере не могут выступать реальной альтернативой эффективному обучению» [3. С. 123].

По мнению А.Н. Крылова, в юношеском возрасте существенно расширяется «образ Я», в состав которого начинают входить идеалы. Под воздействием идеалов изменяется характер активности молодых людей. Их поведение в большей степени строится с учетом более отдаленных перспектив и в меньшей степени определяется непосредственной актуальной ситуацией. Образцом для студента может выступать хороший преподаватель, встреченный в общеобразовательной школе, в профессиональном учебном заведении. Автор поднимал проблему влияния различных по своему качеству идеалов на профессиональное развитие личности и обнаружил изменение характера внутреннего диалога при освоении профессии. Этот диалог формируется и развивается за счет интериоризации в «Я-образ» «эталонного профессионала» [12. С. 70].

Формирование идеалов наиболее эффективно осуществляется в совместной с профессионалами де-

тельности. Очень важным фактором является личностное общение с ними, т.к. это способствует развитию отношения к себе как представителю данной профессии, субъекту деятельности. Ссылаясь на взгляды Д. Мида, автор учитывает диалогическую природу «образа Я» и считает, что его формирование происходит через интериоризацию личностью собственных социальных отношений. В качестве ведущей функции «образа Я» выделяется целеполагание – от постановки простых оперативных целей по овладению определенными навыками до формирования жизненных планов. Механизм целеобразования имеет диалогический характер: «Во внутреннем обращении к самому себе человек по отношению к значимой деятельности соотносит различные возможности по осуществлению этой деятельности. Наиболее личностно-значимая возможность, становясь ядром «образа Я», предстает перед личностью как цель деятельности» [12. С. 70]. Таким образом, в овладении идентификацией можно видеть истоки становления профессионального самосознания. Механизм идентификации выступает в качестве предпосылки формирования установки на будущую профессию.

Сущность профессионального образования проявляется в возможности человека стать тем, кем он способен стать, т.е. самореализоваться. Однако в

психологической литературе подчеркивается, что фактором развития личности становится не столько совершение трудовых операций, сколько получаемый результат, переживаемый как индивидуальное достижение, успех. Именно осознание личных индивидуальных достижений, оцениваемое субъектом как удача, как маленькая победа над самим собой, является стимулом его дальнейшего движения в этом направлении. Низкий уровень самооценки, эмоционально-негативное отношение к себе препятствуют восприятию новой информации, оптимальной работе с собственным Я, обостряя действие защитных механизмов. Механизм эмоциональной поддержки является важным средством в процессе как формирования целостной личности, так и становления сознания как ее базового основания [2].

Таким образом, анализ литературы показал, что психологические механизмы формируются, развиваются и закрепляются в процессе индивидуальной жизнедеятельности. В зависимости от специфических условий определенного этапа профессионализации студента в вузе актуализируются внутренние психологические механизмы становления профессионального самосознания будущего специалиста. Более глубокое понимание значимости каждого механизма в процессе становления профессионального сознания возможно в ходе дальнейшего исследования.

Литература

1. Асеев В.Г. Психология труда: Учеб. пособие. 2-е изд. Иркутск: Иркут. ун-т, 2005. Ч. 1. 342 с.
2. Гуслякова Н.И. О психологических механизмах становления профессионального сознания будущего учителя // Мир психологии. 2006. № 1. С. 152–161.
3. Карнышев А.Д. Очерки социальной психологии. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1998. 325 с.
4. Конопкин О.А. Психологические механизмы регуляции деятельности. М., 1980. 324 с.
5. Косарецкий С.Г. Психологические условия развития профессионального сознания будущих педагогов: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1999. 182 с.
6. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2 т. / Под ред. В.В. Давыдова и др. М., 1983. Т. 2. 438 с.
7. Леонтьев В.Г. Психологические механизмы мотивации. Новосибирск, 1992. 376 с.
8. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1987. 523 с.
9. Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов н/Д, 1996. 336 с.
10. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб., 2000. 534 с.
11. Санжаева Р.Д. Психологические механизмы формирования готовности человека к деятельности: Дис. ... д-ра психол. наук. Новосибирск, 1997. 406 с.
12. Семенова Е.А. Диагностика и формирование профессиональных представлений студентов в образовательном пространстве учебного заведения. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2006. 140 с.
13. Слободчиков В.И. Рефлексия как принцип существования индивидуального сознания // Экспериментальные исследования по проблемам общей, социальной и дифференциальной психологии. М., 1979. 234 с.
14. Шадриков В.Д. Психология деятельности и способности человека. М., 1996. 372 с.

PROFESSIONAL CONSCIOUSNESS AND PSYCHOLOGICAL MECHANISMS OF ITS BECOMING

E.A. Semenova (Irkutsk)

Summary. In clause the theoretical analysis of the basic approaches to a problem of psychological mechanisms of becoming of professional consciousness is given, definitions of concepts «professional consciousness», «the psychological mechanism», «statement of the purposes», «reflection», «identification» are given. Features and the contents of the basic psychological mechanisms of becoming of professional consciousness of the future expert in high school are opened.

Key words: professional consciousness, the psychological mechanism, statement of the purposes, a reflection, identification.

КОНФЕРЕНЦИИ, СИМПОЗИУМЫ, СЕМИНАРЫ

ИНФОРМАЦИЯ ОБ УЧАСТИИ В РАБОТЕ IV ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА РОССИЙСКОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

18–21 сентября 2007 г. члены РПО (Российское психологическое общество) собрались на IV Всероссийском съезде. В этот раз он проводился в Ростове-на-Дону в стенах Южного федерального университета при поддержке факультета психологии ЮФУ, Южно-Российского фонда развития толерантности и факультета психологии Московского государственного университета.

В работе съезда приняла участие большая группа профессоров факультета психологии Томского государственного университета (декан факультета член-корреспондент РАО, профессор Э.В. Галажинский, заведующий кафедрой генетической и клинической психологии член-корреспондент РАО, профессор Г.В. Залевский, заведующий кафедрой социальной и гуманистической психологии профессор В.И. Кабрин, заведующий кафедрой общей и педагогической психологии профессор О.М. Краснорядцева, профессор этой же кафедры В.Е. Ключко, руководитель лаборатории психофизиологии профессор С.А. Богомаз).

Программа съезда открылась приветственным словом ректора ЮФУ доктора технических наук, профессора В.Г. Захаревича и президента РПО академика РАО А.И. Донцова. С пленарными докладами выступили директор Института психологии РАН профессор А.Л. Журавлев («Тенденции развития российской психологии»), декан факультета психологии МГУ профессор Ю.П. Зинченко («Профессиональные психологи – будущему России»), заведующий кафедрой психологии личности факультета психологии МГУ профессор А.Г. Асмолов («В поисках солидарности и профессиональной идентичности: стратегия развития общества психологов в гражданском мире»), декан факультета психологии ЮФУ профессор П.Н. Ермаков («Пролегомены к практической психологии: дисгармония теории и практики»).

В каждом из докладов прозвучало оригинальное понимание основных проблем и достижений российской психологии за последние несколько лет, а также были проанализированы тенденции ее развития в ближайшей перспективе. Своим содержанием пленарные доклады логично подвели участников съезда к процедуре выборов нового президиума, президента и нового вице-президента РПО. После сложной процедуры голосования большинством голосов делегатов съезда в качестве президента был выбран Ю.П. Зинченко, а вице-президентом стала декан факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета профессор Л.А. Цветкова. Количество членов президиума РПО с согласия делегатов съезда было увеличено до 21. От Сибирского региона в состав президиума был выбран профессор Э.В. Галажинский, а профессору Г.В. Залевскому было предложено войти в состав экспертного совета.

В следующие 2 дня состоялись многочисленные симпозиумы и круглые столы, которые проводились в рамках 16 направлений, мастер-классы, вечерние лекции. Поскольку работа велась параллельно на различных площадках, участники Томской делегации смогли принять участие только в ряде научных мероприятий, предложенных разнообразной программой съезда.

ЛИЧНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ УЧАСТНИКОВ СЪЕЗДА

С.А. Богомаз: Я принял участие в работе симпозиума «Системная психофизиология и системная нейронаука», работой которого руководил доктор психологических наук, профессор Юрий Иосифович Александров (Институт психологии РАН, г. Москва). Докладчиками были сделаны интересные и содержательные сообщения, вызвавшие дискуссию по некоторым вопросам, касающимся принципов системного функционирования мозга человека. Особый интерес вызвал доклад Ольги Евгеньевны Сварник на тему «Психофизиологические особенности процессов научения при поэтапном приобретении навыка», поскольку в нем были представлены эмпирические данные о различиях в экспрессии генов при организованном экспериментаторами поэтапном обучении и обучении в условиях неожиданно возникающих проблем. Работой симпозиума «Развитие личности: социокультурный и возрастной аспекты» руководили Валерия Сергеевна Мухина (г. Москва), Алексей Сергеевич Обухов (г. Москва) и Анна Викторовна Черная (г. Ростов-на-Дону).

Именно их доклады своей глубиной и значимостью задали основную энергетику сообщений и дискуссий, развернувшихся на симпозиуме. На нем же прозвучал и мой доклад на тему «Психологические особенности молодых людей, отличающихся высокой целеустремленностью и связностью целей», содержанием которого заинтересовались многие участники.

На симпозиуме «Современные проблемы психологии развития» одним из самых ярких докладов, на мой взгляд, был доклад Елены Алексеевны Сергеевны (Институт психологии РАН, г. Москва) на тему «Системно-субъектный подход и принцип развития в психологии». Она предприняла попытку изложить суть этого оригинального подхода и целесообразность его использования на примере интерпретации некоторых фактов, эмпирически обнаруженных в ходе психологических исследований.

В.И. Кабрин: Съезд РПО для меня – это прежде всего приятные встречи с друзьями, знакомыми, а если повезет, и незнакомыми со всех сторон «ни старого, ни нового», но нашего Света. Эти встречи в лучах ростовского солнца до сих пор греют мою душу.

В первый день Съезда на пленарном заседании директор Института психологии РАН А.Л. Журавлев сделал существенный акцент на необходимости различения двух главных сфер в душевной организации человека – психики и психологии. Давно витавшая в Ананьевской школе идея различения психики и психологии человека, наконец, получила убедительное официальное признание, а психология человека как ментальная сфера личности обрела актуальную перспективу комплексных многомерных исследований.

В этом я увидел не заставившее себя ждать подтверждение: в этот же день, в ситуации затянувшихся выборов администрации РПО, угрозу психическому здоровью делегатов Съезда предотвращало неистощимое чувство юмора ведущего – профессора Т.Ю. Базарова – как одно из важнейших качеств ментальной зрелости личности.

Работая на симпозиуме «Психологические технологии и техники профессионального развития личности», я в небольшом сообщении о превратностях профессиональной психологии обратил внимание на явный гендерный перекос в подготовке профессиональных психологов. Речь шла, в частности, о сложности работы с «женскими учебными группами». Я мог ожидать чего угодно, только не искренней обиды местных Психей.

Это оказалось настолько интересным и загадочным, что я не решаюсь сказать что-то определенное о своей гипотезе, пока не проведу кросс-культурное исследование женской ментальности жительниц Кубани и Дона.

Г.В. Залевский: Мои впечатления о работе и участии в очередном 4-м Съезде психологического общества можно разделить на четыре части.

Я, как и другие члены делегации от Томского отделения РПО, участвовал в работе общих официальных мероприятий Съезда – открытии и пленарном заседании в первый день его работы. Наиболее серьезным и подготовленным докладом было выступление декана факультета психологии МГУ и одного из претендентов на пост Президента президиума Российского психологического общества на ближайшие четыре года профессора Юрия Петровича Зинченко. В своем выступлении он сделал акцент на возможные и необходимые пути преобразования РПО в действительно профессиональное авторитетное сообщество, а его президиум и представителей регионов – в конструктивно действующую команду. В конечном итоге тайным голосованием делегаты Съезда большинством голосов именно его и выбрали Президентом РПО. Был также избран Президиум РПО в составе 21 члена. Участники Съезда, а их было около тысячи человек, пожелали ему успешной работы на благо отечественной психологии и психологов.

Что касается содержательной части работы Съезда, то мне удалось принять активное участие в разном качестве в ряде мероприятий. В качестве сопредседателя, вместе с известными отечественными клиническими психологами А.Ш. Тхостовым и С.Н. Ениколоповым, я организовывал работу симпозиума «Клиническая психология». География его участников была довольно широкая – от Иркутска до Санкт-Петербурга, хотя в основном это были психологи Ростова-на-Дону и всего Юга России. Темы докладов отражали широкий спектр интересов и проблем отечественных клинических психологов.

Активное участие я принял в работе симпозиума «Перинатальная психология», который вели известные специалисты в этой области – профессора Г.А. Филиппова и И.В. Добряков. Согласно Программе Съезда я должен был организовать работу круглого стола по проблеме «Психология фанатизма в норме и патологии» и мастер-класса по «Супервизии в сфере помогающих профессий». Большой интерес участники Съезда, как ни странно, проявили к мастер-классу, который состоялся 20 сентября вечером, уже накануне закрытия Съезда. В нем приняло заинтересованное и активное участие около 40 человек, каждый из которых представил «свой случай», т.е. то, с чем они пришли на супервизию. Один случай был проработан до четкой формулировки проблемы и направления ее решения в контексте современной бихевиорально-когнитивной психотерапии и консультирования. Для меня мастер-класс оказался очень продуктивным и принесшим удовлетворение заключительным аккордом работы 4-го Съезда психологического общества и моего в нем участия.

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ СОБЫТИЯ

Б.Г. АНАНЬЕВ – ВЫДАЮЩИЙСЯ УЧЕНЫЙ И ЯРКАЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ

Н.А. Логинова (Санкт-Петербург)

Аннотация. Рассматриваются основные положения антропологической психологии Б.Г. Ананьева. Раскрывается значение его теоретических разработок, посвященных психологии чувственного познания, онтопсихологии и психологии индивидуальности, которые интегрируются в систему научного представления о человеке как индивиде, личности, индивидуальности и субъекте деятельности. Оцениваются антропологический масштаб его идей и комплексных исследовательских программ, а также многогранная индивидуальность личности самого ученого.

Ключевые слова: антропологическая психология, комплексный подход, индивид, личность, индивидуальность, онтопсихология, психобиография.

В 2007 г. научная психологическая общественность отмечает столетие со дня рождения Бориса Герасимовича Ананьева. Трудно переоценить роль этого ученого в развитии современной психологии в России. Он – создатель продуктивной научной школы с центром в Ленинградском (ныне Санкт-Петербургский) университете, автор многих замечательных книг и статей, организатор отделения, а потом факультета психологии, НИИ педагогики АПН РСФСР, НИИ комплексных социальных исследований, Общества психологов СССР, журнала «Вопросы психологии»¹.

Идеи его не устаревают, а, напротив, со временем становятся более понятными вдумчивому читателю, оплодотворяют мысль современных исследователей. Прогресс наук о человеке не раз подтверждал то, что предвидел Борис Герасимович, что он готовил своим трудом вместе с учениками и соратниками. Так, на наших глазах произошла антропологизация психологии, отход от ортодоксальной теории деятельности, как бы стремящейся подчинить человека его социальным функциям и логике деятельности. Но именно антропологизм – главная черта теории Б. Г. Ананьева [7, 8]. Он считал необходимым дополнить перечень основных принципов психологической науки антропологическим. Его теория перерастает в синтетическое человекознание, в котором собственно психология занимает центральное положение как интегратор естественных и гуманитарных наук о человеке.

Теория, которую он создал в процессе длительных крупномасштабных исследований во многих областях психологии, может быть названа *антропологической психологией*. Антропологизм его теории состоит в том, что человек, его многоуровневая структура, функционирующая и развивающаяся, выступает в ней системным основанием психического. Вне-

шние воздействия, отражаемые в сознании, преломляются сквозь всю структуру человека, включая ее глубокие природные элементы. Таким образом, сама структура человека, наряду с объектом отражения, участвует в детерминации психического [6]. Отсюда и стремление Ананьева в целях психологического познания изучить структуру человека как целостного природного и социального существа. Этому стремлению соответствовал комплексный подход к человеку, предполагающий охват разноуровневых и разнородных элементов этой структуры.

Поскольку структура человека – продукт его индивидуального развития на основе генетической программы в условиях социальной среды в определенное историческое время, постольку комплексные исследования рассматривали структуру с генетической точки зрения. Отсюда есть основания назвать подход Ананьева к проблемам психологии не только комплексным, но и структурно-генетическим, в основе которого, как уже было сказано, лежит антропологический принцип. Сказанное не отменяет значения для научных исследований Ананьева других важных принципов, разработанных в советской психологии, и при его активном участии принципа объективности, детерминизма, отражения, деятельности.

За свою сравнительно короткую жизнь Б.Г. Ананьев запрограммировал и осуществил четыре больших коллективных исследования – по генетической характерологии (с 1932 г.), психологии чувственного познания (с 1937 г.), всестороннему развитию школьников в условиях обучения и воспитания (с 1951 г.) и собственно комплексные исследования структуры и психического развития взрослых людей (с 1966 г.). Все эти большие программы разветвлялись на многие конкретные исследования, касающиеся разных вопросов науки, – психология ощущений, восприятия, представлений, речи, психология личности и характера, струк-

¹ Естественно, его организаторская деятельность осуществлялась не в одиночку, а в тесном сотрудничестве с ведущими психологами страны, с помощью учеников, последователей, единомышленников.

тура и развитие способностей, психология общения и микросоциальных, межличностных отношений, психология учения и обучения, дифференциальная и возрастная психология, а также мозговые механизмы психической регуляции деятельности, социального поведения и органической жизнедеятельности. В результате множества выполненных работ, обобщения данных и соотнесения их с мировой наукой была создана весьма обоснованная психологическая теория, в которой представлены главные проблемы психологии и содержатся ответы на многие ее вопросы. Наследие Ананьева поражает не только богатой эмпирической фундированностью, но и широтой проблемного поля, глубиной проникновения в суть вещей. Все потоки исследований под руководством Б.Г. Ананьева в конце концов слились в теорию индивидуального психического развития человека.

Человек в теории Ананьева выступает в четырех ипостасях. Во-первых, он есть природный индивид, чьи психические свойства обусловлены изначально генетически, структурой мозга и тела. К таким природным элементам относятся возрастное-половые, конституциональные свойства, органические потребности, психофизиологические функции мозга, интегрированные *задатками и темпераментом*. Их развитие подчиняется генетической программе, развертка которой опосредствуется факторами природной и социальной среды, собственной деятельностью и поведением человека, его воспитанием. На природной основе возможно формирование личности – человека как социального существа, члена общностей, субъекта социального поведения, объекта и субъекта исторического процесса. В структуре личности Б.Г. Ананьев выделяет исходные объективные элементы – социальный статус, социальные функции в их ролевом оформлении, ценностные ориентации. Далее он выделяет элементы психосоциального уровня – структуру социального поведения и мотивации, а в итоге – характер. Вся структура личности пронизана объективными и субъективными отношениями и обобщает их. Обобщенные, практически усвоенные отношения в структуре личности предстают в виде черт характера. Таким образом, характер – квинтэссенция личности, ее психологическая суть.

Субъект – человек с точки зрения его производительных сил, его деятельности, активности. Он – производная от структуры индивида и структуры собственно личности. Если личность характеризуется отношениями и социальным поведением, то субъект, оставаясь личностью, характеризуется деятельностью и ее производительностью. Основным психологическим содержанием субъекта являются разнообразные потенциалы – способности. Здесь выстраи-

вается целая иерархия свойств, начиная от органической жизнеспособности, затем работоспособности, трудоспособности и кончая специальными способностями, объединенными в структуре таланта. Среди общих способностей особое место в теории Ананьева занимает интеллект. Его он рассматривал как ядро субъекта познания и вообще сознания.

Индивидуальность – вершина развития человека. Она есть хорошо организованная система всех свойств человека, отличающаяся их гармоничным сочетанием, сознательной саморегуляцией, саморазвитием, творчеством в разных видах деятельности и в жизнедеятельности на жизненном личном пути. Ананьев считал, что индивидуальность – закрытая система вследствие взаимосвязанности всех ее свойств, встроенная в открытые системы индивида, личности, субъекта. На уровне индивидуальности сознание приобретает новое качество и становится внутренним миром личности, относительно автономным от мира внешнего. Здесь совершается сокровенная работа личности по осмыслению действительности, планированию жизни и выработке ее стратегии и тактики. Во внутреннем мире в итоге множества актов осознания себя в разных жизненных ситуациях и событиях происходит становление самосознания и рефлексивных черт характера, ядерного образования «Я». Во внутреннем мире личности-индивидуальности идет душевно-духовное воспроизводство человека. Если другие формы человека (индивид, личность, субъект с их атрибутами) изучаются смежными науками, то индивидуальность как внутренний мир – собственный и нераздельный предмет психологии. Точнее, она его делит не с другими науками, а с искусством. Но эти две сферы познания идут разными путями и не конкурируют друг с другом².

Свои главные – комплексные – исследования, затеянные на последнем, как оказалось, этапе жизни, Борис Герасимович мечтал завершить научным синтезом относительно индивидуальности. Ему важно было понять и научно объяснить, каким образом индивидуальность возможна, как она развивается и воспроизводит себя, преодолевая внешние и внутренние противоречия, возмущающие то и дело ее гармонию. Эта мечта не была полностью реализована – жизни не хватило. Но то, что сделал Борис Герасимович, вызывает восхищение.

Действительно, на пути к заветной цели Б.Г. Ананьев создал психологическую теорию ощущений и в целом психологии чувственного познания [2, 3]. Он выдвинул важную и перспективную идею о *сенсорной организации* человека, воплощающей целостность механизмов и феноменов чувственной сферы психики. В тридцатые годы психологи Института мозга

² Борис Герасимович много размышлял о б отношении научного и художественного познания человека, например, в своей речи, посвященной Ф.М. Достоевскому в 1971 г. (Психологический журнал. 2007. № 5).

им. В.М. Бехтерева под руководством Б.Г. Ананьева первыми в СССР начали заниматься вопросами чувствительности экспериментально. Ананьевская программа по чувственному отражению предполагала изучение всех без исключения модальностей ощущений. Особое внимание, задолго до того, как эта проблематика вошла в мировую науку и даже философию, он уделял древним видам сенсорики, тесно связанным с жизнедеятельностью организма, – вкусу, обонянию, осязанию, интероцепции, соматости. (Заметим, постмодернистская тематизация телесности произошла в философии позже.)

Ощущения изучались в связи с жизнедеятельностью организма, деятельностью субъекта и биографией личности. И в проблеме ощущений Ананьева интересовала личность, индивидуальность. В ощущениях Ананьев искал истоки личности и в то же время видел зависимость процессов чувственного отражения мира от структуры и истории личности. Чувственность начинается с ощущений, в них зародыш познания и переживания, без них нет полноты жизни. Они сами есть элемент жизни. В ощущениях Ананьев видел источник развития сознания и самосознания, более того, всей структуры личности. Творчество – результат актуализации всех потенциалов человека, включая в первую очередь способности чувствовать, непосредственно соприкасаясь с материальной действительностью.

В русле теории чувственного познания, а точнее, чувственности, проведены исследования по психологии отражения пространства и времени. От изучения элементарных механизмов пространственного различения до философского размышления о бесконечности и вечности – таков диапазон исследований Ананьева. Психика выступила как средство адаптации к пространственно-временным условиям существования организма и личности. Вместе с тем пространственно-временные параметры психических процессов стали рассматриваться как индикаторы состояний развития человека, сохранности его способностей вопреки естественному старению. Постепенно психология чувственного отражения сливалась в исследовательской деятельности ученого с психологией развития. Она, в конце концов, вобрала в себя все потоки исследований школы Ананьева, какими бы конкретными вопросами в ней не занимались.

Теория индивидуального психического развития Б.Г. Ананьева имеет антропологический характер и отличительно названа им *онтопсихологией*. В настоящее время этот термин «узурпировали» гуманистические и им подобные психологи (А. Менегетти, напри-

мер). У Ананьева он появился независимо от них в 60-е гг. и обладает иным содержанием. Главное в онтопсихологии, говоря словами Бориса Герасимовича, – «психологическое исследование бытия» человека как индивида и личности, а вместе с тем субъекта и индивидуальности. В онтопсихологии воплощен проект всевозрастной психологии (первая статья Ананьева об этом опубликована в 1957 г. [1], а также психологии жизненного пути, или биографической (психобиография)³. В лаборатории Ананьева были осуществлены объемные исследования возрастной и индивидуальной изменчивости индивидуальных характеристик (психофизиологических функций в большей степени), а также созданы психобиографии – истории развития обыкновенных современных людей. Биографические исследования впервые стали в повестке дня ананьевской лаборатории еще в тридцатые годы, когда он организовал лабораторию психологии воспитания и развернул работу на основе своей первой программы по характерологии. Тогда были получены сведения о закономерностях формирования характера школьников в микросоциальных отношениях повседневного общения в школе на базе тех или иных природных, индивидуальных их свойств. Понять развитие характера вне биографии личности нельзя. Характер – отражение социального бытия человека, обратная сторона его образа жизни в общностях.

Главное в онтопсихологии – нацеленность на изучение взаимосвязи природного и социального в целостной структуре развития человека. Зависимость жизненного пути от природных данных, от генетической программы перекрывается и видоизменяется под мощным влиянием социальной среды и социальной жизни (деятельности и социального поведения в первую очередь) личности. От личности и субъекта зависит творческое и даже физическое долголетие человека. Механизмы сопротивления старению Б.Г. Ананьев находит на микроуровне – в структуре психических процессов, а именно в *операциональном* и *мотивационном* их компонентах [5, 6]. Он указывает на парадокс завершения жизни человека, когда некоторые его подструктуры умирают раньше, чем сам человек. Ананьев открывает закон двухфазности развития психических функций. Первая фаза обусловлена фронтальным подъемом функций в период поздней юности – ранней зрелости благодаря достижению зрелости соответствующих мозговых механизмов. Вторая фаза – специализированная по сферам деятельности субъекта и зависит от качества самого субъекта и его деятельности. Потенциалы, накопленные и умноженные в предыду-

³ Приходится и здесь оговорить термин. Он ассоциируется с психоаналитическими трактовками биографий преимущественно великих исторических личностей. Но мы понимаем психобиографию (соответственно, психобиографические методы) как научное исследование жизненного пути с точки зрения материалистического научного представления о жизни личности как истории развития человека в обществе посредством собственной деятельности и социального поведения (Логинова, 2001).

щих фазах жизни, становятся основой для нового подъема вопреки естественному угасанию функций мозга. Можно продолжить ход мысли Ананьева: сама структура личности-индивидуальности выступает интегральным потенциалом развития разной мощности. Последнее зависит от истории развития, особенно от истории собственной деятельности и социальной жизнедеятельности в целом.

Решающая фаза развития – зрелость, зрелость. Там дается ответ – состоялся человек как личность, сумел ли стать индивидуальностью в ананьевском понимании этого слова или нет. Ананьев и его коллектив более всего занимались периодом зрелости. Возрастная психология зрелости многим обязана исследованиям ананьевской школы. Но сам Ананьев также понимал значение ранних периодов жизни для последующего хода развития. Он ставил вопрос о генетических связях между ранними и поздними фазами жизни, особенно между детством, зрелостью и старостью. Судьба человека закладывается в детстве. Надо прожить детство так, чтобы создать потенциалы на всю последующую жизнь. Такому детству, работающему на будущее, должна содействовать педагогика, способная формировать оптимальную структуру личности как потенциал последующего развития. Воспитание должно усилить жизнеспособность человека и содействовать его долголетию. Для этого оно должно быть природосообразным, человекомерным. Б.Г. Ананьев как антропологический психолог вслед К.Д. Ушинскому – автору великой книги «Человек как предмет воспитания» – разработал свой проект новой *педагогической антропологии* на основе теории целостного индивидуального развития человека [1–6]. Главная идея его педагогической антропологии как раз и состоит в управлении развитием на основе строго научных знаний в интересах самого человека и общества, ради продления и полноты индивидуальной жизни каждого человека, его счастливой самореализации. Эти и другие замечательные идеи о педагогической антропологии оформились в цикле психолого-педагогических исследований Б.Г. Ананьева пятидесятых годов, когда он возглавил НИИ педагогики АПН РСФСР. Они ждут своей дальнейшей научной разработки и практической реализации в воспитательной работе современных педагогических систем.

Онтопсихология Ананьева отнюдь не замыкает развитие человека в узком мирке сугубо частной жизни. Напротив он мыслил развитие в масштабе большого исторического времени, на фоне и в связи с событиями эпохи. Личность характеризуется им как современник эпохи и сверстник поколения, как свидетель и соучастник исторической драмы. Он ставил вопрос о влиянии на развитие таких событий, в ко-

торых человек становится то жертвой, лишенцем, то героем и победителем.

Сам Борис Герасимович обладал развитым чувством истории и умел быть с веком наравне. Он не стоял в стороне от великих событий XX в., разделен со своим народом все испытания, горести и радости, поражения и триумфы. «Чтобы пережить, надо, прежде всего, жить» – это его слова. Иначе говоря, чтобы стать индивидуальностью, самодостаточной и несколько обособленной от среды, от окружающих людей, надо прежде быть открытым миру, участвовать как можно полнее в событиях и делах вместе с другими людьми. Ведь главное богатство человека – в его связях с миром. Не будет этих связей, не будет подлинной жизни с ее трудом и борьбой – не состоится индивидуальность, истощится ее одаренность. Таков закон развития, познанный Ананьевым не только через науку, но и на опыте собственной трудной, но такой насыщенной, такой сильной и плодотворной жизни. Но для того чтобы так жить, надо знать, для чего жить. У Бориса Герасимовича изначально была сильнейшая потребность в познании. Эта потребность и стала ведущей на его жизненном пути. Он сумел своевременно понять свое предназначение и последовать своему призванию, что и обусловило великолепный расцвет его таланта, всей его индивидуальности.

Ядром индивидуальности Ананьева стала его концептуальная система – плод долгого пути познания. В ней переплелись собственно научные поиски и опыт социальной жизни. Биография настоящего ученого – это история, где трудно отделить личное от делового. Все шло в дело, т.е. в научное познание. Ученый – это особый тип личности, модус человека как познающего существа. Научный образ жизни предполагал и особую организацию семьи, где близкие не препятствуют, а содействуют главному делу жизни ученого. Борису Герасимовичу посчастливилось встретить женщину необычайной красоты, глубокого самостоятельного ума и высоких нравственных качеств, которая стала ему женой и помогла покорить вершины неизведанного, максимально состояться в науке. Борис Герасимович и Ольга Евгеньевна были выдающимися людьми, достойными друг друга. Забыть их невозможно.

* * *

Прошли годы со дня ухода Бориса Герасимовича из жизни. Судьба научного наследия этого ученого складывалась не просто. У него было и есть много учеников и последователей. Среди них такие известные талантливые ученые, как Б.Ф. Ломов, Л.М. Веккер, Е.Ф. Рыбалко, Е.С. Кузьмин, Н.В. Кузьмина, А.А. Бодалев и др. Каждый из них развил идеи своего учителя

в той или иной области психологии. Но никому не удалось подняться на те вершины целостного познания человека, которые завоевал Б.Г. Ананьев. Многим из идей этого ученого еще не пришел черед – настолько они опередили время. А то, что они достойны

жить и в новом веке, мы не сомневаемся. И каждый сам может в этом убедиться, если внимательно и сочувственно вникнет в труды Бориса Герасимовича Ананьева, постарается понять его индивидуальность и оценить его научный подвиг.

Литература

1. Ананьев Б.Г. О системе возрастной психологии // Вопросы психологии. 1957. № 5. С. 156–170.
2. Ананьев Б.Г. Психология чувственного познания. М.: АПН РСФСР, 1960.
3. Ананьев Б.Г. Теория ощущений. Л.: Изд-во ЛГУ. 1961.
4. Ананьев Б.Г. Проблемы педагогической антропологии: (Доклад на годичном общем собрании АПН РСФСР. 1966) // Советская педагогика. 1966. № 5. С. 27–37.
5. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968.
6. Ананьев Б.Г. Индивидуальное развитие человека и константность восприятия. М.: Педагогика, 1968 (в соавторстве).
7. Логинова Н.А. Опыт человекознания: История комплексного подхода в психологических школах В.М. Бехтерева и Б.Г. Ананьева. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005.
8. Логинова Н.А. Борис Герасимович Ананьев: Биография. Воспоминания. Материалы. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006.

B. ANANIEV – A MAN OF MARK AND A BRIGHT INDIVIDUALITY
N.A. Loginova (St. Petersburg)

Summary. The article discusses principal provisions of the anthropological psychology by B.G. Ananiev. The work reveals the significance of his theoretical research devoted to the psychology of sense perception, ontopsychology, and individual psychology, which integrate into the system of scientific conception of man as an individual, personality, individuality, and the subject of activity. The article reviews the anthropologic scale of his ideas and complex research programmes. It also shows the many-sided individuality of the personality of the scientist himself.

Key words: anthropological psychology, complex approach, individual, personality, individuality, ontopsychology, psychobiography.

«Б.Г.»¹ – ЧЕЛОВЕК НОЭТИЧЕСКИЙ

В.И. Кабрин

Впечатления, которые всегда со мной

Чем старше я становился, тем больше чувствовал потребность при чтении любой книги, особенно профессиональной, видеть фотографию человека, ее написавшего (хотя бы самую случайную). Я чувствую, как она дает мне точку опоры, реальный ключ к пониманию того, что хотел сказать автор, почему он хотел это сказать и для кого на самом деле он пишет.

В 1966 г. Б.Г. Ананьев был для нас, первокурсников, не просто ярким интеллектуальным лидером, он был живым классиком, и пристальный интерес к нему, конечно, естествен.

В его лице меня сразу поразила очень рельефное (слишком рельефное) сочетание интеллекта и воли, за которым позднее я почувствовал сильную укрощенную эмоциональность и открытую эстетическую позицию. Меня приятно удивляло, когда, читая лекции первокурсникам, при четкой структуре изложения он позволял себе как бы нечаянные ассоциации, очень меткие реплики в адрес конкретных музыкальных событий. На последней встрече Б.Г. с нами, уже выпускниками факультета психологии, мне запомнилась его мысль о том, что эстетические способности являются, возможно, центральными в структуре личности профессионального психолога.

С годами я и мои сокурсники смогли по-настоящему оценить его настоятельную рекомендацию – не читать на первом курсе учебники, а читать монографии, а на первый экзамен по психологии приносить не шпаргалки, а полезные книги. Мне кажется, что это отчетливо сказалось на своеобразной продуктивности первого выпуска факультета.

Каждый раз, когда я возвращаюсь к наиболее затронувшим меня его научным идеям, перед глазами несколько его ракурсов – живых и фотографических, где всегда – интеллект... эстетика... воля...

Идеи, которые не удается забыть

Принято говорить о глобальных незавершенных научных программах Б.Г. Ананьева. Я же хочу вспомнить идеи, лежащие в основаниях этих программ и до сих пор не дающие мне покоя.

Новый виток комплексного подхода (после классических проектов В.М. Бехтерева) в психологических исследованиях, инициированных Ананьевым, был уже в контексте модных тогда системного и кибернетического подходов, которые весьма успешно развивались его учениками в психологии. Поэтому

не выдерживают критики представления о том, что комплексный подход – это якобы недооформленный системный. В концепции комплексного видения психической организации человека Ананьев оставил завораживающие степени свободы в виде коррелятивных связей между на первый взгляд несоизмеримыми событиями душевной жизни субъектного, личностного уровня и событиями психофизиологическими, психомоторными и метаболическими; между сквозными тенденциями координации и субординации на разных уровнях – от органического до личностного и индивидуального. По сути, Ананьев предлагал оригинальную версию реализации в психологических исследованиях *холистического* подхода, выходящего за рамки системного и имеющего космологическое значение. Именно эта таинственная коррелятивность несоразмерного в многоуровневой организации душевной жизни человека позволила в свое время предположить и исследовать феномен транскоммуникации, на основе которого возможно научное исследование наиболее дискуссионного сейчас *трансперсонального* фронта человекознания, точнее, антропологической психологии.

Такой масштаб анализа был заложен в основе комплексного подхода, одним из аспектов которого можно считать отчетливо представленное в основной работе Ананьева ноосферное измерение, открыто ассимилирующее масштабные идеи П.Т. де Шардена и В.И. Вернадского. На основе этого можно было уже решиться формулировать идеи ноэтической психологии и говорить о психологическом универсуме человека ноэтического. В этом контексте появилась возможность рассматривать метаною как высшее духовное состояние человека в координатах научного, хотя и постнеклассического анализа, не подменяя этот анализ религиозными максимами.

Впрочем, масштаб психологического развития человека в онтогенезе Б.Г. Ананьев рассматривал в полном соответствии с современным холистическим подходом как целостное психосоматическое и нейродинамическое развитие в единстве двух контуров психофизиологического регулирования. Имеются в виду вертикальный (спинно-мозговой) и горизонтальный (межполушарный, или билатеральный) контуры. Идея трансформации и переноса в онтогенезе регуляторных функций от низших к высшим (межполушарным) подготовила новое понимание духовного развития человека в зрелом возрасте как развития незатухающего, восходящего, экспоненци-

¹ Так часто называли Бориса Герасимовича Ананьева его сотрудники и ученики в 60-е гг.

ального. В этом смысле данная концепция Ананьева созвучна ключевым идеям и гипотезам известных современных антропологов – Г. Бейтсона, Ч. Пирса, Р. Шелдрейка и др. Возможно, свою идею Ананьев подтверждал не только своей жизнью, но и смертью. Не исключено, что об этом знают не только врачи и близкие...

Сейчас уже многим, и не только профессионалам, ясно, что смелые идеи Ананьева опередили свое время и могут получить полноценное развитие только сейчас. Не упустить бы нам эту возможность.

Ананьев – человек, который после смерти продолжает становиться более живым, конечно, в ином, более совершенном нозтическом ракурсе бытия.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

ВАЛЕРИЮ ИВАНОВИЧУ КАБРИНУ – 60

19 сентября 2007 г. исполнилось 60 лет Валерию Ивановичу Кабрину – доктору психологических наук, профессору, заведующему кафедрой социальной и гуманистической психологии факультета психологии ТГУ.

Валерий Иванович родился 19 сентября 1947 г. в городе Ленинграде. В 1971 г. закончил Ленинградский государственный университет. Кандидатская и докторская диссертации его посвящены проблемам коммуникативного мира личности, транскоммуникации и личностного развития.

В.И. Кабрин является автором: транскоммуникативного подхода как постклассической методологии психологических исследований; метода моделирования коммуникативных миров (ММКМ); методики психосемантического графа (МПСГ); тренинг-теста транскоммуникативного состояния (ТТС); активного ноэтического практикума.

Указанные разработки представлены в 2 основных монографиях – «Транскоммуникация и личностное развитие» (1992), «Коммуникативный мир и транскоммуникативный потенциал жизни личности: теория, методы исследования» (2005), а также в коллективных монографиях: «Психологический универсум образования человека ноэтического» (1999); «Личность в парадигмах и метафорах: ментальность – коммуникация – толерантность» (2002); «Менталитет и коммуникативная среда в транзитивном обществе» (2004); «Коммуникативное измерение в психологической антропологии» (2007).

В.И. Кабрин – инициатор создания и первый декан факультета психологии Томского государственного университета, основатель кафедры социальной и гуманистической психологии, создатель и научный руководитель Интернет-лаборатории «Развитие исследований ментальности» (РИМ).

Валерий Иванович является ведущим авторских тренинговых программ в области гуманистической, экзистенциальной и трансперсональной психологии («Группа профессионально-личностного роста»; «Группа Встреч»; «Группа экзистенциального опыта»; «Группа ноэтического трансперсонального опыта»; «Развитие психологического потенциала профессионального успеха»).

Дорогой Валерий Иванович, коллектив факультета психологии и редакционная коллегия Сибирского психологического журнала сердечно поздравляют Вас со славным юбилеем и желают крепкого здоровья и самобытного творческого долголетия!

ИНФОРМАЦИЯ

ИЗ ДИССЕРТАЦИОННЫХ СОВЕТОВ

В Томском государственном университете решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобразования России от 30 мая 2003 г. открыт диссертационный совет Д 212.267.16 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по специальностям 19.00.04 – медицинская психология, 19.00.05 – социальная психология. Председатель диссертационного совета – доктор психологических наук, член-корреспондент РАО, заведующий кафедрой генетической и клинической психологии ТГУ Г.В. Залевский, заместитель председателя – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и гуманистической психологии ТГУ В.И. Кабрин, ученый секретарь – кандидат педагогических наук, доцент Т.Г. Бохан.

9 ноября 2007 г. состоятся заседания диссертационного совета по защите диссертации на соискание ученой степени:

доктора психологических наук:

И.Я. Стояновой «Прологические образования в норме и патологии» – специальность «медицинская психология»;

кандидата психологических наук:

Л.В. Аоргентовой «Представления женщин из неполных семей о лицах противоположного пола» – специальность «социальная психология»;

О.А. Пятковой «Динамика транскоммуникативных состояний личности в социально-психологическом тренинге» – специальность «социальная психология»

Т.Г. Ходжабагиянц «Динамические характеристики ментального пространства человека и их проявление в процессах вхождения в инокультурную среду» – специальность «социальная психология».

Ученый секретарь совета
кандидат психологических наук, доцент
Т.Г. Бохан

В Томском государственном университете решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобразования России от 30 мая 2003 г. открыт диссертационный совет К 212.267.08 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук по специальностям 19.00.13 – психология развития, акмеология, психологические науки; 13.00.01 – общая педагогика, история педагогики и образования, педагогические науки. Председатель диссертационного совета – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой управления образованием ТГУ Г.Н. Прозументова, заместитель председателя – доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, заведующий кафедрой генетической и клинической психологии ТГУ Г.В. Залевский, ученый секретарь – кандидат педагогических наук, доцент И.Ю. Малкова.

24 мая 2007 г. в диссертационном совете были защищены диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук: *А.Г. Щитов* «Педагогические условия использования информационно-коммуникативной технологии при изучении словесности в системе дополнительного образования». Научный руководитель профессор Т.А. Костюкова; *Е.А. Масяйкина* «Формирование информационной культуры субъектов образования в деятельности научной библиотеки вуза». Научный руководитель профессор В.И. Ревякина.

Ученый секретарь совета
кандидат педагогических наук, доцент
И.Ю. Малкова

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ФАКУЛЬТЕТ ПСИХОЛОГИИ

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Факультет психологии Томского государственного университета, Томское отделение Российского психологического общества, Томское отделение Российской психотерапевтической ассоциации и Институт супервизии и гуманитарной экспертизы ФП ТГУ приглашают Вас принять участие в Международной конференции «Психологическая супервизия в помогающих профессиях: современное состояние и перспективы развития», которая состоится в г. Томске 20–25 мая 2008 г.

Предполагаются следующие направления работы конференции:

1. История возникновения, современное состояние и перспективы развития.
2. Модели и концепции супервизии: «школьные» и «внешкольные».
3. Предмет и объектное поле супервизии.
4. Супервизия и родственные виды деятельности (психотерапевтическая, экспертная и др.).
5. Супервизия в системе подготовки и повышения квалификации психологов (и представителей других помогающих профессий).
6. Кто такой супервизор, кто может быть супервизором; проблемы подготовки и сертификации супервизоров.
7. Этические и правовые вопросы деятельности супервизоров в системе помогающих профессий.
8. Практика супервизирования на разных этапах профессионализации. Проблемы оценки эффективности.
9. Научные исследования в области супервизии.
10. Мастер-классы (семинары-тренинги, баллинтовские группы и т.п.).
11. Круглый стол: супервизия на перекрестке решения фундаментальных проблем отношения психологической теории и практики.

Ваши предложения по направлениям работы конференции, проведению мастер-классов и т.п. просим высылать до 1 ноября 2007 г.

К конференции будет подготовлен сборник материалов, тезисы в который в пределах стандартных требований и в объеме до 4 страниц просьба высылать до 31 декабря 2007 г.

К началу конференции выйдет в свет тематический выпуск «Сибирского психологического журнала». Желающих опубликовать в нем свои материалы просим высылать их в объеме до 10 страниц, оформленные согласно требованиям к публикациям в СПЖ, до 1 декабря 2007 г. в адрес редакции.

Наш адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, факультет психологии, кафедры генетической и клинической психологии. Залевскому Генриху Владиславовичу

Тел. 8382-529-580

Факс 8382-529-566

E-mail: den@psy.tsu.ru Сайт ТГУ: www.tsu.ru

НАШИ АВТОРЫ

Авилов Геннадий Михайлович, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий Кемеровского государственного университета

Белогай Ксения Николаевна, кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры общей психологии и психологии развития Кемеровского государственного университета

Богомаз Сергей Александрович, доктор психологических наук, профессор кафедры генетической и клинической психологии Томского государственного университета

Богомолов Александр Михайлович, ассистент кафедры общей психологии и психологии развития Кемеровского государственного университета

Борисенко Юлия Вячеславовна, кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры общей психологии и психологии развития Кемеровского государственного университета

Бохан Татьяна Геннадьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры генетической и клинической психологии Томского государственного университета

Бурлакова Ольга Павловна, медицинский психолог Томской областной психиатрической больницы

Вассерман Людвиг Иосифович, доктор медицинских наук, профессор, руководитель лаборатории клинической психологии Санкт-Петербургского научно-исследовательского психоневрологического института им. В.М. Бехтерева, профессор кафедры клинической психологии психологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Воробьева Наталья Анатольевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий Кемеровского государственного университета

Вяткин Бронислав Александрович, доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теоретической и прикладной психологии, директор Института психологии Пермского государственного педагогического университета

Ениколопов Сергей Николаевич, кандидат психологических наук, доцент Научного центра психического здоровья РАМН, руководитель отдела клинической психологии (Москва)

Жилина Эллина Вадимовна, аспирант кафедры практической психологии Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета, психолог Академической гимназии СПбГАСУ

Заборова Лариса Геннадьевна, старший преподаватель кафедры специальной психологии Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского (Чита)

Залевский Владислав Генрихович, кандидат психологических наук, доцент кафедры генетической и клинической психологии Томского государственного университета

Залевский Генрих Владиславович, доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, заслуженный деятель науки РФ, член Всемирной федерации психического здоровья, заведующий кафедрой генетической и клинической психологии Томского государственного университета

Кабрин Валерий Иванович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и гуманистической психологии Томского государственного университета

Клочко Виталий Евгеньевич, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии образования и педагогики Томского государственного университета

Козлова Наталья Викторовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры генетической и клинической психологии Томского государственного университета

Кравцова Наталья Александровна, кандидат медицинских наук, доцент кафедры клинической психологии и психосоматической патологии Владивостокского государственного медицинского университета

Красноярцева Ольга Михайловна, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии образования и педагогики Томского государственного университета

Курбацкая Татьяна Борисовна, кандидат психологических наук, доцент, заведующая отделением психологии Набережночелнинского филиала Казанского государственного университета (Набережные Челны).

Кыштымова Ирина Михайловна, кандидат психологических наук, доцент, докторант Иркутского государственного педагогического университета

Логинова Наталья Анатольевна, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии развития и дифференциальной психологии Санкт-Петербургского государственного университета

Логунцева Анна Евгеньевна, кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры генетической и клинической психологии Томского государственного университета

Лукьянов Олег Валерьевич, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной и гуманистической психологии Томского государственного университета

Малкова Ирина Юрьевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей и педагогической психологии Томского государственного университета

Медынцев Алексей Алексеевич, младший научный сотрудник лаборатории психофизиологии творчества Института психологии Российской академии наук (Москва)

Можейкина Людмила Борисовна, старший преподаватель кафедры психологии личности Новосибирского государственного университета

Муравьева Ольга Ивановна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности Томского государственного университета

Пенявская Анастасия Владимировна, медицинский психолог Томской областной психиатрической больницы

Портнова Алла Георгиевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и психологии развития Кемеровского государственного университета

Прозументова Галина Николаевна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой управления образованием Томского государственного университета

Ральникова Ирина Александровна, кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой социальной и клинической психологии Алтайского государственного университета (Барнаул)

Селезнева Алена Владимировна, аспирант кафедры социальной и экономической психологии Байкальского государственного университета экономики и права (Иркутск)

Семенова Елена Александровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Иркутского государственного технического университета

Серый Андрей Викторович, доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий Кемеровского государственного университета

Суховершин Александр Викторович, заслуженный врач РФ, главный врач ОАО «Санаторий «Россия», психотерапевт высшей категории, действительный член Профессиональной психотерапевтической лиги (Белокуриха)

Ткаченко Галина Андреевна, медицинский психолог отделения функциональной диагностики и госпитальной терапии Российского онкологического научного центра им. Блохина РАМН (Москва)

Тренькаева Наталья Анатольевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры генетической и клинической психологии Томского государственного университета

Трифоновна Елена Александровна, кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории клинической психологии Санкт-Петербургского научно-исследовательского психоневрологического института им. В.М. Бехтерева

Тудупова Туяна Цибановна, кандидат психологических наук, доцент Бурятского государственного университета, докторант Иркутского государственного педагогического университета (Улан-Удэ)

Тулбаева Дина Наильевна, психолог Центра оценки и развития персонала «Алекса групп» (Кемерово)

Федотов Алексей Валерьевич, аспирант кафедры теоретической и прикладной психологии Института психологии Пермского государственного педагогического университета

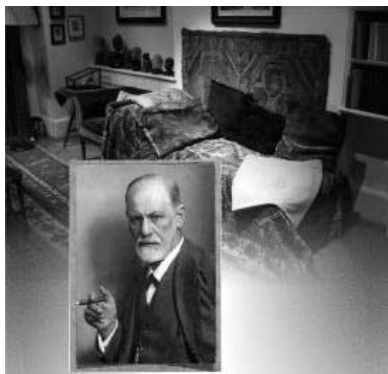
Хломов Кирилл Данилович, педагог-психолог Центра социально-психологической адаптации и развития подростков «Перекресток» (Москва)

Щелкова Ольга Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета, доцент, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского научно-исследовательского психоневрологического института им. В.М. Бехтерева

Яковлев Владимир Александрович, доктор медицинских наук, профессор кафедры клинической психологии Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова

Яницкий Михаил Сергеевич, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной психологии и психосоциальных технологий Кемеровского государственного университета

ФАКУЛЬТЕТ ПСИХОЛОГИИ ТГУ
кафедра генетической и клинической психологии

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПЕРЕПОДГОТОВКА
«ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ»

по программе высшего профессионального образования

«КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ»

Лицензия : Серия А № 166460, рег. № 7344 от 10.07.06.

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Факультет психологии ТГУ объявляет набор на профессиональную переподготовку «Психоаналитическое консультирование» по специальности «Клиническая психология». По окончании обучения выдается диплом государственного образца, дающий право на ведение профессиональной деятельности.

Во время обучения кроме основных теоретических дисциплин по специальности слушатели участвуют в семинарских занятиях с разбором клинических случаев, групповом психоанализе, супервизии и личной психотерапии. Большое внимание в программе уделяется становлению и развитию практических навыков (установление контакта и оформление диагностического заключения, выделение основных проблем человека и выработка стратегии психологической помощи), которые отрабатываются на базе медицинских учреждений.

Преподавателями образовательной программы являются сотрудники кафедры генетической и клинической психологии ФП ТГУ и представители сообщества «групп-аналитиков». Предполагается сотрудничество с профессиональными психоаналитическими организациями Москвы, С.-Петербурга, Иркутска.

Программа обучения составляет 1200 часов.

Основные базовые дисциплины: Общая клиническая психология; базовые теории и методы психотерапии; история развития психоанализа; психоаналитическая диагностика; психиатрия; психодинамическая психиатрия; психопатология детского и подросткового возраста; техника и практика психоанализа; психоаналитическая теория развития; психоаналитическая психосоматика, терапевтические подходы в детском психоанализе; психоанализ материнских конфликтов; психоанализ сновидений; техника юнгианского психоанализа.

Форма обучения: очно-заочная (вечерняя), 2 сессии в год по 21 дню.

Адрес: 634050, г. Томск, Московский тракт 2-е

Факультет психологии ТГУ, 4-й учебный корпус, 4-й этаж, ауд. 417.

Телефон: (3822) 529-580 (р), 529-566 (р),

89138461242 (сот.), Шемякина Татьяна Петровна

Электронный адрес: den@psy.tsu.ru; **сайт ФП ТГУ:** <http://psy.tsu.ru>

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В «СИБИРСКОМ ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ЖУРНАЛЕ»

1. Рукопись объемом до двенадцати страниц должна быть представлена в напечатанном виде на лазерном принтере в формате А4 (2 экз.) и на 3,5-дюймовой дискете в формате WinWord версии 6, 7, 97, 2000 или в формате rtf. Формат страницы А4; поля: левое – 20 мм, правое – 20 мм, верхнее – 20 мм, нижнее – 25 мм. Параметры абзаца: выравнивание по левому краю, отступ слева и справа – 0; первая строка – 10 мм; интервал: до и после – 0 пт; межстрочный – полуторный. Параметры шрифта: Times New Roman, кегль – 12 пт., интервал – масштаб 100%, обычный, смещения нет. Нумерация страниц с первой, кегль 12 пт., с установкой внизу, по центру, отступ от края текста до нижнего колонтитула – 1,25 мм (по умолчанию). Автоматический перенос выключен. Нумерация строк и абзацев, установка маркеров – выключен.

2. В начале статьи указывается ее название, затем полностью фамилия, имя, отчество каждого автора, место работы, ученое звание, степень и должность, адрес, телефоны, факс, адрес электронной почты (E-mail).

3. Ниже располагаются краткая аннотация статьи (3–4 предложения) и список из 5–7 ключевых слов.

4. В конце статьи помещается информация на английском языке: название статьи, фамилии авторов, аннотация и ключевые слова.

5. Все аббревиатуры в статье должны быть расшифрованы.

6. Текст должен содержать не более двух рисунков (графиков) и не более трех таблиц, которые в электронной версии расположены внутри текстового файла.

7. Список литературы должен быть пронумерован и расположен в алфавитном порядке. Его оформление должно соответствовать общепринятым требованиям. Литературные ссылки в тексте даются только в квадратных скобках. Количество ссылок не должно превышать 20 (за исключением обзорных статей).

8. При оформлении рукописи **нельзя** использовать табуляции, устанавливать свои стили абзацев (кроме принятых по умолчанию), расставлять автоматические списки (нумерации строк и абзацев), ставить двойные, тройные и т.д. пробелы между словами. Рекомендуется использовать только один тип кавычек (“ ”) или (« »). Необходимо различать дефис (-) и тире (–). Тире в WinWord набирается клавишами «Ctrl+-» (клавиша «-» – справа на клавиатуре, вверху) или Alt+0150 при включенной клавише NumLock. В тексте, в таблицах и в подписи к рисункам при записи десятичных дробей – ставить запятую (а не точку). Рекомендуется во избежание ошибок и опечаток проводить проверку орфографии средствами редактора WinWord.

9. Представлять электронные версии статей на новых (чистых) дискетах после обязательной проверки на наличие вирусов. Желательно обеспечить дублирование файлов на этой же дискете, но в другой директории. Допускается упаковка файлов архиваторами WinZip, WinRar последних версий.

10. При использовании дополнительных шрифтов необходимо иметь их копии на отдельной дискете.

11. Бумажный вариант должен быть подписан всеми авторами статей.

Внимание! Рукописи, оформленные с нарушением вышеперечисленных правил, не публикуются

Со всеми вопросами о публикации, размещении рекламы и приобретении журнала обращаться в редакцию по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, ТГУ, факультет психологии. Телефон/факс (3822) 52-97-10, телефон редакции (3822) 52-95-80. E-mail: den@psy.tsu.ru

СИБИРСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Главный редактор Г.В. Залевский

№ 26. 2007 г.

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет, факультет психологии,
редакция Сибирского психологического журнала.
Телефон редакции (3822) 52-95-80; факс (3822) 52-97-10
E-mail: den@psy.tsu.ru
Залевский Генрих Владиславович

Редактор К.Г. Шилько
Корректор А.Н. Гранкина
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки В.Ю. Мальцева

Подписано к печати 1.11.2007 г.
Формат 60x84/8. Бумага белая офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Ризография. Усл. печ. л. 26. Тираж 1000 экз.

Издательство «ТМЛ-Пресс»
634050, г. Томск, ул. Гагарина, 31, оф. 49
Тел. 8-3822-52-66-83